Максим
Макеев
Московское
боярство

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Исторические события не обошли строящийся город на Ладожском озере. Пришлось Сергею и новоявленным гражданам тоже поучаствовать в них. Но теперь наш современник не один, с ним его верные друзья, семья и преданные ему люди. И куда затянет героев колесо истории — ведомо только Перуну.

- Содержание
  -
  - Пролог
  - 1. Москва. Год 865
  - 2. Москва. Год 866
  - 3. Москва. Год 867
  - 4. Москва. Год 868
  - Интерлюдия

Содержание

Максим Макеев
Московское боярство

Пролог

«…И люди те зело странные, боевитые и мастеровые. Под нас идти не хотят, примучивать их — много воинов положим…» — писарь вопросительно посмотрел на своего молодого военачальника.

— Написал? — Олег засунул ногу в стальное стремя, — Если всё, пергамент тот в Новгород передашь, Рюрику.

Писарь, так он правда не назывался, а просто был воином, владевшим грамотой словенской, свернул листок чудного пергамента в трубочку и засунул его в деревянный пенал. Теперь пути его и остальной дружины расходятся — ему двигаться конно на полдень, в Новгород, дружина пойдёт на закат, к Ладоге.

— На Ладогу придём — надо будет подробнее отписать, — Вольга крутил в руках странно прошитую стопку не менее странного пергамента.

— Ага, если грамотного найдём, — Олег поправил шлем, — хоть каким письмом владеющего…

— А в Москве все такие… — осторожно добавил Вольга, — Я сам видел, пергаменты носят друг другу, читают и пишут. Даже мальцы! Называют ещё странно так его, пергамент тот…

— Бумагой его называют, — встрял разговор Златобор.

Домой он двигался в приподнятом настроении. Хороший торг получился в Москве, сани мытника были забиты приспособами для письма, что так порадовали отца в прошлый раз.

— Не, по другому… Как-то… «наряд», во! — вспомнил Вольга, наморщив лоб.

— То когда для работы. А так и указ может быть, и накладная, — мытарь потрогал стопку листков, лежащую за пазухой, — мне тех накладных вон дали, там расписано всё, что, кому, куда, сколько да печать стоит. И цены…

— Я думал, там всё — наряд, — Вольга пришпорил коня, — у них вообще странно. Седла эти, стремена да шпоры. Коней, главное нет, а сделали так, что теперь ездить верхом — одно удовольствие. Скажи, Олег?

Олег, услышав обращение к себе, вынырнул из раздумий. Кивнул, и опять погрузился в невесёлые мысли. Было о чём подумать молодому воину. Как отнесётся Рюрик к его самоуправству — непонятно. Он хоть и родич дальний, но ведь и правитель Новгородский теперь! Послал его Рюрик дело сделать одно, так вроде справился Хельг. Правда, не так, как думалось изначально. Результат будет тот же, что нужен князю Новгородскому, а вот как делать его станут… И кто… И на каких

условиях… Не много ли Олег на себя власти взял при переговорах в Москве? Не укоротит ли Рюрик родича на голову за такие дела?

Земли, на которых стояло боярство Московское, были ничейными. Корелы и Новгород не успели проникнуть в те места. Но Рюрик считал всё Приладожье своими владениями, о чём Олегу и сказал. И выходит, что сейчас на Новгородской земле стоит город, который не подчиняется новому конунгу словен да кривичей. И если Москву под руку брать придётся, то надо большой отряд собирать. А людей не дадут, не до того сейчас. Да и воевать с новым городом Олег не хотел, уж больно странное место. И даже страшное. Сколько воинов поляжет, чтобы москвичей под руку Новгорода взять? Сто? Тысяча? Три? Пять? Недавние события показали, что воинская сила за новым городом стоит большая. Да и стоит ли примучивать Москву? Ведь она и так урок Рюрика взялась выполнить. Да, не без выгоды для себя, не бесплатно, но ведь согласилась! И роту о том подписали, и богам клялись. Новгороду это, правда, стоило солидного куска земли, который теперь нельзя считать своим, так Олег договорился. И вот именно за это и переживал молодой воин. Как Рюрик посмотрит на раздачу владений Новгородских? Не осерчает? Не придётся ли опять под стены Москвы идти, но уже с отрядом большим? Ведь Олега на Ладогу поставили север земель Новгородских охранять, знать, ему с Москвой и решать всё придётся. Ладно, про себя решил молодой военачальник, доложу всё Рюрику, объясню, а там видно будет. Чего почём зря гадать? Олег чуть пришёл в себя, вернулся в мир, и начал вслушиваться в разговоры своих спутников.

— … Когда огонь полетел, я думал все, конец вам, — закончил мысль Златобор, — ведь говорил же, надо тихонько да с уважением! А вы всё — «сами, сами».

Мытник передразнивал Олега. Тот не обижался, уже и сам понимал, что сильно рисковали они при появлении у Москвы. Вон, тогда, на поле, хорошо что седло отстирывать не пришлось. Позору было бы — не оберёшься…

1. Москва. Год 865

Всадники построились в линию. Кукша не ошибся, их было ровно сорок человек. Да и сани присутствовали, они встали за конниками чуть поодаль. Несколько минут я рассматривал «гостей». Ну что, надо обозначить позиции сторон перед битвой.

— Дайте рупор, — сказал я.

Подросток из числа санитаров принёс мне большую железную трубу.

— Кто такие? — спросил я в рупор у всадников, получилось достаточно громко.

— От князя Новгородского Рюрика! За данью! Вы кто? — раздалось со стороны строя конников.

— Опять!? — с сарказмом ответил я, и стал лихорадочно думать.

Что ответить эти военным? Город Москва? Россия? Княжество? Королевство? Империя? Вроде не тянем пока мы на такие масштабы. Тогда что получается, герцогство или баронство? Графство? Это, вроде, больше к Европе относится. Надо что-то местное, словенское, посконное. А, ладно, хрен с ним, была не была:

— Это боярство Московское! — крикнул я в рупор, — Хочешь дани — приди и возьми!

На этом переговоры закончились — строй конников стал шевелиться и начал выдвигаться в нашу сторону. Всадники потихоньку разгонялись. Мы с Кукшей и Ториром распределились по нашему строю, ждали атаки. Правда, как-то несмело воины наступали, робко даже. На стремительную конную лаву не похоже. Боятся? Нас напугать хотят? Хм, удачи парням, мы сами кого хошь до дрожи в коленках доведём. А это, кстати, мысль!

— Ракетницы приготовить! — вдоль нашего строя раздалось шевеление, Кукша посмотрел на меня удивлённо, — Делай как я! Огнемёты правого фланга на два часа, левого — на десять! Рано, рано, рано, рано… Ракетницами — огонь!

Я перехватил поудобнее ракетницу, направил её по касательной относительно линии всадников. Пы-ы-ы-ыщ! Пошла ракета. Пы-ы-ы-щ! Торир выпустил свою с другого конца строя. Если вы конь, и в вас летит комок огня, да ещё и с добавками в кудель «от Буревоя», самое разумное будет уйти от него. А учитывая, что ракета летит по касательной, лучше двигаться ближе к центру. Линия всадников начала сбиваться. Полетели ракеты наших командиров, в том числе со стены. Строй всадников замедлился, вместо аккуратной линии образовался

полумесяц, внутри которого кони и люди мешали друг другу.

— Огнемёты — пли! — скомандовал Кукша, понял он мою задумку.

Десяток тугих струй огня ударили по флангам конников, никого, правда, не задев. Однако строй всадников сбился, их наступательных порыв окончательно иссяк. Теперь — пара вишенок на тортик…

— Пулемёты — приготовиться! — крикнул я на стену, — Перед всадниками! Огонь!

С башенки запыхтел пулемёт. Перед уже изрядно сбавившей скорость толпой всадников взметнулись вверх фонтанчики выстрелов. Конники ещё замедлились. Ещё одна очередь — и они встали. С другого фланга тоже заработал пулемёт, Кукша там командовал, я рукой указал стрелкам на своём фланге направление огня. Короткими очередями с боков и по фронту мы сбили всадников в кучку, совершенно не пригодную для атаки.

— Гуннар! За ними ударь! — это уже Торир, тоже разобрался в ситуации.

Фонтанчики выстрелов позади всадников окончательно остудили пыл нападающих. Гуннар стрелял сверху, через головы конников, и даже, кажется, задел кому-то шлем, вон как мужик голову откинул. А когда у тебя над головой пули свистят — тут уже не до стремительной атаки. Всё, вояки залезли в нашу ловушку.

— Первый взвод — нале-во, второй — напра-во! По команде, пять шагов вперёд, марш! — Кукша взял командование в свои руки, ополчение разошлось, и в промежуток между копейщиками и арбалетчиками втиснулся Буревой.

Трактор деда издал протяжный гудок. Обеслав, пристроившийся рядом с Буревоем, тоже дал очередь перед всадниками. Теперь наша мышеловка захлопнулась. Всадники чуть заметались, но молодой властный голос привёл их в чувство. Ещё пара очередей, и всё затихло. Из толпы конников, держа меч у шеи коня, выдвинулся воин, одетый чуть лучше остальных.

— Я — Хельг! Дружинник Рюрика! Кто такие? Что на Новгородской земле делаете? Я тут от князя, вы теперь подо мной должны быть или проваливать!

О! Переговоры! Ну вот так бы сразу! А то лишь бы железками точенными махать.

— А хо-хо ни хо-хо? Силёнок-то хватит нас под себя взять, Хельг?..

Послышался гул за каменной стеной. Звук нарастал, это был рёв моторов наших тракторов. На поле практически влетели «Жеребцы», увешанные вооружёнными дорожниками и

торфодобытчиками. Хм, неожиданно, как они только успели? Но эффект от появления такой «механизированной» бригады был потрясающий! Вон, по-моему, даже у коней, на которых гости пришли, челюсти до самого снега упали. Не говоря уже о наездниках — те судорожно хватаются за какие-то висящие на шее амулеты. Всё, теперь можно вести переговоры. Через десять минут мы втроем, — я, Торир и Кукша — выдвинулись из нашего строя в сторону толпы вояк. Подошли ближе к всадникам и приступили к беседе.

— Я Сергей, Государь Российский, это мои люди. И земля моя. Новгородская — на полдень, дальше. Сами валите, пока целы! — традиционно для этих мест и этого времени, я обозначил позицию для дальнейшего диалога.

— Если не сложите оружие да роту не дадите Рюрику, мы вас всех порубим, а селище ваше сожжём! — не унимался Хельг, к нему подъехали два товарища.

— Торир, скажи ему что-нибудь, а то у меня опять сейчас дурь полезет — только проблемы от того будут.

— Ну ладно, — ухмыльнулся Торир, — Эй, ты там! Вошь Рюриковская! А ты знаешь…

Мурман не подкачал. Старый, опытный вояка. Обещание глаза, натянутого на пятую точку — самое малое что грозило этому Хельгу по словам Торира. Минутна двадцать затянулась речь вождя, с кратким описанием наших подвигов, последствий для новгородцев, так некстати пришедших под стены Москвы, и указанием места, где мы их хоронить будем.

— …И если ты, чурка завоёванная, хозяйство конское, тля ржаная, козлина тупая, — Торир умело мешал свои выражения с моими, из будущего, — не угомонишься, ломится тебе кича, срок светит, будешь баланду хлебать, ни один деловар не вытащит! Тебе вышка ломится вместе с уркаганами твоими! Турма пойдёшь — будешь там сидеть! Пока лоб зелёнкой не намажут!

О! А это уже он от Святослава набрался! Вот нет чем полезным меняться, синусы да косинусы вместе считать, они, блин, жаргон перенимают. Но и то хлеб. Вон, вояки стоят, кони их с ноги на ногу переминаются, я даже пару восхищенных голосов из толпы всадников после речи Торира услышал. Впечатлил мурман пришлых, создал неплохую почву для дальнейшей беседы.

— Переговоры! Переговоры! — из-за всадников вылетел мужик, что держался поодаль, возле саней.

— Ба! Какие люди! Инспектор! Ты, что ли? Недоимки и пеню брать пришёл? — я узнал подскочившего мужика, — А это что за спецотряд «Витязь»?

— Государь! Сергей! Погоди! — инспектор не на шутку заволновался, — Сейчас подойдём!

Златобор подскочил на коне к троице всадников, возглавляемой Хельгом. Начались жаркие обсуждения, с маханием руками и отдельными, доносящимися до нас, криками.

— …Все ляжем!..Было уже!..С коней!

— Гуннар пусть слова инспектора подкрепит делом, — шепнул я Кукше, пасынок кивнул, и развернулся вместе с конем в сторону нашего строя. Красиво! Я так не умею.

Кукша замахал руками, какие-то знаки тактические, о которых даже я не в курсе. С башни запыхтел пулемёт. Фонтанчики снега описали аккуратную дугу вокруг четверых конников. Спор у тех замолк, через пару минут Хельг спрятал меч, слез с коня, передал его своим товарищам, и выдвинулся к нам в сопровождении Златобора. Мы даже с места двигаться не стали, только с коней тоже слезли. Пусть сами идут, чай не баре.

Подошли наши «гости». Златобора я уже знал, он был в наших доспехах, только без камуфляжных чехлов. Второй, Хельг который, оказался достаточно молодым парнем, между двадцатью и тридцатью годами ему было. Точнее сложно разглядеть из-за бороды и брони. Та, кстати, так себе, кольчуга, считай, одна.

— Златобор! Гад ты все таки! Мы к тебе со всей душой, напоили, накормили, а ты к нам этих гопников привёл! — я поздоровался с мытником.

Хельг про «гопников» не понял, но что слово то означает нечто обидное — осознал:

— Я от князя Рюрика, по его воле тут главным назначен, поручения его исполняю! Люди мы княжьи, а не эти… — Хельг замялся.

— Гопники, — подсказал я ему, — а как по мне — так точно гопники. Пришли, оружием тут машете, даже не поговорили перед тем. Опять же, тебя Рюрик конкретно ко мне послал? Так и сказал, мол, найди Серегу и навешай ему там по первое число? — мои заржали, Хельг смутился, видать, угадал я, не было у него задачи на нас покушаться.

— Земля тут Новгородская, к Ладоге относится… — попытался наехать на меня Хельг, вот каждый раз одно и то же!

— Твоя земля Новгородская на Свири заканчивается, разве не так? Нет? Странно, у меня другие сведения. Но это сути не меняет — сюда ты дуриком полез, на шару ништяками разжиться, — опять у меня дурь попёрла, — Типа, наехать по беспределу, на счётчик поставить да рэкетом промышлять. И что-то мне подсказывает, что князь твой не в курсах про то. А значит, если людей своих положишь — точно по головке не погладит.

Я наседал на Хельга, по его реакции было понятно, что я прав. В принципе, ничего сверхъестественного не происходило, в это время везде так. Соберут бригаду, отправят на дело, ну там в селище каком дань собрать, или скидку вытребовать, после разорения населённого пункта. Если «бригадир» честолюбивый, удачливый да умный, то и задачу выполнит, и по окрестностям пошарит — вдруг что плохо лежит? Ну там деревня какая, или село, или вот Москва, например, бесхозная. Если удача будет на стороне дружины — под себя подомнут. А дальше начинаются варианты — или сами в захваченном селе сядут, мол, теперь мне и князь не указ, или к конунгу своему придут, или другому какому руководителю, скажут, проявил инициативу, расширил границу, всё для тебя, любимый государь! Нормальная вполне практика, даже в нашем времени такое бывало. А тут мне мужики про такие «способы ведения бизнеса» много рассказывали.

Так что сейчас ситуация для Хельга сложная. Про поручение он какое-то говорил, а значит, если людей положит, бригаду свою, то может и не исполнить волю князя. Удача сейчас явно не на его стороне. Вот Хельг и хмурится, думает, как выкручиваться будет. А у нас задача прежняя — пришлых отвадить, себя в обиду не дать да сделать так, чтобы с воинской силой больше в наши края не ходили. А с этим у нас намечаются проблемы. Назвать нашу Москву местом на краю географии — уже язык не поворачивался, что-то часто слишком к нам приходят… Всякие. А значит, надо или раздавать люлей всем встречным-поперечным, или дружить домами. Но для того, чтобы открытки на День Рождения посылать, бандероли всякие да на пьянки собираться, нужно границу владений очертить. Вон, с Лисом попробовали — не получилось, надо ещё пытаться, и лучше — на самом верху. Чтобы договор неотрекаемый был, чтобы заключили его с нашим государством от имени их государства, а не Вася Пупкин с Петей Лубкиным, как мы с Лисом.

Все эти мысли пронеслись в голове, пока Хельг переваривал мои слова:

— Значит так, военные, оружие — сдать, коней — расседлать, охрану мы вам обеспечим, потом группу ответственных товарищей направить для проведения дипломатических переговоров, не более трёх лиц.

Хельг посмотрел на меня удивлённо и возмущенно, мало что понял.

— Воинов разоружить, коней вон туда, будете дёргаться — пришибут, — перевёл ему Торир, и махнул Гуннару.

Очередь из пулемёта, пролёгшая между Хельгом и его вояками, оставила зарождающееся возмущение дружинника

Рюрика невысказанным. Я обратился к Златобору:

— Ты новеньким разъясни порядок, вас теперь много, мне тут шатания с мечами-топорами по территории не нужны. Спокойно сядете, никто вас трогать не будет. Сейчас людей за домиками пошлю.

— О! Это дело! А то мои уже замёрзли, — сказал, хлопнув себя по коленям Златобор.

— Твои — это с санями которые? — уточнил я.

— Ага, то отец прислал. Товар на обмен по вашей просьбе я привёз, — не стал кочевряжиться мытник и всё выложил.

— А это новость хорошая. Буревой, — я начал раздавать приказы, — пока эти не разоружаться, держите их на мушке, взводы пусть пока в оцеплении постоят. Тележку им привезите, пусть туда мечи да копья складывают. Да поставьте кого, чтобы проконтролировать. Как разоружатся — ведите их вон туда, в промежуток между каменной и деревянной крепостями. Туда же и домики щитовые везите. И колючку натяните, чтобы не разбежались «гости». Я всё сказал, выполняйте.

— Взвод! Ко мне!.. — начал командовать Кукша.

Хельг если и надеялся схитрить, или там убежать, теперь не мог никуда деться. Стройными рядами три отделения ополчения начали выдвижение вперёд, подгоняя его к своим всадникам. Дед на пулемётном тракторе держался чуть в стороне, чтобы держать на мушке пришлых. Хельг начал раздавать команды, сопровождаемые возмущёнными криками конников. Пара зуботычин и оплеух решили дело в пользу принятого решения — всадники стали спешиваться. Из ворот деревянной крепости показались три трактора, везущие домики, стройматериалы, инструмент. За два часа, под удивлённые, и даже более того — охреневшие, взгляды дружинников Хельга, наши прибили колючую проволоку между крепостями на значительную высоту, чтобы не было попыток перелезть стоя на коне. В этот лагерь привезли щитовые домики, и стали под конвоем отводить коней и новгородцев. На стенах крепостей показались пулемётчики и огнемётчики — организованный нами загон для «гостей» теперь простреливался насквозь.

Хельг с тоской наблюдал за деловитой суетой наших крепостных, за нашими с Златобором разборками с товаром, я это краем глаза наблюдал, пока радовался привезённому добру. Мытник притащил олово и свинец, причём много. На словах передал от отца благодарность за «канцелярку» и просьбу выслать ещё. По объёму — сколько сможем, ни больше ни меньше. Свинец он нагрузил потому, что олово всё выгреб с Ладоги, добил похожим металлом, он-то не знает зачем нам это сырьё. И так

сойдёт — на пояски для патронов запас будет. А то с такими «гостями» наши арсеналы грозят иссякнуть.

К вечеру лагерь для дружинников и Хельга был полностью готов. Окончательно добив народ, на стены установили скипидарные прожектора и привезли запас топлива для них. Лошадям припёрли сена, мужикам — тушёнки в банках да картошки в мундирах наварили. Картина стала теперь завершённая, даже в какой-то мере красивая. Страшной красотой. Больше всего это было похоже на концлагерь немецкий, как в хронике ВОВ показывали. Три деревянных вагончика на салазках, колючка по периметру, прожектора светят, разве что вышек не хватает с ЭсЭсовцами. Мне стало не по себе:

— Слушайте, мужики, — мы стояли на стене деревянной крепости и наблюдали за лагерем новгородцев, — надо бы как-то по другому сделать место для гостей таких вот. А то как будто концлагерь какой-то…

— Чего? — не понял меня Святослав.

— Да и так хорошо — от зверья защита, тепло, пожрать дали — чего не так? — не понимал меня дед.

В двух словах рассказал им почему мне не приятно на такое смотреть. Не то чтобы народ проникся, я сильно в подробности не вдавался, но подумать обещали. Тут наверняка сыграли свою роль стереотипы. У меня они есть, у остальных — нет, вот и воспринимаем по-разному. Ушли готовиться к утренним переговорам, Златобора отправили с санями туда же, за колючку, пусть на мозги Хельгу покапает. За время разборок с товарами для обмена мытник поведал мне предысторию их появления у нас в этом году, но без подробностей, так, на пальцах.

Под утро приволокли ещё одну бытовку для переговоров, в крепость пускать наших «гостей» я не хотел, меньше знают — крепче спят. Дремали, как оказалось, не так хорошо, как хотелось бы — сделал своё грязное дело культурный шок помноженный на вопли Златобора «я же говорил!». Всю ночь, как выяснилось, дружинники обсуждали события на поле, прикидывали, могли ли они одержать верх в битве. Особой популярностью пользовался шлем, в который угодила пуля Гуннара. Она застряла в железе и сбросила головной убор с хозяина. Хорошо, что ремешок был слабый, шея у мужика выдержала. Рассматривая пулю, наполовину застрявшую в шлеме, народ пришёл к одному выводу — непонятно. Хельг постановил дальше собирать информацию. Об этом нам поведал Златобор перед переговорами, в «дипломатическом» вагончике. Мы его чуть переделали за ночь, теперь стол в нем посредине стоит, скатертью зелёной накрытый. Да стулья из клуба притаранили, были там раскладные на случай

массовых зрелищ. Накрыли на стол, пяток бутылок с водой и настойкой, чайники с отваром да чуть перекусить, если разговор затянется.

Пришли на переговоры трое — Хельг, молодой мужик по имени Вольга, ну и вездесущий Златобор. С нашей стороны я, Торир, Кукша, Буревой, Святослав и Зоряна. Супруга за печатной машинкой сядет, малую давно уже сделали, она будет документы готовить, если что, сразу под подпись. Ну и запротоколирует встречу. Переговоры не задались с самого начала. Позиции сторон следующие. У нас вопросы — какого хрена вы тут делаете, как часто вас таких вот хитромудрых тут ждать, и как сделать так, чтобы вас тут больше не появлялось, по крайней мере, с намерениями железом махать направо-налево?

Хельг со спутниками в незнакомой обстановке потерялись сначала, всё на окна пялились да на Зоряну с машинкой. Потом главный дружинник собрал силу воли в кулак и ответил. Что делаем тут — не ваше собачье дело, чтобы больше не было — надо идти под Новгород и платить ему дань, а по поводу частоты появления — зависит от результатов сегодняшних переговоров. Хельг их видел так. По первому варианту мы покорно ложимся под Рюрика, он оставляет тут людей на прокорм и содержание, а потом пришлёт ещё, на смену и увеличение гарнизона. С нас — дань. Второй вариант — мы ни до чего не договариваемся, Хельг уходит, возвращается с большой толпой гопников, разбивает наше войско в пух и прах, и опять возврат к первому варианту — гарнизон на прокорм и дань. Других путей он не видел.

Мы посмотрели друг на друга, дед прокашлялся, и начал излагать нашу версию:

— Послушайте теперь меня, юноша, — это он на занятиях от меня набрался, — как дело будет происходить. Я сейчас выйду, команду дам — наши воины ваших издалека положат, и мы вас здесь прикопаем, чтобы никто не узнал.

— Вы что, в землю покойников закапываете, как ромеи? — после недолгого молчания встрял Вольга.

— Нет, но для вас сделаем исключение, — поведал ему Кукша.

— Мои воины и князя придут — отомстят, селище ваше огню предадут, — мрачно произнёс Хельг.

— Значит, яму рыть побольше сразу придётся, чтобы два раза не делать, — дополнил перспективу для дружинников Торир.

— Экскаватор только отвлекать на них, — щёлкая печатной машинкой пробурчала Зоряна, вызвав тем самым внимание к себе.

— Эта пошто тут сидит? Бабам не мес… — начал было Хельг.

— Ты не хами там, это жена моя, княжна по-вашему, получается. И сидит она за тем, чтобы когда более умные люди придут вместо вас, показать им, о чем мы тут говорили да как вы себя вели. Там, глядишь, и сговорчивее станут, — перебил я Хельга, пока он лишнего не наговорил.

— Если княжна, тогда ладно, прошения просим, не ведали того, — извинился за всех Вольга.

— Тогда слушайте другой вариант. Вы же нам два рассказали — вот наш второй будет. Я сейчас ОМОН позову, они слезогонкой да травматами твоих воинов в небоеготовое состояния приведут, потом следствие… Хотя и без суда вижу, мил человек, что твоей банде пятёрка минимум ломится, а тебе так вообще — «пятнаха», за создание организованного преступного сообщества и занятие рэкетом группой лиц по предварительному сговору, — у меня опять дурь лезет, не остановишь, — определим людей твоих на нары, будете чалиться. Лесоповал организуем, конвой, все честь по чести. Другие придут — …

— …Лесоповал расширять придётся, — добавил Святослав, — а там, за хорошее поведение — УДО обломится, век воли не видать!

— Вот-вот. Так мне как, прокурора сразу звать, или явку с повинной напишете? Незнание закона не освобождает от ответственности!

Хельг со спутниками натурально охренели. Один Златобор сидит с кислой миной, у него бизнес потенциальный накрывается и соответствующие прибыли. Вольга, оценив количество непонятных слов, сказанных между тем почти словенския языком, нашёлся первым и саркастически хмыкнул:

— Волхв, что ли? Знавали мы и таких, пуганные уже. Вон, мы с Олегом в селище одном бились, там тоже такие дерзкие были, всё смертью грозились. Да мы их конями потоптали — и вся недолга.

— Погоди, ты же вроде Хельг?

— И так можно, и так, — добавил грустный Златобор.

Хельг, Олег, волхвы, кони… Атас, мужики! Я знаю что это за хрен тут перед нами! Я радостно заулыбался:

— А скажи мне, Олег, волхвы те часом не орали о том, что смерть ты от коня своего примешь?

Воздух резко загустел в помещении, нависла угрожающая тишина. Хельг яростно посмотрел на Злаботора, потом понял, что мытник скорее всего не знал о давно случившихся событиях, потом на Вольгу — тот только развёл руками.

— А конь твой, тот которым ты их топтал, копыта, небось, уже и откинул? Мёртвый, поди?

Теперь уже мои товарищи на меня посмотрели как маглы на Гарри Поттера.

— Был… — выдавил Хельг-Олег, — Мёртв уже. Кто тебе сказывал?

— Да так, люди бают. — уклончиво ответил я, — ты, смотрю, парень-то умный, знаешь много, наверно, люди тебя по-разному называют. Вещим не зовут за глаза?

Все, гопников можно брать голыми руками, их руководитель недееспособен. Опять не сказал, а выдавил:

— В роду всяко кличут, и так тоже… Бывает…

— Ну раз ты такой умный, думай, Вещий Олег, думай. Голова затем и дана…

Повисло молчание, теперь уже тягостное. Чтобы не сильно много задумывались, я продолжил:

— Сам видишь, мы люди такие, знаем много. Как думаешь, если мудрость нашу тебе во вред применим — кому хуже будет? Мы слов на ветер не бросаем, Златобор подтвердит, и тебя за стол один с собой посадили не за тем, чтобы прикопать или по этапу пустить. Думай, зачем?

— Договориться хотите, — меланхолично уже произнёс Олег-Хельг.

— Вот-вот. Ты нас постращал, мы тебя тоже. Теперь пора и о деле говорить. Дани от нас, сам понимаешь, не дождёшься. В бою — только людей положим, твоих — целиком, сколько не придёт, моих меньше, но это тоже плохо. Так зачем нам такие проблемы? Ты тут на птичьих правах, земля тут спорная, Рюрик далеко, а похвалит он тебя за конфликт с нами или наградит — тут от результата зависит. Пока самое выгодное для нас — это вас разоружить и пешком по домой отправить. Сколько вас дойдёт — не ясно, но крови вашей на руках у нас не будет. А это значит, что и с князем твоим завсегда договоримся. Ну или мзду малую заплатим, и готово. Только вот тебе уже будет ни жарко ни холодно от того — скорее всего, там в лесу и поляжете.

Новгородцы ещё помрачнели, Златобор — тоже, видать, представил себе, как путь тот делать без саней и коня.

— Ты, мытник, не переживай, тебя мы в таком случае тут оставим, до лета. А там на лодочке и сплавишься потихоньку. С товаром, живой и здоровый. А ты, Олег, думай. За что князь поблагодарит — за войну на окраине, или за знания о городе новом, и, чем черт не шутит, договор какой о дружбе и сотрудничестве? Рота, по-вашему?

— Рюр… — начал было Вольга.

— Заткнись, — опустил его на землю Олег, придумал наверно уже, — что за рота? Договор? На каких условиях?

— О! Пошёл процесс! — довольно улыбнулся Кукша.

— Значит так, повторяю вопрос — какого хрена вы тут делаете? Обмолвился ты, что поручение князя выполняешь. Дык в чём суть его? Мы тут каким боком? Чего надо в этих краях Рюрику?

Хельг молчал, Вольга смотрел на него. Златобор, судя по выражению лица, и рад бы рассказать, но тяжёлый взгляд Олега его останавливает. Опять все зависли.

— Слушай, ну что мне, пытать тебя, что-ли? Сам подумай, ты не скажешь — у людей твоих узнаем, или сами додумаемся, — молчат, партизаны, ни слова не говорят, — ладно. Начнём, пожалуй, следствие. Вы пришли позже, чем обычно с Ладоги идут, значит, на Свири задержались — Златобор раньше обычно появляется. Дело у вас там было, судя по всему. И это явно не сбор дани. Отряд у тебя малый, был бы больше — ты бы и сюда их больше привёл, значит, или сопровождали кого, или на разведку. Разведка — не то, тише бы себя вели, а не кидались на стены, как оглашенные. Пришли зимой…

— По холоду-то что там, на Свири, делать? — мои товарищи включились в анализ происходящего, — Вроде летом проще, теплее?

— Лес валят зимой для стройки и на доски, — подсказал Буревой.

— Значит, деревья рубят… А почему там? От Ладоги далеко, там, вроде, своего леса хватает?

— Там хуже он, мелкий, а на Свири — высокий, сосны здоровые, — добавил Святослав.

— Значит, отправили тебя организовать заготовку леса. По зиме его срубить, а потом что? На дрова — нет, там размер без разницы. Строить из него чего?

— Если крепость — так тащить бы не стали со Свири-то. На ней сооружать — а смысл? На дома — тоже на месте хватает, — Кукша в блокноте рисовал схемы, как я его учил, — значит, что-то такое строят, что потом доставить можно и на Ладогу, и в Новгород.

— И лес им здоровый нужен, длинный, и много, иначе бы такую толпу в сопровождение не послали. Много охраны — много людей. По снегу, когда тот крепко встал, нагнали людей на Свирь, рубить брёвна… Златобор без вояк своих — значит, дань в этот раз не брали, работой народ расплатится. Да такой, для которой лес нужен и местные делают её хорошо. Чем там у нас на Свири промышляют?

— Лодки добрые строят, — подсказал Святослав.

— Хм, ну пусть будет так. Надо Рюрику зачем-то много

лодок. И надо не сейчас, иначе бы не Хельга послали с отрядом, а сами бы быстренько из того что есть нарубили. Лодки, значит…

— И впрямь, зачем ему? Вроде, дружина большая у него, должны свои быть, — Кукша прекратил писать.

— Видать, много дополнительных воинов нужно. Или та дружина, что есть, в поход собирается, а на новую лодки строят, — Торир почесал голову.

— Примем за основную версию. Хотя… С учётом того, что мы уже знаем, — я посмотрел на наших разведчиков, что ходили на Ладогу, — вот что выходит. Дружина у него большая, но некрепкая, ситуативная, многие в ней просто союзники временные — я опять посмотрел на своих товарищей, те меня поняли, закивали одобрительно, — значит, сел Рюрик в Новгороде, а те, кто ему в этом помогал, или покинуть князя хотят, или в поход пойти. А значит, его войско оскудеет скоро, надо новое готовить, и лодки под него мастырить. Людей-то, поди, в Новгороде набрать можно. А суда — имущество княжеское будет. Итак, воины в поход пойдут, для новой дружины — лодки строить станут. И много делать собираются. Вот Олега и отправили организовать производство, причём серьёзное. Иначе бы местными силами обошлись.

— В Москву не сунутся? — осторожно спросила Зоряна.

— Не, на нас если бы шли, так бездарно намерения свои открывать, как эти сделали, не стали бы. Значит, в другое место отправятся, где дружина сильная нужна и большая…

— На полдень двинутся, так богатые города есть, — добавил Святослав.

— Хм, на юг, говоришь? Слушай сюда, Олег… — я наконец-то посмотрел на новгородцев.

Те сидели уже не удивлённые, они просто о…ли от наших рассуждений. Даже Златобор. Ладно, попытаем счастья, пойду ва-банк. Историю этих времён я плохо знаю, из городов на юге мне один только и известен. Рискну.

— …Пойдет дружина Рюрика Царьград брать, — я подытожил наши рассуждения.

С грохотом упал складной стул, Олег вскочил из-за стола, глаза наполнены яростью:

— Про Царьград откуда знаешь!!?? — рукой Олег пытался нащупать меч, который лежал опечатанный в «концлагере».

— Волховство… — протянул Вольга.

— Ага, колдунство знатное, Логика называется. В Царьграде спросишь — греки-ромеи о таком шаманстве тоже в курсе. Сядь! — я резко и максимально грозно приказал Олегу.

Прогресс в отношениях наступал семимильными шагами,

Олег попытался примоститься на стул, не смог поставить наш складной, покраснел, ему помог Вольга.

— Хоспадя! Лодки! Всего-то! Я думал чего серьёзное, а тут… И стоило из себя Штирлица изображать? Тут ромеи не водятся, и от нас они про поход не узнают. Сколько лодок-то хоть? Десяток? Два? Сотня? Две? Меньше? — эмоции плескались на лице Олега, и в них читалось отношение ко всему сказанному, — сто ладей, значит, да человек по сорок-пятьдесят на каждой… Хрена себе! Пять тысяч? Вот это размах! Уважаю… Значит, точно Царьград, там больше вроде городов крупных таких нет, или я о них не знаю. Интересно только, когда пойдут? Новые лодки ждать будут? Или старую дружину отправят?

— Я думаю, старую, — Кукша смотрел на схемы в блокноте, — сам посуди. Чего её кормить да поить, пусть и мечом помашут. И дружина ополовинется, и добыча знатная будет.

От слов про «ополовинется» Олег и Вольга скривились.

— Значит, думаешь, Рюрик сейчас союзничков отправит в поход, а войско новое уже чисто себе собирать будет?

— Я бы так сделал, — цинично сказал пасынок, — тех, с кем союзы заключил, пока в Новгороде садился, в поход бы на пару лет отправил. Придут, кто уцелеет — а тут новая дружина, преданная лично Рюрику. И выбор есть у походников — или костьми лечь под Новгородом, или под князя идти. Выберут разное — и то хорошо, дружина новая опыта наберётся в бою, да и старая, из тех кто присоединится, тоже умения в копилочку-то добавят. Если под Царьградом не лягут, или по дороге не слиняют, на пути туда и обратно.

— Аскольд и Дир Рюрика не предадут! — на этот раз вскочил Вольга, — Они роту давали!

— Вот как хорошо что к нам Рюрик прислал молодых да дурных, — я обратился к моим товарищам, сознательно игнорируя новгородцев, — был бы кто по умнее — откуда бы мы узнали кто поход поведёт? А так ребята на эмоциях, всё сами, считай, и выдали.

Вольга потеряно глядел на Хельга, тот в его сторону даже взгляда не бросил. Златобор победоносно смотрел на обоих, мол, я же говорил.

— На другие вопросы ответ тоже ясен — никто целенаправленно сюда не идёт, все случайно попадают. Развернут производство лодок — чаще будут, вот по такому же сценарию. Пришли, поорали, какие крутые, получили люлей, поговорили, ушли. По вопросу же избавления от таких вот «визитов» — надо сейчас решить, — я посмотрел на Олега, тот уставил глаза в стол, и не поднимал голову, — хорош Ваньку валять, давай думать, как

жить нам дальше.

— Лось-то тут причём? — искренне удивился Святослав, он имя Ваня чётко с нашими лесными друзями ассоциировал.

— Лось тут не при чем, выражение просто такое. Имя Иван, кстати, распространённое должно быть, отчего у вас их нет — не знаю.

— На полдень есть, у тех, кто кресту молится, — тихо произнёс Вольга, — только Иоан говорят, или что-то похожее.

— Во! Значит, библейское имя-то. А я думал… Ладно, Олег, мы про вас все узнали, теперь меня слушай.

Хельг-Олег уставился на меня.

— С лодками — то твоё дело, решай сам. Это раз. По Рюрику да походам его, — я задумался, есть нам вообще дело до этого, — то не наша тема, пусть ходит, куда хочет. Позже решать будем. Отправит Аскольда этого вашего с Диром в края дальние…

Я запнулся. Что-то знакомое всплыло в памяти. На каком-то форуме в Интернете там, в прошлой жизни, разговор бы про Аскольда и Дира… О! Украина! Какой-то «хохлосрач» на глаза попался когда-то, там как раз князей тех полоскали. Мол, пошли на Царьград, а на обратном пути сели в Киеве. И вроде как россияне говорили, что захватили его, а украинцы — что сели, покрестились, и, мол, государство русское с того и пошло. Битва словесная была жаркая, поэтому на десятой странице превратилась в «сам дурак», и более смысловой нагрузки не несла. Форум тот я не дочитал…

— …В края дальние. Да не вернутся они, скорее всего, сами где-нибудь править сядут. Ты у нас Вещий, я тоже не лыком шит, потом проверим, кто угадал. Вот теперь и будем думать, как нам к всеобщему удовольствию ситуацию эту нашу решить.

Новгородцы сидели молча, два относительно молодых парня уже осознали, как опростоволосились, связавшись с нами да ещё и по собственно инициативе. Надо их как-то выводить из этого состояния.

— Зоряна! Подготовь документы, о неразглашении. Святослав! Помоги потом текст на словенском составить, рядом, мы так делали уже, — супруга застучала по клавишам.

Три копии, три почти одинаковых документа. Текст простой — мы, такие-то такие, обязуемся не разглашать услышанное на переговорах между Новгородом и Москвой, дата, подпись, санкции за нарушение (вроде «Разрази меня гром!»), поминание потомков и богов. Святослав перевёл на словенский, сунули бумаги на подпись парням. А те неграмотные! Кликнули какого-то типа в «концлагере», тот у них писать и читать умел. Прочитал, медленно и со скрипом, подтвердил текст написанного. Собрали

всех, пошли к Перуновому полю. Ну а куда ещё?

Шли большей частью молча, новгородцы разглядывали наши стройки, да и я залюбовался. Я с этой стороны давно на город не смотрел, не до того было. А сейчас — прямо заулыбался. Аккуратная, ровная стена с проёмами для ворот, башенки по углам, даже недостроенная крепость смотрится грозно. Глянул на Хельга-Олега. Тот тоже стройку рассматривает, но хмурится. Видать, прикидывает, как брать её, если что.

— Штурм планируешь? — невинно поинтересовался я.

— Ага… Ой! — Олег чуть не подпрыгнул от неожиданности и покраснел.

— Не парься, тут пока «колючки» нет и пулемётов, эта стена, считай, только от совсем дурных спасёт. Ведь главное в обороне — это люди, что защищают крепость. Ты такие стены строил? Или брал чаще?

— Было дело, — Олег чуть отошёл от «переговоров», — брал. Три раза, по стенам забирались да ворота открывали. Один раз тараном работали, вышибли дверь…

— То идиоты крепость делали, дураки. За воротами решётку надо, тогда тараном взять сложнее, — Кукша поддержал «светскую беседу», — а чтобы не лазили — колючку вешать слоёв в пять…

— …А лучше — вообще чтобы не подошли к стене, — к разговору подключился Торир, — вот мы, помню, на западе, на заходе, то есть…

По дороге растормошили новгородцев байками батальными и рассказами военными. Хельг с Вольгой тоже подключились, про свои походы рассказывали. Но осторожно! Ни мест, ни времени, ни состава участников не выдали, впрок учёба наша пошла. И быстро как сообразили, молодцы ребята!

На Перуновом поле новгородцев «добили танцем» — показали наших идолов. Все они уже в чугун одеты, блестят на солнце, переливаются. «Гости» прониклись — стали прям с уважением посматривать. Боги наши им знакомы, но такое богатое славище мужики видят впервые. Блин, надо всех сначала сюда водить, потом уже беседовать. Новгородцы поставили отпечаток пальца на документах о неразглашении, мы тоже оформили всё, правда, подписью и печатью. Затем Олег и его друзья повеселели, пред богами клятву мы дали, потомкам наказали за соблюдением её следить, значит, не растреплем по закоулкам. В таком благодушном настроении отправили их в «концлагерь», надо между собой порешать, что делать дальше.

— Про смерть от коня откуда знаешь? Там, — неопределённо махнул рукой Святослав, — говорили? В будущем?

— Ага, и про Аскольда с Диром, — я рассказал мужикам про легенду, даже Высоцкого спел, что вспомнил, — пойдёт этот Хельг-Олег щиты на ворота всякие прибивать, и довольно успешно. Если мы чего тут не изменили…

Собрались в актовом зале на совещание, надо понять, что дальше делать с новгородцами. Прикинули цифры, которыми оперировали на переговорах с Олегом — стало чуть грустно. Если Рюрик планирует пять тысяч рыл в дружину записать, значит, столько же примерно у него сейчас «лишних» бойцов есть. Их он в поход и хочет отправить. Прижмём пришедших новгородцев сейчас — направление удара может смениться, и вместо Царьграда щиты прибьют к воротам Москвы. Шансы на это у них достаточно большие — в данный момент долгой осады или серьёзного штурма мы не выдержим. А учитывая, что Новгород практически под боком, доставка подкреплений и перевозка войска у Рюрика даже много времени не займёт. Небольшая вероятность избежать атаки остаётся. Надо добиться, чтобы Рюрик не отступил от своих планов и спровадил дружинников на юг. Тогда появится некоторое окно возможностей. Пока старые бойцы уйдут, а новые учиться станут, у нас будет время подготовиться к противостоянию с Новгородом, коли таковое случиться. Дальше уже думать было проще. Чтобы Рюрик не отступил от своих планов, надо ему в них помочь! Причём так, чтобы и себя не обидеть — а то уважать перестанут, и в глазах Новгорода стать полезным союзником. Чай, не будет сразу никто резать курицу, несущую золотые яйца. Так и выиграем время. А там чего другое удумаем. Решение было принято — надо помочь Олегу выполнить его миссию в режиме максимального благоприятствования новгородскому князю. И ещё один момент надо с людьми Рюрика обсудить — вербовку населения. А то сунемся в следующий раз на Волхов со своей переселенческой программой, а нас «примут» в кутузку за беспредел. Этого хотелось бы избежать.

На утро собрали новгородцев для продолжения переговоров. Обозначили нашу новую позицию — мы хотим поучаствовать в создании лодок для Рюрика, помочь, по мере сил, не забывая про собственную выгоду. Беседа пошла веселее. Хельг-Олег раскрыл карты. Ему на почти сто лодок дали пять лет, и людей под добычу леса чуть не три сотни. Задача, в принципе, подъёмная, но только напрячься очень сильно придётся. Поэтому устно Рюрик, его дальний родственник, дал ему распоряжение — привлекать все доступные силы. Такими оказались в том числе и мы, изначально Олег нас на Свирь загнать хотел, но мы обломали его планы. Совещания с новгородцами заканчивались — начинались наши

внутренние. Мысль окончательно за неделю сформировалась, её и выдали Олегу.

— Мы предлагаем следующее — на финальном совещании я разрисовал большой кусок бумаги под схему, понятную даже неграмотным новгородцам, — со своей стороны Государство Российское и город Москва поможет тебе с лодками. Пять лет тут делать нечего — суда у вас типовые, мы тебе их года за два сделаем…

Вздох удивления, даже Златобор охренел от наших скоростей. И это он не в курсе ещё, что у нас даже верфи нет! Мы за неделю как раз прикинули, как нам её построить, проект лодки на черновую, под весельный ход, да сушилку здоровую для досок. Получалось, что первые лодки пойдут самое раннее по осени, а то и в следующем году.

— Первые мы по осени закончим, Олег, ты приходи, посмотришь, подойдут ли. Если нет — там и решим про переделки. Только приходи не как в этот раз, мирно в гости ждём. Лодки те бесплатными не будут, — Олег посмотрел хмуро, ему денег для строительства не давали, только людей — серебра не просим, не надо оно нам. То село, где корабли строить собирались, я так понимаю, от дани на пять лет освободил Рюрик? Вот пусть они не лодки делают, а продолжают платить мыто, но Москве. Причём только то время, что мы заказ Рюрика выполнять будем. Вот расценки на лодки наши.

Перед Олегом я положил табличку, на которой были нарисованы различные способы уплаты за лодки. Мы хотели поднять животноводство в Москве, потому собирались брать за суда коровами, козами, овцами и свиньями. Причём цены были сильно ниже привычных у словен — пяток молочных коров всего обходилась одна лодка по нашему прейскуранту. Там, на торге Ладожском, в несколько раз больше давали за судно военное.

— Это не всё, — в ответ на удивлённый взгляд Олега сказал я, — надо подписать соглашение о границах. Пока на на пять лет. Потом всё может поменяться. Ещё один договор будет, о невыдаче с нашей земли. Мы хотим, чтобы люди, которые к нам добрались, из края словенского да земли Новгородской, если они нам подходят, тут оставались, и вы их назад не требовали.

— Переманивать будете? — Олег самую суть ухватил.

— Не без того, — согласился я, — поэтому в соглашении напишем рамки, пределы, сколько мужиков с семьями мы сможем взять. Вдов с детьми я думаю так отдашь, если согласятся переехать, как и сироты, если есть.

— Так можно, — недолго подумав ответил Олег.

— Тебе выгода прямая получается, вместо пяти лет без дани с

села, что на Свири, всего два года убыток будет, — вставил свою лепту Лис.

— А если наши мужики из Гребцов тоже лодки сделают? — Вольга вступил в разговор.

— Гребцов? Село так называется? — переспросил я, Олег кивнул, — Да пусть делают, если хотите. Только за пару лет они не более двух десятков лодок сделают, сам знаешь. А так вы быстро сможете свой флот пополнить, да и дань с Гребцов в течении трёх лет, я думаю, не лишней в казне будет.

— А если лодки ваши дурные получатся? — спросил Олег.

Я заулыбался, мои соратники тоже:

— Не веришь, что за два года справимся? Твоё право. Предлагаю тогда роту подписать, о том, что до осени никто обязательств не несёт, кроме ненападения. А вот когда приедешь, товар лицом увидишь, там и будешь решать, стоит ли наши суда брать или нет. Так пойдёт?

— А если плохие или маленькие выйдут? — продолжал упорствовать Олег.

— Тогда дальше думать будем, о новых условиях и ценах. Теперь, значит, на Перуново поле пойдём, там договор подпишем, временный, первый. Потом — на фотографирование делегаций, потом — отдых, завтра у нас праздник, День защитника отечества, а после него поедете домой. Согласен?

— Так хорошо, — Олег встал, за ним его спутники, включая грамотного бойца, он всегда теперь присутствовал на переговорах.

Странно, но словам про фотографирование он не удивился. А зря! Подписали договор, пощёлкали нашим фотоаппаратом, и отправили в «концлагерь» новгородцев до утра. Наши мужики тем временем готовили место для парада перед крепостью — надо окончательно отбить у Олега охоту нападать на Москву.

Утром все новгородцы вышли первый раз из «концлагеря». На утоптанном снегу стояли наши войска, на наспех сколоченных лавках сидели дети и их мамы, те, кто не попал в ополчение и в армию вообще. Таких было чуть меньше трети от взрослого населения. Остальные «коробками» стояли на плацу, лицом к трибуне. Новгородцев разместили по другую сторону от неё, отдельно от наших. Те пребывали в недоумении, процесс, происходящий у них на глазах, был незнакомым. Я поднялся, и в рупор громкоговорителя, с кривыми хитрыми трубками, чтобы на все стороны было слышно, толкнул речь:

— Товарищи! Граждане! Сегодня мы традиционно отмечаем День Защитник Отечества! Все вы знаете, что Отечество наше — это люди. И защита его — это святая обязанность каждого

гражданина! И сегодня, как и каждый год, мы покажем, насколько воины наши и ополчение готовы к отражению любой немотивированной агрессии! — это камень в огород новгородцев, — Мы мирные люди, но наш паровой трактор всегда стоит в запасном сарае! И любой враг будет разбит! Победа будет за нами! Командование парадом — начальник штаба Кукша Первушевич! Принимает парад — министр обороны Торир Олафович! Прошу…

Мурман занял место у громкоговорителя, покрутил его — ему первый раз выступать таким образом, достал бумажку с текстом, прокашлялся:

— Парад! Равнясь! Смирно! К встрече государственного знамени — приготовиться!

Не как на 9 Мая на Красной площади, но тоже впечатление производит. Практически синхронный поворот головы туда-обратно, Кукша на коне, за ним — знамённая группа из Добруша и Обеслава, с красным флагом со звездой, серпом и молотом.

— Здравствуйте товарищи копейщики!

— Здара-зхдра-здра-хдра!

— Поздравляю вас с Днём Защитника отечества!

— Ура! Ура! Ура! — Кукша перемещается дальше.

— Здравствуйте товарищи снайперы… огнемётчики… пулеметчики… штурмовики… танкисты! — это Буревой на единственном тракторе с пулемётом, мы его пока не сняли.

— Здравствуйте товарищи воспитанницы! — о, это отдельная тема.

Задача — поразить новгородцев так, чтобы отбить охоту нас атаковать. Копьями да конниками их не удивишь, как и бабами воинственными мурманскими — такого тут хоть отбавляй, даже у словен. А вот сборная солянка разноплеменных девок из Института благородных девиц — самое оно. Поэтому три дня Держислав учил их ходить строем, им пошили одёжку парадную, со штанами, камуфляж типовой, да береты. Оружия не дали — и так грозно смотрятся. Суворовцы остались пока на трибунах, маленькие ещё. Пацаны не обиделись — про то, что такое парад они ещё не знали.

Кукша закончил обход, подошёл к трибуне, отчиталсяТориру, и занял место рядом с ним. Знаменная группа устроилась под ними, не входя на помост. Торир начал командовать:

— Торжественным маршем! По колоннам! — на линейных, по которым дистанцию определяют на параде, у нас тупо народу не хватило, — Первый на-пра-во, остальные — на месте! С песней! Шагом марш!

Все шли под одну и ту же песню, под Марш защитников

Москвы. Получилось торжественно, старались так сделать, чтобы каждая колонна или припев, или куплет проходя под трибуной Торира пела. Получилось не ахти как, но внушительно, особенно Буревой на тракторе в доспехах. Он завершал проход. Новгородцы, наконец, разглядели девок-воспитанниц во главе с Брунгильдой, прям перевозбудились, бедные. Причём, непонятно на кого — то ли на девок молодых, то ли на мурманку внушительную.

Парад закончился, начались брожения в коллективе. Но! Бардак был строго по определённому сценарию, мы три дня мозги людям компостировали как себя с новгородцами вести надо. Вроде помогло. Народ независимо общался друг с другом, радовались и делились впечатлениями от парада. Подходящих дружинников Олега приветствовали добродушно, но сдержано. Особенно наши девицы преуспели в таком. Вот от кого точно не ожидал. Нарисовался, значит, такой Вольга, подошёл к одной, вроде как познакомиться. А наша рыжая, одна у нас такая, аккуратно так волосики заправила под берет, носик чуть задрала, и мило так интересуется — чего изволите, разлюбезный сударь? И глазки так томно прикрыла, сама невинность. Все, Вольгу можно врагом не считать, стоит, молчит, рот приоткрыт, слюна течёт практически. И глазами только луп-луп, сказать ничего не может. Рыжая ему опять, мол, смущаете девушку, а вдруг вы мысли похабные имеете? Мы наблюдали за этим с супругой, ржали втихаря, всего несколько месяцев у нас воспитанницы, а как их жизнь в Москве изменила!

— Надо бы и нам такое сделать, — к нам подошёл Олег, — красиво получилось…

— Ну, как соберёшься, спрашивай — я тебе распишу как такое организовать. Ах да, ты ж по нашему не понимаешь… — я задумался, Олег засмущался, — ладно, приедешь осенью, я тебе «Азбуку» подарю.

— А что это у вас за бабы? — подошёл Вольга, Брунгильда уже увела воспитанниц.

— А это воспитанницы наши, мы их из плена взяли, да теперь вот обучаем.

— А если я выкуплю, вон ту, рыжую?

Над плацем мгновенно установилась тишина. Говорил Вольга громко, многие слышали. Услышали, и повернулись к нему. Новгородец покраснел, потыкался глазами в одного, второго, нигде, кроме своих дружинников не находя поддержки, и опять уставился на меня.

— Ты чего, с дуба рухнул? — Леда покрутила пальцем у виска, прижился таки жест мой, — Да у нас в Москве за такие

слова — и то по «административке» пойти можно! А если попробуешь — так и по «уголовке» залетишь! Живёте там у себя, как звери дикие, людей продаёте, где такое видано!

Народ тоже начал неодобрительно гудеть. Вольга предпочёл смыться, сверкая красными ушами.

— И впрямь не торгуете? — спросил меня Олег, в голосе его было одобрение.

— Да, по Закону не положено. А девицы те, как институт свой закончат, нашими гражданами станут. Мы их случайно выкупили, по лету.

— Это хорошо, Рюрик тоже не одобряет. Особенно своими торговать. А то были тут… Некоторые… — Олег задумался о чем то своём.

— Ладно, проехали. Вольгу успокой, да смотри! В следующий раз такое спрашивать только шёпотом и только у меня, а то и по шее получить можно. И остальным своим это передай. Пойдём в ваш «конц…», просто лагерь, там наши сейчас еды да выпить чуть принесут.

Новгородцев собрали в их загоне, народ бурно обсуждал парад. Привезли продуктов, прямо на улице столы поставили и устроились пировать. Выпили за дружбу, за взаимопонимание, и перешли к подаркам. Мы им подготовили за неделю конскую сбрую, пять комплектов. Ну там седла, уздечки, стремена и прочее.

Со этим вообще забавно получилось. Когда у нас появилась конница патрульная, я попытался тоже освоить езду верхом. Пару раз свергся с коня, присмотрелся к используемому для езды «оборудованию» и задумался. Как-то очень непонятно мне было всё это, седло мягкое какое-то, стремена-петельки. Начал вспоминать, какой в моё время сбруя была. А сколько раз среднестатистический городской человек в двадцать первом веке к тридцати годам ездит верхом? Ну, раза три-четыре, прогулки там конные и прочие увеселительные мероприятия. И сёдла да прочие ремни в моё время — небо и земля по сравнению с существующими. Сел вспоминать мой микроскопический опыт общения с конями. Нарисовал всё, что вспомнил из будущего о снаряжении лошадей. Попробовали потом соорудить. Седло первое сделали из фанеры толстой, да оббили заячьими шкурками, стремена штампованные, стальные, уздечки да прочие шоры с подпругами. Взгромоздился я на новое седло, закрыл глаза, прислушался к ощущениям своей пятой точки. Не то. Переделали. Вот так, опираясь на мышечную память моей задницы и формировали конскую сбрую. Сделали очень достойную вещь, по-моему, нам даже кони благодарны были. Вот

пять таких комплектов и подарили новгородцам.

А что ещё презентовать? Оружие — опасно, доспехи — делать долго, товар на продажу — не понятно, что их заинтересует, алкоголь в бутылках — у самих мало. Вот и выбрали нечто нейтральное, но вроде как воякам нужное. Попробовали тут же, на пиру обновки для коней. Лошади ржали удивлённо, Олег чуть ноги себе не переломал. Присмотрелись — ба! У него нога проскальзывает в стремени, не держится. Посмотрел на себя, на него — сапоги у нас разные. У меня каблук держит в стремени ногу. А обувка Хельга больше толстенные мягкие кожанно-меховые чулки напоминает. Подошва на зачаточном уровне, каблука вообще нет, правый и левые — одной формы. Пришлось гнать на склад, выписывать (!) на складе сапоги на дипломатические нужды. Дело с обновкой пошло веселее. Особенно когда портянки добавили. Олег влез на лошадь, поёрзал, привыкая, и… встал на стременах! Этим вызвал немалое удивление вояк, да и сам Хельг призадумался. Сел, опять встал, лук достал, натянул, заулыбался. Наблюдая за этой картиной, начал прикидывать, как они вообще коней тут используют в бою с привычной им сбруей. Этим во время пира и поинтересовался.

Забавно, но воины местные — не конные, ладейные, скорее. Лошадей используют для перемещений и по зиме в бою, с собой в поход кавалерию возят редко и не для всех. Потому и не сильно парятся конской сбруей. Да и бой на лошади — не таранный удар длинным копьём, а, скорее, вломиться в строй да тыкать по сторонам более коротким копьем-дротиком, который они сулицей называют. А конь в четыре копыта отбивается от наседающих врагов. Если он, конечно, боевой и обученный. Получается, основная сила в таком бою — это лошадь, а всадник так, коня копьём охраняет, чтобы не зарезали. Мечом верхом пользуются редко, не очень удобно, щитом — чаще. Про сабли народ слышал, но они достаточно редкие. Такое считают уделом степняков-кочевников, те что-то похожее на нашу сбрую вешали на коней и пользовались кривыми мечами. И то редко — о проблемах с упругостью местной оружейной стали я давно слышал.

Поговорили до вечера, подпоили чуть гостей и выяснили окончательно состояние Рюрика и его «бригады» в Новгороде. Если собрать всё, что за неделю удалось узнать, то положение нового князя у наших южных соседей было… неустойчивое. Но Рюрик при этом сильно порадовал! Он таки дождался пока слегка утихнут разборки в Новгороде, подсобрал ещё дружину, и пришёл по весне в город. Там навалял всем оставшимся «претендентам на трон», и… вернулся на Ладогу! Мол, уйду я от вас, злые вы. Вакуум претендентов на власть быстро заполнился кучей мелких

группировок, которые опять начали грызню. И вот когда новые претенденты ополовинились, и окончательно достали жителей и торговцев Новгорода, к Рюрику отправили делегацию. Опять за рыбу гроши — «земля велика и обильна, но порядка в ней нет, приходи, мил человек, править». И вот тут он начал переговоры об условиях своего правления! По итогу почти месяца дипломатии, Рюрик таки сумел выторговать себе прав побольше, а обязанностей — поменьше. Это привело к изменению самого статуса князя Новгородского. Если до этого искали скорее ответственного за оборону, да ещё и на птичьих правах, вроде возможности снять князя если не понравиться, выделять долю ему на содержание войска по своему усмотрению, и прочего, то теперь Рюрик объединил в своих руках гражданскую и военную власть — то есть суд, налоги, военную силу. Но пока только лично — на его преемников эти договорённости не распространялись. Зато теперь новый князь может начинать строить государство.

Но тут вмешались уже союзники, с которыми он шёл к Новгородскому престолу, точнее, как тут выражались, столу. Командиры дружин пришли к нему и вывалили свои соображения по поводу всех событий. Мол, собирал-то их он под добычу богатую и плату великую. А где и то и другое? Новгород брать не пришлось, грабежа не было, добычи — тоже. Остаётся плата. Рюрик с вояками союзными рассчитался, не обидел никого. Однако всё время серебро тратить на дружины, которые ему, по сути, не подчинятся до конца, не захотел. Предложил другой вариант. Точнее, два. Отряды союзников могут осесть его представителями, боярами, на земли новгородские. Ежели такое не устраивает, пусть тогда собираются и идут за счёт Новгорода в поход на Царьград. Боярами представителей князя я назвал, там слово на самом деле похожее, но не такое. По первому варианту решили действовать его два «брата». Брата названых, Синеус и Трувор, а учитывая род их занятий, они по факту не братья, а самая настоящая братва. Они сели к востоку от Новгорода, Синеус в районе Белого озера, и к западу — Трувор теперь обитает в Изборске, недалеко от Пскова. Сейчас то село, которое называли Псковом сгорело, и Изборск в том регионе вроде как столица.

Аскольд и Дир приняли предложение о походе на Царьград. Рюрик собирал для них продовольствие, оружие, доспехи. Поход назначен на это лето, как и уход братвы боярской на новое место жительства. На данный момент вся эта толпа находится в Новгороде, чем немало бесит местных жителей. По прикидкам, если попробовать перевести слова Олега про «рать несметную» и

прочие прилагательные в численный вид, получается, что бояре уйдут, забрав по тысяче-другой дружинников, Аскольд и Дир за собой поведут тысяч десять, а Рюрик останется в Новгороде с пятью тысячами человек. Вот ещё под пять тысяч ему лодки и нужны. Людей он вроде как в Новгороде набрать должен, из остатков разных группировок, боровшихся за власть. А это значит, что когда и если Аскольд с Диром вернутся из похода, изрядно уменьшившись числом, то Рюрик будет самый главный бугай в данной местности, и под себя их лихо подомнёт. Пять лет на строительство лодок — это как раз то время, за которое «походники» вернутся из Царьграда. Пока туда дойдут, пока пограбят, пока обратно — вот как раз и будет три-пять лет.

Для нас это значит пока только одно. Если у все наши задумки сработают, то ближайшие пять лет Рюрику не до нас будет. А если и заинтересуется он Москвой, то ресурсов больших не выделит на противостояние. Новгородских надо в узде держать, подати да дань собирать, неизвестно, как там у Трувора и Синеуса ещё будет. Может, и там помочь воинской силой и людьми придётся. Вот в таком режиме и будет князь Новгородский ждать возвращения Аскольда с Диром. На вопрос, почему так долго, под пять лет на поход закладывается, народ посмотрел на меня недоуменно и рассказал про волоки. Чтобы попасть в Чёрное море из Новгорода, надо руками (!) перетянуть лодки в двух местах — между реками Ловать и Западной Двиной, и между Западной Двиной и Днепром. Прикинув, сколько они будут туда-сюда гонять, время про запас да и на грабёж, получается как раз лет пять максимум. Ужас сколько времени уходит на войну в это время!

Посидели мы хорошо, за полночь только легли, увлеклись рассказами. По утру вручили фотоальбом с переговоров Олегу — тот чуть с коня не свергся, только стремена да каблуки помогли. Смотрел офигевшим взглядом на альбом, на нас, пытался вычислить художника, который смог там быстро нарисовать всё. Мы улыбнулись, достали наши комплекты того же дипломатического альбома. Тогда и остальные чуть не попадали с лошадей, пока шеи вытягивали, снимки-то одинаковые!. Есть от чего прозреть местным хроноаборигенам. Вот в таком охреневшем состоянии мы их и отправили домой, небольшой конный отряд москвичей их провожал до лёжки пограничника. Олег с товарищами к новой конской сбруе и обувке приноровились, к хорошему быстро привыкаешь, ходко колонна пошла. Замыкал её Златобор со своими санями, нагруженными бумагой. Мы помахали ручками и принялись за работу. Её теперь у нас много.

Чуть оклемались после уезда новгородцев — отпраздновали свадьбу Горшка и Веселины. Праздновали практически на весь город, тем более что я хотел под это дело закрепить новый праздник — 8 Марта.

— Сегодня мы празднуем жизнь, — сказал я во время своей речи, — жизнь, которая продолжается, несмотря ни на что. Разные трагические события не должны останавливать Жизнь. А кто даёт нам её? Правильно, наши матери, потом их дочери, сестры и все женщины мира!

Прекрасная половина Москвы покраснела в полном составе, приятна им такая интерпретация их роли в обществе.

— Много дел и забот нам предстоит, часто забываем мы о тех, кто жизнь нам нашу дал. А чтобы всегда помнили об этом — предлагаю каждый год в этот день приходить к своим матерям, дочерям, сёстрам и подругам, да с подарками, в знак благодарности за Жизнь данную и будущую! Отныне будет это Женский день — 8 Марта.

— Ура!!! — стройный хор женских голосов закрепил решение, молодые тоже поддержали.

— Да цветы не забывайте! А то что за праздник без цветов — пьянка да и всё! — закончил я речь.

После свадьбы закипела работа. Надо переделать планы, садить Кнута за проектирование лодок для Рюрика, да и вообще разобраться с накопившимся. У нас-то одновременно идёт смена экономики, стройка, и прогресс — дел невпроворот. Сели за перераспределение ресурсов. Акценты в свете последних событий чуть придётся сместить в сторону производства и обороны. Долго перетасовывали людей, технику, и вроде как пришли к необходимой конфигурации наших производственных сил. Три направления у нас выделялись как главные — металлургический завод, судостроительный, стена. После оформления всех необходимых изменений в виде документов, я задумался о том, что есть всё-таки какая-то карма, судьба, планида. Вот назвали мы с страну Россией. Казалось бы, не лучше и не хуже такое имя, чем остальные. Однако же, какая ирония — единственным проектом, которым мы пожертвовали ради трёх главных направлений, стали наши дороги. Опять останется Россия без нормальных путей сообщения! Надо было Германией назваться, может, автобаны сами бы как-нибудь проросли из земли. Про себя же я твёрдо решил, когда закончим со срочными делами, все силы бросим на дороги. Особенно сейчас, когда хозяйство наше модифицируется на глазах.

Смена экономики и прогресс шли рука об руку. Наши крепостные, услышав о новой системе мотивации, сначала, как

водиться, засучили рукава и стали перевыполнять план, причём все. Ровно на те двадцать процентов, которые возможны по новым правилам. Ну и получать премию соответствующую. К концу февраля все планы перевыполнены, народ только и работает, что руками. Потом пришла Агна с девками своими, ткачихами, и Обеславом. На суд общественности была представлена машинка для непрерывной выделки шлангов из ткани. По сути — закруглённый ткацкий станок с хитрым челноком. Плюс несколько бочек для клея и смолы. Нитки подаются через эти ёмкости, сразу покрываются связующим составом, а потом из них тянется непрерывный чулок. Если честно, то задание на это изделие, как и основную идею, Агне дал я, они её только доделывали, доводили до ума. Все задействованные получили премию, станок ушёл в производство, суля в течении года после его запуска солидные прибавки изобретателям. Теперь вручную не надо сшивать куски ткани, шланги стали чуть лучше.

Барышни Агны с премией на руках пришли домой, показали её мужикам своим, рассказали за что именно были награждены и сколько им ещё перепадёт после внедрения. Производительность труда у мужиков ожидаемо упала, народ осматривается по сторонам, думает, что бы ещё изобрести. Пошёл ручеёк мелких доделок, рацпредложений. Часть из них сразу шла в мусор, например, всякие там гигантские трактора, что сами всё делать будут, универсальные комбайны и прочее техническое творчество. А вот покрытие краской некоторых частей тракторов — пошло, ибо был расчёт по ржавчине, хоть и очень прикидочный, но был. Как и пневмоинструмент. Мужик тот, Кулибин местный, таки представил на суд общественности «гвоздезабиватель». Пока деревянную модель, сделанную с помощью Обеслава, но и то хлеб. Раздали премии.

До конца весны производительность труда то падала, то поднималась. Народ то бросался перевыполнять план ради премии, то зависал на минимуме в попытках что-то придумать. Как и рассчитывали, все поделились на три категории. Правда, изначальные мои разбивки пофамильные не оправдались, при начале процесса творчества народ сметливый, примеченный мной, отсеивался в простые исполнители, а вот от кряжистых, суровых, рукастых мужиков пошли вполне здравые предложения. Один так вообще у нас выделился. Пришёл ко мне с какой-то плошкой с белесой жидкостью, и начал рассказывать про то, что этим старинным семейным рецептом они всякие горшки с едой герметизировали на зиму. Я помял в руках эту субстанцию, охренел малость, и с криком «Резина! Резина!» побежал к деду. Потом спохватился, мужика чуть не за шкварник с собой

потащил.

Дед занимался «кухарством» со своими учениками в химической лаборатории. Они по прежнему смешивали всё со всем, пытались понять свойства, найти техпроцессы, грели, калили, лили кислоты и щелочи, охлаждали и выпаривали. Из полезных здесь и сейчас результатов был только мелко натёртый мох, который приклеивали к бумажке и засовывали в жидкости. Индикатор менял цвет в зависимости от щелочной или кислотной среды. Тоже дело полезное, мы в эту посевную все поля такой штукой промеряли. Теперь будем изучать, где лучше почва, по фактическому урожаю. Случайно, кстати, началось всё, с рассады. В одном горшке росла как не в себя, в другом — еле-еле. Пытались разными имеющимися реагентами понять, в чем разница, наткнулись на эту бумажку. Вот ей и мерили, по цвету, на глаз. По осени поймём, на какой почве что лучше растёт, да и будем искать чем исправлять грунт под необходимые растения. То есть, удобрения тестировать будем.

Дед тоже помял в руках кусочки белесого материала, вопросительно посмотрел на меня.

— Резина, Буревой! Я тебе рассказывал. Теперь много чего сделать можно будет получше да прочнее. Шланги, опять же, да и прокладки разные.

— А что смола не справится? И ткань? На многое тебе она нужна? — дед продолжал мять комочки, — Разваливается она что-то…

— Да на многое! — сказал я, и выдал список небольшой, листов на пятнадцать.

Под охреневшие взгляды деда, его учеников, мужика, продолжил:

— А вот чтобы лучше она стала — пробуйте её. Грейте, смешивайте, пытайтесь. Да свойства записывайте. Ты… — я обратился к мужику.

— Медведев фамилию дали, — мужик понял моё затруднение и представился.

И впрямь Медведев, здоровый да широкий дядька.

— Ты где её взял?

Дядька рассказал, мы приуныли. Это сок куста, какого-то Бер-Скелета. Причём брать его надо с корня. А это — расширять поля под многолетние растения, а значит — рубить лес. Да и ученики деда на новым материал смотрят с явным неудовольствием — им бы со старым разобраться.

— Короче, это — нужно. Могу приказ написать, — я рубанул рукой по воздуху.

— Пиши, да ресурсы не забудь выделить. А то у нас тут уже

заканчивается всё, — дед встал, и подошёл в крайнему ученику.

Тот со вздохом посмотрел на большущую записную книжку, в которую что-то заносил, на пробирки да склянки свои, и поставил плошку с резиной себе. Вот и мастер нашёлся. Медведеву — премия, всех доступных людей — на поиски кустов, деду — работа, а мне опять заниматься общественной жизнью. А она кипит…

Когда мы объявили подросткам о создании новых, школьных артелей, которые будут за деньги делать всякие нужные вещи да продавать их потом, дети сильно возбудились. Родители поворчали слегка, но дело вроде нужное, пусть осваиваются. В Москве начал расцветать подростковый капитализм. Игра «Монополия», фактически, только в живую.

Определили подростковым артелям участки работы. Туалетная бумага, канцелярские принадлежности, мелкое шитье да игрушки для детей. Сделали им места для работы, оборудование, определили время, сроки и цену на сырье, ценники на товары, пределы повышения и уменьшения цены. Дети разделились на группки, по две на каждый вид деятельности приходилось, для повышения конкуренции.

Самая большая «корпоративная» битва была в области туалетной бумаги. Она нужна всем, повседневный товар, а значит — ходовой. Две мастерских начали битву за потребителя. Сначала все делали и торговали бумагой по «госцене», без наценок. Причём часть народу вообще попыталась наделать для себя и умыкнуть домой. Хорошо, что быстро заметили да пресекли — за товары не плочено, вам зарплату из чего начислять? Начали хитрить — материала взяли на десять рулонов, на склад принесли восемь — «утруска» у них, видите ли! Первая драка случилась именно в этой «хитрой» артели — после всех подсчётов, оказалось, что денег они в казну должны, а не Москва. По-свойски, по-мальчишески, решили вопрос — двое с бланшами ходят, долг раскидали на всю артель.

Вторая группа много не мудрствовала, гнала поток по «госцене», продавала с рук на руки, и имела свои десять процентов прибыли, с учётом сырья, аренды и амортизации — у нас хоть и работают дети, но всё по-взрослому. «Хитрая» артель тоже начала гнать поток, а потом случился кризис перепроизводства. Две мастерских гонят под сто рулонов бумаги в неделю. По госцене. А людей взрослых у нас — чуть более трёхста человек! Накопился остаток на складе, прибыли упали. Сначала одна артель задрала цены, у второй продажи пошли. Снизили ниже госцены — у первой и второй убытки, долг растёт. Кризис.

Что делают нормальные пацаны, которым нет и шестнадцати, в таком случае? Правильно, идут бить конкурента. Бой был встречный, за почти достроенной каменной стеной, под покровом ночи. Бились, к слову сказать, в перчатках и каппах, без травм. Запасы бумаги на складе уменьшились — две артели за драку «сидят» неделю по «административке», выносят нужники и убирают территорию. Их допрашивает Добруш — у него сценарий остросюжетного представления на базе этих событий готовится. Вышли пацаны с «отсидки», задумались, и решили договориться. Первый монопольный сговор в Москве случился также под покровом ночи, а утром ценник на рулон взлетел на все максимально возможные тридцать процентов, причём у обеих мастерских стоимость оказалась одинаковая. Народ зароптал, но даже отеческие увещевания, при помощи ремней, не сдвигали цену вниз.

И тут на сцену выхожу я, на белом коне и весь в белом. В смысле, с ещё одной артелью, из более мелких детей, в том числе наших и мурманских, и выдаю на том же оборудовании на тех же условиях товар по «госцене». У «монополистов» паника — продажи пошли вниз, почти в ноль. Затоваривание склада, долг, из которого еле выпутались обе артели, опять растёт. У ребят депрессия, больше делом никто заниматься не хочет. Невзначай начинаю накидывать идеи. Вроде как между делом, но так, чтобы слышали. Мол, отрывается бумага неудобно, надо бы чтобы лучше рвалась, аккуратнее. Одна артель услышала, на бумаге появилась перфорация. Баланс между тремя артелями устанавливается в пользу бумаги с перфорацией по цене чуть выше государственной. Остальные грустят — даже мои в долги влазить начинают, и смотрят на меня недовольно, мол, чего нам не подсказал?

Подсказал, начали делать тоже с дырками. Пришла первая артель, «изобретатели» перфорации. У ребят обида — почему «их» идею раздали всем? Ткнул носом в Законы — там русским по белому написано, изобрёл чего — сдай в казну, за это выплаты небольшие со всех пользователей этой идеи тебе идти будут. А вы не оформили патент должным образом, вот и страдаете теперь.

Перфорированной бумага стала у всех, опять кризис перепроизводства. Но теперь мне «мои» тащат патент — документ на технологию пропитки бумаги ромашковым отваром. Зачем та бумага нужна я всем объяснил, для гигиены. Вот кто-то умный и догадался дезинфекционный раствор ромашки в продукт добавлять. Ну раз мы этой жидкостью мелкие раны обрабатываем от микробов, знать, и в бумагу её можно, с той же целью. Потекли перерасчёты. По выработке — у всех одинаковое количество,

качество — сходное, цена — почти равная, а по прибыли мои выигрывают, за счёт патентных отчислений!

Вторая артель тянет другой проект. Надо бы бумагу в какую-то более плотную упаковку помещать, а то сыреет быстро. Им — патент, сырьё, выплаты за использование технологии с других артелей, теперь ситуация чуть выправилась. Третья, по иронии судьбы та самая, «хитрая», сидит на бобах, работают в ноль. Тоже выкрутились — начали тубус делать, внутренний. Опять стабильные минусы у всех. А потом началось нечто странное. «Хитрая» артель, начала показывать маленькую прибыль! И уверенно так! Начались разборки, думали зарплату, зажимают. Оказалось, все веселее — они ширину бумаги уменьшили и вышли в плюс! Остальные под это дело тоже начали играться шириной и длинной рулона! Указом для артелей установили «госцену» по площади рулона, опять все загнивают без прибыли. Я решил, что самое время подлить масла в огонь, и объявил тендер на закупку бумаги для государственных нужд.

Пацаны наши не промах, начались подкаты с целью подкупа, обещания поделиться прибылями, упование на родственные связи и прочая коррупция. За что, собственно, опять на пять суток сели все, даже моя артель, третья. Каждый решил в дележе «вкусного» заказа поучаствовать. Отсидка помогла — тендер провели честно. Опять артели сидят по уши в долгах, тендер распределился по всем трём равномерно. Но пацаны выкрутились. На этот раз отличилась «хитрая» артель — я на бараках обнаружил расклеенные листки с довольно натуралистично изображённым процессом хм… использования туалетной бумаги. Две картинки, на одной мужик кривится весь и страдает, на другой — радостный такой, счастливый. И надпись — «Покупайте нашу бумагу!». Правда, в надписи куча «ашипак». Нашли художника, ему премию за рацпредложение и штраф — за неграмотность. Как раз в ноль пацан вышел — нечего тут «олбанский» язык распространять. А листок — тема хорошая, реклама — двигатель торговли.

Рекламными материалами, на которые уходил бюджет артелей, вгоняя их в ещё большие долги, покрылись все свободные поверхности в городе. Народу грамотного полно, рекламщики состязаются в творчестве, листки все веселее и краше. Даже додумались до «спама» — начали под двери квартир в бараках распихивать макулатуру. На этом, кстати, и прокололись — ту рекламу люди использовали согласно написанным на ней призывам, то есть в туалете, снизив ещё продажи туалетной бумаги у всех артелей. Опять кризис.

Он продолжался до тех пор, пока ко мне не пришёл

пятнадцатилетний руководитель «хитрой» артели, и грамотно, с расчётами, доказал мне (!), что работа артелей неэффективна, рынок — ограничен, и объем его — исчерпан. Я на радостях чуть ему премию не выписал, но вовремя спохватился и задал резонный вопрос. А кто вас в рынке ограничивает? Делайте что-нибудь новое — оборудование и люди есть, что мешает? Парень, Зайцев его фамилия, за характерную форму ушей, мысль переварил, и ушёл в задумчивости обратно. Через три дня я на кухне у себя заметил изменения — держатель с салфетками. Зоряна у «хитрой» артели их приобрела, они таки нашли новую нишу. А вслед за этим пришли девушки из столовой, мол, нужен госзаказ на салфетки, удобная штука. Я про себя ликовал, а остальные артели наоборот, паниковали. Пришла делегация, и завела разговор про то, что мол нечестно, неправильно, и надо делать как раньше, бумагу в рулонах, только цену поднять, а то прибылей нет. Отповедь моя длилась долго, пацаны ушли красные, как раки, но тоже начали смотреть по сторонам, искать новые рынки…

Это веселье, ребята всё-таки это как игру хитрую воспринимали, проходило на фоне продолжающейся стройки. Каменную крепость довели до состояния защитного сооружения, она опоясывала всю территорию будущей Москвы. Да, много ещё предстоит сделать — настил, крышу, колючую проволоку закрепить, облицевать кирпичом. Но главное — со трёх сторон город стал неприступным. Кроме как с озера больше неоткуда взяться противнику. Береговую же линию пока защитили временным сооружением из брёвен. Строители стены переключились на сооружение пристаней и набережных. Мы хотели сначала залить бетон, опоясать будущую гавань камнем, а только потом рыть котлован. Опыт был уже у мужиков большой, дело спорилось.

К концу июля у нас были готовы корпуса почти всех капитальных сооружений будущего судостроительного завода. Он включал в себя цеха сборки лодок, несколько штук, стоящих в ряд, канатный цех, парусный, цех оснащения, сушилки для леса, цех деревообработки. Ставь оборудование, под которое залили фундаменты, вставляй окна — и вперёд. На этом участке властвовал Кнут, я только общую идею подсказал. Она заключалась в организации сборочного конвейера, лодка должна последовательно проходить отдельные цеха, «вырастая» по мере продвижения по участкам сборки. Финалом этого пути должен стать сухой док. Для вывода же на озеро посудин пока рыли канал от заводи. Потом его осушим, остальную гавань, запланированную нами, сделаем. Сейчас главное суда для Рюрика

готовить.

Пуск металлургического завода прошёл без меня, не было времени ездить туда-сюда. Потому о таком грандиозном событии я узнал в довольно обыденном режиме. От Ближней пристани Болотного канала под вечер приехал «Бычок», нагруженный первой партией железа. Новый материала получился чуть другой, не такой, как в нашей домне. Металлурги пока только искали нужные режимы работы завода, испытывали торфяной кокс, экспериментировали с составами шихты. Единственно, что действительно радовало — объем производства. Тонны, не побоюсь этого слова, железа и чугуна шли с нового завода непрерывным потоком. Сперва сырьё да заготовки отправляли, а потом и на более дельные вещи перешли. Первой такой стали станины для станков судостроительного завода, литые, из чугуна. Я их только что не обнимал, какая радость всё-таки иметь прочное, тяжёлое основание под механизмы! Месяц продолжался процесс создания новых станков, на чугунной станине. Устойчивое, не деревянное и каменное основание — это большая точность, большая точность — повышенная производительность. Первый, винторезный станок мы комплектовали чуть не под микроскопом сделанными запчастями, но результат себя оправдал! У нас реально пошёл поток! Поток качественных, одинаковых болтов, запчастей, гаек, шайб, всего! Радовался я, остальные тоже ходили с улыбками на лица, ещё бы, такое дело сделали! Пуск судостроительного завода был назначен на первое октября. Дальше — заполняй сушилки лесом, пили, строгай, создавай лодки.

Не успели мы чуть-чуть. Уже и канал прорыли, и оборудование поставили, и проект лодки утвердили. Подвела пневматика. Обеслав с мужиком, который «гвоздострел» придумал, сделали сначала его, потом — дрель, потом — гайко-шуруповерт с разными насадками, и двинулись дальше. В порыве творчества не успели сделать само промышленное оборудование, но средств малой механизации стало у нас — мама не горюй! Вот и задержались, хрен с ним, с назначенным сроком, чай, уговорим Олега чуть подождать. Пусть доделают ручной инструмент, мужики его освоят, потом и за остальные станки примемся. Тем более, что с новыми дрелями да гайковёртами дело пошло сильно быстрее. Пришлось переделывать технологические карты, менять проекты лодок для Рюрика, с учётом возросших возможностей. Кнут ходит да на новую верфь облизывается, но тоже не торопит — когда ему Обеслав после очередного нытья по поводу сроков продемонстрировал новую пилу, такой себе пневмолобзик, корабел прозрел. А когда к тому неподвижно стоящему лобзику

поставили стол распилочный, который по шаблону мог выпиливать одинаковые детали из досок и фанеры — Кнут сам пришёл, и заявил, что пока ему таких вот штук пять не сделают, он лодки сооружать не станет. Я был не против — возможности производственные открывались у нас просто фантастические, и небольшое упущения срока мы с лихвой компенсировали возросшей производительностью.

Вот в этот момент и пожаловали гости. Пограничник традиционно предупредил нас заранее, потому когда зазвенел колокол охранный, сделали такой на башне угловой, я не удивился. Но вот когда на стену залез посмотреть на вновь прибывших, не совсем понял, что вообще происходит.

— Вон, лается, зараза, да ворота ломает! — прокомментировал приход гостей Гуннар.

— Открывайте, собаки! Люди княжьи пришли! — внизу стены надрывался богато одетый мужик, в сопровождении десятка конников. Одного я узнал — это Вольга, остальные незнакомые, тоже разнаряженные, на манер кричащего мужика. Да ещё и пешие люди, штук пять, бомжеватого, надо сказать, вида.

— Ты, мил человек, ворота-то не ломай, они, чай, не тобой ставлены! — я крикнул голосящему мужику, — Чего надо? Вольга! Это что за перец?

Вольга мнётся, в глазах тоска, порывается что-то сказать, но косится на кричащего и молчит. Что-то не нравится мне это. Начали собирать и вооружать людей. Народ тоже не в восторге — тут работать надо, а их на дела военные отвлекают.

Открыли ворота, кричащий мужик влетел в них, и встал, как вкопанный. Он оказался со своим отрядом в окружении наших воинов, да ещё и Гуннар пулемёт свой с башни целит. Вольга увидел это, прям не уютно себя почувствовал, я со своего коня вижу.

— Вы что, совсем все тут!.. — начал опять кричать мужик, молодой достаточно, — Люди княжьи, а вы их копьями! А ну бросайте все, пока вас тут кнутами не забили! Эй ты, баба, а ну живо мне постель согреть да пива!..

Долго речь держал всадник, прям слюной брызгал. Зря, кстати, лучше бы по сторонам смотрел. Мы слушали с интересом, каждый со своим. Ополченцы — примерялись, как пришедшему половчее копьё загнать, снайпера наши — как хозяйства одним выстрелом отстрелить, я по шепоткам слышал. Буревой задумчиво смотрел, мол, где мы его хоронить будем, Кукша винтовкой в лоб целился, Торир, консерватор, мечом примерялся. Смеяна, это её он бабой назвал, живенько так интересовалась, можно ли его на опыты медицинские пустить. Я после их фиаско

с антибиотиками в шутку сказал, что, наверно, надо не на мышах опыты ставить, а на людях каких-нибудь. Вот она удила и закусила. Все на себе собиралась экспериментировать, еле отговорил. А тут на тебе — опытный образец сам в руки идёт!

— Вы все тут и меня землю жрать будете! Ты, козёл!.. — мужик ткнул в меня плёткой, — Главный тут? Князь про ваше самоуправство узнает — всех огню предам!..

Вот зря он это сказал. Как есть, зря. После этих слов оживился Влас, со своей пятёркой юношей, которые у нас были Госбезопасность. В мужика сначала полетели травматические деревянные пули, сбив его с седла, когда его всадники вскинулись было заступиться за командира — им тоже досталось. Вольга, правда, часть людей уберёг, закричал да отвёл половину отряда ближе к воротам. Там скромненько стояли те мужики пешие, что с кричащим товарищем пришли, всем своим видом показывая бренность бытия. Калики перехожие, вот что в голову пришло от их вида. После травматических пуль, под вопли разнаряженного «Да я вас… Да вы знаете кто я такой!..», Госбезопасность применила другие спецсредства. Зычно крикнув «Газы!», Влас и его соратники по «кровавой гебне» бросили чесночно-пневматические гранаты. Ополченцы и снайпера не растерялись, надели противогазы, мы — тоже. Отрабатывали ранее такой манёвр и такую команду. Вот тем кто в воротах — им не очень поздоровилось, кричат, орут, выбегать начали. Ну ничего, проветрятся — вернутся. А «гебня» начала свою работу.

Ребята тупыми копьями со специальными шипами, типа багров, вытягивали плачущих и орущих мужиков, вязали их и складывали в сторонке. Последним вытащили того самого кричащего мужика, который всё это затеял. У нас потери — конь вырвался, обезумев от чеснока, и кинулся на мужиков. Те удар сдержали, но пара переломов и сильных ушибов была, конь знатный, тяжёлый, боевой.

Через минут десять, когда все успокоилось, пошли к «каликам перехожим» да стали Вольгу искать. А Влас, наш доморощенный Феликс Эдмундович, занимался своими делами:

— Ты! За оскорбление представителя власти, в форме угроз, попытку организации госпереворота, оскорбление граждан России на территории России вооружённым лицом, организацию преступного сообщества, отсутствие гостевой регистрации, обвиняешься по статьям 58.1, 58.3… - и длинный список.

* * *

— Ты, ты, и ты, у кого оружие обнажено, обвиняетесь в участии организованном преступном сообществе по статье 242 УК России. Ты, ты — за преступное бездействие, по вышеизложенным статьям, согласно поправке 2 к статье 147 УК. Москвичи! — это Влас к ополченцам обратился, — Помогите их разоружить да перенести.

Наши мужики молчат, смотрят на Власа недоуменно, а он продолжает:

— По положению «Об органах Государственной безопасности» от 27 июня сего года, сотрудник Органов может при угрозе массовых беспорядков и служебной необходимости привлекать воинские части для помощи Органам!

— Помогите там, — Кукша отправил людей, задумчиво глядя на спокойного, как удав, Власа.

А я не то что задумчиво — у меня чуть глаза из орбит не повылазили! Хрена себе, воспитал Лаврентий Павловича у себя! Народ тоже в шоке, Влас смотрит на меня, улыбается.

— Влас, а когда это у нас положение такое образовалось? Да и статьи такие, я что-то не припомню, особенно про госпереворот и оскорбления…

— Законы читать надо! — пацан поднял назидательно палец, — Не далее, как в этом году, были приняты поправки в УК, согласно которым мы и работаем. Оскорбление — это Смеяну обозвал да и всех остальных, госпереворот, его попытка — это когда он князем грозиться стал, регистрацию в ОВД…

Я чуть с коня не упал от этих слов! Да, помню, приносила мне Зоряна что-то на этот счёт на подпись, но в запарке сильно вникать не стал, а вон оно как повернулось.

— …Он не получал, точно знаю. Значит, под арест, а дальше — суд установит степень, меру, глубину вины каждого! Разденьте их, от оружия освободите да в тюрьму волоките, что под водокачкой.

Я с окосевшим видом провожаю процессию, которая уносит связанных мужиков, народ после слов Власа даже плечи расправил. Вон у нас как, оскорбил — пожалуйте бриться! И независимо от того, кто такой, даже если залётный. Кстати, а кто это вообще?

— Стоять! Я сказал — стоять! — зашипел пулемёт на вышке, Гуннар открыл огонь.

Там-то что происходит? Вышли из крепости, а там

пулемётчик сбивает в кучу толпу всадников, что пытаются разбежаться по полю. Чеснока им мало досталось, отошли уже, пытаются убежать. А мурман им не даёт! Да ещё и Вольга слез с коня и зычно кричит, мол, руки в гору, сейчас разберёмся. Всадники притихли, слезли, железяки свои смертоносные попрятали. Мы подъехали к ним:

— Вольга! Это вот что сейчас такое было? Что это за хрен? Какого лешего вы опять тут безобразие нарушаете!?

— Не вели казнить, государь, — Вольга с поклоном снял шлем, — не своей волей, по княжескому поручению, лодки опробовать шли.

— А где Олег? Что это за бесноватый с тобой пришёл?

— Олег на Ладоге, время торговое, не смог прийти. А этот… Ну… Со Свири он, местного головы сын, Олег ему поручение дал за лодками сходить к вам, в Москву, да людей со мной дал. Остальные — его люди да корабелы, — Вольга махнул рукой в сторону «бомжей» в воротах.

— Хрена себе, заявочка! Ты-то вроде опытный уже, да и договор мы подписали, чего не остановил его? Мы ж по хорошему расстались, вроде…

— Да я… Ну кто я? Дружинник простой, а он — их знатной семьи! — Вольга чуть засмущался, — Он главный, получается, роду крепкого…

— Охренеть! Боярин он, значит… Этого мне ещё не хватало. Ладно, твои есть там, в крепости? Из тех, что Влас «принял»?

— Не, мои тут, там только его люди, да и тут, — он показал на трёх всадников, держащихся чуть отдельно, — тоже его.

— Ладно, работаем в обычном порядке. Сейчас вагончик вывезем, подождите. А чего корабелов пешком пригнали?

— Да тут, государь, — Вольга замялся, — они-то знатного… боярина, ты так его зовёшь, считай люди, в его селище живут, он их коней под свои нужны оставил, с телегой.

Из леса показалась телега с возницей, видать, задержалась в пути.

— Телегу — туда же, в лагерь, приведи себя в порядок и мухой ко мне. Корабелов мы, наверно, заберём у вас, а то что-то жалкие они какие-то, у себя пока поселим. Будем разбираться…

До вечера проясняли ситуацию. Дурдом там у них. Рюрик представителям местной знати, старостам, головам, воякам, князькам и прочему начальству, раздал нечто вроде боярства. Вроде как теперь это его люди. Этот хрен моржовый — из детей такого вот князька, что в Гребцах живёт. За год бояре власть почуяли, тем более что обязанностей у них теперь поменьше, а прав — больше, причём последние подкрепляются дружинами

Рюрика. А этот «сынок» ещё и как человек — полный навоз, если мягко сказать. Вольга по поручению Олега пришёл в Гребцы, мол, надо в Москву съездить, по договору нашему проверку работ произвести. Боярин местный, Болеслав зовут, сына своего, Венцеслава, и отправил с отрядом малым. Да мужиков-корабелов в помощь дал. А Венцеслав тот — мажор классический, я бы даже сказал, карикатурный. Хам, единоличник, пафосный придурок. Он с телеги барахло мужиков-корабелов скинул, нагрузил бухлом да едой, шатром чуть не золотом вышитым. Мол, невместно ему налегке ездить, пусть видят какой род его знатный да почётный. А топоры ваши да прочий инструмент — как есть грязь, которой рядом с моим вещами не место. Наглый, борзый, за ещё и пяток подпевал у него таких же. Задавил мажор Вольгу, мужиков, дружинников, понторез долбаный! Ещё и на дорогу вместо недели чуть не три потратили, пока бухали да шатёр тот раскладывали и собирали. Корабелов в чёрное тело, гад, загнал, вместо рабов использовал. Чуть что не так — плёткой бил. Хлебнём, чувствую я, горя мы с мажором этим.

Все это мне рассказал Вольга, козёл этот «благородный» нам ещё и поля потоптал чуть-чуть, крапиву попортил. Типа, сорняк, чего его жалеть. Корабелов определили к медикам, на осмотр да помывку, потом — на допрос к Власу. Конники остались снаружи, те, кто убежать успел. Там трое с Вольгой, ещё трое — со Свири, но не из подпевал мажора.

Пошёл на допрос к Власу. Он под водокачкой проводил следственные действия. Всех связанных сложили в камере, в которой Святослав сидел поначалу, оттуда по одному носили в допросную. Влас спрашивает, ребята его записывают. Подпевалы тоже мерзкие людишки, сдали своего «шефа» сразу, орут, что ни в чем не виновны, а он их всех заставил. Однако, в показаниях путаются, и Влас их быстро прижимает к стенке, да ещё и статьи «довешивает». Последним был сам мажор.

— Да вы знаете кто я!? Да вы знаете кто мой отец!? Да я вас, пыль дорожна, в порубе сгною! Кровью харкать будете! Девок ваших воям своим на потеху отдам да на полдень продам!.. — я как не попадал в девятый век, прямо, не меняются дурные дети властных родителей.

— Пиши, — Влас в полголоса диктует парню, определённому писарем, — Статья 265, угроза насилия, статья 267, угроза изнасилования, статья по торговле людьми…

Парень пишет, «мажор» себе уже чуть не на вышку наговорил. Я тихо хренею с добросовестности, с которой подошёл к порученному делу Влас.

— Мы вам символ сделаем. Щит и меч, защита

государства, — в перерыве между допросами сказал я Власу, — да форму специальную. И всем — значок памятный, теперь у нас 2 октября — День работника государственной безопасности.

— Да ладно, наше дело скромное, — писарь отложил перьевую ручку, — закон и порядок поддерживать.

— Ага, ваша служба и опасна и трудна, и на первый взгляд как будто не видна… — почти пропел я.

— А вот это мы запишем, — парень достал блокнот, — как там дальше?

Молодцы всё-таки ребята, хороших подручных себе Влас нашёл. Гимн теперь у них есть, а ещё надо будет бюджет выделить под спецсредства, кабинеты сделать, архив свой, секретку, первый отдел и прочее. Расписывал свои предложения по развитию службы, ребята вносили свои, и очень даже грамотные. Особенно про внутренние войска, для подавления таких вот событий, как сегодня. Ну, если масштаб будет больше. Про спецсредства отдельно проговорили, рассказал им про отпечатки, замеры разные, по которым людей определить можно, все рассказал, что в фильмах видел да книжках читал, своего опыта такого характера нет. Влас обещал ещё подумать. Мы, собственно, ждали на допрос корабелов, допрос конников, что в лагере, завтра проведём.

Но работяг из Гребцов не дождались, пришла Смеяна, мрачнее ночи. Уселась по-свойски на табурет, сказала что сегодня мы никого не увидим — они лежат у неё в лазарете, и она их не отпустит. Посбивали мужики ноги сильно да побои получили. Плёткой «мажор» одному даже руку то ли сломал, то ли трещину оставил, раны у всех и синяки. Влас оставил дежурного охранять пленников и пошёл с писарем опрашивать, какой уж тут допрос, корабелов. Теперь он их рассматривал как потерпевших и свидетелей, а не как соучастников.

Мужики лежали прямо в фельдшерской, на принесённых кроватях. Из отмыли, забинтовали, накормили. Все пятеро — не ходячие, вместо ног «валенки» из бинтов, да ещё по всему телу повязки. Роза за ними ухаживает, мужиков из крепостных напрягает насчёт ведра для туалета да подушек с постелями. У нас такого очень давно не было, народ прямо жалостью проникся. А корабелы те тоже, сидят, чуть не плачут, от отношения человеческого да жалуются на жизнь. Где их били, как их унижали, инструмент потерянный жалеют да лошадку в телеге, что из сил выбилась, пока барахло этого хмыря везла. Тут уже я отправил людей за конём, пусть в нашей конюшне побудет, там лучше, покормить животину надо да посмотреть, может, тоже раны какие есть. Влас начал опрос, говорил не так официально,

как со связанными, а уже больше с участием, молодец парень.

— …Если все подсчитать, включая траты гранат и отвлечение людей от работы, то ущерб своим появлением этот… Венцеслав, — имя «мажора» Влас почти выплюнул с брезгливостью, мы проводили совещание по поводу будущего суда, — нанёс Государству на сумму от двенадцати до двадцати тысяч рублей.

— А чего такой разброс? — Лис задумчиво рисовал на листочке.

— Я могу по-разному посчитать, от глубины зависит, включать или нет штрафы потерпевшим, и прочее, — Влас разъяснил позицию следственных органов.

— Влас, ты считай всё. Вот просто всё. Закон должен работать чётко, без всяких там толкований. Если его можно по-разному толковать, это не правило уже, а лазейка для всяких бандитов получается, — это я встрял.

— Тогда двадцать одна тысяча двести сорок рублей, наших, — уточнил Влас, — имущество этого хмыря, как ты его называешь, мы оценили в пять тысяч почти, с конем и шатром. Срок ему светит, по совокупности, до пятнадцать лет строго режима, и то, если адвокат хорошо отработает. Подельники — там по три с половиной тысячи с каждого, имущество как раз покрывает. Как подельники, могут пойти на срок до трёх лет. Правда, возможно условное наказание, но как им условный срок давать, они же к себе уйдут…

— Прокурор и суд дело принимают? — я посмотрел на деда, тот кивнул, — тогда самый главный вопрос — кто будет адвокатом?

Народ посмотрел друг на друга, добровольцев нет. Ладимир пообщался с корабелами, сидел мрачный:

— Я бы ему ещё накинул, какая уж тут защита…

— Ага, а я бы притопил — и поминай как звали, — Святослав тоже злой сидит.

— Проблемы у нас будут, — вступил Кукша, — если мы его сейчас осудим, с подельниками, то отец его с дружиной придёт…

Мысль эта приходила в голову многим. Не то, что страшно, но нарываться на неприятности не очень хочется.

— Рюрик ещё может дружину дать, его боярин, его обида, — Вольга подал голос, он присутствует на совещании представителем арестованных и представителем государства, княжества, к которым арестованные относятся, — побьёте дружину Рюрика — кровь прольётся, потом можем и не договориться…

Я встал и подошёл к окну. За стеклом в проёме наши мужики

суетились в старой домне. Трактор поехал к ним с углём, вон на стене часовой ходит. Из второй крепости идёт толпа школьников, на ремесленную практику…

— Может, штраф взять да отпустить, — осторожно произнёс Лис.

— Этого отпустим — другие придут, — тихо начал я, народ замолчал и прислушался, — потом ещё, и ещё. И что НАШИ люди скажут? Что если сила есть и власть — значит можно Закон обойти? Одного отпустим, мотивируя государственными интересами, побоимся битвы, он придёт с ещё большей толпой, почувствует безнаказанность. И ещё раз отпустим. Потом они тут поселятся, девок наших по постелям таскать начнут да мужиков бить плёткой — это тоже спустим? А потом, как корабелы те, под кнутом ходить начнём да поклоны бить? И мы, и москвичи наши? Отпустим — значит защитить не можем людей своих. Простим — и подумают они, а зачем им слушать нас да работать, если любой придурок с десятком всадников тут по-своему всё сделать может? Знаете почему они сейчас с нами все?

Я посмотрел на мужиков, те внимательно слушали.

— Они с нами потому, что государь их со старостой ведра выносят с парашей, если закон нарушили, — было дело, Ладимир чуть схитрил, я его прикрыл, Леда несостыковку выявила, и мы на пять дней загремели по «административке», — все знают, что Закон их защищает, и государь, и все мы их защищаем. А если мы свой же порядок нарушим — что тогда? Доверие потеряем. А после этого никто с нами дел иметь не будет. Разбегутся, благо есть куда, да и забудут про нас. И все из-за одного придурка и страха последствий за действия по Закону.

— Сейчас испугаемся — потом жизни не дадут, — добавил Торир.

— А Рюрик? Если его дружина придёт… — начал было Святослав.

— Если придёт хмыря этого защищать, просто потому что он тут типа «знатный» — вся и поляжет. Мы с Олегом договор заключали? Да. Вольга говорил, что Рюрик договор тот поддержал на тех условиях, да добро дал на остальное, — Вольга кивнул в подтверждение, — А значит, не имел права этот хмырь так себя тут вести.

— Да и пора бы уже и зубы показать, — начал Кукша, привлекая всеобщее внимание, — если мы с каждым договариваться начнём, силы за нами не будут чувствовать, такие вот хмыри со всех щелей полезут. Придут с войной — надо их тут и положить да всем о том дать знать. Тогда и силу за нами признают, и хмырей больше не пошлют…

— Верно, — поддержал я пасынка, — силу показать надо, не без того. Тогда делаем так. Зоряна! Ты ему адвокатам будешь! Не кривись, надо все правильно сделать. Буревой! Ты судьёй. Прокурор я, суд будет открытый, все пусть видят. Ладимр! Место подготовь и людям нашим сообщи. Суд будет через неделю, пусть адвокат подготовится.

— А лодки как? — уныло произнёс Вольга, чувствуя угрозу нашим договорённостям с Олегом.

— А их делать будем, мы своё слово держим. Этому придурку какое задание дали? Проверить исполнение договора. Он что тут устроил? Людей оскорбил, угрозами сыпать начал да плёткой махать. Каждый за себя отвечает у нас в Государстве, вот и он ответит, по Закону. Лодки корабелам твоим и тебе сдавать будем, с бумагами, на двух языках. Все свободны, военных и госбезопасность собираю у себя, позже, под вечер.

Народ начал расходиться. С Буревоем вышли вместе, шли молча до водокачки.

— Опасно, Серега, опасно. Ты не боишься с Рюриком-то враждовать?

— Не с Рюриком, а с дебилом залётным. Нет, не боюсь. Хочу я, Буревой, чтобы порядок наш остался, да никто со своим уставом не лез. Хочу, я, брат мой названный, чтобы дети мои и внуки, и их дети и внуки, жили в таком обществе, где каждый Законом справедливым защищён, работать может спокойно, не опасаясь врагов и власти, да детей растить. Чтобы каждый гордый был, и шапку с головым снимал только из уважения, личного, а не перед каждым уродом, который силу в себе чувствует. Чтобы каждый делом мог любимым заниматься и пользу приносить, зная что по трудам его воздастся, а не за положение родителей и родственников. Вот так как-то…

— И то верно. В «Трактат» такое внести надо… Доживём вот только мы до такого порядка?

— А на то богов воля есть. И от труда нашего многое зависит. Да и сейчас вон, посмотри вокруг… — мы шли мимо бараков с квартирами.

Кипела жизнь. Народ сновал с тракторами, тележками, по своим делам. Шли мы, я, государь, да Буревой, помощник мой первый во всём, а народ с нами здоровается только тот, что не видел ещё с утра. Шапки не ломят, головы не склоняют, кивнули или руку подали и пошли дальше. Работать надо, а не на коленях стоять.

— Государь! Поберегись! Пришибём, мать…… так! — чуть под трактор не попали, пока смотрели, — Хреналь вы тут стоите? Вон, тротуар же есть!

Тракторист удалился, ругаясь попутно, тащит иголки в ткацкий барак.

— Вот посмели бы так с тем хмырём говорить? — я улыбнулся, — Небось, плёткой бы уже зашиб, уважения требуя. А мне такое вот отношение, когда на мои ошибки каждый указать может, да не бояться того, вот — самое главное уважение! Нас сейчас мало, но каждый, — повторяю, — каждый у нас на вес золота, со своими мыслями, навыками, умениями. И хочу я чтобы Вовка мой жил также, чтобы люди сначала, а все остальное — потом.

— Ага, но и у нас тоже порядок наводить надо, — дед делано возмутился, — ишь чего удумали! На государя лаяться! Плетьми их да в поруб! А то чести попрание случится!

Дед встал в горделивую позу, дурачась, да шапку на манер короны натянул поглубже. Я заржал, потом — мужики и бабами вокруг нас, потом и дед прыснул. Нормально, так и надо, чтобы без пафоса лишнего.

— Всех сгною! Мужикам — постель мне греть! Бабам… Ой! Перепутал! — дед надрывался дурным голосом, пародируя хмыря, народ покатывается со смеху, — Воинов запрячь! Коней — напоить! Опять не то!

Так, со смехом и дошли до водокачки. Спустились, там чесночный дух стоит и половина ГБ собралась.

— Чего случилось?

— Да эти, — парень-писарь ткнул в клетку, снимая противогаз — мы их развязать хотели, а они давай кидаться, чуть решётку не выломали. Ну мы их того, гранатой успокоили.

В камере выли пленные, она у нас одна, те лежат в ней по углам, плачут да лаются. Слёзы пускают, уроды, не от осознания вины, а от чеснока. А ругаются так, что сейчас ещё на пару лет себе наговорят.

— Слушай меня, Венцеслав Болеславович, — я подошёл к клетке, хмырь посмотрел на меня зло и с выражением победы в красных от чеснока глазах.

Думает, я его по отчеству зову, ибо осознал какая важная птица передо мной, сейчас шапку сниму да на коленях умолять буду. Щаз!

— Ты и подельники твои предстанете перед судом. Через седмицу. Поручение князя своего ты не выполнил, да срок его выполнения сорвал, действиями своими. О том князю будет отдельно написано. Суд пройдёт — по его результатам срок получишь и штраф заплатишь. Отсидишь — потом домой уйдёшь. Я всё сказал.

— Да ты… Ты!!! Ты знаешь на кого… — ну и так далее, как

есть придурок.

— Отмойте их через неделю, пусть не воняют, — попросил я ребят из ГБ, те только ухмыльнулись, мол, не учи ученных.

— Парашу, дурни, опрокинули, вот и сидят… в своём, — сказал писарь, — несите шланг, сейчас мы хоть пол помоем…

Совещание с военными провели у меня дома. Собрались все, кто имел отношение к производству оружия, обучению, госбезопасности. Все были в курсе дела, но я обрисовал наше положение. Вероятность того, что к нам придут отбивать потенциальных осуждённых, весьма велика, да и Рюрик может включиться в процесс. Вдруг не внемлет нашим документам и доказательствам? К этому надо подготовиться. Срок у нас — до зимы, я именно тогда ждал гостей. Пока мы тут лодки Вольге, к которым ещё не приступили, покажем, пока он до Свири доберётся, пока там решат, что с нами делать — озёрный путь будет закрыт. Значит, останется «гостям» при любом раскладе идти по устоявшемуся снегу. А это — середина декабря. Итого, у нас чуть больше месяца на подготовку, выделку боеприпасов, дополнительные тренировки.

Суд состоялся вне крепости, на плацу нашем бывшем. Лавки принесли, клетку деревянную для подсудимых сделали. Народ собрался, включая прибывших всадников, занял свои места. Под конвоем вывели связанных пленников, Буревой в громкоговоритель объявил о начале процесса. До темна засиделись. Народ сначала молчал, потом, после моего выступления с описанием всех «подвигов» пришлых, начал роптать. Когда зачитывали свидетельские показания, от корабелов и Вольги, анонимно, чтобы не подставить их, народ уже в голос возмущался. Колоколом только часовой их смог успокоить. Народ требовал смерти! Вроде не кровожадные люди — но и их пробрало такое отношение к братьям-работягам и к себе. Зоряна, к чести, билась за подсудимых до последнего. Те только портили все ей, выкрикивая из клетки про родовитость, про то, как они всех тут по миру пустят да огню предадут, про приход войска несметного, которое нас всех убьёт. Это толпу только распалило — полетели всякие предметы в клетку. Влас вывел особо раздухарившихся людей, чтобы не портили процесс, да ещё и по «административке» впаял им по трое суток, за неуважение к суду. Народ теперь слушал, периодически кричал, но бросаться прекратил, да и орали не так громко. Вечером Буревой выдал вердикт — пятнадцать лет хмырю, по пять — его подручным, это при условии компенсации ущерба. Их имущество посчитали, учли, если остальное не компенсируют — будут сидеть до потери пульса. Есть, правда, другой вариант. Мы можем

экстрадировать хмыря с подельниками в Новгород, при условии полного возмещения материальных убытков Москве и штрафов. Но для этого нужно подписать с Новгородом отдельный договор. При этом дополнительно в материалы дело было внесено то, что своими действиями хмырь поставил под угрозу выполнение контракта на поставку лодок. Специально так сделали, если Рюрик правителем хочет быть — за такое карать надо жестоко.

Народ расходился, судача о процессе. Приговор всех в принципе устроил, со смертной казнью — это они сгоряча, сами потом сказали. Конвой отвёл пленных в новые камеры под водокачкой. Не пленные, заключённые уже, орали да грозились карами всякими, но на них только что не плевали, следствие хорошо вскрыло всю их сущность. Перед водокачкой их сфотографировали, добавили новые материалы в дела уголовные и в архив. Там уже были фотографии — мы побои корабелов зафиксировали, не пожалели ресурсов. Все четыре дела были объединены в одно производство, том был чуть не на триста листов. Теперь задача — перевести на словенскую письменность и дать Вольге, чтобы тот передал всё Рюрику.

С осуждёнными сплошная морока. На работы им «невместно», парашу за собой выносить - «невместно», прямо принцессы собрались. Вывели их под конвоем на отработку пайки — пришлось опять применять спецсредства. А как тогда штрафы они платить будут да на хлеб себе зарабатывать? Никак. Вот и сидят, долг растёт, хмырь орет, получает штрафы за нарушение режима да урезание стола. Ещё и новые долги делает. Нары сломал — в счёт включили, парашу разбил — туда же, из ведра того конвоира окатил — плюс моральный и материальный ущерб в сумму долга. Мыли их шлангом, не шли они на сотрудничество, трудозатраты на это тоже аккуратно вписывали в ущерб Москве. Попытка объяснить их положение не увенчалась успехом — слушать не хотят, про честь задетую всё орут. Я-то человек мягкий, даже добрый. А вот местные — не очень. Когда окончательно достали они наше ГБ, Влас собрал своих бойцов, нарядился в доспехи специально под них сделанные, и после очередного «косяка» устроил им «шмон». После гранаты чесночной побили палками гибкими, связали, да отправили в штрафной изолятор. Помещение без окон, вместо решётки — дверь железная, пайка — хлеб да вода, вместо постели на нарах — доски, там они неделю провели. После чего их вывели, помыли из шланга, врачи дали заключение о здоровье, перевязали раны да гнойники, что появились в ШИЗО, да и отправили обратно в камеру. Услуги врача, отмывку камеры, постели перестилку — все в долг включили, ибо нечего сидеть на шее у трудового народа.

Притихли чуть, сидят, зыркают, злобу копят. Мне это до звезды — сами идиоты.

С корабелами и Вольгой с остатками всадников дело иметь было куда приятней. Правда, работяги долго входили в ритм, так сказать. Их никто особо не удерживал в лазарете, начали чуть выходить на ногах своих пораненных. Одного встретил, когда тот в одних бинтах и тапках на ногах, в рубахе больничной, отбивая поклоны, чуть не каждому трактористу, пытался что-то узнать у людей. Ему показали на меня, мужик весь съёжился, шапку в руках мнёт, приблизился, чуть на колени не упал:

— Позволь надёжа князь, горемычному слуге твому, обратиться. Не гневись тока, не за ради… — блин, вот до чего общение с упырями людей довести может!

— Ты, мужик, того, с земли-то встань, чай не лето, да и вообще — чего бухаешься? Коленки тоже не казённые. Да и чувствую я, не пойдёт у нас разговор, — я показал рукой в разъярённую Смеяну, выбежавшую из лазарета.

— Больной! Больной! Леший тебя задери! Куда!? В тапках! По грязи! Полы у меня мыть до скончания века будешь! — мелкая не на шутку раздухарилась.

— Нам бы лапти, а то обувку сносили, — больной быстро заговорил, не забывая отбивать поклоны, — а мы тебе отработаем…

— Ты давай иди лечись, я чуть позже подойду, разберёмся с обувкой и прочим, — под белые руки Смеяна, ругаясь на чем свет стоит, потащила мужика обратно, — как зовут-то тебя?

— Силантием! — только и успел крикнуть мужик, скрываясь в двери.

Втроём, я, Кнут и Лис пошли к корабелам. Там разборки — за нарушение правил распорядка Смеяна грозится многолитровыми питательными клизмами, мужики под одеялами прячутся от малолетней фурии, только глаза печальные наружу торчат. Начали говорить с работягами о княжеском заказе. Их послали опробовать лодки и дать своё заключение об их качестве. Гребцов сказали с собой взять, но хмырь этот аспект проигнорировал, мол, на месте пусть выделят, в Москве. Идиот — где я ему возьму у нас людей на вёсла? С экспертной оценкой лодок проблемы, точнее — проблемы с экспертами. Они в рванине, босые, сносили всё да хмырь ещё помог, кнутом. Оформили их как представителей Заказчика, выписали им одежду, обувь, мужики клянутся отработать, иначе княжеское поручение не исполнить. Успокоили, всё на хмыря и его подельников в качестве долга висит. По словам врачей, им дня три ещё надо полежать, потом можно браться за работу.

Пришлось внутрь крепости пустить Вольгу. С корабелами они наблюдали за процессом заполнения канала. Ребята в лёгкой панике — цеха у нас крытые железной крышей, с окнами большими, длинные. Вся верфь состоит из нескольких участков, соединённых короткими рельсами. На них, на специальном постаменте передвижном, на первом участке крепят киль, балки к нему, потом передвигают и обшивают досками, смолят, потом — установка мачты и прочего внутреннего оборудования, затем — спуск на воду, и краном догружают остальное. Вдоль верфи, отдельным помещением с рельсами сделаны все производственные мощности. Распилка, сушка, металлообработка, канатный цех, парусный, весельный. Получается нечто вроде конвейера — одновременно собирать можно четыре лодки сразу, последовательно. Таких верфей тут не делали. Все под крышей, все оснащено пневмоинструментом, окна и большие скипидарные светильники позволяют чуть не до ночи работать. Цеха литые, из нашего бетона, с отоплением.

Мужики стоят, охреневают, один даже крестится! Опа! Ещё один христианин! Одна у нас есть, из воспитанниц, мы ей малую часовенку сделали на Перуновом поле, как и мини-синагогу, для другой девицы. Трактор с насосом подъехал к перегородке, коробу из брёвен, отделяющим канал от озера, и начал работу откачивать воду. Наблюдая за реакцией представителей заказчика, решил их сводить на Перуново поле, пусть помолятся. А то опять нас за колдунов принимают, я по глазам вижу.

Трактор насосом убирал воду до уровня встроенных в короб труб. Потом открыли их — потекла в канал вода. Она заполняла канал, дошла до трёх метров, перегородка стала всплывать, вода пошла снизу. Канал заполнили за три часа, после чего притопленная перегородка чуть не уплыла в озеро, хорошо, что привязана была. Вечером отметили заполнение канал салютом, чем тоже немало удивили прибывших, и праздничным ужином. Вольга и корабелы с нами, оставшиеся всадники — у себя в лагере, им тоже вынесли праздничной еды.

Работяги со Свири потерялись. Кому в этой толпе кланяться? Перед кем шапку снимать? Все нарядные, наши артели постарались, один государь в камуфляже типовом гарцует. А тут ещё Держислав с хором своих девок, с хитом этого дня «Я пью до дна, за тех кто в море», единственная песня про моряков, что я вспомнил. Ходят кучкой корабелы, потерянные, в такой же как у меня камуфляж наряжены, только нашивка на груди — «Представитель Заказчика». Вольга тот посвободнее себя чувствует, рыжую нашу воспитанницу всё обхаживает. У той не инструкция, а так, пожелание, от меня и Власа. Если понравиться

парень — рассказать про жизнь нашу с самой приятной стороны, да про выгоды сотрудничества. Воспитанницы у нас теперь гордые, деловые, к ним на хромой козе не подъедешь. Очухались девки, привыкли к дисциплине, да и Лада им про гордость гражданина России на мозг капает. Корабелы сначала к Вольге, прильнули, тот их отправил, и пошёл за рыжей ухлёстывать. Те ко мне, опять шапки ломят. Да что ты будешь делать!

— Так, хватит тут причёски проветривать! У нас шапку ломят, когда в помещение заходят. Ну или когда за девушкой ухаживают. Я что — баба вам, что ли?

Мужики замялись, чуть не прошения просят.

— Вы сегодня просто посмотрите по сторонам, вот вам Влас, он вам все покажет, со своими людьми, — зря я это сказал, Власа корабелы опасались, — не бойтесь, пока Закон не нарушите — ничего он вам не сделает. Влас, проводи людей, пусть поедят да чуть освоятся.

Пасынок познакомился с корабелами, поговорил, те вроде расслабились чуть. Провёл их к столу, а то всё стеснялись, потом к Кнуту, потом к другим мужикам, уже нашим будущим судостроителям. Работяги попали в знакомую более-менее среду, начали живее общаться, спрашивать, интересоваться. И то хлеб.

На утро опять мужиков удивили. Заставили каски строительные одеть и весь мозг вынесли техникой безопасности. Кнут за них отвечает, он их и застращал. После кар обещанных, если они за линии, нарисованные на полу зайдут, пошли на открытие завода судостроительного. Небольшой митинг, деловой, потом перспективы, потом — опять хор Держислава с девками, потом ленточку перерезали, паровой двигатель, один из тех, что были на производстве, дал гудок, и первая смена наших корабелов пошла делать свой первый корабль.

Представители заказчика внутри потерялись ещё больше. Там и краны, и станки, и прочее, все гудит, парит, свистит, вращается. Линиями на полу отмечены места проноса и провоза грузов, там нельзя ходить, мужики столпились возле Кнута и ни на шаг не отходят.

На тележку подали киль, брус, высушенный и на пару согнутый. Краном начали подавать поперечные балки, мужики с пневмоинструментом начали собирать на большущих деревянных болтах, каркас первого судна. Треть балок — в брак, не соблюдены размеры. От такого корабелы ещё больше охренели. Дельную древесину — в отходы?! Как так? Подали ещё, часть опять отбросили, чуть больше половины поставили. Лодка получается очень маленькая, Вольга недоволен, но виду не подал.

— Это буксир, на озеро судно выводить, — я тоже в процессе

принимал участие, Вольгу сопровождал.

— А весла где? А как выводить? — посыпались вопросы.

— Сегодня, — я посмотрел на кучу бракованных изделий, — или через пару дней сам всё увидишь.

Будущий буксир уже на облицовке, в поданных досках брака меньше, опять деревянные болты, за пару часов толпа народу нарастила борт. В строительстве буксира участвовали все строители крепости — потом будут решать, кто останется на заводе, а кто дальше по строительной части пойдёт. Откатили дальше — самая сложная операция, двигатель. Два длинных, от «Бычка», агрегата на буксир пойдёт, поочереди их ставят, под недоуменные взгляды корабелов. Мол, зачем столько железа на лодку. Потом — винты, тоже достаточно большие, затем дальше. Группа механиков ставит и проверяет контрольное оборудование, трансмиссию, ругается на криворуких сборщиков. Увели пока гостей, пусть очухаются, да и нечего пялиться на секретное производство.

Отправили их на Перуново поле. Мужики увидели знакомое, заулыбались. Мы с ними требы принесли богам, христианин-корабел в часовенку маленькую, два на два метра, зашёл, удивился, кстати, её наличию, но расстроился из-за отсутствия необходимой атрибутики. Ну, мы люди в этом плане тёмные, нам простительно, со слов тринадцателетней девочки, всё-таки строили, плюс мои воспоминания из будущего. После проведения обрядов, опять на завод пошли.

Буксир за неделю только закончили. Уже и Вольга переживает, боится назад не успеть до морозов. Намучились со сборкой, бракованными изделиями, технологией производства. Но это было ожидаемо, тем более что буксир наш на паровом ходу, с очень маленьким запасом хода — ему только тут крутиться да на лесоповал за брёвнами иногда ходить придётся. Постепенно и состав рабочих на заводе устаканился, кто-то сам понял, что явно не его дело, кто-то наоборот — проникся, другие пока думали. Мы на часть работ, особенно по разметке досок другим лёгким операциям привлекли барышень, часть — отдали в артели малолетние, они нам теперь ещё и мелкий крепёж деревянный делают. Брака много, но ситуация выправляется. Особенно когда Леда, помимо прочего, встала на контроль изделий с группой девушек, там чуть до слез народ не доводили, но брак не пропускали.

Лодка первая для Рюрика пошла быстрее. Там только дерево, учитывая количество оборудования, кранов, технологических операций, новое изделие вышло опять же за неделю. Пришлось даже по часом работать, что Обеслав делал ради развлечения.

Ими засекали узкие места в производстве да усиливали их, перегоняя рабочих на разные участки. Через пять дней лодка с мачтой и парусом вышла в сухой док. Его наполнили водой — и укомплектовывали уже на плаву, балансировали, устраняли недостатки. После этого вывели лодку на ходовые испытания, пока не сильно холодно. Собрали всех, кто когда-либо на вёслах сидел, включая корабелов, и вышли в неспокойно озеро. Там день махали вёслами, испытывали, потом — буксиром к заводу, устранить мелкие недочёты. Потом процесс, который представителей заказчика ввёл в ступор. Назывался он Приёмка изделия и ЗИПа.

Когда Кнут спроектировал лодку, мы, как ребята ответственные, первым делом задались вопросом. А как её использовать будут? Как менять деревянные и металлические элементы? Ремонт осуществлять? Обслуживание? Это ведь только кажется, что просто большая лодка, а на самом деле — высокотехнологическое изделие. Одни болты деревянные, кольца на брезенте, уключины хитрые чего стоят. По результату в лодку загрузили кучу всякой мелочёвки, инструмент для обслуживания, запасные паруса, из конопли, тяжёлые, зараза, канаты и прочее. Вишенка на торте — ящик с документацией. Причём первым томом идёт «Азбука» — документация на русском, букварь наш — на словенском и русском, чтобы разобраться можно было.

Корабелы от таких инноваций охренели. Приехали мужики на лодку глянуть, крепкая ли, и не течёт ли. А по итогу — пересчитывают крепёж запасной, весла, инструмент, паруса перемеряют да канаты. Робко только поинтересовались — это только одна такая будет или все? Кнут улыбнулся — не надейтесь, ребята, все такими будут. Мужики вздохнули. По договору с Олегом им принять надо пять лодок, это ж сколько работы и сколько ждать! Сели осваивать «Азбуку», прямо в цехах, чтобы и процесс своими глазами видеть, и документы понять. Народ тут пуганый — вдруг мы их обмануть пытаемся? Вот и пыхтят корабелы, а наши рабочие в обеденный перерыв, также не мало удививший пришлых работяг, помогают им с буквами по мере сил.

Поставили вторую лодку. Корабелы проявили интерес, смотрели за сборкой киля и балок. Наши справились быстро — опыт сказался. Перевезли дальше по цехам лодку — и поставили ещё одну собираться! Вот тут опять у наших гостей лица-то и перекосило. Нашёлся один умный, прикинул, что если мы так все участки сборки займём, то пять лодок будет чуть больше чем через неделю. Мужики повеселели — куковать половину зимы в незнакомом, да ещё и таком странном месте, им не хотелось. Но

их ожидания не оправдались.

Сначала лёгкое волнение на озере переросло в настоящий шторм. Такие тут были, и не редко. Потом — ударил мороз, тонкой коркой льда покрыв канал и прибрежные воды. Потом — оттепель, и зарядил ливень со снегом. Готовых лодки было две, остальные, ещё четыре, стояли на сборочных площадках. Нам просто тупо некуда было их сгружать, на озере бы их разметало. Причём мои крепостные ухитрились лодки собрать почти полностью, все равно делать нечего. Процесс конвейерной сборки судов остановился из-за погоды.

Дурацкая ситуация, о которой мы даже не предполагали в силу недостатка опыта. Надеялись, что Олег с большей дружиной придёт, и можно будет лодки отправлять в путь прямо со стапели. Собрали совещание с представителями Заказчика.

— Вольга, сам видишь. Мы бы и рады больше сдать, да некуда ставить. Вы же не отправитесь в путь сейчас? На вёслах не вытянете, да и коней вам девать некуда. А отчитаться надо — у нас договор. Как принимать? Как качество оценивать будешь?

— Да я мужикам-корабелам верю, они говорят — крепкие, добрые лодки, — Вольга ответил после недолгого раздумья, — а вот как их забирать — я и не ведаю. Мы с Олегом не думали, что так быстро будет. Видилось нам — хвастаете…

— Ага, конечно, хвастаем. У меня вообще теперь предприятие стоит, между прочим, из-за невозможности отгружать продукцию! — Кнут попрекнул представителя Заказчика подслушанной у меня фразой.

— А скажи, вы вообще как забирать их собирались, даже меньшее количество?

Последовала долгая невразумительная речь на тему того, как дружинники Олега их по одной будет гнать от нас, на Ладоге сдавать подходящим с юга дружинникам Рюрика, и дуть обратно, за ещё одной лодкой. Больше двух за раз они пригнать не могут физически — столько свободного от несения службы народу нет. Стало как-то тоскливо, мы тут развернулись на поток, узкие места в производстве искали, а самым болим затруднением оказался перегон лодок к Ладожскому торгу.

— Так, коллеги, — после долгих споров о дальнейших действиях я подвёл итог, — значит, сделаем мы следующим образом. Зимой будем на склад работать, лодки вдоль канала на бревна поставим да законсервируем…

Слово это до сих пор относилось только к продуктам, и вызвало даже у моих людей удивление.

— Мы подготовим их так, чтобы они зиму пережили нормально, а по весне их спускать будем да испытывать. Вы,

мужики, — я обратился к корабелам, — идите пока с Вольгой домой, а по весне, как грязь пройдёт, приходите на приёмку. Ты, Вольга, дуй на Ладогу, решай что-нибудь по перегону лодок туда… Что не так?

Мужики-корабелы мнутся, шапки в руках вертят. Еле выпытали у них, в чем проблема. Боятся они, оказалось, боярского гнева, что сына головы мы в поруб посадили, а мужики вроде как его не защитили, и даже наоборот — свидетельствовали против него. Вольга тоже не в восторге от идеи — по подсчётам Кнута, если нам материала и сырья хватит, мы за зиму как раз все по договору исполним. А где гребцов брать? Как лодки на Ладогу доставить?

— Вольга, давай так сделаем. Ты мне пешим маршрутом дружинников отправляй, прямо от Новгорода. Тут мы их на лодки садим, они их испытывают, и забирают. Сколько вам идти от Гребцов? Неделю-две? Ну вот и организуй мне поток гребцов.

— Надо подумать… — Вольга в расчётах не силён, пока пусть соображает.

— По вам, корабелы. Чтобы время не тратить, можете у нас остаться на зиму. Как раз с первой партией гребцов и уйдёте домой. По поводу боярина, я думаю, Олег все уже решит к тому моменту. И вам безопасно, и для дела польза есть.

Мужики, в принципе, не против, но надо семьям передать серебра или меха, чтобы зиму пережили. Совместным решением выделили им кредит из тех ресурсов, что как штраф изъяли у хмыря и его подельников. Вроде процесс с места сдвинулся. Святослав с Кнутом считают, сколько надо стапелей для «зимовки» лодок и как их устроить. Ладимир с мужиками беседует, надо их на квартиру определить, Лис готовит письмо Олегу с описанием ситуации, а мы с Вольгой двинулись в лагерь к его конникам, о решении нашем сообщить.

— Как чуть подморозит, вы, Вольга, выдвигайтесь. Как раз успеете на Свирь, а там и до Ладоги рукой подать.

— Сергей, а с сынком тем боярским как? Может, отпустишь всё-таки? Он ведь мужик крутой, за сына и с дружиной вступиться может…

— Ты на совещании нашем был, всё сам слышал. Если дури у боярина столько, что с воями придёт, то тут и ляжет. Я думаешь, почему только тебя внутрь крепости пускаю? Чтобы языками не растрепали твои воины, а особенно те, которые со Свири с тобой пришли…

— Мои надёжные, да и остальные не шибко за боярина вступаться будут. Там тоже не из простых родов люди, из знатных. А в том селище у каждого на боярина зуб есть, многим

он хвосты прижал…

— Вон оно как, значит… — я задумался, — а давай-ка ты их ко мне направь. Завтра по утру, если ночью морозом прихватит, вам в дорогу, а я им пока все растолкую всё. Может, поймут…

Троица коренных жителей Гребцов поняла все правильно. Я им и Законы показал, и Конституцию, и на словах описал всё. Копию дела выдал, с текстом на словенском. Ребята попались грамотные, они дети купцов, что в том селище живут. А боярин — скорее по военной части всегда промышлял, да по грабежам в походах. Из-за этого конфликт у них — их семьи торгуют, а боярин под себя все поджимает как представитель власти, жизни не даёт. Достигли мы взаимопонимания, попрощались уже, когда один из вояк, он все больше молчал при разговоре, подошёл ко мне отдельно.

Парень умный, не смотря на то, что возрастом как Олег да Вольга. Дал расклад сил на Свири. Если боярин соберёт дружину, да людей дёрнет в ополчение, то человек пятьсот-семьсот приведёт, конников одних под сотню. И семьи этой троицы тоже пойдут, деваться не куда, боярина власть Рюриком подкреплена теперь. Парню, Ярило его зовут, времени хватило, чтобы понять, что нас так просто не возьмёшь. Вот он и заинтересовался, мол, как поступите? Особых секретов раскрывать не стал, сказал, что отбиваться будем, но от Закона не отступим. Парень спросил про штраф, мол, если все уплатит боярин, отпустим или биться будем? Штраф — штрафом, но чтобы его спровадить в Новгородские земли, договор с Рюриком заключить надо, перед богами и людьми. Парень удовлетворенно покивал, и спросил, чем он помочь может. На мой вопросительный взгляд разъяснил, что если боярин тот тут голову сложит, то его семья может неплохо подняться, они авторитет имеют не малый. Интересно, интересно…

Он ещё долго петлял словесами, что-то там про дружбу плёл, про выгоду, про интерес взаимный. Я его выслушал, обещал подумать. А ведь действительно интересно может получиться… Пошёл к своим — надо вместе покумекать. Они тоже заинтересовались, если действительно правда то, что Ярило говорит, то можно неплохо всё устроить. Лиса по темноте отправили на дальнейшие переговоры, вместе с Власом. Повод пустяковый какой-то придумали, да и вытянули Ярило на доверительную беседу. Нам-то адекватные южные соседи ох как нужны!

Утром отправили Вольгу по подмороженной земле восвояси. С ними Кукша и пара военных в сопровождение. А у нас продолжилась скучная и однообразная жизнь. Работа кипит,

крепость достраивается, судостроительный завод перестраивается под выпуск винтовок запасных и боеприпасов. Это у нас самый оснащённое предприятие на данный момент, вот и задействовали мощности. Крепостные пока работают в половинном режиме — на стрельбище много времени проводят. Металлурги тоже людей присылают почаще, на тренировки. Нам сейчас эффективность труда нужна меньше, чем опыт стрельбы у наших людей, вот и пошли на такой беспрецедентный шаг. Корабелы расселились в одной квартире, ходят, удивляются. Особенно когда мы им паспорта выдали, особые, заграничные, да с визой о пребывании. Там фото, от него у мужиков малость руки трясутся, как и от личных дел, заведённых на них, боятся всё-таки нас они пока. Ничего, за зиму привыкнут. Втянутся в работу, а там может и переедут — я своих людей на их агитацию незаметную привлекаю.

К концу года был день приёмки военной продукции. Винтовки, пулемёты, броня новая, усиленная, холодное оружие, боезапас — все это сделали, хоть и не в таком объёме, как хотели, да и качество упало. Серийное почти производство его убило. Раньше как делали с такого рода вещами? Чуть не тряпочками, как линзы, выглаживали да ровняли, ювелирно подгоняли детальки друг к другу, по месту каждую винтовочку дорабатывали. А теперь куча одинаковых деталек, сборка, отстрел — половина в переплавку, брак. Надо бы конечно повысить качество — но на это времени уйдёт столько, что перевооружить да снарядить народ не успеем. Разве что новые магазины-баллоны под углекислый газ опробовали, что в установке холодильной получали. Неплохо получилось, эксплуатационные свойства винтовки чуть улучшились. А у нас ещё и военный транспорт запланирован…

С ним, с этим транспортом, история ещё прошлой зимой началась, когда к дорожникам отправляли гонца. Трактора у нас тихоходные, послали конника. А один всадник — это пятая часть нашей кавалерии была на тот момент. Сейчас, с учётом коней от хмыря десятая уже часть, но это дела не меняет. С учётом шевелений со стороны Рюрика, нам надо как-то быстро и оперативно доставлять боевые подразделения к железному заводу и торфяникам, причём в «товарном» количестве. Для этого Кукша с Обеславом и разрабатывали транспорт. Пасынок выставил требования — быстрее, выше, сильнее, надёжнее, долговечнее, вооружённый и с броней. Обеслав боролся с этими требованиями, как мог, но наш вояка доморощенный аргументировано пресекал его попытки сэкономить на каждом аспекте. Транспорт получился золотой. Я практически не шутил по этому поводу, трудозатраты

на его производство были колоссальные.

Сами посудите, надо изделие, которое вместит отделение, то есть одиннадцать человек с вооружением, водителя и пулемётчика. Итого — полторы тонны «полезной нагрузки». Чтобы сравняться по скорости с конным отрядом, или превзойти её, надо, чтобы он развивал скорость под двадцать-двадцать пять километров в час, причём в течении как минимум пары часов, как раз до завода доехать. Да ещё броня. Да ещё возможность быстрого запуска двигателя парового. Да ещё и пулемёт в микро-башенке. Да ещё и запас топлива. Да ещё и транспортный отсек…

Обеслав после долгих споров начал проектировать и делать опытные экземпляры. Два штуки — один на колёсах, второй — на гусеницах. Вместо чугуна в трактор пошла лучшая сталь, дерево вообще из машины ушло, как и брезент. Ремни, что оставались, заменили цепями, систему управления и трансмиссию переделали, скорость выросла — шестерёнки чуть не из булата делать пришлось. Как и траки гусениц, и составные элементы колес. Но даже это не сильно помогло — паровая тяга плюс масса топлива не давали нужных параметров конструкции. Обеслав полез дорабатывать котёл — надо сильно поднять давление пара для большей скорости и мощности. Итого — поляны в трёх местах в лесу, где испытывали новые котлы, там взрывами чуть не просеки прорубило. Подняли таки давление — начали усиливать цилиндры, поршня, вал, трансмиссию, и прочее. Опять упала скорость, мощность, эксплуатационные характеристики.

Я держал руку на пульсе, помогал по мере сил и знаний. За год тех сил и знаний хватило на три вещи. Самой простой с точки зрения идеи, но не с точки зрения реализации, была торсионная подвеска. Валы торсионные для роликов, поддерживающих гусеницы, делали долго и муторно. Однако, значительно сэкономили вес трансмиссии. Потом было серьёзней. Второй новинкой стало жидкое топливо. Смесь скипидара и древесного спирта подавалась в некий аналог кучи паяльных ламп, которыми нагревали пар в котле. Убрали всё, касающееся твёрдого топлива, короба, системы подачи, долго подбирали нужную смесь, режим её хранения и использования, мешалку в топливный бак, систему подачи. Но результат порадовал — компактный такой бак с топливом на несколько часов работы в максимальном режиме. Последнее новшество вывалили я перед приходом корабелов.

— Вот, такую вот штуку надо поставить везде, где трутся валы, — я поставил на стол первые роликовые подшипники в Москве.

— Интересно, они не трутся почти, — Обеслав слёту оценил идею, — смазки меньше, меди не требуется, пластик уберём, его

и так мало… — медью мы заменяли пластиковые подшипники трения, ибо пластик с моего «плато» уже почти подошёл к концу, даже кабеля и те переработали, да и не держал он большие нагрузки.

— Ага, и на трактора поставим, — Святослав с Буревоем тоже прониклись.

Я хмыкнул, и поставил на стол ящик с бракованными роликами. Давленные, сточившиеся, треснувшие, перекошенные — металла на пару подшипников я извёл под сорок килограмм. Выдох разочарования — если раз в девять месяцев делать по два штуки, да ещё и с таким количеством брака, мы до потери пульса трактора переоснащать будем. Я же, в процессе изобретательства, понял, наконец-то, почему подшипниковое производство относилось к высокоточному в моё время.

Казалось бы, что такого? Шарики, или ролики, как у меня, даже не конусные, вставляешь по кругу в корпус да скрепляешь. Ага. А потом ставишь на вал под нагрузкой — и стальные цилиндрики трескаются. Меняешь сплав — берёшь крепче, убиваешь кучу времени на обработку, более крепкий материал сильно сложнее обрабатывать, делаешь новый корпус, ставишь опять — расплющились. Меняешь снова. Когда подобрал нужный сплав — даёшь оборотов сто-двести, вал бьётся из-за микроскопической разницы в весе между роликами, подшипник разрушается, и опять все заново. И так пока не получаешь изделие, выдерживающие как нужную нагрузку, так и обороты. Мрак и ужас…

Вот это все я подробно и описал. А потом, как вишенка на торте, трудозатраты на это всё дело. Народ притих — дороже ювелирного изделие получается. Начали думать о том, как снизить выход брака. Надо делать специальный станок, высокоточный. И использовать его так, чтобы микровибрации от остального оборудования не портили ролики, и привод крутиться должен очень равномерно. А с паровыми двигателями — это сложно. Значит, нужен ещё и паровик «высокоточный». Тут разговор уже пошёл в более деловое русло — Обеслав вынул записи по работе паровика на жидком топливе, военного, он сильно равномернее работал и более высокую скорость мог обеспечить. Черкали до ночи — надо делать отдельный фундамент, привод, станок, и использовать его желательно только ночью, когда кругом трактора не ездят да другое оборудование не работает. Осень у нас на это ушла. Станину чугунную доводили, остальное тоже чуть не под микроскопом делали, фундамент залили метров на семь, поглубже. Теперь у нас на этом станке ночью работала смена, которая делала

подшипники. Первые пошли на новую паровую машину, годных изделий — полпроцента из всего выработанного. После замены паровика подошли к двум процентам годных, потом, с приобретением опыта — дошли до пяти. Тихой сапой дошли до трети брака — чуть не напились на радостях по этому поводу. Опять подшаманили станок — десятая часть в отвалы металлолома только пошла. Мужики ходят радостные — получилось! Мы тоже улыбаемся, однако все веселье им испортили банальной вещью — нам надо под три десятка типоразмеров, а у нас отработан только один. Опять заново все отрабатывать, но теперь уже легче пошло.

На католическое Рождество вывели два военных транспорта — гусеничный и колёсный — на мерный километр. Водители рычагом плеснули топлива в специальные поддоны, покрутили кремниевый стартер, прогреть надо топливную систему, потом — открыли баллоны с пневматикой, чтобы обеспечить подачу скипидарно-спиртовой смеси под давлением. Под капотами у машин загудело пламя, приятный такой звук. Потом, когда все заняли свои места, включая чучела стрелков и пулемётчика, по взмаху флажка, рванули наши машинки вперёд. Именно рванули — средняя скорость на первом мерном километре оказалась двадцать километров в час. На втором, когда разогнались уже — двадцать шесть. Сорок километров до завода, если не поломаются, должны проехать за час-два.

Водилы из транспорта вылезли ошалевшие. Такие скорости не каждая лодка даёт, а ту по земле, да ещё и такая махина! Качали испытателей, потом — Обеслава с механиками, которые это сделали, потом и до меня добрались, гады. Это потому, что в сугроб уронили. Но я не жаловался — теперь у нас есть нормальный военный транспорт! Надо только испытания провести, посерьёзней. Пусть гоняют туда-суда с грузами и топливом, эффективность перевозки отрицательная, но нам это и не главное. Единственно, что омрачило радость, это колёсный транспорт. Без резины в должном количестве нормальные колеса не сделать, а на металлических он быстро начал «прихрамывать» на одно колесо, и не показал нужных параметров. Его оттянули трактором, все транспортёры будем переделывать под гусеничный ход.

Народ ходил вокруг новой игрушки, облизывался. Посыпались идеи использовать решения в военных транспортах на «гражданке». Перевести на жидкое топливо, поставить торсионы, оснастить подшипниками, сталь вместо чугуна… Отвёл всех «облизывающихся» в клуб, там дал расклад. Стоимость этих двух БТР, как с моей подачи стали называть машины, была равна

стоимости всех остальных тракторов у нас в Москве. Народ замолчал, переваривая сказанное. Я перешёл на стоимость топлива, запчастей, обслуживания. Воистину, хочешь разорить страну — подари ей крейсер. А нашей стране и БТРа хватит — солидную дыру в бюджете проели и продолжают проедать эти машинки.

Через час молчаливых раздумий народ задал главный вопрос. А на хрена такие навороты? Я начал на доске рисовать другой расчёт. Есть у нас человек. Мы его кормили, поили, воспитывали, образование давали. Стал он, допустим, металлургом. И плавил бы металл лет до шестидесяти спокойно. Вот выработка его за всю его жизнь, вот её цена. Плюс — сам детей нарожает, они тоже станут людьми работными. По моим подсчётам, циничным и сведённым к деньгам, один человек за свою жизнь как раз стоил как половина БТРа. А если придут враги и прибьют человека того? Или пленят? Что лучше — ресурсы на БТР потратить, или человека потерять? Крепостные посовещались, упрекнули меня в негуманном, бухгалтерском подходе. Я добавил, что пусть сами оценят стоимость себя любимых, каждого, да с семьёй. С учётом того, что изобрести ещё могут, изучить, освоить, сделать, новых граждан нарожать.

Народ совещался до вечера — по их подсчётам выходило что и три БТРа на жизнь человеческую поменять не грех. Я довольный достал Конституцию, где русским по белому было написано — главный в государстве человек, независимо от его положения. Народ посмотрел уже с уважением, начало до них доходить, что написано в главном законе и почему. Закончился разговор странно — мне предъявили, что мало заботимся о безопасности! Мол, может, ещё БТРов наделаем? Чего всего два-то? И хрен с ними с расходами — живы будем, обрастём жирком, а вот если вороги одолеют…

Больше всех в споре отметился один дядька, лет за сорок. И вопросы грамотные задавал, и слушал внимательно, и тем, кто не мог понять моих рассуждений, по-свойки разъяснял. Отчего и был назначен на должность замполита — ему прибавка в зарплате, в нагрузку — беседы со мной, Ториром, Кукшей на момент политики и военного дела. Мужик к обязанностям относился добросовестно, теперь перед каждыми занятиями ополчения он минут пятнадцать-двадцать передавал своими словами то, о чем я ему вечерами рассказывал. Лозунгов в этих речах было мало, в основном — расчёты, вероятности, отсылки к Законам. Может, поэтому и относились к этому процессу без юмора и насмешек. Мирослав, так замполита звали, не кичился, рассказывал все правильно, что не знал — прямо о том говорил и обещал

разобраться да обществу донести. Так и подошли мы к Новому году…

— …На текущий момент, по ресурсам мы имеем хороший запас, как и мощности для их воспроизводства и получения, — я традиционно подводил итоги года, в этот раз на доделанной башенке с местом для пулемёта, — заказ Рюрика готов на треть, к весне должны успеть остальное. Дорогу новую осталось ещё месяц достраивать. По железной дороге — пока рельсы на судостроительном опробуем да на металлургическом комбинате, а там и за наземную примемся. По военной части Кукша с Ториром доложились, все пока по плану. Что ещё?

— По новым ценам и общественной жизни, — кутаясь в телогрейки от промозглого ветра вступили Зоряна и Леда.

— Ах, да. Девушки наши подготовили отчёт, интересно у нас дела разворачиваются… — начал я доклад об изменениях в общественных и экономических отношениях, — Сначала, что касается экономики. Налоговый кодекс и цены на продукцию в наших рублях готовы. В принципе, для крепостных сильно ничего не изменится, только нам сложнее считать будет. Но зато мы теперь каждую копейку обосновать можем!..

— Нашу. А вот с людской собственностью — беда… — встряла Леда, — Мы все пока считали на государственном уровне, если все только казне принадлежит, ну, кроме там одежды, и прочей мелочи. А вот после «туалетно-бумажных войн» люди подходить начали, спрашивают. Некоторые своё ремесло открыть хотят, даже взрослые. А это — и налоги другие, и расчёты. Что им отвечать?

Дело было так. Мужики, наблюдая за «корпоративными» войнами наших артелей, начали действительно интересоваться. Мол, стену-то закончим, завод закончим, дома сделаем да гавань — а дальше что? Если например, мебель я хочу делать, как быть? Ведь её-то артель не делает, только то, что сказали, да может чуть другое, если мозги да ресурсы позволяют. То есть новый вид деятельности. Всем позволить делать всё — из рук выпустим процесс-то, погрязнем в кризисах да монополиях, дальнейшее развитие некому будет осуществлять, все трусы шить начнут. А все под собой держать — на чиновниках разоримся. И ещё вопрос — сбыт. Как торговлю осуществлять? Пока артели по домам бегают да «впаривают» мелочь всякую, или в лавку нашу её сдают — всё нормально. А если артелей больше станет? А если ещё и мужики подтянутся? Каждый своим торговать станет — торговалка отвалится. Разрешить кому-то одному всё наработанное сбывать — так продавец в той лавке станет главой государства, чуть более чем сразу. Единый торговец — это диктат

цен, диктат товаров, диктат отношений с производителями. Тут тебе и дефицит нагрянет, и торговля из под полы, и сверхприбыли. Причём если торговля государственная будет, это расцветёт ещё более пышным цветом, это все прекрасно понимали. Задача непростая..

— Я думаю, надо ответить людям, что после стройки будет можно своё дело открыть, на тех же условиях, что и артель, только налогов там прибавиться. Виды деятельности регулировать будем разрешениями — что бы у нас все одним и тем же не занимались, — народ кивал, после артельных торговых войн все как-то лучше начали экономику понимать, наглядно очень получилось, — главное — сбыт организовать.

Вот тут народ чуть заклинило — они проблемы не видели в этом. Делаешь — продавай, что тут организовывать? Начал разъяснять:

— Делаешь мебель, табуретки. Приходит покупатель, отвлёкся, полдня с ним переговоры вёл. Потом опять сел делать. Ещё покупатель — когда работать? Это раз. Второе… — выдал им все свои мысли по поводу розничной торговли.

— Это получается, что торгаши под себя все дело сразу и подомнут, — резюмировал мои сложносочиненные выкладки Лис, — оно ведь как. Если товар только у тебя, да всем нужен — крути цену вверх, пока все не выжмешь. Да ещё и в долги впрягай людей, чтобы и потом никуда не делись. А там и до власти полноценной не далеко…

— Бить будем за такое, — заранее предупредил Кукша.

— Всех не перебьёшь. А вот когда мелкому твоему пелёнок купить надо будет, а они только в одной лавке есть, тут и сам под купца пойдёшь, — махнул рукой Лис.

— Значит, предлагаю так. Мы сделаем два комиссионных магазина, — народ меня не понял, — лавки такие, в которых будут производители товар свой выставлять, да с одинаковой торговой наценкой на всё. Ну, например, у нас бумаги туалетной — пять видой сейчас, вся по своим ценам торгуется, разная она. Но наценка торговая на такое будет одна — двадцать копеек, не больше. Чем больше товара в лавке продашь — тем больше прибыль твоя. Но задирать стоимость не получится. Две лавки — будет конкуренция, соревнование между ними, да штрафы за сговор. Ну, если какого-то производителя начнут прижимать вместе, чтобы себе лучшие условия выторговать. Да ещё с рекламой, контролем…

— По тому, что ввозить будем, — продолжил Лис, — вывозить, тоже решать надо. Цены, как и кто торговать будет. Отдадим чужим купцам — сами с голым задом останемся…

— И это верно, — я делал пометки в блокноте, — Леда! С Нового года пока вводим Налоговый кодекс новый, дальше — будем ещё некий Экономический кодекс принимать. Там конкретики не будет — принципы и подходы только, — народ опять недоумевает, — граждане! У нас сейчас сколько разных товаров? Вы считать пробовали? Запчасти, сырье, материалы, изделия…

— Мы учитываем семьсот сорок два разных наименования, это без учёта лабораторных экземпляров, — Леда просветила мужиков.

— Ну ни…я себе! — чуть не хором высказались все, даже я.

— Ага, а потом — ещё больше будет. Как часто мы будем кодекс тот менять? Надо людям дать кодекс, как разъяснение подхода к будущим законам. Как Налоговый — там ведь три четверти текста — это именно рассказы зачем, почему да как считать и регулировать. А остальное — приказами идти будет. Вот и Экономический кодекс у нас такой должен быть. Вот решил у нас кто-нибудь заняться например производством… ну, скажем, спичек.

— Это ещё что такое? — подозрительно поинтересовался Святослав.

— Такая штука, чтобы огонь разводить. Чиркаешь ей — искры её быстро поджигают, там сера для этого крепится специальная, и палочка горит. Так вот, сырье мы ему посчитаем, налоги, аренду. А вот ценник выходной как установить? На основании чего? Как регулировать будем? Да ещё и так, чтобы не допустить монополии, противоестественной, ну, когда один только доступ имеет к технологии да производству товара.

— А что, бывает и естественная? — Обеслав, как самый технически подкованный, заинтересовался новым сочетанием слов.

— Ага, например, безопасность. Вот тут у государства полная и естественная монополия на внутреннюю и внешнюю безопасность. И водопровод тот же, его в частные руки не отдашь — даже мы, миллионеры по российским меркам, разоримся. Вот такие монополии — естественные. Так вот, в Экономическом том кодексе описать надо будет и внешнюю торговлю, и внутреннюю, и отношения производителей и продавцов, покупателей, и всё остальное. Принципы выделения монополий, распространения технологий, использования их. Потом указами отдельными примем конкретные государственные отрасли…

— И много их будет? — поинтересовался Обеслав.

— Нет, не много, — я посмотрел на своих «министров», — ключевые надо оставить, а остальное отдадим людям.

— Не упустим? Под себя нас не подомнут? — осторожно поинтересовался Лис.

— Нет, не получится. Мы-то можем и все казённым оставить, но последствия будут, — я схватился за голову, — сейчас у нас почему тихо да спокойно? Почти все товары крупные и важные как казённые продаются, разве что мелочь всякую артели выделывают. Все не возмущаются потому, что ждут своих домов, я о том народ спрашивал. Видят, что строим, знают, что для себя делают, ждут, пока жизнь нормальная начнётся. А теперь представьте себе, переедут в дома свои, освоятся. Захотят табуретку красивую, трехногую — что ж нам, новое казённое производство для таким стульев открывать? Для посуды? Для одежды? Для утвари домашней? Да и для ремонта — может, кто-то себе стены обоями поклеить захочет, другой — деревом отделать, третий — краской покрыть. Нам что, под каждую иголку казённое предприятие открывать? У государства должно остаться основное — тяжёлая промышленность, стройка, частично, военное производство, бумажное, добыча сырья и топлива. Базовые товары, без которых жизни не будет. Привычной. А остальное — пусть сами делают, да денежку зарабатывают. А там и остальное можно разрешать, по мере развития.

— А нас они не разорят? Ценники-то на товары свои поднимут — и по миру пойдём, — Буревой не доверял пока «невидимой руке рынка».

— Крайние цены, максимальную и минимальную, все равно мы им ставим, — парировала Леда.

— Вот-вот. Да и контроль никто не отменял. Кто вам сказал, что разрешения будем по одному выдавать? Кто казённые предприятия запрещает открывать, да потом их же и передавать в частные руки, когда борьбы такой на рынке уже не будет? — я ухмыльнулся, блин, ещё и нефтянки нет, а я уже приватизацию задумал.

— В бумагах завязнем, — Буревой закатил глаза, — и так уже под архивы чуть не барак определили. Может, потом? Как процесс наладится законы примем?

— Ну… я, честно говоря, думал о тот… — мне и самому не очень нравилась наша забюрократизированность.

— Нет. Надо сейчас делать, — Лис рубанул рукой воздух, — потом ты хрен чего сделаешь, когда уже торговля пойдёт…

— Правильно всё, с законами этими, — неожиданно подал голос Кнут, — вон, посмотрите.

Кнут показал рукой на лодки, что выстроились вдоль канала, ёлочкой. Уже второй слой мужики наши растаскивают по

временным стапелям. Лодки без мачты, они лежат вдоль, как и весла. Каждая плотно упакована брезентом, с которого по утрам счищают снег. Мужики другие суетятся, заливают будущую набережную. Я не совсем понял, что он сказать хочет, да и остальные на корабела уставились:

— Жизнь — как лодка, — начал Кнут, — если в ней основу плохую сделать…

— Каркас, — подсказал я.

— Вот, каркас, то без того него какими бы досками ты её не обшивал, какие бы паруса красивые не ставил, не поплывёт. Сломается. Я тоже раньше думал, что блажь это все, бумаги эти ваши. А теперь смотрю, и считаю, что правильно всё придумали вы. Каркас, законы ваши… наши для жизни крепкий сделаем — пройдём любую бурю. А если мы основу на потом оставим — лёгким ветерком нас раскидает да сломает. Правильно всё. Сначала — каркас, потом — обшивка, потом — наполнить всяким.

— Каркас значит законы, получается, — Святослав задумался.

— А обшивка — то воины, — Торир поддержал Кнута.

— А наполнение — это люди, — закончил Лис, — правильно. Лучше сразу сделать, чем потом переделывать.

— Хорошо, ты Кнут, сказал, здорово. Значит, на том и порешим. После праздников сядем да распределим, кто да что делает. А пока — три дня выходных.

— Мои бойцы против «суворовцев» второго числа пойдут, — Торир тренировал детскую команду по мордобою.

— Да и Держислав что-то приготовил, — вставила слово Леда.

— Там у него военно-патриотический боевик, про то как данов били вот в том месте, — я помогал парню со сценарием, потому мог комментировать.

— А Веселину кто играет?… — мы спускались с башни, живо обсуждая будущие праздники.

Но Новый год приготовил нам новые сюрпризы. Непраздничные. Первый привёз БТР. В обед, тридцать первого числа, матерясь на всю округу въехал наш военный транспорт, который проходил ходовые испытания на пробежках от завода до Москвы. Это был его последний рейс в этом году, он забрал часть рабочих, кто не был в дежурной смене, и двигался обратно. Пять металлургов, груз небольшой, водитель. Вот тут их и подстереги какие-то гопники в лесу! Не стесняясь, вышли оравой, человек под двадцать, прямо на дорогу, и давай метать в БТР стрелы да копья! Да вооообще поохреневали тут! Что за дела!? Мужики нападения не ждали, прежде чем опустили бронезаслонку на

лобовое стекло, его умудрились выбить и поранить рабочего, кабина и десантный отсек были объединены. Да и водителю стеклом лицо все раскровянили. Корпус не пробили, догнать, после того как водила дал газу, не смогли, но и так беспредел получился! Надо пойти да разобраться, кто это у нас такой смелый, с голой пяткой на танк бросается…

А потом — ещё хуже. Прискакал Гуннар из дальнего, пограничного дозора, конь в мыле, Гуннар — тоже. Внёсся, в крепость, чуть не потоптал мужиков, что ёлку наряжали, и, не слезая с коня, попёрся к нам в первую деревянную крепость.

— Люди. Воины. Идут. Много, — отдышавшись и напившись тёплой воды, Гуннар выдавил из себя причину столь непонятного появления.

— Кто? Сколько? — мы сидели да думали о нападении на БТР, а тут ещё одна напасть, — Когда придут?

— Народу — до…я! Конные, пешие, с санями. Больше пяти сотен насчитал, сбился, ушёл, чтобы не заметили. На ночлег аккурат перед наблюдательным постом устроились. Завтра будут, к полудню, наверно.

— Что за люди? — Кукша подобрался.

— По всему видать — со Свири, на тех, что по осени приходили похожи. Да кто там различит, — махнул Гуннар.

— Как думаешь, боярин за сыном приехал? — Торир задал вопрос.

— Будем надеяться, что так. Если княжьи люди — дело плохо, — я прокручивал варианты в голове.

— Отобьёмся, за стенами, в крайнем случае, отсидимся, — Кукша встал, — я пойду людей собирать…

Праздник получился скомканный. В воздухе витала тревога. О подходе воинской силы слухи быстро разнеслись, поэтому вместо обычной поздравительной речи пришлось городить экспромт:

— Товарищи! Граждане! Все вы уже знаете, что идёт на нас сила грозная, военная. Да и БТР наш кто-то обстрелял. Поэтому, несмотря на праздник, придётся нам повоевать, — народ зашумел, — договариваться такой толпой не ходят. Значит, силой нас взять хотят, пограбить а то и прибить…

— Да пусть попробуют! — раздался злой крик из толпы, от которого люди одобрительно загудели.

— Кто это, мы пока не знаем, — продолжил я, — но любой враг будет под стенами Москвы разбит. Для того и тренировались мы, для того и работали все, чтобы таких вот «вояк» отбрить. Сегодня — Новый год, а завтра, с утра, все на построение. Парад проведём, перед боем. Враг будет разбит! Победа будет за нами!..

— Ура! — послышался голос нашего замполита.

— Ураа-а-а! — поддержал его народ.

— Мы не дрогнем в бою, за Отчизну свою!.. — замполит завёл наш гимн, его подхватили другие, даже я и мои товарищи.

Угадали мы с политработником армейским. Он потом тоже вышел, да речь толкнул. Мол, жили мы тут, не тужили, строили для себя и детей, а тут напасть пришла с юга. Но не на тех кидаются! Каждый наш воин за своё бьётся, за семью, за дом родной, пусть он пока и представлен квартирой в бараке. А потому шансов у нападающих — ноль. А у нас главная задача, по его словам, определиться, где мы их хоронить будем, сжигать там, или закапывать. Народ от такой речи ещё сильнее заорал, хорошая накачка получилась, надо благодарность дядьке выписать.

Вечером народ бурлил, даже Держислава сценка, далеко не Новогодняя, про битву данов и нас с мурманами на этом самом месте, пришлась в пику. Особенно когда Мирослав-замполит после основного действа влез на сцену, и сказал, что такие вот приходили — полегли. И эти пришли — тоже упокоятся, других вариантов нет. Народ бурлил, пить никто не стал, после полуночи все разбрелись по домам, обсуждая будущую битву.

И пришёл грозой военной новый, 866 год.

2. Москва. Год 866

Морозным утром первого января, ещё до рассвета, народ стал стекаться к площади с Новогодней ёлкой. Масштаб угрозы был большой, детей отправляли в первую деревянную крепость, под присмотр беременных и подростков постарше. Медки приготовили свои запасы бинтов да спиртовых обеззараживающих настоек. Гуннар руководил установкой пулемётов на башенках, механики перебирали и осматривали БТРы.

К одиннадцати утра народ в полной экипировке собрался возле Новогодней ёлки. Мы тоже выдвинулись, верхом, с нашим появлением на площади началась суета. Ополчение стрелковое строилось повзводно, пулемётчики, огнемётчики и экипажи БТРов встали отдельно. Над площадью воцарилась тишина, прерываемая только лёгким позвякиванием игрушек на праздничной ёлке.

— Кукша, скажи что-нибудь, тебе их в бой вести, — я отправил пасынка командовать.

— Товарищи! — подражая мне, начал наш начальник штаба, — Сила грозная собралась на юге. Сила та хочет нас под себя подмять, да заставить жить так, как они привыкли! Бездельничать, да людям работным на шею садиться! Мы — не такие! Наш порядок на нашей земле никому нарушать мы не позволим! Сегодня отступим — дети наши всю жизнь шеи гнуть на кого попало будут! А отступать нам некуда — позади Москва!

Народ загудел одобрительно.

— Равнясь! — шум прекратился, все выровнялись, Кукша продолжил — Смирно! Принимает парад главнокомандующий Торир, командовать парадом буду я! Вокруг Ёлки, повзводно, с песней! Шагом, марш!

Слитный шаг наших стрелков, оркестр подростковый как умеет изображает Марш. Над крепостью раздалось «В атаку стальными рядами…!». Первый взвод развернулся вокруг ёлки, скрипнули ворота крепости, упал налипший на них снег. Ополчение Москвы уходило на свой первый серьёзный бой. Первая коробка вышла в ворота, затем вторая, потом — следующая, подтянулись БТРы, снайпера и подразделения усиления разбежались по стенам. Мимо меня прошла Веселина со своей снайперской винтовкой, с мужем, он у неё за наблюдателя. Девушки из ополчения тоже полезли на стену, к пулемётам и огнемётам, их место там. Народ выглядел грозно, и готов был с оружием в руках защищать свой дом.

Из леса показался Влас в зимнем маскхалате, на лошади в

таком же наряде, специальном. Он подскочил, отчитался, что минут через тридцать покажутся враги, и полез на стену. Его отряд вместе со спецсредствами, в виде мортирок с чесночным «газом», был уже там. Их таких сделали пять штук да запас гранат не слабый. Дальность невелика, метров сто, если со стены палить, но при должном расчёте фитиля, который удерживал чеку, можно было добиться накрытия чесночным «газом» прямо в воздухе. Мортирки по сути представляли собой арбалеты с ножным приводом для взведения троса — пневматический шток портил гранаты, поэтому пришлось городить такое вот изделие. Правда, тросов на каждой было пять, заранее натянутых, поэтому скорострельность была на уровне.

К моменту появления нападающих, суета в наших рядах прекратилась. Ополчение занимало позиции перед воротами в каменную крепость, по флангам стояли БТРы с пулемётами. Прочие средства усиления, что не пошли на стену, собраны в три мощных кулака и прикрыты мечниками да топорниками. Через лесополосу уже были видно движение. Выскочила пара конников, увидели нас, и вновь скрылись за деревьями. По строю раздались команды — мужики наши скрутили копья, сцепили щиты, и заняли позиции для стрельбы. Из леса слышались команды врагов, скрип саней, конское ржание, лязг металла. Колонна врагов показалась из леса, начала выстраиваться параллельно нам. Врагов было много, очень много! Правда, качество этого с позволения сказать «войска», откровенно хромало.

Всадники, их под полторы сотни набралось, встали тремя группами, одна побольше, в центре, две — поменьше, по краям. Они были неплохо экипированы, и выглядели вполне по-боевому. А вот пешие… Ну вот если представить себе группу крестьян-партизан, времён Дениса Давыдова да без какого-либо стрелкового оружия, то самая та картина будет. Мужики в тулупах, с дрекольем почти каждый второй, часть с копьями, часть — с топорами, изредка видны щиты самых разнообразных форм и размеров. Отдельно чуть встала группа с луками, короткими, маленькими, охотничьими. Да ещё и сани их всех сзади подпирали. Строй, которым стояли пешие воины, был наиболее распространён в это время, и назывался он «толпа». Большая такая толпа, человек на шестьсот. Вдоль неё, пытаясь создать подобие войска носились конники, махая плётками направо-налево и громко ругаясь. Если наше неторопливое построение заняло минут тридцать, с перекуром, то эти «военнослужащие» строились чуть не два часа. Уже и солнце за полдень перевалило. Мы даже поговорить за это время успели:

— Как думаешь, чего они крепость не окружают? — шагом

пустив коня ко мне подошёл Лис.

— А чего тут думать? На то и расчёт, — за меня ответил Кукша, — крепость брать — штурм дорого обойдётся. А на плечах отступающих вломиться — милое дело. Тем более что обороняющиеся «с дуру» из крепости-то вышли.

Мы чуть посмеялись. Действительно «с дуру», если подоплёки не знать. А она проста. Надо в чистом поле раздолбать кучу народа, не особо теряя время на осады. Как это делать? Только провокацией. Вон, мы даже ворота закрывать не стали, пусть видят, что можно дуриком в крепость влететь. Если через нас пройти. В обычной ситуации, даже такие хорошо экипированные воины как мы, не выдержат напор равного количества не хуже экипированной конницы. А значит, когда мы побежим в крепость, можно будет вместе с нами в неё ворваться и разбежаться по городу. А пехота, эти партизаны-дрекольщики, добьют тех, кто будет сопротивляться, да добычу помогут довезти. Это они так думают. А на самом деле, у нас тут…

Загибайте пальцы. Десяток пулемётов на стенах под пятьдесят выстрелов в минуту выдадут. Средствами усиления отделений — ещё десяток пулемётов и огнемётов. Два «Максима» на БТР. Итого за минуту — пара тысяч выстрелов и десяток струй огня, и это только усиление. Пехота в строю — считай сто человек по десять-двадцать выстрелов прицельных за минуту. Считай, тысяча-две чугунных пуль. Плюс ещё столько же — снайпера на стенах, туда же, в копилку. Да и БТР, который тупо может подавить тут чуть не половину той конницы, тоже сила большая. Конечно, могут и проскочить на конях, теоретически. Но практически — там на поле брёвен навалено, ещё с вечера, да присыпано всё это снежком-то. И щиты у нас добрые, и копья — справные, и доспехи не бумажные. Пусть попробуют.

Проблема только определить, кто это такие. Процентов девяносто, что это боярин со Свири, но и другие варианты исключать нельзя. А вдруг Рюрик удила закусил? А вдруг вообще люди левые? Нам особо ссориться ни с кем не хотелось, но оформить в рыло особо борзым тоже религия позволяет. Вот и ждали мы, пока «гости» наши построятся да голос подадут, прояснят обстановку. Наши мужики уже мёрзнуть начали, ругаются вполголоса, а эти, блин, не торопятся, все порядок наводят, да совещаются, мне в трубу подзорную видно. Наконец, гости приняли какое-то решение, три всадника вышли из толпы. По натоптанной дорожке (натоптанной и хорошо пристрелянной, на ней только брёвен и не лежит) подъехали к середине поля вояки и начали орать, мол, кто тут смелый, выходи на честный бой. Мы и выдвинулись втроём, с Ториром и Кукшей.

На половине пути встретились с пришлыми, начались «переговоры»:

— Знатный воин Болеслав от князя Рюрика пришёл! Сына его вы обидели, и людей его, честь умалили, за то битье кнутами, вира большая, — начал писклявым голосом полненький разнаряженный низкорослый мужичок, — а если не вернёте сына с людьми и за обиды не заплатите, да под руку его не пойдёте, в данники, то будет вам смерть лютая, страшная! Детей да жен ваших…

Ну и так далее. Я повернулся к Кукше:

— Тут это чмо себе на сколько уже наговорило? Лет на десять?

— С учётом обстоятельств, и на «вышку» тянет, — Кукша в законах не силён, по наитию определил меру, степень, глубину вины «пухлого», — у Власа надо спросить, точнее подсчитать получится.

— Ты, козел безрогий, — начал Торир «переговоры», — ты на кого руку поднял, а? Я смотрю, тебе голова на плечах лишняя? Или язык на новое место переставить?…

Красочными, идиоматическими и крайне метафорическими пленительными русско-скандинавскими выражениями Торир начал рисовать картину засовывания в пятую точку «пухлому» языка, рук, ног, копья, щита и коня. Я аж заслушался. Пухлый же прям слюной изошёл:

— Ты! Ты знаешь!..

— Да знаем мы все, опять вопли, сопли, слезы, боль, — у меня традиционно попёрла дурь, — Рюрик-то ваш знает хоть, что вы сюда пришли? Или опять «инициативу проявили»? Идиоты, у нас заказ княжеский на верфях стоит, вот в заказе том мы вас потом с отправим ему, украшенных верёвками да кандалами, чтобы рты лишние не кормить. Гребцов опять де не хватает, прикуём к вёслам — и алга! Может, похудеешь хоть, на таком-то фитнесе…

— Рюрик Болеслава поставил тут его рукой да голосом быть! — напыщенно произнёс этот придурок, лишь подтверждая сказанное мной, — Во всем ему тут доверие! Против княжеской воли идёте!..

Опять бла-бла-бла.

— А ты сам кто такой? Или у Болеслава язык отсох? Или, — вкрадчиво произнёс Кукша, — боится боярин-то? Шелупонь всякую посылает вперёд себя, нам с такими разговаривать не с руки. Пойдём, государь…

Мы под злобные вопли пухлого развернулись и направились обратно. Тот придурок, вместо того, чтобы тоже пойти к своим,

плёткой замахнулся! Вот как есть идиот! У нас же снайпер на стене! Со смачным звуком тяжёлая пуля вошла в плечо «пухлого», вой боли раздался за спиной, я быстро посмотрел назад — представитель Болеслава весь скрючился, кровища хлещет по плечу. Этот дятел даже доспех не одел! Только панцирь какой-то! Руки не защищены! Н-да, с таким разговаривать — себя не уважать.

Вернуться мы не успели. Влас со стены показывает что-то у нас за спиной. Оказалось, теперь уже пять всадников скачет, во главе — самый нарядный, наверно, тот самый боярин. Он остановился чуть поодаль того мечта, где был пухлый и начал орать. Орал долго, слюной брызгал да карами всяческими стращал.

— Вот сразу видно, одного поля ягоды, — мы под его вопли обсуждали схожесть боярина и его сына, — даже выражения одинаковые используют, и лаются похоже.

— Может, пристрелить его, и вся недолга? — предложил Кукша.

— Не, не получится. Его люди в драку полезут, да потом молва пойдёт, что мол нечестно, при разговоре подстрелили, — Торир идею забраковал.

— Э! Ты там! Да-да, ты, не оглядывайся, петух гамбургский! Ты бумаги читал, что мы тебе передали? По глазам вижу — читал. Так в чем проблема? С приговором не согласен? А, нас под кнут, за сыну виру, и к тебе в данники? А ты часом не о…л, родной? Иначе всех убьёшь, да сам возьмёшь? Ну так приди и возьми, чучело!

Фьють! Еле уклонился от стрелы. Ба-а-ам! Мужик с луком, который был в сопровождении боярина упал с пробитым шлемом замертво. Веселина меня, считай, спасла, её особую винтовку по звуку я давно определяю. Если бы не выстрел девушки по лучнику, я бы от новой стрелы не увернулся. Мы рванули к себе, боярин — к себе. Понял, что под обстрелом стоит, вот и сжалось это… седалище, короче. Прискакали, чуть отдышались. Наши ждут команды, переговоры мы вели на повышенных тонах, их все слышали. Кукша отдал команду:

— К бою! Торир — бери центр! Я на правый фланг, Сергей — левый! Пулемёты на Гуннаре! Влас — по готовности, по пехоте бить будешь! Внимание!.. — зычный голос Кукши, откуда такой только пробился, раздался над полем.

Боярин достиг своего войска, и после недолгих сборов, конница пошла в атаку. Двинулась и ведомая несколькими всадниками пехота. Разгон противник не брал, а стал расходиться сторонами, две группы всадников с пехотой по флангам

разошлись, боярин остался в центре. Мы приготовились отражать атаку, войско противника стояло, там началась «накачка» личного состава. Мол, феодальное отечество в опасности, не простим позора, умрём все до одного. Ну, это у нас можно. Я постучал по башенке БТРа:

— Стрельба по команде. Коней пожалей, животина-то не виновата в дурости людской.

— Сделаем, — послышался голос нашего замполита, он на пулемёте сидел.

— Ар-р-р-ргхахаа! — боярин начал атаку, его конники начали набирать разбег, следом трусила пехота.

Не долго это продолжалось, начали спотыкаться на присыпанных снегом брёвнах, движение замедлилось. Вперёд вышли лучники, и быстро двинулись к нам, по дороге доставая стрелы. Запыхтел пулемёт на башне — парочка упала, остальные бросились в рассыпную. У них ситуация патовая — до них достают, причём со стены, они же своими луками только сугробы пристрелить могут. Боярин грозно рыкнул, лучники ушли за линию пехоты. Войско опять пришло в движение, на этот раз, прикрываясь щитами. Конники начали чуть отрываться от пехоты, когда последовала команда Кукши:

— Сигнальными! По коням! — в морду распалённым животным полетели огненные шарики, всадники начали сбиваться в кучу, не имея возможности остановиться и рассыпаться по полю из-за брёвен.

Падают конники, на них натыкаются другие, пытаются перескочить или объехать, замедляют бег, строй конницы превращается в вытянутую вдоль тропинку кучку. На правом фланге ещё хуже, там даже тропинки нет. А вот на моем странные дела творятся. Воины как-то нехотя движутся, скорее, вдоль линии потенциального обстрела, а не через неё. Я даже забеспокоился, вдруг в крепость полезут. Хотя они и по боевому выглядят, но атаку, скорее, имитируют. Один вон вообще с копьём колдует, вместо того, чтобы его в нас направлять. Он секунд десять показывал какие-то знаки, а потом вообще опустил оружие! Поднял вскоре, да с красной тряпкой на конце. Это ещё что за новости? С нашей стены полетел синий огонёк, в сторону от крепости, у Власа такие были. И эта банда тихонько, чуть не пешком, направилась за стену! Нет, правда за стену! Со стороны боярина кажется что они нас атакуют, а они движутся вдоль стены, если её мысленно продолжить! Всадник ещё раз помахал тряпкой, и продолжил «иммитацию атаки». Я перевёл взгляд на центр. Как раз вовремя. Всадники пересекли невидимую линию. Один, второй, пятый. Пых! Выстрел со стены. Блин, команды же

не было! Нервничают, наверно…

— Сто-о-о-я-ять! Куда без команды! — голос Брунгильды громом раздался над полем, от него даже кони, бегущие на нас, казалось, чуть оторопели. И впрямь нервы у кого-то из девчёнок на стене не выдержали.

— Берегите коней! Огонь!!! — зычно заорал Кукша.

Шипение пулемётов и винтовок слилось в сплошной гул. Всадники словно наткнулись на невидимую стену, и начали падать. Пять, десять, двадцать, половина… Остальные начали разворот — вступили БТРы, расстреливая убегающих. Пехота вообще встала — теперь их же кавалерия неслась прямо на них! Дурдом! Построение, если и было оно у боярина, превратилось в свалку. Пехота выставила дреколье — кони на него не идут, скорости уже нет, после разворота, а животина она, чай, не дурная, брюхо себе распарывать не хочет. От пехоты в разные стороны побежали люди, толпа конников металась под огнём. Стоны, крики, ржание коней. Правый фланг вообще выкосили напрочь, только табун осёдланных, обезумевших, лошадей носится по кругу, добивая раненых копытами.

В центре хуже — там остатки всадников разделились на три категории. Часть тупо побросала оружие, и только что руки не подняла, сдаются значит. Вторая группа, во главе с пухлым, я его по повязке на руке узнал, рванула на мой фланг, видя что там безопасно. Третья группа вообще себя странно повела. Мужики, кто был на конях, слезли, и громкий голос проорал, перекрывая ржание лошадей и стоны раненых:

— Спина к спине! Спина к спине! Спина к спине! — вокруг голосившего мужика стали собираться выжившие, прикрываясь щитами.

Человек пятнадцать ощетинились копьями посреди груды человеческих и конских тел, не всех лошадок уберегли. Кукша отчаянно жестикулирует, что-то показывая Гуннару, потом вспоминает про ракетницу, пускает одну ракету вслед убегающему пухлому, вторую — в сдающихся, они рассеяны по полю. Ракеты красные. А третья, белая, летит прямо в «ёжик» из копий посреди поля боя. Пехота боярина тупо стоит отдельно от этого месива, не понимая, что делать дальше. Ручейки сбегающих в сторону спасительного леса укрупнились, особенно когда мой замполит на БТРе начал передвигаться, оглашая окрестности паровым гудком. Испугались пришлые, и правильно, замполит у нас мужик суровый.

Финал боя был кровавый. БТРы развернулись чуть, и ударили пулемётами по сдающимся, как и показал Кукша. Зачем он это сделал — я не знаю, но какие-то соображения, видать, им

двигали. Все, кто не успел обнять землю живым, опустились на неё бездыханными. Крайняя башенка на стене, молчавшая до этого, ударила двумя пулемётами и снайперским огнём по убегающему пухлому. До леса добежали только кони… В наш правый фланг влетел табун, мужики, как и тренировались на такой вот случай, отбежали, оставив стоять вместо себя соединённые щиты, но кони проломили щиты, и потоптали стрелков. Черт! Потери… Обезумевший табун полёг под фланговым огнём и от выстрелов девушек со стены. Все. Битва окончена. Хот какая к чертовой бабушке битва — опять у нас геноцид хроноаборигенов вышел. Я посмотрел на часы — все заняло не более двадцати минут. Ужас.

БТРы, не находя противника, выдвинулись в сторону группы военных боярина, что не вступала в бой. Те стояли, пехота и всадники в кучу, и не двигались. Копья смотрят в небо, пехотинцы стоят напряжённо. Ждут. Выбежал Влас, вскочил на свою лошадь, и с группой своих ГБ-шников и Лисом помчался к ним, махнув БТРу чтобы следовал за ними. Тот пополз потихоньку. Кукша подъехал ко мне:

— Ну, вроде всё. Только с этими разобраться надо, — пасынок махнул в сторону замершего посреди поля «ежика» из щитов и копий.

— А сдающихся ты на хрена положил?

— А трусы потому что, — спокойно ответил Кукша, — те сбежали, им туда и дорога, эти оружие побросали, но роту давали боярину, значит, тоже дерьмовые людишки. А вот эти, что посреди поля остались, их бы надо сохранить…

Я недоуменно уставился на начальника штаба.

— Сам посуди, — терпеливо начал рассказывать Кукша, — трусы да предатели кому нужны? Никому. А эти и клятву не предали, и оружие не бросили. Значит, не нам, так Рюрику точно пригодятся, да и грамотно они строй собрали, если бы не винтовки и пулемёты — мы бы его хрен разбили. Нужны такие люди, всегда нужны. Умные и смелые — с такими договориться можно.

Гляди-ка! А пасынок то у меня политиком растёт! Я с уважение гляну на него:

— А Торир что говорит?

— А он сейчас к ним пойдёт, разговоры говорить, — ухмыльнулся Кукша, и подначил меня, — он, в отличии от некоторых, сразу все правильно понял.

— Но-но! Я ещё пока государь! — я шутливо погрозил Кукше, тот улыбнулся, — А этих всадников, на левом фланге, что вообще в битве не участвовали, тоже под нож пустишь?

Кукша улыбнулся ещё шире:

— Почему не участвовали? Участвовали, но на нашей стороне. То Ярило, знакомец наш, у него с Власом договорённость, — поведение той группы военных сразу стало понятным, как и красная тряпка на копье, — Ярило-то теперь вроде как единственный, кто в битве людей уберёг, а они все под князем ходят. Такие дела.

Действительно, дела-а-а… Торир между тем подъехал к группе оставшихся вояк, что строем стояли посреди поля, и начал «переговоры». Традиционно, пять шестых тех переговоров — понты да непереводимый фольклор, но судя по начавшим доноситься смешкам, общий язык они начали находить. Хотя копья воины не бросили. Влас подъехал с двумя конниками. Одного я знал, то Ярило, вторым оказался суровый дед, чем-то похожий на Торира, с длиннющей бородой.

— Поздорову будь, государь, — Ярило слез с коня, поклонился в землю, спина не переломилась, молодец, я кивнул в ответ — это отец мой, Добролюб.

Дед слез с коня, землю лбом бить не стал, тоже кивнул, но уважительно. Я протянул ему руку, тот помялся, подумал, потом пожал, по локоть, традиционно.

— Сергей, государь Российский.

— Доролюб, купец с Гребцов, — представился отец Ярило.

— А это, — я гордо показал на стену, — Москва, столица наша. Добро пожаловать, Добролюб. Мы тем кто с добрыми намерениями всегда рады. Остальным… Ну, сам видишь, что бывает, когда договориться не получается.

— Ага, загляденье просто, — Добролюб был настроен благодушно, — за сына спасибо, что отпустил. Да и это… За голову нашего… Ну, скажу так. Винить тебя ни в чем не стану.

И лыбится, гад! Хитрый жук, надо с ним поосторожнее. Надеюсь, наша наглядная демонстрация мысли дурные отогнала, теперь и конструктивно поговорить можно.

* * *

— Там ваши вояки застряли на поле, да пешие разбрелись. Надо заканчивать это всё и думать, как дальше быть. Поможешь?

— А чего и не помочь, — легко согласился Добролюб, и забрался на лошадь.

Я тоже залез на коня, слезал пока здоровался, и повёл народ кТориру. Там уже абсолютно небоевая обстановка, мурман и мужик, который всех собрал в строй, больше подколками перекидываются.

— Вылезай, Клин, я тебя пивом угощу! — надрывается Торир.

— Ага, видал я твое пиво, вон, лежат уже тут… пьяные, — в ответ ему доносится из строя, — как бы тоже голову не потерять, от такого хмеля.

Смешки в строю копейщиков, но копья не опускаются. Мы ехали через поле битвы. Мои стрелки редкой цепью прочёсывали его, добивали раненых. Часть, молодые особенно, не выдерживала увиденного, отдавали на поле свой завтрак. А я ничего! Привычный уже. Разве что зеленоватый цвет лица придаёт моей физиономии лёгкий флер благородства. А Добролюб, кстати, это видит, и ухмыляется, зараза. В крепость его не пущу — нам такие наблюдательные не нужны. Подъехали, только хотел встрять в диалог, началось нечто непонятное. На краю леса, где скопились пехотинцы, возникло шевеление. Шевеление и шум.

— Сто-о-о-оять, я сказал!! — знакомый, резкий и властный крик раздался из леса.

Сбив снег с веток деревьев, растолкав пеших вояк, на поле влетела кавалькада всадников. Мои насторожились и встали в строй — держать оборону. Вновь прибывших конников было немного, человек пять, но судя по шуму из леса, сейчас ещё будут.

— Подмога? — забеспокоился Торир.

— Да не похоже, странно ведут себя, — я доставал подзорную трубу, под чутким и хитрым взглядом Добролюба, — а вон тот и вовсе — знакомый.

— Оружие на землю! Вы что, княжьей воли не боитесь!! Вообще тут все с ума посходили!!! — всадник плётками расталкивал пеших, те бросали дреколье и уходили в сторонку.

Я наконец-то настроил трубу. На краю поляны носился Олег и орал как ненормальный.

— О! Какие люди! И без охраны!

— Да нет, с охраной, глянь — Торир показал на лес.

Из леса показалась цепь всадников, выталкивающая пеших вояк на поле. Мужики бедные не знают куда себя деть — тут мы, страшные и непонятные, но не агрессивные. А из леса конники подпирают.

— Сергей! Сергей! Государь российский где?! — надрывается Олег, вон и Вольга показался, указывая на меня плёткой.

Хельг-Олег увидел, наконец, меня, и рванул что есть мочи, прямо по скопищу людей.

— Сергей! — Олег спрыгнул с коня, — То не я!.. То Болеслав!.. Сам!.. Уррррод!.. — далее последовала краткая биография боярина и его родственников, до пятого колена.

— Ты не кипятись, воевода! Остынь, успокойся, нормально всё. Сами всё понимаем.

— Я… А он!!! Вольга прискакал… Весь в мыле… Говорит, Болеслав бить тебя идёт. Я только с Новгорода, там Рюрирк… Не успел!!! — Олег переживает, причём сильно.

— Так, у тебя людей много? Давай пеших собирай, сани во-о-он туда ставьте, оружие на них, мне тут орава беспредельщиков не нужна. Мои вам периметр, ну, границу покажут, оттуда без моего разрешения — ни ногой! Давай, парень, делом займись. Чай, не бабы, чтобы орать да за патлы хвататься. И ты, Добролюб, тоже вон туда давай. А мы тут пока этими займёмся, что на поле остались..

Отповедь дала эффект — Олег умчался сбивать в кучу сани, пеших мужиков, разоружать их. Добролюб своих тоже начал отводить на указанное место. Над полем смолкали крики добиваемых раненых и предсмертные стоны лошадей.

— Ты что творишь, гад! — Смеяна властвует над ранеными людьми и животными, по рукам стрелков наших бьёт.

— Дык эта, она же… У коня-то… Нога-то поломана. Куда его? — отбивается от напора малявки взрослый дядька, получается не очень.

— Дурень ты! Это кобыла! Она жеребят даст! Нога ей в этом совсем не нужна! — после слов Смеяны над полем раздался дружный гогот, отпускает народ потихоньку пыл битвы, — Лосиху на ноги поставили — и этих выходим! Лошадок не добивайте!

— Ясно! Понятно! Будь спокойна, Смеяна Первушевна! — понеслось с разных сторон поля, медика нашего уважают, — С людьми что делать?

— Кто ещё живой — ко мне неси, остальных — вон туда! В перчатках! В масках! Заразы ещё не хватало! — мелкая, ей пятнадцать, рулит толпой взрослых мужиков и получается это у неё здорово.

— Да тут живых то вроде как… эть! — сдавленный хрип,

штык пронзил лежащее тело, — И не осталось уже…

— Мясники… — Смеяна махнула рукой, — Ладно, сами смотрите.

После её указаний суета на поле стала более осмысленной. Убитых лошадей волокут в одну сторону, из-за мороза тела быстро превращаются в мороженные туши. Трупы людей — в другую, там их раздевают, забирают все ценное, оружие, железо, шмотки нарядные да золотом шитые, меха. Вон уже и пухлого потащили, пуля в шею попала, кровью все залило. Отдельно собирают разбежавшихся коней. Снимают сбрую, сгоняют в табун. Животных жаль больше всего — пострадали ни за что. Как, впрочем, и остальные. Все из-за гонора да дури боярской.

— Видишь, Кукша, к чему понты приводят, — мимо протащили тело боярина, его одним из первых пристрелили, да потом ещё и кони по нему потоптались, — нехрен командиру вперёд с шашкой на БТР лезть!

— Да нет, все правильно он сделал, — Кукша ткнул пальцем в труп, — у него и доспех лучше, и опыта больше, и конь сильнее. В обычном бою, если бы не с нами, у него больше шансов строй пробить. Больше опыта, богаче добыча, лучше оружие, крепче доспехи и конь, значит — впереди самое место. Это не дурь и не понты, правильно он сделал.

Хм, ведь прав пасынок, боярин тут самый защищённый да вооружённый, ибо возможность есть. А возможность — из-за опыта большого появилась да добычи доброй. И впрямь так лучше строй пробивать. Закралась мысль о том, что скоро я Кукше в военном деле буду не советник. А ну и ладно, не век же ему мне в рот заглядывать, пусть своим умом живёт, благо, Перун не обделил.

— …А вот ещё, — мы подъезжали кТориру, тот продолжал распинаться перед «ёжиком» под прикрытием подъехавшего БТРа, — Воин славный к логову чудища пришёл, к пещере подходит, кричит зычно: «Выходи на честный бой!». Молчит чудище. Он ему: «Змей поганый! Выходи на честный бой!», опять молчит чудище. «Гнида болотная, выходи на честный бой!». А тут голос сверху: «Ну гнида, ну чудище, чего в задницу-то орать!».

Ржач в строю, гогот. Копья уже у вояк в землю смотрят — полчаса этот дрын держать не каждый сдюжит. Но контакт пошёл.

— Здорова, мужики! — я поздоровался, строй дружинников замолчал и напрягся, — Чего мёрзните? Ваши вон уже в лесу костры разводят, шли бы туда.

— Не все наши греются… Государь? — мужик, главный в том строю, пошёл на контакт, — Кто вон и в снегу холодном в камень превращается, навсегда.

Повисло молчание. Груда тел погибших на краю поля росла.

— А вы собственно чего хотели? Пришлю сюда с оружием, по беспределу боярскому. Сын его тут у нас людей бить пытался, да корабелов своих же чуть до смерти не довёл по осени. За то в поруб сел. О том писано боярину Болеславу было подробно. Да сказано ещё, что виру заплатит, бумагу подпишет, да пусть к себе в поруб сынка забирает, дальше сидеть да уму-раузум набираться. А он воев привёл. Сам помер и вас подставил…

— Нам он другое говорил, — голос мужика обрёл оттенок непонимания, — сказал, сына его люди злые пленили да выкуп требуют. Тот волю княжескую исполнять пошёл — там и захватили.

— Волю княжескую он чуть не запорол, если бы не Вольга да корабелы ваши, так бы и осталась она не исполненная.

— Так перебили корабелов-то наших! — звонкий молодой голос зло выкрикнул из «ежика».

— Кто сказал? — тут даже я изумился, — Как так — перебили, если медики наши, ну, лекари их выходили, да на заказ Рюрика за работой присматривать отправили?

— Так что, живы выходит? И батька мой!? Побожись!

— Вот те крест! — у меня прям после «побожись» рефлекс сработал, я лихо перекрестился, хотя может и неправильно, не помню, хоть убей, как надо.

— Крещённый, что ли? — из строя послышался недоверчивый голос, тот же, молодой.

— А ты, сокол ясный, тоже крещённый? Отец твой не тот, что с шрамом на щеке малым, да крестом кипарисовым? Ну, ещё приговаривает постоянно «экий ляд»?

— Он… — голос стал растерянным.

— Ну дык батька твой сейчас внутри крепости, от вас спасается. Как и остальные. А сынок боярский в порубе с дружками сидит. Ярило вам не сказывал ничего?

— Сказывал, да заткнули его быстро, — опять мужской голос, Клин его, вроде, Торир называл, — выходит, врал Болеслав? Нам-то он другое баял…

— Мы ему документ прислали, выписку из решения суда, — к нам подошёл Влас, — там все написано было. Как людей сын его смертным боем бил, как в чёрном теле их держал, как на нас тут с оружием кидался…

— Вот гнида! А нам орал, что волхвы злые тень на плетень наводят!.. — мужики в строю стали живо обсуждать подлость боярскую, на нас уже, по-мойму, и внимания не обращали.

— Так, чего словесами тут потрясать. Влас, отправь человека, пусть корабелов приведут. Мужики! Вы тут пока постойте, чтобы

за дровами для костра вас Олег не послал. Отдохнёте заодно!

Дружное ржание.

— А что, Хельг тут? — голос Клина звучал недоуменно.

— Ага, вон он как раз собирает ваших пеших.

— ……! — после недвусмысленного набора пленительных словенских выражений, означающих крайнее возмущение и недовольство ситуацией, Клин выдал, — Не-е-е-е, я лучше тут постою. Целее буду. Если уж и Олег тут, и правда, то что ты сейчас сказал, лучше так вот, со щитами и гурьбой пойдём до дому…

— …От греха подальше! — добавил молодой, чем вызвал ещё один приступ смеха.

Привели корабелов. После недолгого разговора строй копейщиков наконец-то распался. Мужики попрятали оружие, отец с сыном встретились и крепко обнялись. Из глубины небольшой толпы выдвинулся мужик, с длинным, вытянутым хищным лицом. Хм, он наверно не Клин, Клинок скорее, уж очень похожа на меч физиономия, а до четырёх букв для удобства сократили.

— Ну здорово, Клинок, чего так долго?

— Хм, как зовут знаешь?

— Догадался.

— И тебе поздорову… государь? Так зовут?

— То должность, Сергей меня зовут.

— Ну, не обессудь Сергей, — Клин стянул шлем с головы, но поклоны бить не стал, — не своей волей, по дури Болеслава-гниды сюда с бедой пришли, не знали мы, что тут на самом деле было.

— Ладно, дело житейское, бывает. Вы нам урону-то и не причинили, разве что кони ваши моих людей потоптали…

— Там не сильно, за пару недель оклемаются, — добавил вполголоса Влас.

— Ну то пивом им проставите, раз несильно. Пойдём, что ли, я к Олегу вас отведу, чтобы «ежиком» вам домой не возвращаться.

— Хм, и впрямь — «ежиком» получилось. Ну пойдём, раз так, — Клин со товарищи выдвинулся за нами, БТР пыхнул паром, и поехал следом, от греха подальше.

В лагере у Олега были суровые разборки. Сам Хельг ходил злой, ругался на всех почём зря, мужиков про бой да и ему предшествующие события расспрашивал.

— Перун меня задери, — вымолвил Влас, — дикие люди! Это ж все под протокол надо!

— Ага, вот этим и займёмся, для Рюрика материал готовить будем. Олег! Чего людей почём зря тиранишь?

— Да Болеслава этот! Сукин сын!.. — опять ругань.

— Да поняли, поняли уже всё. Ты давай лучше покажи, где обоз его, мы его в бою взяли, наше то всё… — подъехал Кукша, — Здорова, воевода!

— И тебе не хворать, Кукша! Вон обоз, — пригорюнился Олег, — берите.

— Чего нос повесил?

— Та, — махнул Олег, — чем я теперь людей кормить буду? Мы-то впопыхах собирались, думали, обратно их поворотить. А теперь…

— Да вон из саней и корми. Нас только боярские да погибших тут сани волнуют, остальное — ваше.

— О! Это дело! Спасибо тебе, Сергей! — Олег повеселел, изобразил мимолётный поклон.

— Полно те, заканчивай тут, бери Вольгу, Добролюба с Ярилом, да вон Клина, и дуй к воротам — переговоры будут. Про дела наши скорбные…

— Что за Клин? — недоуменно посмотрел на меня Олег.

— Да вон, вояка бравый, одним махом семерых побивахом, — народ заржал, — шучу. Нормальны мужик, единственный умный тут, да и остальные с ним не робкого десятка. Под боярином ходил, а тот его подставил. Как и всех тут, впрочем. Давай, к вечеру жду, вагончик тот же к воротам вывезем.

Вечером обсуждали события первого дня Нового года.

— …Восемьдесят пять погибших у них, у нас — семь раненых. Ушибы в основном, да два перелома, кони потоптали. Их, лошадок тех, собрали пять десятков, да ещё три. Раненых девять, но тех на ноги поставим, хромать, правда, будут попервой…, - закончила отчёт Смеяна, — Тела куда девать?

— Тела — сжечь, нечего заразу разводить, — я слушал вполуха падчерицу, — костёр завтра сложим, да и спалим все.

— Большой получится, славная битва получилась — встрял в разговор Торир.

— А нечего было лезть! — резонно заметил Кукша, — Да и не битва, а какое-то убийство получилось. Хотя, нас бы они тоже не пожалели. Ладно, что было — то было.

В дверь вагончика тихонько постучались, это наши гости. Пока располагались по лавкам за столом, Смеяна добавила:

— Да, ещё. Конь здоровый, боярский тот, чёрный. Он в руки не даётся, так и ходит, отбрыкивается.

— Потом посмотрим, спасибо тебе, ступай пока, — я повернулся к нашим гостям, — ну что, рассказывайте, как до жизни такой докатились.

Рассказ получился долгий, но развёрнутый. Каждый вставил

свою лепту, картинка окончательно сложилась. Олег в прошлом году после нашей первой встречи отправил гонца Рюрику с описанием того, что он тут наворотил, и приложением наших договоров. Ответ дождался, только к концу лета, чуть ногти все не сгрыз. Рюрик разумно рассудил, что пока силы он большой не имеет, и за цену малую можно водным транспортом разжиться, надо брать. Потом, правда, видать вник в бумаги, и, пока Олег готовился к походу к нам, прибыл гонец со срочным вызовом в Новгород, с глазу на глаз переговорить. Хельг изменил планы, с дружиной отплыл к Новгороду, а к нам отправил Вольгу, с поручением взять людей мастеровых в Гребцах, где заказ княжеский изначально делать планировали, и идти в Москву. Рюрик подробно расспросил Олега о нас, наказал следить внимательно и посмотреть, справимся ли мы с выделкой лодок. Если да — ещё будут просьбы от князя, да и границы он подтвердит. Ну а если не успеем с лодками — то и под себя нас подмять не грех, ну или скидку там вытребовать, оптовую. В любом случае, он ничего не теряет. Олег был доволен — срослось вроде всё как надо.

Вольга же рассказ свой начал с того места, как они в Гребцы попали. Там Болеславу он все бумаги наши, с материалами дела, передал, на словах все рассказал. Боярин, пёсий сын, все выслушал, дождался пока Вольга уедет, и рванул поднимать народ. Это мне Клин рассказал уже, он в Гребцах вроде как милиция — у каждого купца-боярина там своя дружина, а он вроде как на общинные деньги живёт, ополчение готовит. Его с остальными «милиционерами» тоже под поход на Москву подрядили, рассказав байку про то, что честный и благородный сын боярский волю княжью исполнить шёл, а его захватили волхвы злые, людей его перебили, да виру требуют и Гребцы сжечь грозятся. Ну все и пошли, раз такое дело, опасность для селища на дальних подходах устранить, да «невинную» душеньку сыночка Болеслава из плена злых колдунов, которые его в картинку заключили да на пергамент наклеили, вынимать. Картинка — это фото из копии решения суда.

Из истории этой выбивался Ярило со своим рассказом о походе к Москве. Болеслав, правда, надавил на всех, тут и родители подручных сына его, тоже знатные люди, подключились, сборы на войну не прекращались. Голос Ярило остался неуслышанным. А вот Добролюб сыну поверил. Прислушался, да потихоньку дружину свою настрапалял в правильном направлении, и пешее ополчение, что к ней приписано — тоже. Да и бумагу подмётную на Ладогу отправил, перед самым выездом в поход. Мол, боярин своевольничает,

Москву брать идёт.

Вольга по зиме вернулся к Олегу, они планировали, где гребцов на лодки брать, а тут письмо от Добролюба. От новостей, принесённых гонцом, волосы у Олега зашевелились, собрал он кого смог, на коней, и дал джазу. Чуть не за неделю до Москвы добрался. Успел только к шапочному разбору да дележу трофеев.

И сейчас Олег больше всего опасался, что из-за всех этих событий наши договора, которые ему уже и князь его подтвердил, канут в лету.

— Не переживай, спишем на эксцесс исполнителя, — во какое я модное выражение вспомнил, народ аж охренел за столом, — ну, Болеслав же вас обманом сюда привёл? Правильно! А значит вы вроде как и не при делах. Невиновны в его дурости. А значит, на исполнение договоров его действия никак не повлияют. Ну, за исключением штрафа за увечья, тут у нас раненые появились из-за вас.

— Я готов!.. — вскочил Олег, у него забрезжил свет в конце тоннеля.

— Ага, невиновны. Однако люди полегли, — грустно заключил Клин.

— Ну тут сами виноваты. Надо ж было разобраться, куда да почему лезете, а не бросаться на амбразуру. Ну, на копья голой грудью. Поэтому хоть и набедокурили, и сами пострадали, но вроде как мы квиты тут.

— Только бабам да детям что я скажу? — а Клин молодец, не о себе думает.

— Ну да, дурацкая ситуация. Обманом боярин с подручными заманил, люди полегли, а теперь и спросить не с кого, все виновные в кучке лежат на морозе, как и невиновные, — я постучал костяшками по столу, — думать надо. Сколько там погибло из тех, что не в дружинах боярских и его подручных был?

— Двенадцать человек, — подвёл мрачный итог боярского чванства Клин.

— Дружинники знали-то, небось, кому роту давали, их в рассчёт не берем. А вот этих двенадцать надо как-то… Семьям их…

— За нами вины нет! — отрезал Кукша.

— То верно, но и сиротами их оставлять… Не по-человечески как-то будет. Без кормильцев, чай, не сладко придётся… Давайте так, коней у нас теперь табун, может, в качестве вспоможения по лошадке выделим?

— А делать они с ними что будут? Кони-то боевые, пахать на них — не резон, — логично высказался Добролюб.

— Продадут, ну или приспособят как-нибудь…

— Я их себе заберу, а им из имущества боярского, что дома осталось долю дам, — Олег выдал новую идею, — да всем в Гребцах расскажу, почему да что тут произошло.

— Вот-вот, нам мстители тут не шибко нужны под боком, — поддержал его Торир.

— Кстати о мстителях. Что с заключёнными делать будем?

— Сынок тот боярский и не в курсе всего, до сих пор лается да орет, что князь придёт, Рюрик, да всех тут за него под нож пустит, — подкинул дров в костёр Влас.

— И давно он так, словом княжеским раскидывается да решения за него принимает? — в тихом голосе Олега послышалась сталь, чувствую я, несладко придётся теперь хмырю с подручными.

— Да как пришёл — так и кидается. У меня всё записано, — охотно подтвердил Влас.

— Значит, князем, говоришь, грозится… Посмотри, что сам князь на то скажет, — Олег успокоился, теперь перед Рюриком он чист.

— Можем вдов к себе взять, — Лис подал голос, переселенческая программа и вербовка на нем висела.

— А и то правда. Ты предложи, Олег, мы не обидим. Корабелов с собой заберёшь — они все расскажут, как свидетели, ну, видоки по-вашему, — я застучал по столу быстрее, — а завтра на костре пересортируем погибших. Кто за дурь боярскую невинным погиб, а кто — в подручниках у него ходил, да смерть лютую по собственной воле принял. Так и сделаем. Завтра остальное договорим, а там и заказ княжеский осмотришь.

— Быстрее нам домой надо, жратвы мало осталось, — добавил Ярило, — боярин тут разжиться хотел.

— Разжился, считай, мы ему дров насобираем завтра, то его добыча будет, — цинично заметил Торир, — нынче по озеру не походишь. А то мы бы рыбкой его угостили…

На этом совещание закончилось. День, длинный и кровавый, подошёл к концу.

Утром начались похороны. Дружинников боярских и зазря погибших сожгли отдельно, прах первых сбросили в озеро, вторых — отдали с собой людям их Гребцов. Мужики, которых боярин привёл, смотрели на это даже с некоторым злорадством, мол, по заслугам получил боярин, нечего было народ под пули подставлять. Дошли до этого они не сами, им Олег все рассказал да повинился, что не усмотрел гниду подколодную, что в Гребцах себе гнездо свила. Мужики погудели недолго, и пошли к дороге обратно готовиться. А мы, по просьбе Олега, отправились к заключённым.

Вот каким тупым надо быть, чтобы продолжать орать про род свой благородный да князя, что по его слову сюда придёт и всех нас побьёт! Именно об этом надрывался хмырь, когда мы спустились в подвалы водокачки.

— А! Ты! Вошь лобковая! Что, страшно тебе!? Отец с Рюриком придёт — на коленях приползёшь, ноги целовать будешь! Небось, уже войско его под стенами стоит, пришёл заранее просить. Ну, падай, я жду! — сидит хмырь в клетке, меня увидел — орет, подручные его также поддакивают.

Из-за моей спины вышел Олег.

— Что ж ты, пёс вонючий, замолчал!? — тихо произнёс Олег онемевшему пленнику, — Чего дальше Рюриком не грозишься? Думаешь, отец придёт? Пришёл уже. Вчера. Только прах развеяли.

— Врёшь… — прошипел хмырь.

— На, — Олег резко выкинул руку вперёд, бросил пояс боярский, видный такой, с каменьями необработанными, — только это от него и осталось. Как и от дружины его.

— Хельг! Ты князя предал! С… этими спелся! — хмырь покраснел, как рак, того гляди лопнет, шипит, не понимает пока новой обстановки.

— С этими — у князя договор, рукой его писаный, — Олег действительно привёз некую бумагу от Рюрика с подтверждением договора и планов на будущее, там даже печать сургучовая была, с соколом, — а ты, овца тупая, поперек его воли пошёл? Наказ княжеский сорвал? Людей своих подставил? Ещё и словом его тут кидаешься, как костью для собаки? Думаешь, по головке поглядит Рюрик тебя да облобызает по отечески? Богам своим молись — со мной поедешь. И семья твоя, кто остался. Там перед судом княжеским стоять будешь, за срыв международного договора.

Наш жаргон, похоже, пошёл шагать по городам и сёлам. Хмырь уже не красный — белый весь, подручные его вообще сжались так, что того гляди через решётку просочатся.

— Нет теперь власти твоей и рода твоего на Гребцах! Кончилось все. Из-за тебя, гнида, и кончилось. Если тебя на селище не порвут — повезу в Новгород.

— На селище!? — не понял хмырь.

Олег в красках начал расписывать события, свидетелем которых он не являлся, только по рассказам знал. С каждым словом хмырь белел, краснел, тяжелее дышал. Оставили его практически в обморочном состоянии и вышли на улицу. Вздохнули, тяжелый воздух в тюрьме-то всё-таки.

— Что с ним теперь будет? И с семьёй его? — меня интересовало развитие событий, как-никак, это наши соседи.

— Всех к Рюрику, пусть разбирается. Имущество — князю.

Главным там, боярином ты таких зовёшь, пока Добролюб будет, там Рюрик решит, что дальше делать… — Олег, казалось, хотел вымыться после общения с хмырём, — Ладно, пошли на лодки смотреть.

— …Первую партию мы сдали, корабелы ваши довольны, — Кнут со стены показывал лодки и рассказывал про ход работ, корабелы с Гребцов согласно кивали, — остальные лодки законсервировали, людей приведёшь — испытаем, да и в путь.

— Это ж сколько вы за год сделали? — Олег пытался вставить обратно выпавшую челюсть, — почему без мачт?

— Мачты — внутри, там и механизм в лодке, чтобы ставить их удобнее, — Кнут не врал, был такой, из блоков и верёвок, — остальное тоже под брезентом.

Олег быстро посмотрел на корабелов, вышел вперёд самый авторитетный:

— Там, Олег, все сразу лежит, мы проверяли. И брезент тот, и смола на починку, и детали хитрые с инструментом, и много полезного разного. Мы так не строим… Быстро и ладно. Хоть сейчас в путь. На расконсервацию, — гляди-ка, слово таки запомнили, — меньше четверти дня уходит. Мы с мужиками пробовали, хорошо получается, удобно. Да ещё и рисунки те, да пергамент…

— Что за бумаги? — Олег после событий, связанными с нами, серьёзно относился к всякого рода писанине.

— Вот, такая — к каждой лодке, — корабел протянул Олегу толстый документ.

С документом тем — отдельная история. Лодки-то сделать мы сделали, а как их эксплуатировать? Как пользовать так, чтобы дольше проходили, да ремонт проще был? Техническая документация в комплекте, но её только наши и могут прочесть, а для местных фраза «возьмите шестигранник на восемнадцать» — это почти колдунство. Сделали по другому. Теперь ИКЕЯ может не хвастаться удобством своих сборочных чертежей — мы тут зачинатели. Ни одного слова — сплошь рисунки, Веселина и девушки под её руководство постарались. Да и нам работы прибавилось. Одинакового по виду инструмента теперь нет, весь разный, чтобы отличать легко. Размеров тоже нигде нет — но в комплекте идёт набор мерных рулеток, плашек, палочек и прочего. Надо мачту — нарисована сосна, любой тут её возраст по количеству веток в кроне на рисунке определит. Длина — на рулетке знаком дерева отмечена. Толщина — специальный зажим с винтом. Как подъёмником пользоваться расписано с человечками да стрелочками. И всё так. Талмуд на семьдесят листов получился — и ни одной цифры или буквы!

Олег листает, удивляется и проникается. Поднял глаза:

— А спробовать как? — а он, оказывается, любопытный.

— Ну, для чистоты эксперимента, возьми Вольгу, да ещё троих своих людей. Лодку мы вам свежую погоним, остальные такие же, вон там и попробуете.

Проба затянулась до вечера. Но Олег чуть не на крыльях носится, радостный, говорит, с такими лодками пол-света захватит. Хорошо что мы ему карту мира с форзаца записной моей из будущего не показали, а то и впрямь пойдёт, оккупант доморощенный. Под это дело Лис за ним гоняется с предложением долгосрочного монопольного контракта на обеспечение водным транспортом новгородского княжества целиком, включая лодки и плоты. Олег отбивается, но как-то не активно, тоже, видать, задумался. Нарисовался Добролюб! В крепости! Он, оказывается, Олега уговорил взять его на пробу с собой, ну как уговорил, гривна серебра ещё и не то делало. Ну а наши прошляпили, и Влас теперь без премии квартальной. Хитрый жук прикинул возможности нашей верфи, поговорил с корабелами, и малость загрустил. Было от чего — он торгует досками да лодками, а кто их брать теперь будет, если мы на рынок выйдем? Наше судно пусть и дороже чуть получается, на десятую часть, такую цену в розницу Лис определил, но мы их делать потоком можем, много и одинаковые. А в мире, где каждая вещь уникальна, тут сейчас так, две типовые вещи — гигантский скачек вперёд! И я не шучу. Добролюб мне честно, надо отдать должное мужику, рассказал, как он по трём лодкам полазил с Олегом, да инструмент для починки и обслуживания сравнивал, крутил им болты деревянные, пытался разницу найти. А нет её! По словам Добролюба, такого он не наблюдал нигде.

А теперь представьте, идёт поход, в нём — под сотню лодок. Каждая — уникальна по-своему, корабел её с любовью чуть не в одно рыло делал. И тут сломалась мачта. Или там весло. Или доска треснула. Как быть? А только по методу Микеланджело — взять дерево побольше, и убирать все лишнее, топором, пока не получишь нужное изделие. А если это металлическая часть? Кузнеца с собой таскать? А ведь так и делают. И ремесленник тот даже запаса не имеет запчастей, все под заказ, все по мере надобности. Весь караван стоит, ждёт окончания сего увлекательного процесса, или бросает лодку и движется дальше. Если поход большой, да с погодой не повезёт, или ещё с чем, тот весь путь такого каравана может быть усеян оставленными на починку судами.

И тут нарисовались мы. Надо мачту — страница четырнадцать, инструмент нарисован, дерево рядом. Выбирай,

пили, строгай, ставь — всё по шаблону, всё одинаково. Доска — пожалуйста, их там в комплекте только запасных пару десятков. Крепёж по отдельным мешочкам распределён в ЗИПе. Канаты — полуторный комплект. Даже якорь, и тот у нас сборной, скручивается из залитых чугуном труб, да три их — по одному на нос и корму и один в запасе. Но лодка при этом — грузоподъёмнее и легче! И самое весёлое — если лодок таких десяток, то запчасти и инструмент подходят друг к другу. А значит, что если, например, ящик с инструментами или ЗИПом утратили военно-морским способом, мои люди уже в курсе, что это означает, то спокойно берёшь из ящика с другой лодки, и ремонтируешь. Красота! Да и скомпонована лодка грамотно. Короба для ЗИПа шли вдоль киля, с доступом сбоку. Сверху — место для груза, на корме и носу — тоже сундуки хитрые. Лодка военная, поэтому товара не много влазит, но всё удобно, грамотно и компактно.

О перипетиях проводки судов Добромил мне жаловался по одной простой причине — он теперь не понимал, чем ему в Гребцах заниматься. Доски, лодки — мы подмять под себя можем на раз, если захотим. И селище его тогда тупо разбежится, в поисках лучшей доли, или пойдёт на большую дорогу, в том числе в нашем направлении. Ну или переселится к нам — место есть, ресурсы тоже, почему бы и не принять людей. Корабелы, представители Заказчика, потихоньку именно таким вариантом интересуются. А ведь за утерю серьёзного количества людей князь по головке не погладит. Ведь народ уйдёт — и подати вместе с ним.

Второй вопрос, который интересовал Добролюба, был сугубо технический. Ну или экономический, это как посмотреть. Он не мог понять, почему при такой богатой комплектации наши лодки столь дешёвые. Я ему продемонстрировал технологическую карту, расписал всё в красках, без особых подробностей, но для понимания хватает. Он — рассказал мне их процессы производства. Выводы у нас получились одинаковые. Трудозатраты. У нас основная цена лодки складывалась из стоимости материалов, которые также требовали труда. Но производительность этого труда у нас выше, раз в десять, наверно, трактор всё-таки не лошадка. Плюс — научный подход при работе. Плюс — некоторые знания по химии и физике. Туда же — возможность привлекать для производства достаточно сложных деталей подростков и женщин, на станках спокойно всё делается, без особого напряжения, только внимательность нужна и соблюдение техники безопасности. И разделение труда. А у Добролюба — только мужики да топоры, много там намахаешься?

Вот и получается, что пока один его мужик делает доску, чуть не неделю, мой лесоруб чуть не три десятка брёвен подготовит да просушит, пилорама досок кучу наделает, артели — болтов произведут, а сборщик уже и половину корпуса заделает. Моих вроде пятеро получается, но вместо пяти досок за неделю, по-старинке если работать, получается чуть не сотня. Вот и думай тут.

Из наших разговоров первые выводы сделал Лис — он побежал домогаться Олега на момент поставки запчастей. В тонкости, описанные Добролюбом он особо не вникал, а после осознания всей картины — резко возжелал подсесть на поставки инструмента и комплектующих. По вопросу организации труда я посоветовал Добролюбу применять наши подходы, попробовать хотя бы, ибо тракторов да пилорам я ему не дам, самим надо. А вот по вопросу направления деятельности Гребцов вообще — надо подумать, причём не одному, собрать совещание. Очень не хотелось бы получить под боком озлобленных, обедневших соседей, которые чётко знают, кто отнял у них хлеб насущный.

Совещание на эту тему проводили в узком кругу — я, Святослав, Буревой, Лис, Кнут. Военные нам тут вроде ни к чему, тема сугубо хозяйственная. Лис настаивал на переселении людей к нам, по возможнсти. Святослав — вообще не париться по поводу этого, и тупо усиливать оборону. Мол, сами пусть выпутываются, раз не вписались в рынок. Кнут видел возможность пополнить ряды опытными корабелами да плотниками. Буревой в свою очередь рассуждал на тему переориентирования народа на Свири с досок и лодок на поиск и добычу минералов. Однако, по рассказам Добролюба, из сырья, знакомого местным жителям, там лес, песок да камни с глиной. Даже за рудой болотной гонять сильно дальше приходится. Как-то не складывался пасьянс. Каждое предложение имело кучу плюсов, но и минусов тоже немало. Одни потенциальные конфликты с Рюриком чего стоят, если люди к нам большим потоком пойдут. Людей много в Москву не переселишь, ресурсов на Свири, необходимых нам — с гулькин хрен, чем соседей-то занять? Туда производство переносить — не хочется да и резона нет, плечо доставки сильно больше будет, и технологии отдавать за здорово живёшь не хочется.

Из тупика нас вывел, как ни странно, Кукша. Пришел, послушал, да и выдал. Мол, давайте их под защиту южных рубежей определим. Вроде договора найма будет, чтобы через них все пришлые проходили. Мысль спорная, но подтолкнула к другой, более интересной.

— Смотрите, мы про материальные ресурсы все разговор

ведём, да людские. Так? — народ закивал, но начал интересоваться, бывают ли другие.

— Ага, бывают. Военно-политические да геополитические. Слова странные, знаю, но идея в них такая. Есть Гребцы. У них там лес, люди, да, вообщем-то, и всё. Но ещё есть одна вещь — расположение удобное. Мы тут карту окрестностей когда дополняли, по данным Олега да Добролюба, выяснилась интересная вещь. На юге Новгород, то вам известно. На западе — озеро, на севере — корелы, на востоке — тут чудь какая-то. И значит, что Свирь, на которой Гребцы находятся, она чуть не на перекрёстке стоит…

— Не, чуть в стороне. Там волок есть, возле Белозера, от туда из Онеги на Итиль попасть можно.

— О как! Ещё и Волга, ну Итиль этот ваш, есть! Ещё лучше. А теперь давайте глянем, схематически, как эти пути стоят, да где мы относительно них находимся, — я грубыми линиями начал разрисовывать листок кружочками-озерами, линиями-реками, точками населённых пунктов, аж до Белого моря нарисовал, — Вот теперь смотрите. Мы вот тут, это все понятно, я надеюсь? И что получается?…

— А получается, что мы сильно в отдалении стоим, — заключил Лис, — неудобно к нам идти. Только по озеру, летом, в остальное время к нам только верхом. Они-то зимой сани по рекам замёрзшим ведут, вот как раз по Свири — можно, а к нам — буреломы.

— Вот! Получается, что медвежий угол, в котором Москва находится, заперт практически три четверти года.

— Дорогу бы оттуда проложить… — Буревой дорисовывал на схеме наши окрестности, это ему думать помогало.

— Опасно, пройти дружина сможет, — Кукша все думал про оборону.

— Войско-то как раз и верхом пройти может, как тот боярин. Разницы тут нет, — парировал Святослав, — или летом, по озеру…

Опять закипели споры, идея наличия в Гребцах «нематериальных» ресурсов, в виде положения удачного, уже не обсуждалось, говорили про использование этого самого ресурса. Я же продолжал дорисовывать мини-карту.

— Вот так если дорогу проведём, напротив Гребцов, на северной стороне Свири, форпост, ну, передовой пост, поставим. Вот тут дорога ветвиться будет, пойдёт на север и к нам, на запад. В такой конфигурации мы получим выход ко всем торговым путям, к чуди, к Новгороду, к Балтике, но сами при этом в стороне останемся…

— Так где ветвиться будет, надо тоже передовой твой пост ставить, — добавил Кукша новую точку.

— И вот тут дорогу провести, и вот тут, — народ раздухарился, листок покрывался новыми глобальными планами.

— Ну а Гребцам-то с того чего? Добролюб да Рюрик что поимеет? — Буревой был прав, надо и им «кость бросить».

— А поимеет он вот что, — после двадцати минут мозгового штурма выдал я, — во-первых, торговлю всю свою внешнюю мы пока через Гребцы проводить станем. Место у них удобное, пути купеческие пересекаются. Плюс перепродажей займутся, нам животину покупать станут, за лодки для Рюрика. Со своими судами мы на рынок выходить не станем, не кривись, Лис, нам это не надо. Вот и получиться, что Гребцы станут транзитным селом, так тоже хорошо заработать можно. И переселенцев через них будем вести, коли таковые будут. Ну и прочее взаимодействие — торговое промышленное, образовательное — наладим через Добролюба.

Я обвёл взглядом своих коллег:

— Мы бесконечно сидеть тут не сможем, так пусть уж лучше на наших условиях взаимодействие с Гребцами будет. Выучим часть людей Ладимира грамоте — уже плюс. Пару человек подготовим, капая на мозги — будут наши агенты влияния, ну, про жизнь нашу в самом благостном ключе всем рассказывать начнут. Потом — дальше пойдёт. Это будет наш передовой пункт по сбору населения. Мы будем его у Рюрика на время изымать, по найму. Причём сам же князь нам радостно его и предоставит, чтобы делу обучили. А теперь представьте, приехал к нам паренёк из деревни малой, лет в пятнадцать, три года пожил, мы его обратно Рюрику отправили, уже обученным, что он делать будет?

— Как у нас делать начнёт, — Святослав хорошо представлял себе, как живётся сейчас людям, — образ жизни наш да порядки у себя насаждать. Рюрику работа его в плюс пойдёт, нам — доброе отношение и плата за науку. Ну и распространение…

Святослав замолк. Мысль, дошедшая до него, видать, сильно задела, за живое.

— …Распространение нашего государства, — тихо закончил он, — порядки, законы, отношения, власть — всё как у нас будет.

Теперь уже замолкли все. По сути, если наше предложение пройдёт, мы тихой сапой начнём переделывать Новгородскую землю под себя, вынимать фундамент власти из под Новгородского князя. А он того даже не заметит! Ведь кто воспитывает молодёжь — тот и оказывает реальное влияние на жизнь и политику в обществе. Незаметно, исподволь, но результат — потрясающий! Народ собрался не глупый, все это и

без слов понимал. Но было страшно. А вдруг Рюрик тоже не глупый, и сообразит, что к чему? Но и деваться особо некуда. Нас уже много, мы даже если начнём тупо закукливаться в своих границах, избежать взаимодействия с внешним миром не сможем. А значит, если процесс нельзя предотвратить, его надо возглавить. Выдать этому внешнему миру наши условия, склонить посулами к их принятию, выждать лет пять-семь, пока познавшие жизнь в Москве расползутся по селищам, да делом покажут преимущества нашего подхода, и ждать новое поколение — уже их детей, потом — дальше. И так — пока не достигнем мы границ естественных. Границы те — или те места, где очень много населения, где мы тупо с масштабами не будем справляться, не успевать «переформатировать» людей, или границ географических, где влияние наше будет тупо ограничено возможностями связи и транспорта.

Если же мы не займёмся внешним миром — он примется за нас сам. Сначала Златобор к нам заскочил, потом — Олег, теперь вот боярин припёрся, под Новый год. И конца края этим «гостям» не видно. И не факт, что армия в несколько тысяч бойцов, которую вполне может собрать даже не Рюрик, а кто-то из его подручных, нас тут тупо на ноль не помножит. А значит действовать надо тоньше, не только воинской силой, но и продвижением наших идей, образа жизни, принципов. А идеи — они как плесень. Вот сначала маленькое пятнышко появилось на стене, его и не замечает никто. Потом — большая клякса, её уже чистить начинаешь. Потом — ещё больше, и ещё. Огнём жжёшь, водой моешь, кислотой травишь — а спора маленькая обратно плесенью всё заселит. И так бороться с том грибком можно вплоть до разрушения здания. Ну или если на язык идей переводить, то бороться с инакомыслием вплоть до перестройки государства.

В принципе, так и в будущем было, мне просто теперь, когда такие вопросы непосредственно моей семьи касаются, все стало понятнее и виднее. И развал СССР, и фундаментализм религиозный, и войны гражданские — все начинается с идеи. Хорошо, если идея правильная да однозначная, толкования не допускает. А обычно бывает так, мысль неплохая, продвигающие её люди — тоже достойные, а вот группа «присосавшихся», кто выгоду свою ищет, начинают даже самую хорошую и благородную цель так под себе толковать, что от изначального смысла в ней ничего не остаётся, только лозунги да символы. А если идея сама по себе дурь — то вообще пиши пропало!

Эти мысли я читал у моих товарищей на лицах, даже слов не пришлось произносить.

— Большое дело… — Святослав почесал затылок, — Долгое.

— Ну, не в первый раз нам за то браться, — тихо добавил Кукша.

— Государство наше на Новгородскую землю распространить, — Лис задумчиво ковырялся карандашом в столе, — сложно будет, долго, и трудностей там — только в путь…

— Почему только на Новгородскую? — улыбнулся я, — Земля, планета которая, я вам рассказывал, она большая, Новгородом не начинается и не заканчивается.

— Этих, птичек твоих бескрылых, пингвины вроде, в книжках про них писано, — тоже в Москву завозить будем? Для распространения государства и на них? — серьёзно поинтересовался Буревой.

Народ не понял сначала, дед разъяснил:

— Ну привезём их из этой, которая во льду вся, в рассказах Серегиных про то есть, Антарктида, во! Привезём их сюда, строем ходить научим, грамоте там. Будут у нас представителями Москвы в Антарктиде. Продвигать технологии — гнезда там с разделением труда делать, яйца на торфе высиживать, рыбу загонной охотой добывать, трактор из льда сварганить…

Первым прыснул Кукша, потом я, потом заржали и остальные. Смех снял напряжение, масштаб задуманного, тяжёлым грузом упавший на неокрепшие наши головы, уже не казался таким уж громадным. Дальше все уже пошло в деловом русле — что, где, как, да почему.

Утром Добролюбу и Олегу предложили следующий вариант. Мы пока не лезем в производство досок на продажу и строительство торговых судов, только военные, и только для Рюрика, или по его просьбе. Второе, учитывая проседание его по прибылям, пусть занимается перепродажей товаров от словен да других племён нам. Всё через Гребцы пока пойдёт, будет возможность заработать. Потом — больше, строим дорогу к Москве, чтобы получился удобный круглогодичный сухопутный путь. Гребцы, что нам Олег отправлять станет, пусть животину ведут да просеку делают. Мы им на это продовольствие да инструмент организуем. Еду будем также в Гребцах брать, на этом тоже подняться можно. Возник вопрос оплаты. Чем мы станем рассчитываться? Какой валютой?

Гостям вообще не понятно, как мы тут денежную систему устроили. Серебра нет, меха нет, только бумажки да цифры в банковской книге. Попытка рассказать, что деньги — единицы человеческого труда, доходили со скрипом. А как их накапливать? Ну, накапливать бумагу просто — но по нашему

пониманию получается, что копится труд. Пытался объяснить про капитал, в самом широком смысле этого слово — только напугал народ. Отложили это дело, более простое решение приняли. Ежели наша валюта не подходит в качестве единицы обмена, надо нам столько товара поставлять в Гребцы, чтобы полностью порывать свои расходы на строительство дороги. Мы Любомиру железо, например, на три гривны, он — еды, на ту же сумму.

Зависли над списком товаров на обмен. Там ещё сложнее. Метры, тонны, килограммы, километры, литры — для местных это филькина грамота. Решение предложили сразу. Все действия в этом направлении Олег согласовывает с Рюриком. Пока же Ярило остаётся у нас и занимается образованием, пытается понять соотношения стоимости продукции в Новгородских землях и в Москве. Потом принимается решение — что и в каких пропорциях пойдёт на обмен. Такая вот многоходовочка.

На фоне этого, третий день проходил процесс опроса мужиков, пришедших с боярином. Кто как сюда попал, как принуждали, чем занимается, насколько хозяйство пострадало из-за отвлечения на поход, «С моих слов записано верно», подпись отпечатком пальца. Кипа бумаги росла, писали на словенском и русском, куча народу тем занималась под руководством Власа. Ещё пару дней — и можно будет готовить серьёзный такой отчёт для князя, чтобы не было недопонимания. Мужики ходили, щупали руками крепость каменную, да пытались расспросить москвичей по жизнь нашу. Строго по согласованному тексту, каждое утро доносимому Власом до всех, взаимодействующих с гостями, наши занимались подрывной работой в головах мужиков. Да, есть главный, Сергей, он за все отвечает. Нет, других нет, Рюрик сосед, не более. Да, все это наше, совместное, государственное. Сменится государь — другой управлять этим будет. Да, закон для всех один, Сергей тоже от того страдает, но сам так наказал. Нет, законы «от балды» не меняют. И нет, нечисти в тракторе не водится, там железо только. И куча прочих мелких и бытовых вопросов — голод, жилье, что можно а что нельзя. Корабелы наши тоже язык подкладывают, но уже по собственной инициативе, без нашего участия. Народ думает, прикидывает, сравнивает. Ну, пусть подумают, да на ус мотают.

Потихоньку люди покидали окрестности Москвы. Когда последняя группа из Гребцов была опрошена, стали собираться в дорогу и Олег с Добролюбом. Ярило согласился остаться в Москве для получения образования, только попросил себе дружинников, друзей своих, оставить несколько, да из Гребцов семьи привезти. Мы не против — потянем, не страшно. Так вот за разговорами и пролетело время.

Грандиозный ящик с документами для Рюрика — все это упаковали на санях. Отдлельная статья — фотоальбом, в нём заказ княжеский, товар, так сказать, лицом, несколько совместных фотографий с Олегом, и даже пяток батальных сцен — со стены подростки сняли, я попросил. Это всё для подтверждения договоров, ну и непонятности нагнать — пусть тоже извилины напрягают. Тем более, что на фоне лодок для Рюрика вполне узнаваемые стоят Олег и Вольга. Особый груз — заключённые. Всех вывели в кандалах, тепло одели, чтобы в дороге дуба не врезали и уложили на сани. Зря это сделали — народ был в курсе, кому они обязаны битвой проигранной и гибелью соплеменников, шумели и ругались все так, что Олег сильно начал переживать за сохранность хмыря и его подручных. Пришлось отельно рассказать о том, что эти ЗэКа пойдут к князю как подтверждение наших слов, а если этого не будет, то князь и осерчать может на людей своих, что боярина не сохранили. Народ проникся — только пару фингалов пока их в сани грузили наставили, да заплевали чуть не по брови. Пленники грустные, молчаливые, судьба их теперь представляется совершенно непредсказуемой.

Последнюю колонну провели до наблюдательного поста. Сильно за полночь вернулись, много времени путь занял. По утру был объявлен выходной, за счёт тех новогодних каникул, что не удалось отгулять. Поэтому провели время с семьями. Вовка мой уже совсем большой стал, в школу на следующую осень пойдёт, в первый класс. У Кукши и Сигни мелкий подрастает, на радость родителям и деду. Назвали, как и обещали, Ярославом. Веселина тоже на сносях, быстро тут у них всё, не тянут с потомством.

А после выходных сели решать другую внешнеполитическую проблему. Надо разобраться с нападением на наш БТР. Спускать такое с рук я не намеревался, а то начнётся тут «беспредел». Потому было решено послать экспедицию для поиска тех удальцов, что нам поцарапали машину и разбили в ней стекло. Влас и Леда скрупулёзно подсчитали ущерб материальный, моральный и людской. Двое раненых! Для нас люди дороги, потому и сумма там приличная, на лечение и компенсацию нетрудоспособности.

Три дня на согласование и дополнительные следственные действия. Кукша с Власом по следам прогулялись, они уходили в замёрзшее болото. Заключение следопытов было следующим. Человек пятнадцать-двадцать, судя по тому, что удалось разглядеть, одеты по даже местным меркам небогато, вооружение — слабое, даже наконечники у стрел костяные попадались. Разве что копьё, что пробило лобовое стекло — с бронзовым, причём

довольно старым, он аж позеленел. В засаде они лежали пару дней, а потом сразу ушли. Двинулись на север, а значит, скорее всего, корелы.

Группа пролетарского гнева, которая отправилась по маршруту была пешей, коней побоялись брать. Лошади к нам не привыкли да и места дикие. Даже замёрзшее болото опасно — может в любой момент растаять из-за подогрева снизу гниющей органикой. Группа была со мной во главе, дипломатическая так сказать часть, Кукша — главный военный, Юрка — главный переводчик. Собрали двадцать человек из наших, крепостных, госбезопасности, ну и двинулись. Провожал нас только конь вороной, боярский. Животину так и не удалось загнать в конюшню, не давалась. Все ржала, бедная, убегала, о хозяине горевала. Болеслав, боярин, сволочь, конечно был, но животина у него хорошая — верна, сильная, и красивая, жалко её. Сена ей оставляли за стенами, она его съедала, но в руки не давалась. Такая вот звериная верность.

До места нападения доехали на БТРах, дальше — лыжами пошли. Нападающие были без них, следы чёткие мы обнаружили чуть далее в болоте. Снег чуть подтаял, и получившийся отпечаток морозом прихватило. И такая дорожка шла дальше, на север. Путь по болоту занял два дня. Мы не торопились — шли осторожно, Кукша с парой человек за разведчика. Ему я выговор сделал — лучший лазутчик, а смены для него нет. Вот он и натаскивал ребят, из тех что повнимательнее. Болото было достаточно заросшим, то тут то там попадались деревья, некоторые даже живые, хотя и причудливо изогнутые. Островки были, с кустами и землёй твёрдой. Мы когда выбрались, даже землю твёрдую за такой островок приняли. И так было, пока не наткнулись на свидетельства присутствия человека. Это была вырубка. Видно, что пеньки тут противоестественные, да и стволов самих нет. Дальше шли ещё медленнее, ощупывая разведкой каждый бугорок. К домам вышли вечером, по запаху дыма их нашли. Нашли, стали наблюдать — пойти по стопам боярина не хотел никто.

Деревня. Или селище, или весь — они тут сами до конца определиться не могут. Домов семь штук, больших, но приземистых, из под крыши дымок идёт, по-чёрному топят. Дома стоят хитро, по кругу, вроде как стенами без окон защищают внутренности села. Людей видели немного, вечером только мужики за дровами выходили пару раз и все. Действительно корелы, как авторитетно заявил Юрка. Оставили наблюдателей, а сами устроили совет в Филях — надо понять, что делать дальше. На семь домов у нас народу хватит, по три человека со

спецсредствами. Можем, теоретически, закидать их гранатами с чесноком и шумовыми, да и взять тёпленькими. Вот только не похоже, что тут все нападавшие, или же они всем селом на БТР кидались, что сразу отбросили как фантастику. Ну по мужику из избы, допустим, в засаду отрядить могли, да и то не из каждой. А значит, ещё где-то люди есть. Надо проверить.

При свете Луны, уже ночью, пробежались широким охватом вокруг села. Нашли пару дорожек или тропинок, непонятно. Но конские следы есть, и санный путь проглядывает. А значит тут ещё деревни есть. И чего делать? Идти их убивать, чтобы не выстрелили в спину? Не дело, вроде, надо думать. А лучше — взять языка! Вот!

Стали ждать утра. Спали в палатках, мини-буржуйки, складные, переносные у нас были с собой. Ещё до первых лучей Солнца меня растормошил Кукша и приложив палец ко рту указал на село. По нему шёл мужик с топором. Времени восьмой час, остальные жители ещё дрыхнут, сюда по всему. А этот идёт прямо на нас, на вырубку. Устроили засаду. Мужик дошёл до края леса, недовольно огляделся, такое ощущение, что заметил что-то. Но потом отправился таки к лесоповалу. Трое наших выскочили со спины, сунули ему кляп в рот, руки в кандалы, нож под горло. Мужик глаза таращит, орать пытается, но тряпка не даёт. Мешок на голову, ноги и руки связали, и быстро утащили его на свою «базу». Там чуть попинали, для острастки, не сильно, ему через тулуп овчинный не больно даже, наверно. Усадили связанным, сняли мешок с головы.

Мужик злобно смотрит на нас, злобно и удивлённо. Мы в зимнем камуфляже, маска лыжная только глаза оставляет открытыми, штык винтовки недвусмысленно намекает на последствия сопротивления. Юра начал разговор. Он с другими корелами говорил на смеси языков, словенского много в его речи было, потому мы и понимали бывших рыбаков почти сразу. А эти корелы, я так понял, на своём разговаривают, с ним есть трудности у нас в Москве, вот и приспособили Юрку быть переводчиком. Сначала мужик ещё дёргался, потом прислушался, начал что-то понимать. Юра по нашей просьбе сказал описал ему дальнейшую судьбу его и села, если тот будет кричать. Снимем кляп, услышим звук, который с нами не согласован, штык в сердце, и следующего искать будем. Так будет, пока кого-нибудь более понятливого не найдём. Мужик проникся, мало ему нас вокруг, так ещё и допрос в палатке проводим, вообще непонятно ему где он. Подумал чуть, кивнул. Мол, буду молчать. Аккуратно сняли кляп. Мужик ведёт себя тихо, только глазами зыркает.

— Ну, скажи нам, друг ситный, кто посмел на наше

имущество руку поднять? — Юра переводит, мужик идёт в отказ, сотрудничать отказывается.

Надели кляп, дали по рёбрам, освободили рот, и вопросительно уставились на корела. Юра поподробнее рассказал о нашем вопросе, даже рукой показал, где конкретно мы ущерб понесли. Мужик помрачнел, но молчит. Показали кляп, ткнули в ребра — и опять с немым вопросом уставились на него. Мужик что-то процедил сквозь зубы. Юрке непонятно, дали по рёбрам так, без кляпа. Мужик ойкнул, согнулся, но начал что-то говорить. Говорил долго, протягивая слова. А что делать — это ж, наверно, будущие фины! Те, у которых Мика Хаккинен — позор финской нации, за скорость слишком большую. Я так, по крайней мере, думаю. Через двадцать минут Юрка таки приноровился понимать его речь.

По словам мужика, это ясное дело не он, мамой клянётся, но знает кто, из другого села люди это были. Дали по ребрам — о нападении знаешь, и не при делах? Мужик было рот раззявил крикнуть что-то, опять получил удар, и сталь холодная к горлу приблизилась. Юрка перевёл слова Кукши. Мол, если это не он, и знать мужик этот ничего не знает, то какой нам смысл тут с ним разговаривать? Прирежем, снежком присыпем, и поминай как звали, более информированного найдём. Мужик чуть задумался, и начал опять говорить. Да, из другого села, но и из этого ходили люди, два человека. Он даже дом готов показать, из какого ходили. Уже лучше, значит, мы по адресу.

Времени — восьмой час, для реализации нашего плана как раз хватит. Мужика скрутили да связали посильнее, он орет, что без него дом не узнаем. Юра ему объяснил принцип коллективной ответственности. Мол, ваши из села ходили, а вы не остановили. Значит, все виноваты. В бездействии и укрывательстве. Мужик застонал, кляп приглушил звук. Оставили одного часового возле пленного, палатки собрали, приготовили рюкзаки и направились в деревню налегке. Настало время показать себя сотрудникам госбезопасности, это — их звёздный час. Быстро разбились на тройки, распределили боезоапас, верёвки, гранаты. В винтовках — травматические пули. В селе пока никого, голоса слышны, проснулся народ, но на улицу не выходят. Да и что им тут делать? Дров вроде много сложено возле домов, значит, сиди, домашними делами занимайся. А вот у того дома, из которого «язык» наш вышел, топлива почти нет. Вот он на заготовки и отправился.

Тихо распределились по селу. Заняли позиции возле дверей, приготовили гранаты. Один с винтовкой стоит, второй — с гранатами, третий — с верёвками. Одели противогазы, и по

взмаху руки началось! С воплем «Работает ОМОН! Всем лежать!» рывком открывается дверь, туда «свистелку», следом, впритык, «слезогонку», потом гранатомётчик и стрелок вваливаются в дверь, «травматом» и прикладами успокаивают тех, что не лежат, потом вяжут их и волокут в центр деревни. Таков был план.

Результат превзошёл самые смелые прогнозы. Вот сидишь ты такой, корел в девятом веке, дома баклуши бьёшь, огонёк там в печке или очаге потрескивает, идиллия. А тут кто-то непонятно, но страшно орет, дверь вылетает, в избу летит страшно свистящая хреновина, а потом — другая. И та, вторая, глаза разъедает! Колдунство, не иначе! И следом, в подтверждение этих мыслей заваливает что-то непонятное, белое, с глазами как блюдца и носом, уходящим на бок. Это так мы в противогазах выглядим. Народ попутал. По полу катаются, глаза трут, орут. Всех, включая детей и женщин тянут на улицу в том, в чём застали. По мере вывода людей образуется цепь вокруг толпы. Народ чуть отходит на морозе, самые умные снегом глаза протирают. Юрка с ещё двумя стрелками вытягивает из толпы двух девок постарше, лет по пятнадцать-шестнадцать, те собирают одежду по домам, бросают в толпу. Народ одевается, детей наряжают в первую очередь. Мелких, а тут даже младенцы есть, вместе с теми двумя девчёнками запирают в одном доме, пусть греются. Остальные уставились на меня.

Я снял противогаз, народ выдохнул, облегчённо. Люди, не нечисть, значит, можно договориться. Юрка поведал о цели нашего визита. Народ чуть пошумел, двоих потенциальных налётчиков я вычислил по лицам. Все ещё кого-то ищут. Мои принесли мужика из леса, оказалось, тот тоже участвовал в нападении, я так из общего шума понял. Пока люди сильно не раздухарились, вынул ракетницу, выстрелил в воздух. Корелы замерли, наблюдая за светящимся шариком, парящем в небе. Теперь можно говорить:

— Юрка, переводи. Вы на наше имущество покушались, людей ранили. Одни ли, ещё с кем мне без разницы. Вот вам бумага, там ущерб описан. Вот постановление суда, там штрафы. Вот общая сумма, в наших деньгах. Год вам на выплату. Хотите — других сообщников привлекайте к выплате, хотите — сами, но через год не будет виры — я опять приду, и сумма выше станет, — Юрка переводит, как я ставлю корелов на «счётчик», — так что вам решать. А для гарантий моих, я у вас пока детей возьму, десяток. Выплатите — верну. Не успеете через год — этих отдам, других возьму. Не у вас, так у подельников ваших.

Народ оцепенел, начались шепотки да горестные стенания. Чуть вперёд подался мужик, и на кривом словенском

поинтересовался суммой дани. В шкурках. Ну, в мехах, имеется в виду. Я озвучил — мне Лис посчитал ещё дома. Мужик перевёл своим, корелы окончательно потерялись. Такое им всем селом не поднять не то что за год, за всю жизнь можно не набить зверя. Я ещё добавил, что содержание детей в плену в сумму долга впишу, раздался плач. Да, вот такая я сволочь. Мужик, тот который меня понимает, опять с вопросом. А нельзя ли как-нибудь по-другому. Почему нет, можно. Можете подельников своих оповестить, те пусть тоже заложников дадут, тогда сумму чуть сброшу. Чем больше детей заберу — тем меньше сумма. Если нет, на следующий год сам пойду по другим сёлам и возьму. Но сумма уже больше будет, причём для всех. Пригорюнились люди, понимая что никого отдавать детей в заложники не уговорят, опять плачут.

— Ладно, людей в избу отдельную поместите, всех в одну, всё не на морозе стоять. Мужика, что по нашему балакает, с собой, поговорим ещё.

Отвели корелов в избу. Мужика того взяли в оборот, начали капать на мозги.

— Тебя как зовут? Как!? Не, я так не выговорю. Будешь Федор, Федя, похоже звучит. Слушай меня, Федя. Ребят мы сейчас возьмём, от шести до восьми лет. И вам легче, рты лишние не кормить, и нам проще будет их содержать. Тебе год на принятие решения, думай, как с долгом справляться будете. Через год мы опять придём. Детей приведём, если не придумаешь, как с вирой быть, заменим их на новых заложников. Ещё тут, в окрестностях, сёла есть?

— Пол дня на полночь, да на заход, там как наше. Они тоже ходили, — заискивающе произнес Федя, — может, там тоже возьмёте?

— А чего вы вообще попёрлись-то?

— За железом, — вздохнул Федя, — наш (опять тут непонятное корельское имя! как они сами языки не ломают!?) ходил через болото, сказки баял, что железо там само ездит. Ну, старые не поверили, а молодые да охочие до железа пошли…

— И много таких охочих нашлось? Сколько сел в том участвовало?

— Семь, даже голове не сказали.

— Что за голова? — я сделал стойку, надо разузнать геополитическое положение этого села.

— Да голова наш, он дальше. Полтора дня пути на полночь, там большая крепость. Ему не сказали…

— Ясно, понятно. Пойдём, детей выбирать будем…

Зашли в «детский» дом. Там вой стоит, ни хрена не ясно, все

только сопли да слезы вытирают да орут почём зря. Мои прям руками развели — кого тут брать?

— Бери тех, что похудее. Откормим хоть, да и нести их легче. Пока просто приглядись, поговори через Юрку с родителями, а я с Кукшей посовещаюсь, — я раздал указания, пошёл к нашему военному командиру.

— Ну что делать будем? — я вывалил на него информацию от Феди.

— Надо брать во всех ближних сёлах, — заключил Кукша.

— И как брать будем? Нас-то не так много, или бить их смертным боем придётся, или они нас могут тупо числом завалить. Или преследовать начнут, я тут лошадей видел.

— Лошадей? — Кукша заинтересовался, — А сани есть?

— Надо у Феди спросить, должны быть. А что придумал-то хоть?

— Да просто всё тогда, — Кукша довольно потирал ручонки, — на санях в следующее селище пойдём, там также как тут всех строим, объявляем решение, забираем коней и детей, и двигаем в следующее село. Там проводим «зачистку», с детьми и лошадьми потом всеми, из трёх сел, рвёмся к болоту. Кидаем сани и коней на берегу, по болоту могут не пройти, и дуем домой, что есть мочи. Хотя, одни сани можем и оставить, для детей. Опасно, но если аккуратно да сани не сильно нагружать, лёд выдержит. Дорогу к нам они знают — сами заберут потом. Так вот, мы уже у себя будем, пока они пешком дойдут, пока сообразят куда бежать, лошадей найдут — так они запаренные все уже будут, мы ж их сильно гнать будем. Пока обиходят, а там нас и след простыл.

— Надо ещё им двери чем подпереть, чтобы дольше выбирались, ну или связать их, размотаются, конечно, но время получим, — подхватил я, — а там, на болоте, надо пойму сделать, чтобы обойти сложно было. Нормально, должно сработать. Собирай наших, операция «Корельский заложник» продолжается…

Поймали Федю. «Порадовали» перспективой побыть проводником. Лошади у них две, саней столько же. Нам пока хватает. Запрягли, троих бойцов оставили сторожить корелов, Федю на первые сани, часть наших бойцов на лыжах идёт, только держится за упряжку, часть — сидит на санях, отдыхает. Потом меняются, прямо на ходу. Время подгадали правильно — уже был поздний вечер, когда дорога стала чуть более широкой. Мы слезли с саней, разведка двинулась к селу. В темноте ставку мы делали на псевдо-карманные «фонарики» — факела с яркой пропиткой, вроде как на ракетницах, да с отражателем. Такое

изделие было создано из трубки, забитой пропитанной куделью. Внутри — пружина, толкает ткань с пропиткой наружу. Трубку можно к винтовке прицепить, при помощи специального крепежа, один конец с сеточкой, кудель в неё упирается и горит, отражаясь в отпескоструенной стальной пластине в виде полусферы. Хватает этого минут на пять-десять, потом надо менять кудель пропитанную. Но для наших целей должно хватить.

Собрали фонарики, приготовились к атаке. Разведка доложила строение села — тут домов шесть, но идея та же, стоят кругом, вход, по сути, один. Конюшня есть, небольшая, максимум на пару лошадок. Подумали, приделали к нашим саням ветки еловые, пусть следы заметают. Поздно вечером, когда все в селе успокоились и прекратили ходить между домами, выдвинулись. Ждать почти два часа пришлось, я даже поспать успел. Распределились по дверям, заняли позиции. Зажигалками скипидарными, сделанными на манер Zippo, подожгли «фонарики», дождались, пока разгорятся, ну и повторили сценку «ОМОН в притоне». Опять полетели гранаты, свистульки, слезогонки, фонарик в лицо. Выволокли народ, сразу девок помоложе отправили собирать одёжку. Остальным — бумагу в зубы, лекцию о вреде грабежей на дорогах, детей в заложники, Федя дальше расскажет. Привели коерла, только он начал говорить, как мужичок какой-то с криком не то «Петюря!» не то «Претуря!» упорол Феде в глаз! Оттащили проводника, дали по шапке «агрессору».

— Чего орут?

— Орут, предатель он, — пояснил Юрка.

— Ага, ты им теперь разъясни, что если бы эти придурки на БТР не кидались — то ничего бы и не было. И ещё добавь, что на следующий год было бы хуже, мы бы и сумму больше выставили, и заложников все равно бы взяли. Только на других условиях.

Юрка перевёл, народ чуть погомонил, опять плачут. Тут были потери — у нас поленом от какой-то не в меру ретивой барышни схватил товарищ, а один корел рукой в печку угодил, пока по полу катался от слезогонки, ожог такой неприятный получился. Мы не звери — рану мужику обработали, чем вызвали немало удивления, забинтовали, и даже лекарства заживляющего оставили, там масло конопляное, смешанное с отваром травок. Юрка объяснил как пользоваться да отдельно предостерёг, чтобы бинты стирали в кипятке.

Начали собираться дальше. Пока думали, чем связывать народ, пришёл представитель «кровавой гебни» и плеснул в печку воды из ведра. Та потухла. Мы уставились на него, парень прояснил:

— Поленом подопрём, в остальных избах я печи погасил. Как выберутся — избы выстуживаться начнут. Пока протопят, не до нас будет.

— Гэ-Бэшнику этому премию дать надо, правильно сообразил — сказал я Кукше, выходя из избы, куда уже начали заводить народ.

— Ага, сообразительный малый, а то верёвок бы не хватило всех вязать.

Наши уже вывели сонных лошадок, блин, тут ещё и жеребёнок есть. Его оставили — мал ещё. Сани запрягли, найденное в избах оружие сгрузили на них. Там всего-то несколько топоров, луков, копья дрянные да ножи. Ветки еловые приделали сзади на новые сани, и дальше стали собираться, в следующее село. Детей набралось семь штук. На мой удивлённый взгляд, брать-то по четыре-пять планировали, народ покраснел и ответил:

— Ну… это… Жалко их. Худющие! Подкормим, чай, здоровее будут.

— Ладно, нормально всё, — а самому приятно, хорошие мужики у меня, суть всей операции правильно поняли.

Подпёрли здоровым поленом двери избы, куда народ поместили, и рванули дальше делать своё чёрное дело. Не выломают двери — так через крышу выберутся, тут она корой крыта. Ехали медленно, луна только чуть пробивается из-за деревьев, опасно торопиться. Следующее село «накрыли» под утро. Преследователей не было, правильно, значит, всё рассчитали.

Третье село было больше, одиннадцать домов. Пришлось делиться по-другому, да процесс чуть изменить. В это село вошли тихо, подпёрли тут же лежащими дровами часть дверей, и опять начали кидать гранаты. На этот раз молча. Половину села быстро повязали, принялись за вторую. После первой было чуть сложнее, даже стрелять пришлось. Корелы кричали после «слезогонки», разбудили соседей. Те ломиться в двери — те подпёрты. Чтобы не открывать их кидали гранаты через отверстия для дыма под крышей. От «свистулек» вообще эффекта никакого, да и настроившиеся на отражение атаки мужики на чеснок хуже отреагировали. Побили их малость прикладами да травматическими пулями. У нас раненый — стрелой в доспех угодил один не в меру боевитый товарищ. Хорошо, что наконечник дерьмовый, хоть и железный. Доспех не пробил, только синяк здоровый оставил. В этом селе Федю показывать не стали. Быстро поставили перед фактом изъятия заложников и необходимости компенсации ущерба корелов, постреляли по

ногам особо бойким, а то они решили массой нас задавить. ГэБэшник наш сообразительный печки потушил, заперли народ в одном доме, тут детей взяли восемь штук. Как и в предыдущей деревне, одели их потеплее, усадили на сани, связали кучкой.

Забрали лошадок, подпёрли избы, покормили животину, и рванули до дому. Мы с ребятами на ногах уже почти сутки, да и до этого спали часа по четыре, только на адреналине и держимся. Пока ехали в санях, теперь на всех хватило, народ подремал, я тоже прикорнул.

В первое, Федино, село кавалькада въехала к обеду. Дети заплаканные, лошади утомлённые. Мы их даже морковкой покормили, она у нас с собой, для разнообразия в пище была.

— Ничего, четырёхногие, сейчас последний рывок — и отдохнёте, — жалко животину, вечно от дури людской страдает, я гладил коняшек, те печально и устало смотрели на меня, хрумкая морковкой.

Тем же овощем накормили детей, те чуть успокоились. Пора собираться в Москву.

— Ну что, Федя, печки тушить, или как? Да и лошадок с собой заберём, или всё-таки тебе оставим?

— На болоте оставьте, а то дети не дойдут, — мужик скривился, — или с собой сани возьмите, одни. Мои возьмёте?

Блин, жалко ему детей мелких, тоже нормальный мужик, вроде.

— Ладно, давай так. Всех заберём сейчас с собой на болото, там на берегу оставим лошадок до сани, кроме твоих. А как тут у вас всё уляжется, пока болото ещё замёрзшее, приходи на то место, где вы напали. Там тебе и отдадим лошадку и сани. Так пойдёт? Тебе ж ещё сеяться надо, не сдюжишь.

Тут я удостоился прямо таки уважительного взгляда от корела. Шапку снял, поклонился, глубоко, надо сказать.

— Спасибо тебе. С детками-то что будет?

— Ты не переживай, — я похлопал его по плечу, — их сохраним. Я тебе бумагу выпишу, там написано будет, что ответственность на себя за их жизнь и здоровье беру. А значит, вернутся весёлыми и здоровыми. У меня у самого чуть младше бегает по дому, почём зря обижать не стану. Но сам понимаешь, вы людей моих ранили, я того просто так оставить не могу.

— Понимаю… — выдохнул Федя, — а что ты там мне дашь? Про жизнь и здоровье?

Я достал командирский планшет, бумагу, быстренько накатал документ. Ну там, я, государь Российский, Сергей Игнатьев, для обеспечения постановления суд номер такой-то, беру в качестве заложников детей числом двадцать штук, список прилагается.

Обязуюсь вернуть через год в целости и сохранности, условие возврата — возмещение ущерба. Если не хватит суммы — других детей возьму, на тех же условиях. Писал по-русски, мне потом ГэБэшник на словенский перевёл. Федя письмо знает плохо, но всё-таки прочитал расписку. Насколько понял он документ, я не знаю, но корел кивнул, соглашаясь с такой формой взаимодействия. Я печать поставил, подпись, дату. Пошли делать список детей. Вот тут намучались. С этими длинными, непривычными для русского уха именами я себе чуть мозг не сломал. Провозились с час, наверно.

— Так с печками-то как?

— Да не надо, мы за вами не пойдём, — Федя бережно засунул бумагу за пазуху, — дней через семь за санями приду.

— Нормально, вот тебе ещё бумага. Её покажешь моим людям, когда за лошадью и санями придёшь.

На бумаге было коротко написано: «Ущерба не причинять. Обращаться уважительно. При встрече звать Государя или ответственного. Данный субъект отзывается на имя Федя». Ну и печать моя, с серпом и молотом, её наши все знают, и подпись.

Если бы не ситуация, можно сказать расстались мы друзьями. Ну, по крайней мере с Федей. Его сынишка тоже в санях у нас, он сам его отдал, вроде как доверил и за общество пострадал. По дороге к болоту начал рассказывать нашим зачем мы собственно у народа детей забираем.

План этот мы составили ещё в Москве. После разговора о воспитании агентов нашего влияния для Новгорода, мои резонно поинтересовались, насколько эта схема рабочая. Тут ещё и корелы эти как раз всплыли. Я предложил эксперимент. Заберём детей, год их у себя подержим, в качестве суворовцев да в институте благородных девиц, откормим, читать-писать научим, да и вернём домой. И вот после этого узнаем, насколько дети те повлияют на наши отношения с корелами. Тут пока народ дикий, чуть что — месть кровная. Перебили бы мы пару-тройку сел корельских, к нам бы родичи их пожаловали. Их бы уконтропупили — ещё набегут. Что ж теперь, всех их под нож пускать? Бред. А так вроде как и крови не пролили, и дань повесили, и подрастающее поколение под себя завернули. Именно поэтому дети такого возраста. Старшие — уже помощники, младшие — ничего не соображают. А молодые растущие организмы едят чуть меньше взрослых, а помощи от них — не дождёшься. Вот эту, с позволения сказать, обузу, мы с корелов и сняли, да себе на шею посадили на год. В идеале — лет пять так детей к себе возить, первые, что сейчас у нас в санях сидят все в соплях, как раз в силу войдут. А там и посмотрим, как отношения

складываться будут. Я стопроцентной гарантии дать не могу, я не Госстрах, но что-то мне подсказывает, что эффект будет как с Юркой и его товарищами.

Мужики все это выслушали, без подробностей, правда, про Новгород, и согласно закивали головой, одобрили такой подход единогласно. Друзей под боком всяко веселей иметь чем кровников. Потом мои бойцы со своей колокольни добавили, что мол, если повезёт — так и в крепостные попадут (вот умора! повезёт — попадут в крепостные!), а если стараться будут, так и гражданами станут. Ну или в зависимых погоняют года три-четыре, такой путь к гражданству сложнее, но короче.

Мы пёрли по болоту с одними санями, обратный путь занял сильно меньше времени. В одном месте, где было мало растительности и кочек земляных, разлили все наши запасы скипидара, и подожгли. В пламя пошли наломанные по дороге сучья да ветки, часть сена с саней. Когда начало всё прогорать, копьями наделали дырок, поломали лёд. Полынь получилась метров тридцать длинной. И упиралась она в непонятные участки льда, на которые ступать опасно — это будет препятствие для преследователей.

Наконец, наш путь подошёл к концу. Край болота мы увидели задолго до того, как вышли на берег. Из-за деревьев выглядывала наблюдательная башня. Вот на неё ориентируясь мы и вышли в родные пенаты. Возле башни — БТР, и мужики суетятся. Торир, что руководил строительством, встретил нас, повёл внутрь сооружения. Оно небольшое, метров пять на пять, и высотой под десять метров. Сверху — наблюдательная площадка, место для пулемёта, крыша от стрел. Под этой площадкой — бак с водой, куба на три, потом комната отдыха, объединённая с «оружейкой». В самом низу — отопительная система с запасом торфяного топлива. Башенка окружена забором из колючей проволоки, метра на четыре в высоту. Такой проект мы вместе разрабатывали, для построения сети наблюдательной, что должна дойти до завода металлургического.

— Вот, закончили. На дверях внизу там ещё решётка есть, — Торир проводил экскурсию, — на первом этаже лошадь с санями можно поставить. Здорово получилось, мы ракеты пускали, видно далеко. Если бы ещё парочку таких по всей дороге — то весь путь под контролем будет. Жаль, невысоко ракеты летят сигнальные.

— Ну давай фонариков добавим летающих, — я осматривал башню, погруженный в свои мысли, — воду вы от пожара так высоко засунули?

— Да, воду от пожара, если стены поджечь кто пытаться будет. Каких фонариков-то? Тех, что у вас на винтовках?

— Не, китайскими их звали, дома покажу.

— И что, прям летаю как птиц? — Торир допытывался от меня конкретики.

— Короче, вождь, — мы периодически так Торира называли, — я покажу, только не пугайся.

Взял бумаги, быстренько смастерил некое подобие свечки из подручных материалов — воск у нас товар редкий, в основном скипидар на освещение идёт. Вот и пришлось делать некий паллиатив из сильно пропитанной кудели, фитиля, бумаги. Вышли на болото, подожгли свечу, я подождал, пока она разгорится, ну и отпустил конструкцию. Фонарик взлетел метров на семь, погорел минуты три, под удивлённые взгляды наших мужиков, ну и сгорел вместе с бумагой.

— Вот это да!.. — только и промолвил Торир.

— Если бы больше сделать, да человека туда посадить, да поднять повыше… — мечтательно произнёс Кукша.

— Это воздушный шар уже будет, у нас такие тоже делали. Только вот размеры у них — тут башни этой не хватит.

— А чего оно так вверх-то рвётся? — тот парень сообразительный, что печки тушить придумал, подошёл к нам.

— Ну тут… — я покрутил рукой, пытаясь сформулировать мысль, — Как на воде лодка, получается. Вы же законы плавания учили?

Законом Архимеда это у нас не называлось, обезличенно всё было, чтобы в смущение наших мужиков не вводить греками непонятными, да на биографии их времени не тратить.

— Вода плотнее чем дерево, вот дерево и плывёт. А тёплый воздух, что внутри фонарика скапливается, под бумагой, менее плотный, чем газ вокруг, вот и всплывает он как будто из озера полено.

Возникла небольшая дискуссия на тему правдивости моих слов. Я в ней не участвовал, как и тот парень. Он кивнул, и пошёл свой фонарик делать. Молодец, экспериментатор. В процессе были ещё одни участники, о которых мы грешным делом забыли. Ребята корельские сидели на санях, и, раскрыв рты, наблюдали за запуском фонарика пареньком-безопасником. Он соорудил и поджёг один, второй, третий, и начал ваять четвёртый.

— Торир, надо ребят накормить, отогреть, а то мелкие натерпелись… от нас, — я ткнул рукой в сторону саней, — Юрка! Объясни им, что дальше будет.

После представления с фонариком, корелы мелкие не плакали, смотрели со смесью страха и удивления. Они-то по русски не понимают, вот и не ясна им суть представления показанного. Думают, шаманим, или колдуем. Боятся, но и

любопытство проявляют, вон как они Юрку вопросами закидали на своём, на корельском. Тот повёл под охраной наших вояк всех в детей недостроенную башенку, туда же завели коняшку. Сена ей дали, остатки морковки скормили, лошадка вроде отходить начала от перегона. Мелкие отогрелись внутри, поели, их начало в сон клонить. Так, в дрёме, их и начали переносить в БТР, как раз второй подошёл. Пока несли, ребята проснулись — и давай орать. Ещё бы! Несут их в чрево чудовища непонятного, может, скормить хотят? Вырываться начали, кусаться, один даже убежать умудрился. Еле собрали их вместе, начали делать по другому. Один вояка заходит, садит мелкого на колени, потом — следующий. Все наши смеются, но беззлобно, мелкие успокоились. Мы пережили ещё один приступ паники, когда БТРы тронулись с места, но потом всё устаканилось. Некоторые даже по сторонам любопытно озираются, а самые смелые спрашивают что-то. Я ответить им не могу, а Юрка в другой машине. Пожал плечами, улыбнулся как можно радушнее, мол, солдат ребёнка не обидит, и подмигнул по-дружески. Так и въехали в крепость…

За те дни, что нас не было, в Москве мало что поменялось. Доделали Рюриковский заказ, дооборудовали крепость, почти закончили заливать в земле пирсы да набережные, скоро приступать к домам. И делать это надо побыстрее — у нас прибавление. Приехал Ярило с дружинниками и семьями, их поселили в домах в первой деревянной крепости. Причём на этом свободное место у нас закончилось — всё, некуда больше людей распределять. Ребят корельских отправили на медосмотр, оформление в Суворовское и в Смольный, как начали институт с девочками называть. Я отправился к семье, соскучился за время боевой операции. Вошёл домой, Вовка и Зоряна повисли на шее.

— Ну вот, с войной это вашей скоро совсем дорогу домой забудешь, — в шутку пожурила меня супруга, поглаживая по волосам.

— Не, домой я никогда дорогу не забуду, — я поцеловал супругу, — скорее, дом расширять буду, государство наше. Ну как тут вы без меня, что нового?

За ужином я рассказал про наш поход к корелам. Потом перешли к московским новостям. Про стройку я уже знал, Торир по дороге поведал, мне было интересно, как там люди. А тут новость была по сути одна — появление в крепости жены Ярило. Если дружинники с семьями относительно нормально вписались в коллектив, хотя и удивлялись многому, то эта барышня обещала доставить кучу проблем. У нас таких бы назвали гламурными. Краткий опрос показал, что Жуляна эта была из богатого Новгородского рода, у Добролюба, отца Ярило, были совместные

дела вместе с её отцом, вот и закрепили взаимоотношения браком между детьми. Но если в Новгороде та жила в огромном подворье, с кучей прислуги, то выйдя замуж переехала в более скромное жилище Добролюба, а теперь — так вообще в мелкий домик, по её меркам. Причём из прислуги только одна девушка у неё, сирота, с собой привезла.

За три дня эта Жуляна умудрилась достать всех придирками да пафосом своим, рассказами о том, как бедно и плохо мы тут живём, как неправильно одеваемся, как неправильно себя ведём, и ей почести не оказываем, такой красивой. Не так, как тот хмырь, сынок боярский, но тоже ходила задрав нос. Ярило виновато ходил по Москве, сделать со своей супругой ничего не мог. Бить её он вроде как и в праве, но тесть его новгородский души не чаял в дочке, и такого рода поведение могло плохо кончиться для семейного бизнеса. Вот и ходит здоровый дружинник, потакает капризам жены. Так вечно разнаряжена, как «королевна», и намазана местным аналогом косметики по местной же моде. Щеки — свёклой натёрты, зубы вычернены, лицо набелено, брови да глаза углем подведены. У наших, Игнатьевым да мурманов, это только смех вызывает за глаза, а вот крепостные, особенно барышни, начали пытаться копировать её! Мне аж интересно стало посмотреть на такое чудо природы.

Неделю приводил дела в порядок, присматривался к изменениям в нашем коллективе. Ярило со своими дружинниками были определены на два дела — учёбу и освоение лодок по Рюриковскому заказу. Мы хотели из низ не только людей, разбирающихся в наших мерах и весах сделать, но и преподавателей для обучения эксплуатации лодок. Жены пошли на оклад, работать на ткачестве, по загранпаспортам. Такое было возможно, Закон позволял. Дети — в школу, у родителей за то налог образовательный вычитался. Корелы мелкие за неделю оклемались, начали потихоньку пытаться говорить на русском, пока же в основном с ними или Толик или Юрка занимались, с мальчиками, учили всему да водили в столовую, на помывку. Лада подмяла под себя девчёнок. За проведённое тут время дети уже поняли, что убивать их или другим способом причинять ущерб здоровью никто не собирается, стали больше проявлять любопытство. Правда, скучали по родному дому, и сильно. Но тут наша позиция была непреклонна. Если разговор о том заходил, наши строго следую букве и духу Закона, а также моим инструкциям, сухим канцелярским языком разъясняли причины их появления в Москве.

Жуляна, наша гламурная барышня, внесла некоторого развлечения в жизнь Москвы. Я лично с ней не беседовал, хотя та

и старалась подтвердить свой «высокий» статус близостью к начальству. Так, «привет-пока», зато внимательно смотрел и оценивал её поведение. Плюс Влас развернул внутреннюю сеть сбора данных о барышне. Так как это был его первый «объект» исследования, то все было по серьёзному — дело завели, аналитические записки, сбор разговоров и фотографий, агентурная работа через девушек. Особенно в этом помогла помощница Жуляны, её завербовали достаточно быстро, из-за болтливости. Агент она была добровольный, а точнее — использовали её «в темную». Эта любительница почесать языком и выдала нам большинство сведений о гламурной барышне. Пока выходило так, что действительно бездельница, модница, красавица, при этом обидчивая, вздорная, гордая «понторезка». Я дело это держал под контролем, правда, не всегда получалось. Ибо редкий вольный гражданин мог сдержать смех при появлении Жуляны в поле зрения. Яркие наряды, да побольше, куча побрякушек, косметики. Чудо в перьях — именно это выражение приходило мне на ум при виде её. Я уже было хотел вызвать барышню на серьёзный разговор, но помешали обстоятельства.

— Сергей! Там в небе!.. Сам пойди погляди! — влетел ко мне домой поутру Обеслав.

— Что там? Серьёзное что?

— Огонь в небе! — и племянник выбежал на улицу.

Я собрался, вышел во двор, залез на крепость. Действительно, вдалеке, у самого горизонта, горел какой-то мигающий огонёк. Потом появился и упал на границе верхушек деревьев ещё один. Потом — следующий, ближе к нам. Значит, вызывают подмогу наши охранные башни. Но подмогу не сильную, на случай сильной атаки был предусмотрен дым. Вон и БРТ уже из ворот выезжает с дежурной сменой стрелков.

Транспорт вернулся через час. Из десантного отделения с абсолютно потерянным видом вылез Федя! Глаза как блюдца, волосы под шапкой шевелятся, я отсюда вижу, в руках корел судорожно мнёт мешок. Я направился к нашему гостю. Тот меня увидел, бухнулся на колени, бормочет что-то с виноватым видом.

— Федя, ты это брось, у нас так не принято! — я помог мужику подняться, под пристальным взглядом Жуляны, которая вышла со своей помощницей на свой утренний моцион, заключавшийся в дефилировании по крепости с гордым и презрительным видом, — Здорово! Как жизнь? Как добрался?

— Да я… — дальше Федя зарапортовался и начал что-то быстро говорить на корельском, потом, правда, опомнился, перешёл на словенский, — Вы говорили за лошадкой прийти, а

тут ваши, из крепости…

Крепости? Ну да, это он так нашу башню наблюдательную назвал.

— …Из крепости говорят, надо тебе в Москву. А куда в Москву? Я не знаю, они посмеялись и сказали, что довезут. Потом этот зверь ваш железный пришёл, люди из него вышли, потом меня в него затолкали…, - Федя протянул мне мешок, — Я тут вот для ребят, принёс, значит…

— Федя, да не переживай, нормально все. Молодец, что приехал. Ребята на занятиях, пойдём пока позавтракаем, да расскажешь что у вас там происходит.

Отвёл ошалевшего мужика к себе на кухню. Там опять культурный шок у корела — наши дома и не таких в ступор вводили. Зоряна, правда, со всей добротой отнеслась, накормила, даже рюмку настойки оформила, хоть и время не подходящее. Федя остограммился, разговор пошёл живее. Там, за столом, и начал мне корел рассказывать о событиях за болотом, что случились после нашего налёта.

После нашего ухода, к вечеру собрались вояки из трёх сел, которые мы посетили. Шли пешком, задержка из-за погашенных печей сыграла свою роль. Собрались у Феди, и давай ему предъявлять, что, мол, подвёл, гад такой, всех под монастырь. Лошадей нет, как сеяться, как выживать, непонятно. Ещё и топоры да ножи все вывезли. Федя повёл их к болоту, там всех коней забрали с нагруженным на сани барахлом, малость попустило мужиков. Стали решать, как быть дальше, ребят своих выручать из плена людей странных. Федя объяснил им размер долга, который я на них повесил — корелы пригорюнились, на наших условиях они ещё лет пятнадцать выкупать мелких будут. Отправили делегацию к голове. Голова их, из той крепости на севере, что Федя до попадания в Москву считал большой и богатой, принял Соломоново решение — будем ждать. Авось, выведет кривая, да разберёмся с захватчиками. А пока надо информацию собрать, понять с кем имеем дело. Тем более, что нападение на наш БТР было личной инициативой исполнителей, а потому голова вроде как к этому отношения не имеет. Решение мужикам не понравилось, стали они по всем сёлам, откуда были участники налёта, ходить да народ собирать на битву ратную. Федя, по его словам, людей отговаривал, но те не послушали. Из семи сел, участвовавших в налёте, только три дали заложников, четыре не пострадали. И вот те деревни отказались нести свою долю ответственности, выставлять воинов и участвовать в выкупе! Из-за этого случилась крупная ссора, три села, включая Федино, заявили, что если никто, включая голову, за низ вступиться не

может, то пусть сами теперь дань платят, да на них не рассчитывают.

Решение, конечно, было эмоциональное, но справедливое. Голова согласился освободить их от дани до решения вопроса с заложниками, с отказавшимися от битвы сёлами «наши» корелы окончательно рассорились. Опять собрали совет у Феди, он числился самым знающим по нашему вопросу, и стали допытываться, что эти непонятные страшные люди ещё говорили. Корел бумагу им показал, с моим обязательством не причинять ущербу ребятам, да и просто рассказал о нашем поведении да разговорах. Совет постановил — горячку не пороть, отправить Федю с подарком ко мне, и заодно ребятам еды передать. Основная задача — разведать что тут у нас да как, и попробовать договориться о дани. Или размер её снизить, или чем-нибудь другим, кроме меха и серебра взять. Все это Федя вывалили на меня после того, как я его по крепостям провёл. Окончательно поняв, что по сравнению с их сёлами, даже с населённым пунктом головы корельского, наша Москва это как бык супротив муравья, Федя решил все сделать по-честному, без задних мыслей и тайных помыслов.

Мы как раз подошли к суворовскому училищу, где был его сын. У ребят сейчас большая обеденная перемена, вот как раз и повидаются. А пока наши суворовцы на занятиях в учебном бараке, провёл Феде экскурсию. Завёл в училище, там дневальный, из наших «старых» ребят, тех, что с Ладоги Лис привёз. Пацан меня увидел, вскочил со стула и бодро отрапортовал:

— Товарищ Государь! Рота на занятиях, больных и отсутствующих нет. Доклад окончил, курсант Синицын!

— Вольно, Синицын! Гости у нас, от корелов пришли, повидаться. Как тут у вас жизнь, вообще?

— Есть вольно! Хорошо всё. Только вот… — замялся мелкий, — нам обещали винтовок для пейнт-бола, а Обеслав всё тянет, говорит, не время. Мы уже и рапорт писали, и так подходили — все никак. А если опять враги придут? Нам что, так и отсиживаться за стенами? — пейнт-болом у нас называли пострелушки из пневматики специальной, с деревянными пульками со смоляными шариками, наполненными краской.

В голосе девятилетнего паренька была обида. Обида, что в бой не пускают! Федя же из разговора ничего не понял, стоял, глазами лупал на внутренности суворовского училища. Правая половина его отведена под спальню, там кровати стоят двухэтажные. Левая — для самоподготовки и прочих дел, там столы, стулья, лампы да книжные полки. Окна достаточно внушительные, полы досками отделаны, поверх них — ковры из кудели да сосновой шерсти, чтобы теплее было. На стене — часы с гирьками, делали мы такие такие для внутренних помещений, шкаф для одежды верхней да под ними оружейная пирамида. В ней деревянные макеты, правда, очень качественные, наших винтовок. Но Федя не знает что это макеты, он-то думает боевое оружие! А как оно работает он видел при нашем приходе. Стоит, глазами моргает. Дежурный тихим голосом поинтересовался, чей, мол, отец? Я сказал — мы Федиого сына Карелиным окрестили, не мудрствуя лукаво. Синицын подошёл, отвёл к кровати заправленной:

— Вот тут сын твой ночует, его тумбочка да кровать.

Федя присел, прижал к себе мешок, с которым не расставался. Дневальный ему показал что в тумбочке, там «мыльно-рыльные», мелочёвка детская. Дверь отворилась — и в помещения с шумом ввалилась толпа пацанов.

— Папа! — закричал один мелкий, бритый наголо, мы вшей боялись, и бросился к отцу.

Вот так вот. Папа — он и в Африке папа, и звучит почти одинаково везде. Федя широко руки растворил, крепко обнял сына. Сцену прервал суворовец постарше:

— Карелин! Равнясь! — Федин сын вскочил, как ужаленный, вытянулся, — Государь в помещении — а ты тут такое устраиваешь!

Наконец, все обратили внимание на меня. Пацаны по команде дежурного построились, дневальный опять доложился.

— Вольно! — сказал я.

Ребята разошлись по комнате, Федин мелкий подошёл ко мне, и с жалостливым видом, на корявейшем русском спросил:

— Государь! Разреши… — это примерно треть его знаний русского языка на данный момент, кроме команд.

Я махнул рукой — парень, кстати, тоже Федя, имена у них с отцом похожи, бросился опять к папе. Тот сидел и не дышал — строго у нас тут всё. Постепенно к Феде-старшему начали подтягиваться другие корельские ребята. Живо начали ему что-то рассказывать, активно жестикулируя. Корел гладил сына, сам что-то рассказывал детям. Наконец, опомнился, и начал доставать из своего мешка нехитрую снедь. Там хлеб, мясо вяленое, засахарившийся мёд. Ребята разбирали, благодарили. Потом застыли со всем этим, и повернулись к дневальному. Приём пищи-то в расположении запрещён! Пришлось вмешаться:

— Всё это на ужин на стол поставим, для всех воспитанников. Федя-старший! Ты тут будешь? Или давай я тебя к девчёнкам свожу, убедишься, что все в порядке и с ними, а потом общайтесь тут. Увольнительную дайте Карелину, без права покинуть расположение училища, — последняя фраза относилась к самому старшему суворовцу, он у них сержант.

Федя быстро сказал что-то сыну, поднялся и последовал за мной. Мешок его потащили в столовую. У девчёнок — своя свадьба. Там разъярённая Лада борется с последствиями пребывания Жуляны в Москве. Воспитанницы с её появлением стали замечать, что обходят нашу гламурную барышню все метров за двадцать. Молодые, неопытные мозги все растолковали на свой лад. Обходят — значит, красота такая вот неописуемая, что рядом пройти страшно. Им-то невдомёк, что обходят её от греха подальше и чтобы смех свой подальше спрятать. Начался у нас косметический бум. То одна с кухни что-то стащит, да на лице себе румяна нарисует, то другая брови намажет сажей какой-то, то мукой обсыпятся. Из-за этого только грязь, и ходят девки как клоуны в цирке, однако держатся гордо. Вот Лада и распекает их на момент соблюдения внешнего вида, как подобает воспитаннице института благородных девиц.

— Благородных! А не разукрашенных! — как раз надрывалась Лада, когда вошли мы, — Ой! Дядь Сереж! Тьфу, Государь! Не заметила… А ну всем построиться!

У девчёнок, конечно, не казарма, но тоже дисциплина присутствует. Воспитанницы в линию встали, мы с Федей поприветствовали их, потом опять была сцена встречи земляка-корела. Про гостинцы для всех мы объявили, и что на ужин у нас привесок будет — тоже. Отсюда уже я попросил Ладу проводить обратно к суворовцам Федю, и пошёл домой. Надо думать, что с

этой Жуляной, леший её забери, делать. Думал до вечера, прочитал все данные, собранные Власом, сидел, прикидывал варианты. Отвлёкся только на поход с Федей в столовую, чтобы убедился тот что кормят ребят его нормально. Хотя и так видно, что раскабанели на казённых харчах корелы-то, это не в селе зимовать, тут нормы питания для новеньких повышенные.

Федя в состоянии лёгкого стресса после ужина пошёл со мной. Надо финансовые вопросы обсудить — содержание ребят да выплату ущерба. Засели с гостем у меня на кухне, за отваром.

— Спасибо тебе, Сергей, — Федя отбил мне поклон чуть не в пол, я так, например, не умею, — ребята присмотрены, накормлены да одеты, сдержал ты своё слово. Только вот и в другом сдержишь, с данью той. Не сможем мы тебе сразу дать, что требуешь, не обессудь. Но тут вот всем обществом собрались, все три селища, и подарок тебе вот… Прими… Да прости, если невместно тебе по чести его брать, мы люди бедные…

С этими словами Федя развязал пояс, которым тулуп подвязывал, и достал тугой свёрток. А в нем — ну прямо переливается по-всякому, блестит, красотища! Это он меха нам принёс, и судя по хвостам — бобрового. Я погладил шкурку, приятно, чёрт побери, и красиво. Как раз Зоряна вышла из спальни, тоже заохала:

— Ой! Красота-то какая! И блестит как! Где вы такое взяли?

— Это Федя нам в подарок привёз, — я крутил мех в руках, — красиво, блин! Сами делаете так? А то мы больше кожей промышляем…

— Сами, все сами, — засуетился Федя, — но если мы вот так платить будем, то долго выйдет, редко такие звери попадаются… Тут это, вот ещё, тоже передали…

Федя выложил на стол что-то завёрнутое в тряпицу. Я раскрыл — и отпрянул. На тряпице лежали… ну как бы это объяснить… сушенные тестикулы, вот что это напоминало больше всего.

— Это что и зачем? — я потыкал палочкой сморщенные комочки.

— Это струя этих вот, — Федя ткнул в мех, — зверей, значит, бобров. Она полезная и пахучая… У нас снадобья из неё делают, от хворей всяких.

Честно говоря, не слышал я чтобы тестикулы бобра, или что это вообще такое, использовали как лекарство. Разве что во всяких страшилках про алхимиков да чародеев, так там и крыло летучей мыши, по слухам, от СПИДа лечило. Поспрашивал Федю, оказалось, это не тестикулы, это внутри бобра такая штука, он из неё, когда живой, струю пахучую пускает. Я прикинул, вроде как

на мускусную железу похожа, ей вроде животина территорию метит. Ну, посмотрим на её свойства, отдам в фельдшерскую, пусть экспериментируют.

— Спасибо за подарки, десятую часть долга считай списали мы вам, — Федя воспрянул радостно, я его осадил, — сильно не радуйся, десятая часть списана не только за меха, а за то, что поверили, и дела с вами дальше иметь можно. По остальному долгу — надо, Федя, крепко думать. Я сейчас ещё Буревоя позову, он мужик опытный, на троих сообразим…

— Я вам соображу! — в шутку погрозила кулаком мне Зоряна.

— Не в том смысле, солнце моё, не в том…

С дедом познакомил Федю, сели гадать, как корелам долги выплатить побыстрее. Смешно, конечно, сами долг повесили, сами выкручиваться помогаем, а куда деваться? Людей жалко, но и спуску давать нельзя. Дед мех оценил, очень качественный нам подарили, но дальше — затык. Куда мех тот девать, если его в столь микроскопических масштабах добывают? На шубу три года собирать, на одну? Менять на Ладоге или с новгородцами расплачиваться, разве что? Струя эта, непонятная ещё? Так её испытать надо, понять, на что она способна. Может, опять штучки шаманские, бесполезные. Допросили Федю на момент других ресурсов в их сёлах. С ними полных швах — лес да рыба, все. Федя грустный, мы тоже. Дед переключился на свою стезю, химико-геологическую. Корел в этом деле полный ноль, ему бы наглядно посмотреть, чем они богаты, а то камни они и есть камни, если не драгоценные, стоят рубль за тонну. Решили по утру Федю сводить в Геологическую службу, там образцы разные, может, узнает чего глазами-то. Пока же никакого решения не приняли. Уложили гостя спать в гостевой секции барака, там у нас корабелы из Гребцов жили, да разошлись думать.

По утру отнёс струю к Смеяне, там с врачами нашими посмеялись, они тоже сначала неправильно определили расположение этой субстанции на бобре. Половину им оставил, другую себе, мысль поутру появилась одна, как одним махом пару наши проблем решить. Федя же после завтрака в столовой, где его мигом узнали да потащили к своему столу наши ГБшники, которые за болото ходили, пошёл с дедом смотреть на минералы.

Буревой подготовился — у него таблица с указанием цен за килограмм каждого минерала. Я чуть позже присоединился, мысль об использовании струи расписывал поподробнее, чтобы не забыть. Пришёл в Геологическую службу, там Федя с потерянным видом перебирает камешки. Буревой ему по каждому цену говорит, в руке у Феди — гирька килограммовая, чтобы

представлять себе сколько чего везти. Попробовали по всем камням пробежаться — корел потерялся на третьем наименовании. Решили дать ему посмотреть всё, а он пусть определит, есть ли какое сырье в его местах, чтобы его много было. От этого и плясать будем. Я же изучал пока таблицу стоимостей минералов.

— Вот это видел, вроде, и вот это. А таких у нас много, в яме одной, — Федя отобрал несколько образцов, — только проверить надо, оно ли или нет…

— Ну это понятно, это тоже… Стоп! А это что за хрень? — я удивлённо поднял голову на деда, тот хитро улыбался, — И впрямь столько получается за килограмм? Это ж почти пятьдесят рублей! Что за камень такой? И вот этот тоже!?

— Я тебе… — начал было Буревой, посмотрел на Федю, — Потом расскажу, не сейчас. Но цифре верь.

Итогом посещения вотчины Буревоя для Феди стало несколько направлений быстрого расчёта с нами. Первое — это найти нам кучку маленьких бобрят, мы их попробуем в неволе размножать, потом ему отдадим, на разведение с подробными инструкциями. Второе — это поташ. Его много надо, вот и появилось у Феди направление по сбору сена на золу, из травы лучше получался, чем из дерева. Третье — найти большие залежи каких-нибудь камней, принести их образцы, а мы уже определим их стоимость и необходимый объём. Федю по утру следующего дня отвезём, пусть пока с ребятами корельскими пообщается, а мы ему как раз подарки соберём. Негоже с пустыми руками отпускать, он хоть и данник, но со всей душой к нам, с подарками, а мы в долгу быть не привыкли. Поспрашивали Федю насчёт потребностей, половозрастного состава трёх сел, чьи заложники у нас на воспитании, да и пошли осматривать склады. Там набрали ткани, по два квадрата на каждого человека в тех сёлах, пять комплектов инструмента подготовили — топоров, пила, коса, тяпка, грабли, кирка да серп. Плюс по швейному набору на семью, иголки, нитки, напёрстки, ножницы, ножик малый, ну и рулетка с кусочком мела. Плюс еды ему в дорогу, в банках жестяных, да ещё один подарок будет, особый.

Собрали всех суворовцев да воспитанниц Смольного, построили с воспитателями, Федей, я встал сбоку, и сфотографировались на память. Как раз проявить успеем, да сделать снимков в рамках стеклянных по количеству семей из которых заложники были. Пока корел общался с ребятами, собрали фотографии, рамки, сделали список ребят. Хорошо получилось, красиво.

Федя тоже оценил по утру наши потуги на почве

фотофиксации. Так прям и сел в сугроб с фотографией в руках. Она здоровая, два листа А4, да складывающаяся, на манер диптиха. На одной стороне — текст, на другой — сама фотография. Текст гласит, что, мол, это в феврале 866 года, в городе Москва, первый курс Суворовского училища и Смольного института, плюс Государь, плюс воспитатели, плюс Федор Карелин-старший изображены на снимке. Меньше сделать не получилось, качество фотографий не идеальное, лиц иначе не разглядишь. А вот тут Федя все разобрал и офигел. Попытался опять на колени бухаться, подняли, отряхнули, да кулак под нос сунули. Нечего тут штанами снег протирать и пример дурной подавать. Потом нагрузили остальное на сани. Федя смотрел за погрузкой барахла с тоской, как выяснилось, считал про себя, сколько он теперь должен. Мы его успокоили, мол, вы нам бобра подарили, а это — отдарок. Приоткрыли один короб — там лежат фотографии для его односельчан. Федя чуть инфаркт не получил, от вида количества одинаковых фотографий. Инструмент его ввёл в окончательный ступор и непонимание, кто кому, собственно, дань платит?

— Ты, Федя, не так это все расцениваешь. Вот смотри, я с тебя дань сеном брать буду, золой от него, точнее. А сколько ты серпом сена заготовишь? Мизер! На коня, считай, только и хватит. А косой, что я тебе дал — много сделаешь. А значит, и золы много будет, долг отдадите — мы же торговлю-то не прекратим? Выходит, и тебе и мне прибыток.

— Эвона как хитро получается, — Федя почесал затылок, — и с другим инструментом так, получается?

— Ага. Лопата добрая да тяпка с граблями — на сено больше времени останется да на поиск бобрят, кирка — камней много брать за раз, нам на оценки нести, и всё так. Понял теперь? Это, Федя, не дань, это — инвестиции! — от нового слова Федя окосел, как от шаманства, — И ребята ваши, что мы воспитываем, это… Я тебе сейчас скажу, только ты это пока при себе держи, даже жене не говори, хорошо?

— Клянусь! — выдал Федя.

— Вот дети ваши — это тоже инвестиция, в будущее вложение. Как выучим мы их, легче нам будет торговлю вести да контакт с вами налаживать. Больше торговли — больше прибыток всем. Понял? Подумай над этой мыслью…

Федя кивнул серьёзно, попрощался со мной, и направился к БТРу. А у меня цель посложнее — я намеревался искоренять гламур в Москве. Считай, неподъёмная задача-то! А бороться надо — Ярило ко мне на днях заявился, и сказал, мол, всё, выучился уже науке вашей, пора в Гребцы. Я ему пару примеров

написал, проверить знания. Тот лоб морщит, решить не может. Прижал его к стенке, Ярило давай жаловаться, что жена его со свету тут сживёт, весь мозг съела тем, что живут бедно, хочет в хоромы свои возвращаться. А вот дружинники с семьями наоборот, присматриваются на момент влиться в общество. Вот Ярило и решил, пока у него семейная жизнь не рухнула да подчинённые не разбежались, надо собирать манатки и быстренько выдвигаться в сторону Свири. Потому и занялся я разработкой плана борьбы с гламуром. Может, рога-то пообломаю Жуляне, да и легче всем станет? Пришёл в актовый зал, попросил мурманского парнишку позвать ко мне Жуляну да Ярило.

— Доброго утра тебе, Государь, — Ярило вошёл с поклоном.

— Поздорову будьте, — с глубоким поклоном, елейным голосочком произнесла «чудо в перьях», пришла в самых лучших нарядах (всех сразу, судя по всему), и в самом модном макияже, под сантиметр «штукатурки» на ней.

— И вам не хворать. Так, Ярило, мне с супругой твоей поговорить надо, наедине. Разговор тайный, да серьёзный. Подождёшь снаружи? Если что, вон в окошко все видно будет, не переживай, — сын купеческий кивнул и вышел.

Жуляна томно посмотрела на меня. Ишь ты, решила что я тут интима от неё требовать буду? Типа, раз Государь, так всё можно? Не на того напала!

— Жуляна. Я вот что тебе сказать хотел… Ты что, дура, в конец оборзела!? — я со всей силы ударил кулаком по столу, встал, возвышаясь над «гламурной» барышней, — Ты как себя ведёшь!? Ты что себе позволяешь!? Какого хрена вырядилась как чучело!.. Нет, нет чучело! Павлин! Тот, у которого под самыми красивыми перьями обыкновенная куриная задница! Да кто тебе вообще позволил так себя вести да срывать международный контракт! Мозгов совсем нет!? Хочешь, себя, меня, мужа с отцом, всех под плаху подвести!!?

Ну и так далее. Жуляна сидит в шоке, такого явно не ожидала. А я просто вспомнил книжку, которую в будущем читал. Там описан был способ, которым можно «вскрыть» человека, помыслы его, желания. Способ заключался в выведении человека из равновесия, доведении до белого каления, а там он уже сам все вывалит. Главное — в морду не получить, а то некоторые не будут долго разговаривать, сразу в рыло оформят, диалога не выйдет. Тут у меня та самая ситуация — «чудо в перьях» мне точно тумаков не навешает. Вон, сидит, глаза пучит, они у неё уже сантиметров по пять в диаметре. Не долго такое длилось, минут десять, пока я на неё наезжал. Без оскорблений, само собой, но громко, орал как резанный. Даже вон Ярило в окошко с

мордой скорбной пялится, переживает. Жуляна глазами ещё похлопала, а потом привстала, упёрла кулаки в стол, и как давай на меня в ответ орать!

— Да кто ты такой! — хрясь по столу чуть не сильнее чем я, — Как ты со мной разговариваешь! Думаешь, раз князь, то все можно! Вы все мужики такие! Вам баба лишь игрушка да корова дойная да родильная!..

И давай теперь уже меня прессовать! Я аж на стул присел, ничего себе напор! Мелкая, худая, разукрашенная под клоуна, а орёт, что твой мамонт во время брачных игр. Сквозь поток ругательств и оскорблений в мой, Государя Российского адрес, начала в речи Жуляны проклёвываться мысль. Она была о наличии в нашем девятом веке мужского шовинизма в лице его ярких представителей — меня, мужа, отца её, тестя, и далее, по списку! Слов она пока таких не знала, но саму суть передала верно. Я сидел оторопевший, Ярило сначала в дверь ломился, как её вопли услышал, потом в окошко стучится, наблюдая за тем, как его супруга на Государя орет да наезжает, потом его Лис со Святославом увели, хитро поглядывая в окно, они в курсе были моего плана. А Жуляна все орёт, уже и руками у меня перед лицом машет. Выговорилась, замолчала. Я на стуле, она надо мной висит, в глазах ярость, ручки в кулачки сжаты, и над головой у меня занесены. Я с интересом смотрю на неё. В глазах начало отображаться понимание, на кого она орёт. Сначала осознала, потом — удивилась собственной смелости, затем страх в глазах появился. А потом опять злость:

— Ааа-а-а-а! Делайте, что хотите все! Плевать я на вас хотела! — закончила Жуляна, махнула рукой, и уселась на стул, уселась и… заплакала.

Все, теперь можно и поговорить. Начал тихим голосом задавать небольшие уточняющие вопросы. Та сквозь слезы огрызается, но отвечает. В итоге сложилась картина того, как она до жизни такой докатилась. У отца она одна дочка, он в ней души не чает. Всю жизнь вокруг неё няньки, мамки, девки, честь оберегают девичью да развлекают. Подружек настоящих нет — невместно, редко кто казался достойным её отцу общаться с его «золотцем». Как первая кровь упала, девушкой стала, добавились новые развлечения — косметика да наряды, шубы да тряпки, жемчуга да каменья. А девка-то не дура, ей хочется нормальной, полноценной жизни. Чтобы и дело какое было, и уважение, и друзья искренние. А как уж жить нормально, если за тобой толпа народу чуть не в санузел ходит? Начала на зло отцу становиться «гламурной» — капризы сплошные, желания дурные, «дайте денег на наряды». Думала, отцу надоест её так сильно оберегать, а тот

наоборот, мол, хочешь доченька, все сделаю, все достану. И наряды, и косметику, и каменья с жемчугами. Братья её по торговой да военной части пошли, свои семьи завели, а она живёт, как птица в клетке. Золотой, но все же клетке. Потом засватали её за Ярило.

Думала Жуляна, хоть тут вздохнёт спокойно, но нет! Папа и тут постарался, застращал Ярило и Добролюба на момент «моя дочка привыкла жить так!». Те двое, чтобы не терять расположение торгового партнера, организовали ей другую клетку золотую, пылинки сдувают, любой каприз выполняют и оберегают похлеще чем дома. Опять не выйти самой, ни делом занять каким-нибудь, кроме женского ремесла, шитья да украшений. Плюс другая проблема — детей у неё нет. Двадцать два года, перестарок, по местным меркам, а маленьких боги не дают.

Вот это все выплакивала мне Жуляна, периодически злобно огрызаясь, да размазывая косметику по лицу.

— Тв не реви, вон, всю муку размазала по лицу, — попытался проявить я сочувствие.

— Тебе какая разница! — огрызнулась та, и опять хлюп-хлюп — Не мука это…

— А что? — надо переводить разговор в доброжелательное русло, поговорим с ней о косметике е, может, отойдёт.

— Белила то…

— А?

— Свинцовые белила, — огрызнулась Жуляна, удивляясь моей тупости.

— Какие!? — я аж привстал, и повысив голос, зловеще поинтересовался — И давно ты дрянь это на лицо намазываешь?

— Как тринадцатая весна прошла, — Жуляна даже плакать перестала, — так и мажу… Для красоты…

— А у тебя, — я начал судорожно вспоминать признаки отравления, — живот не болит? Брюхо? Плохо не бывает, да так, что еду за угол вываливать приходится? Голова не болит?

— Болит. И плохо бывает, — оторопела Жуляна, — Ярило тебе сказал?

— Теперь хоть ясно, отчего у тебя детей нет, — я откинулся на спинку стула, — отравление у тебя, от этой вот дряни, которую ты на лицо намазываешь. Отравление свинцом.

Жуляна мигом прекратила плакать, я тихим голосом продолжил.

— Про отраву ту, которой тебя с детства пичкают, отдельный разговор. А по остальному скажу тебе так. Ты в Москве мало живёшь, мало видишь, мало знаешь. Подольше задержишься —

увидишь, что у нас девушки да женщины свободно себя чувствуют, да неволить их по Закону права никто не имеет. Учатся, как все, работают, деньги зарабатывают, да силы свои туда прикладывают, где пользы от них больше. Вон, у мужиков спроси…

— Опять мужиков… — чуть презрительно выдавила из себя Жуляна.

— Мне что, опять на тебя орать? То-то же. Так вот мужики наши такие же граждане, как и я. А то что крепостные — так то временно, как и зависимость в Смольном да в Суворовском. Вырастут, отучатся, экзамен сдадут и будут вольными гражданами. И станут в нашем государстве все, чем хотят заниматься, в пределах Закона. И разницы тут нет между женщинами и мужчинами. Мужики наши почему со всем уважением к Леде, Зоряне, Агне и даже Смеяне? Потому что те дело своё дело знают крепко. И кто у них муж, кто отец — всем плевать.

— Я думала то из-за рода их… — чуть разочарованно протянула Жуляна.

— Не-а, не из-за этого. Вон, Роза наша вообще без семьи была, так ей уважения то не убавляло, как важности и серьёзности дел поручаемых. Главное — знание, желание их получать, ответственность. А у Розы всё это было с избытком. Тебе шанс выпал у нас жизнь свою поменять, самой, — я сделал упор на последнее слово, — себя определить, кем ты будешь да как к тебе относиться. Не по мужу, не по отцу, не по количеству детей, а самой! Если сейчас правильные выводы сделаешь — сможешь сама высоко подняться, без оглядки на окружающих. И тогда ни отец, ни муж, ни свёкр тебе не указ будут. Свою жизнь построишь, такой, как бы ты её видеть хотела. Как тебе такое предложение?

— Мы тут на три месяца всего, — тихо промолвила Жуляна.

— Значит, с умом их потрать, с пользой для себя. А там, глядишь, и поменяется у тебя всё в жизни, не придётся себя под петрушку разукрашивать, чтобы внимание к себе привлечь, умом да делом добьёшься того, чего ни нарядами, ни косметикой, ни побрякушками не получишь — уважения! — я поднял вверх палец.

Жуляна окончательно прекратила реветь, только хлюпала носом периодически. Я встал, по отечески ей с лица начал весь её «макияж» снимать. Даже спирт пришлось достать, не отмывалось иначе. Под слоем «штукатурки» появилось симпатичное личико, правда, болезненного достаточно цвета, какой-то жёлто-белый оттенок у неё на коже. Дурдом, она его белилами свинцовыми

скрывать пытается, а он от того только сильнее становится. Отмыл, повернул к себе, погладил по голове. Та опять плакать, уткнулась мне в живот и ревет, но теперь уже тихо и грустно как-то. В окошке показалось обеспокоенное лицо моей супруги, а её поманил рукой, оставил девушку сидеть понуро на стуле, и пошёл открывать дверь.

— Зоряна, у неё отравление сильное, — я в дверном проёме я посвящал Зоряну в свои предположения, — её вылечить надо, да краску ту её всю повыкидывать… Хотя нет, деду лабораторию… Или ещё лучше — давай сейчас помоги ей, потом вот так сделаем…

Жуляну домой вернули под вечер, под покровом тьмы, нечего на такую зарёванную всей Москве пялиться. Та заперлась в отдельной комнате и даже мужа к себе не подпускала. Рано поутру, на следующий день, отвели её, на этот раз просто одетую да без косметики к нашим фельдшерам. Там уже Смеяна, посвящённая в сложившиеся обстоятельства, брила мышь. Да-да, так и делала. Хотели мы наглядно показать Жуляне что она на себя намазывает. Побритую мышь намазали густо белилами, и запустили в клетку обратно. Мышь, к слову сказать, дня четыре протянула, а потом умерла. Заставили Жуляну присутствовать на вскрытии. Вскрывали двух мышей — здоровую и умершую. Даже мне, который не сильно силён в практической медицине, невооружённым глазом были видны все изменения во внутренностях грызуна. Жуляна позеленела, и бросилась наружу — ей теперь три дня отработок за то что не в туалет, а на улицу побежала. Правда, наказание отложенное по времени в связи с состоянием «преступницы».

Смеяна и я составляли ей программу лечения. Из всего, что вспомнил про лечение отравлений — промывание желудка, общее укрепление организма да молоко. Первое бессмысленно, отравление не пищевое, а вот остальное вполне подходит. Составили диету, ввели для неё физические нагрузки небольшие, вроде физкультуры, плюс свежий воздух и изоляция источника отравления, всю её косметику отнесли к деду. Смеяна со своей стороны получила ещё одно задание, научиться как-то проводить анализы мочи, кала, крови. Тут из инструментов только микроскоп да дедова лаборатория. Надо и реактивы искать, и способы, и прочее…

Гламур в Москве закончился. Потихоньку, по огромному секрету, который передавался из уст в уста, по всему городу была распространена история Жуляны, её жизни и отравления. Слухи запускал Влас с целью вызвать правильную реакцию у окружающих. Она получилась та что надо — народ теперь

смотрел с жалостью и пытался всячески помочь барышне. Не сильно способствовало такое моему плану, поэтому путём запуска новой порции домыслов, опять через Власа, добились нужного эффекта — народ просто перестал как-то выделять Жуляну из толпы, спокойно с ней общался да работал. Да, да, трудилась теперь наша барышня — определили её мы в санитарки в фельдшерскую. Так Смеяне было проще следить за диетой её, образом жизни, соблюдением наших рекомендаций и наставлений. Пять раз в день чуть не по пол-литра молока, самый большой потребитель его у нас образовался, одёжку ей справили нашу, она теплее и меньше весит, а то её побрякушки Жуляне ещё и боли в шее постоянные доставляли. Неделю привыкала жена Ярило, неделю ещё огрызалась на нововведения периодические. Если сильно возмущалась — её вели к заспиртованным мышам, показывали, что стало с бедным грызуном от её косметики, возмущение стихало. За неделю втянулась, вошла в рабочий ритм и в процесс собственного лечения. Ярило ходил с виноватым видом, периодически пытался меня уговорить сделать поблажку для супруги. Его тоже к мышам препарированным отправляли. Правда, пары раз хватило, да и Жуляна стала по-другому себя вести, мягче да добрее. Может, свинец ещё и на мозг влияет, я не знаю.

Все постепенно входило в нормальное русло. Ну как нормальное, у деда был прорыв. Я ещё с Федей у Буревоя обратил внимание на высокие ценники на некоторые минералы. Дед, хитрый жук, потом меня только просветил. Они разработали у себя в лаборатории технологические процессы, по которым из этих двух минералов можно было получить свинец, олово, и даже микроскопические крупинки серебра! Выход полезного продукта составлял, если все в кучу сложить, процентов пять по массе, технологические процессы — просто убийство мозга, расписаны на двадцати листах каждый. Но леший с этим, главное — у нас появился свой, независимый источник крайне необходимых нам материалов. Пусть процесс получения сложен, пусть требует много сил, терпения, времени, ресурсов для извлечения, но мы никуда не торопимся, и экономить на таких критически важных вещах не собираемся. Осталось только найти крупные залежи этих минералов. Остатки процесса получения ценного сырья также подвергались исследованиям. Дед с гордостью подвёл меня к одному из своих учеников:

— Вот, он все это нашёл, — погладил дед по голове худенького, высокого паренька.

— Меня Веледар зовут, — пацан поднял на меня глаза, ну чистый «ботаник», только очков не хватает.

— Меня Сергей, то ты знаешь. Молодец, Веледар, большое дело сделал, от того всему нашему государству польза да тебе — премия!

— Да Перун с ней с премией, мне вот тут… — пацан начал излагать свои мысли.

Мы втянулись в беседу. Проговорили долго, про процессы, про оборудование, про их нужды и открытия. А я понял, почему получился такой прорыв. Я когда им передал свои знания по химии, ребята и Буревой потерялись. Непривычно это, непонятно, противоречит тому, что видишь своими глазами. Но опыты они продолжали — их чуть не под сто тысяч уже провели, и вот накопленные уже ими знания легли на удобренную мной почву. Как будто шестерёнки в голове у этого Веледара встали правильно и начали крутиться. Такое и у меня часто бывало, когда не понимаешь что-то, но продолжаешь делать, зубрить, читать, считать. А потом как щелчок в мозгу — всё становится на свои места, и непонятное ранее превращается в стройную, логичную систему. Так и тут получилось, и именно это, а не нахождение способов получения цветных металлов, я посчитал истинным прорывом.

Под конец нашей беседы, Буревой опять меня подвёл к записям.

— Ты тут внимание не обратил, а вот что ещё у нас получается, — дед начал показывать на карте значки и комментировать.

— Дед, ты хочешь сказать, что теперь у нас потенциально ещё и меди куча есть, да прямо под боком!? И сера с железом!? Кислота серная как побочный продукт, в таком количестве!? Блин, дед, дай я тебя поцелую!! — под удивлённые взгляды пацанов-химиков я начал гоняться за Буревоем по лаборатории, тот со смехом отбивался и отправлял с поцелуями к Зоряне.

— Ладно, пошутили и хватит, — наконец, я запарился гоняться за дедом, — надо теперь планы производственные переиначивать, да думать, как нам до руды той добраться. По остаткам от техпроцесса что у нас ещё получается?

— Да вот, — дед опять хитро улыбнулся, да что же он там ещё «заначил»!

На столе появилась коробочка, разделённая на отделения. В них — набор металлических пластиночек. Мелкие, тонкие.

— Мы не знаем, что это за металлы. Как их применять? Что с ними делать? — констатировал дед.

— Блин, да ещё и похожи все, серебро напоминают… — я пытался понять, что это может быть, — вы сплавы с ними пробовали? Может, никель или хром? С ними железо крепче

получается, да выносливее…

— До сплавов пока не дошли, работы много, — пожал плечами дед, — у нас ещё половина минералов, считай, не исследована.

— Надо тебе ещё группу людей выделить, — начал предлагать я, — пусть именно металлургией занимаются.

— Да нам-то зачем? Это на заводе металлургическом надо, том, что чугун делает. У них и печи, и возможности, и места побольше, — дед предложил свой вариант, — тем более что сплавы — это ближе к механике, а не к химии.

Уел меня дед! Как есть уел! Прав со всех сторон, сплавы-то нам для тяжёлой промышленности в первую очередь нужны, а потом уже — для химии. Так и порешили. Обеславу теперь задание — готовить оборудование для исследовательской лаборатории на металлургическом комбинате, печи, измерительные приборы, инструменты, и прочее необходимое. К лету по плану наша лаборатория сплавов должна начать работу.

Отпраздновали 23 февраля. За день до праздника опять вызвал к себе Жуляну.

— Ну как самочувствие, как здоровье? — в этот раз мы сидели и пили отвар, спокойно, без криков.

Жуляна стала выглядеть сильно лучше. Более здоровый цвет кожи, нервы уже не так шалят, волосы не такие ломкие, да и округлилась она, в некоторых приятных местах.

— Спасибо, Государь, хорошо мне. Спокойней как-то стало, да чувствую себя лучше, — Жуляна отхлебнула отвар, — девочки очень помогли. Только вот…

Жуляна замялась, пальцы складывает в замок и крутит.

— Ты не стесняйся, говори как есть.

— Не хочу в больнице. Там все с травмами да ушибами, или плохо кому. Дело полезное, но не любо мне. Я всегда что-то красивое сделать хотела, чтобы глаз радовало, а там… — бывшая «гламурная стерва» махнула рукой.

— Грязь, кровь, гной да страдания? — уточнил я.

— Ага, вот-вот… Не могу я там, мне плохо становится… — Жуляна быстро спохватилась, и замахала руками — Нет-нет, больше белилами я не пользуюсь, от запаха… да вида…

— Белил тебе теперь Буревой не даст, — хмыкнул я, — они у него для опытов. А ты, говоришь, красоту кругом наводить хотела?

— Ну как кругом, чтобы красивые… Люди были, — выдала наконец Жуляна, и виновата посмотрела на меня, — я в том больше понимаю.

Я засмеялся:

— Ну как ты в том разбираешься, мы уже в курсе, долго мы над тобой смеялись в кулак, когда ты на улице появлялась, — мои слова заставили девушку покраснеть, знала она уже о реакции, которую её внешний вид вызывал, — поэтому есть у меня к тебе предложение…

Оно заключалось в следующем. Я просил девушку взяться за реализацию моих мыслей и идей в области моды, косметики, только уже нормальной, стиля и тому подобного. Ведь интерес к Жуляне и её нарядам был понятен — у нас основные цвета в Москве серый да зелёный, а хочется разнообразия, особенно девушкам. Да и нам бы хотелось перед глазами видеть красоту, а не унылые промышленные пейзажи. Наше ателье, конечно, добавляло некоторой яркости в жизнь, но девчёнкам не хватало кругозора, разнообразия, там только вышивка да несколько цветов для платьев, считай. А тут такой «подарок» в виде Жуляны, которая всю жизнь считай только этим и занималась. Ей тут все равно делать особо нечего, врачевание её не привлекает, вот пусть и возьмёт на себя на коммерческой основе выработку решений в области нарядов, косметики, обуви. Только чтобы без последствий для организма. А по одежде — я предлагал переработать творчески моё видение моды. Девушки тут крепкие, стройные большей частью, красивые — а под балахонистыми нарядами, сарафанами, что они себе шьют, это и не видно.

Выдал ей рисунки с одеждой, мне их Веселина периодически рисовала, Жуляна обещала подумать. Хотел и записи свои передать, но пока девушка не умеет читать по-русски. Пусть на картинки посмотрит, подумает, а остальное на словах расскажу. Теперь у нас каждый вечер собирались я, Жуляна, Зоряна, Леда, другие девушки, из наших, не из крепостных, обсуждали мои идеи. Они были… Скажем так, очень спорные. Все эти облегающие, открытые платья, костюмы для мужиков, причёски — так тут не ходили и такое тут не носили. Но дело шло, причём именно с подачи Жуляны. Она и так уже успела эпатировать своими прошлыми нарядами всю Москву, чего ей терять?

К Восьмому марта, на годовщину свадьбы Веселины и Горшка, мы организовали небольшое празднование. Наделали букетов для женского населения, устроили небольшой фуршет в клубе. И вот на это празднование и явилась Жуляна в первом платье, сшитом по моим наброскам, да ещё и на каблуках. Эффект был сногсшибательный. В прямом смысле слова, мужики на лавки и табуретки так и сели. Платье было тёмным, чуть приталеным, причёска — по мотивам Одри Хепборн, разве что Жуляна блондинка была. Плюс её побрякушки, в следовых количествах, каблучок, сантиметров на восемь — она три дня

только ходить училась, потому иногда нога чуть подворачивалась. Да ещё шубка короткая из запасов самой девушки, ну и чуть косметики, самую малость. И только той, о которой мы достоверно знали, что она безвредная.

Мужики слюной пол залили по щиколотку, разве что я, как человек непосредственно учавствовавший в создании данного образа, стоял и улыбался. Жуляна мне чуть кивнула, взяла мужа под руку, и двинулась в гардероб. Воздухе наполнился стойким запахом женской зависти, весь вечер глаз мужики не могли оторвать от такой красоты. Непривычно, достаточно откровенно, но при этом не пошло, что ещё надо! Самое смешное в этом было — это Ярило, идущий рядом. Вот представьте Жуляну в образе, а под руку её держит обычный такой витязь русский, в рубахе красной, сверху полушубок, все в каменьях да железяках блестящих, сапоги, тоже красные, на витязе, да борода косматая. Полная эклектика, смешение стилей, да и смотрится по-дурацки. Однако Ярило на мои смешливые взгляды внимания не обращает, весь поглощён своей супругой в новом образе. Как будто другими глазами на неё посмотрел. По окончании праздника сам её на руках нёс аж до дома — по нашим крепостям на каблуках не побегаешь, она одела-то их только перед входом.

Над городом воцарилось женское начало. Девушки, женщины, девочки, как с цепи сорвались. Все что-то делают, мастерят, пробуют, пытаются приблизиться к тому, что видели на Восьмое марта. Под это дело запустил ледоколом к ним Жуляну, точнее — объявил о создании «Салона красоты». Для него кусок очередного барака выделили, туда же ателье переехало, новгородская красавица теперь там царствует вместе со своей помощницей. От этого «Салона» периодически поступают заказы — на ткани, на косметику, на украшения. Мы по мере наличия сил и времени выполняем.

Правда, с косметикой беда, не подобрали пока ещё нужные, безопасные составы. Но дело движется — вон, один из металлов, которые «побочными» выходят при извлечении из минералов цветных металлов, оказался цинком. Опознал его по косвенным признакам, сплав с медью дал латунь, металл ковкий, лёгкий, прочный. А он, вроде, смесь цинка с медью. Пережгли новый металл, получили какой-то порошок. А такой порошок в моё время использовали для лечения прыщей, значит, безопасно. Вот и мы из него пудры начали делать. Остальное — дело техники, наши химики стараются.

Жуляна окончательно влилась в коллектив, её стали уважать как доброго мастера «по красоте». Тем более, что девушка, погруженная в знакомое дело, да ещё и на таком серьёзном

уровне, прямо расцвела. Может, свинец вышел из организма, а может — нашла себя, не важно. Главное, что вместо головной боли мы получили «антидепрессант» для девушек в виде платьев, нарядов, украшений, парикмахерской и маникюра. Бегает теперь Жуляна, за ней девушки стайкой, щебечут все, обсуждают какие-то безумно важные ленты, заколки, расчёски и прочую атрибутику. Красота!

К середине апреля Добруш доделал дорогу к металлургическому заводу. События прошлых лет хоть и не позволили сразу взяться за пути транспортные, но это дело мы никогда не забывали. А когда чуть с заказом Рюрика разгрузились, заводы достроили, стену, выделили людей Добрушу. Опыт, техника — всё сыграло свою роль, очень быстро магистраль строилась, несмотря на снег. Праздновали это дело, разрезали ленточку. Теперь парнишке отпуск положен, а потом — делать новые дороги, только к выходам руды медной да оловянной, свинцовой и другим залежам. Железная дорога пока только в планах, не можем себе позволить пока отвлекаться на неё, не время ещё. Да и эксплуатация на судовой верфи выявила огрехи в организации путей — их надо исправить и осмыслить.

А я после праздника, посвящённого окончанию дороги, двинулся на БТРе инспектировать металлургический завод. Всё как-то времени не было, а тут вот сподобился. И путь оценю, и торфяные разработки, и металлургию нашу. Картина, честно говоря, радовала и пугала одновременно. Металлургический завод был большой, очень большой. А вот экология вокруг него — просто швах.

— Мы вот тут бараки организовали, на крепости дежурство, по железной дороге, ну, по рельсам тем, возим руду да торф, — докладывал мне Растимир, — а вот что с отходами делать, я даже и не знаю…

Отвалов шлака скопилось много, кучами лежат, расплываются под дождём.

— Ты отвези это, остатки эти, Буревою, пусть его химики поработают, может, полезное что найдут. Что с кислородной установкой? Холодильником большим тем?

У Буревоя это направление уже забрали, и мужики на заводе уже который месяц пытаются сварганить большую криогенную газоразделительную установку. Малая на сушке леса трудится, мы ей воздух осушаем, другая углекислоту для пневматики вырабатывает. Но использовать при выплавке кислород также очень хочется.

— Малую пока только сделали, для конвертера небольшого. Ей железо да сталь получаем, — делился со мной своими

успехами Растимир, — но и она постоянно льдом забивается, сложно идёт.

— Тут уж ничем помочь не могу, — расстроился я.

— А что с железной дорогой? — с надеждой в голосе спросил Растимир, — плотами да тракторами возить долго получается…

— Железную дорогу мы пока не тянем. На судостроительном, вон, переделываем все рельсы. Я вот ещё что подумал, вы руду в этом месте брать не пробовали? — я ткнул в то место на карте, где была дорога к корелам.

— Не, там не брали. А что, добрая руда?

— Нет, нам просто дорогу бы там сделать, на север, к корелам.

— А-а-а, разбойникам тем? Ясно. Только почему выбирать руду? Может, осушим путь тот?

Я уставился в недоумении. Растимир улыбнулся, и повёл меня к торфяникам. Там мужики перерыли все болото, наделали каких-то каналов, отводов.

— Тут вода скапливается, а потом вон по тому здоровому каналу уходит, там овраг да в ручей здоровый все сливается. Торф тогда суше получается, меньше держать на солнце приходится. Может, и там так сделать? Каналы прорыть, и пусть вода уходит? А между каналами — дорога появится…

— Да надо попробовать, — я наблюдал за суетящимися торфодобытчиками, — ты посмотри там на то место, в зависимости от того, есть там руда или нет, примем решение.

— Дядя Сережа, — обратился ко мне по-свойски племянник, — а может сюда мужиков поселим? Ну, тех что на заводе работают? А то туда-сюда таскаться — только трактора портить…

— Нет, Растимир, мы так делать не станем. Я думал о том уже. Представь, переселишь ты сейчас людей сюда. Ты им такие условия, как в Москве, создать сможешь?

— Ну-у-у… — задумался Растимир.

— Ага, вот в том то и дело, что придётся или город ещё один ставить, или в бараках да времянках людей селить, пока до стройки руки не дойдут. Плюс болото близко, плюс дым этот от комбината, думаешь, здоровее люди у тебя тут будут? Нет. Придётся ещё и больницу отдельную открывать, школу, клуб, да много чего ещё…

— А как же ресурс тракторов? Ты же сам учил считать все?

— А ты посчитай повнимательней. Сколько надо, чтобы условия жизни человеческие создать да здоровье рабочих сохранить? А дети? А жены? Они чем заниматься тут будут? Я тебе ещё одно скажу, по секрету. В моё время так и делали,

городки возле завода создавали. Да потом триста лет прошло, а селища те так в дыму ядовитом вокруг заводов и стоят. Лучше мы с тобой пути сообщения сделаем получше, чтобы быстрее добираться до работы. Да внутри Москвы транспорт пустим, общественный, на нем до дороги добрался, а там — вахтовый трактор. Я на такое даже готов те трактора на манер БТРов делать, не жалко. Но люди пусть живут в нормальных условиях. В идеале, надо чтобы каждой утро их сюда возить можно было, а вечером всех, кроме дежурной смены, забирать.

— На БТРах разоримся, — предупредил наш главный металлург.

— Да и хрен бы с ним, люди — все, железо — ничто, — я потрепал парня по голове.

— Это да, — пацан со смехом убрал мою руку, — пойдём, дальше показывать все буду…

Порадовал металлургов прибавкой, теперь у них ещё и лаборатория сплавов появиться, медеплавильное производство, выработка других металлов, пока тестовое. Народ реагировал спокойно, надо — значит надо. Тем более что людей больше станет — веселее будет. Все заслужили устную благодарность, денежную сами заработают, и я отправился в Москву.

Там две новости — плохая и ожидаемая. Плохая — у нас погиб человек. Первая такого рода смерть в Москве, и хуже того — в лазарете. Дядька долго мучался животом, и представился. Отравился? Врачи сказали нет, да и питаются все в столовой, так бы вся Москва бы слегла. Встал вопрос про вскрытие, а то Смеяна сама не своя, не уберегла мужика. Против паталогоанатомического обследования были абсолютно все, даже мои. Чего, мол, над человеком издеваться, хоть и мёртвым. У него жена осталась, и дочка с сыном. Пришлось устроить мне встречу с родственниками погибшего дядьки и целый день объяснять только одно. Не будет вскрытия — как мы поймём причину смерти? А если теперь уже сын его также с животом сляжет? Или жена? Или ещё кто — что делать в этой ситуации, как лечить? Но просто так все равно не дали вскрыть — смерть дело мистическое, поэтому призывали всех богов, с подробными объяснениями для них зачем да почему мы это делаем. Вроде сработало, в максимально закрытом режиме Смеяна сделала вскрытие. Я тоже присутствовал, чуть не стошнило меня, медицина это явно не моё. Разрезали, а что дальше? С чем сравнить? Живых, что ли резать? Где «эталон»? Недолго, правда, мучились, Смеяна начала «разбирать» мужика на орагны, и обнаружила аппендикс вскрывшийся. Вот тебе и причина. Со всеми почестями потом похоронили мужика, прах его развеяли на

Перуновом поле. У Смеяны новая напасть — искать способы проведения операций, наркоза, собирать хоть какие-то сведения о хирургии в это время. За всем этим с удивлением наблюдали гости из Новгорода…

Их присутствие и было второй новостью. В этот раз Олег пришёл сам, за день до появления гонца отправил, с предупреждением. Да и в колонне оружия ни у кого не было, всё на телегах — наученный горьким опытом Хельг дул на воду. Народу пригнали на четыре судна. Дружинники Ярило, которых мы готовили в качестве преподавателей для будущих гребцов, начали учить вояк пользоваться нашими лодками. Народ очень разный, группки скандинавов, словен, каких-то кривичей да вятичей, молодые и седые. Причём последние — чуть не все как один кореша нашего Торира, ну или знают его, по крайней мере. Поэтому и эксцессов не было, наверно, и других проблем.

С новгородцами пришли новые переселенцы. Это были корабелы, с которыми мы нашли общий язык, и семьи погибших в бою у стен Москвы пехотинцев. Там, на Свири, Олег очень подробно рассказал о том, как боярин, собака, наврал всем с три короба, людей подставил под пули, и что город на севере в произошедшем не виноват от слова «совсем». Народ в Гребцах не стал нас обвинять в смерти родичей и друзей, вина Болеслава была очевидна всем. Мы-то только отбивались от него, по факту, даже Венцеславу крови не пустили ни разу. Выплата доли из конфискованного боярского имущества в пользу пострадавших, потерявших кормильцев, семей окончательно поставила точку в этом вопросе. Долго тянулись пересуды, народ в Гребцах живо интересовался новым городом на севере, расспрашивали корабелов о жизни внутри крепости. Мужиков, что привёл в качестве ополчения под стены Москвы Болеслав, тоже пытали на момент того, что же это за люди такие, которые рать боярскую так быстро разгромили? Кораблелы, собственно, и донесли до вдов погибших людей моё предложение о переселении. Да, на правах крепостных пока что, но полная свобода — это дело наживное. Тем более, что наши люди, в любом статусе, живут чуть не на порядок лучше основной массы населения в этих местах. Бабы подумали и согласились — даже с компенсацией, что им Олег за обиды выдал, жить без мужика было сложно. Ну а корабелы были поражены возможностями, которые открывались перед ними в Москве. Строить лодки по-новому, быстро, легко — работяг зацепил наш подход. Олег же и Добролюб людей удерживать не стали. Это было что-то вроде некой моральной компенсации за неспровоцированное нападения боярина Болеслава. Итого к нам пришли почти два десятка семей —

несколько пар молодых да вдов, что уже давно в гребцах волочили довольно жалкое существование, присоединились к корабелам и тем, чьих отцов да мужей мы убили в бою. Почти на сто пятьдесят человек население разом возросло, правда, в основном, это были дети да подростки. С переселенцами всеми процесс стандартный — конфискация в казну имущества, медосмотр, опрос, документы, крепостничество, выдача квартиры в бараке, мебели, прочих нужных в жизни вещей.

— Государь, Рюрик тебе свой поклон передаёт, и по Болеславу сказал отдельно, правильно ты всё сделал, — мы сидели с Олегом в нашем актовом зале, — теперь боярином, как ты зовёшь, Ладимир стоит, он позже тоже подойдёт, по части расплаты за лодки. Ещё вот что Рюрик тебе передал…

Олег достал из-за пазухи свёрнутый пергамент. Я уже нормально разбирался в словенских чертах да резах, поэтому чтение не заняло много времени. Больше заняло обдумывание написанного. Рюрик прислал лично-официальное письмо. В нём были здравницы, спорные вопросы, вроде Болеслава, описаны были как решённые к всеобщему удовольствию, а потом были «плюшки». Сперва достаточно расплывчато были изложены предположения о том, что раз я под Яровитом хожу и тем кичусь, знать, воин добрый. Уточнил про новое слово у Олега. Оказалось, это бог такой, грозный и отмороженный на всю голову. Очень уж агрессивный, воинам такое нравиться. При этом — молодой, ранний, за весну отвечает. И с чего Рюрик взял, что я таким богам поклоняюсь? А, вот, дальше всё расписано.

Коли уж называюсь я «боярином», то есть вот тем самым фанатом Яровита, и страну свою зову «боярством», то есть подвластной этому молодому отморозку, надо бы такому человеку крышу иметь достойную, у более ответственных и старших товарищей. «Ибо Ярый, боярский, город Москва без князя быть не может» — так написано. На эту роль Рюрик предлагал себя. По сути, он описал мне нормальные такие феодальные отношения. Мол, он главный князь, я под ним буду «боярином». Слово, кстати, новое, мною введённое и не раз произнесённое при Олеге, в тексте тоже было. Очень оно легло хорошо на местную почву. Раз есть конунг-князь, то дружинник его доверенный, помоложе который, будет боярин, «ибо ярый», всё верно, подручный по воинскому дело он, получается. Своей волей Рюрик давал мне Новгородское боярство. То есть, предлагал включить Москву в пределы княжества его, а меня оставить наместником тут. Причём хитро так предлагал, зараза, вроде как я ему и не подчиняюсь, дань не плачу, войско не выставляю, не отчитываюсь, но на помощь при угрозе той же

Ладоге я обязуюсь прийти «конно-людно-оружно». За это — право торговли по всем новгородским землям без сборов и пошлин, в чём мне дано крепкое княжеское слово. И лукавый такой вопрос, согласен ли я, или помочь надо, решение-то принять?

— Чего пишет, если не секрет? — прервал мои размышления Олег.

— Так а ты не читал? Ах да, печать же целая… — я задумался, одному решение принимать не хотелось, — Я со своими посовещаться должен, вечером давай опять встретимся.

Отправил Олега к его дружинникам и собрал своих подручных.

— Завёлся у меня друг по переписке, — начал я рассказывать содержание письма собравшимся, Буревою,Ториру, Святославу и Лису, — Рюрик зовут. Пишет, мол, будьте здоровы, проблем меж нами нет… Да-да, по Болеславу тоже всё ровно. И даёт он мне боярство Новгородское на следующих условиях…

Я пересказал своими словами содержимое письма, бланки о неразглашении все подписали заранее. Реакция была разной. Буревой со словами «Вот и ладушки!» успокоился, Торир прикидывать начал военную помощь Ладоге, Лис — торговые барыши считать. А вот Святослав, как и я, были в настроении достаточно мрачным.

— Нам предлагают лечь под Новгород, — прямо, без экивоков, заявил я.

— Как так?.. Вроде же только торговля да помощь военная, — удивились Торир с Буревоем.

— Только вот о своей помощи нам Рюрик ни словом не обмолвился, — помрачнел Лис, дошло до него.

— Да и это поначалу так, потом хуже может быть. Воинов разместить попросят, бабу какую под Сергея подложат, для скрепления союза… Ай! — за такие слова Зоряна, наш стенографист, огрела Святослава за такие слова пресс-папье.

— Вот-вот, бабу под меня подкладывать — себе дороже, — под всеобщий смех сказал я, — могу ни я, ни она до пенсии не дожить. Ладно, чуть расслабились, теперь надо что-то думать. Предлагаю вот что. Отказывать мы не будем, — мои приподнялись над табуретками, — пока. Надо бы переговоры провести, хоть вот так, по переписке. Условия-то княжеские хорошие по местным меркам. Но и не дело будет, если мы своих не выдвинем. Поэтому предлагаю в ответ написать письмо, официальное. В нем опишем наше видение ситуации, наше предложение, наши условия. Ну и спросим, тоже лукаво, согласен ли Рюрик?

— Только вот что мы ему в ответ на предложение боярства

предложим?

— Орден, знамо дело, — я вспоминал, как в нашей истории раздавали безземельные дворянские звания иностранным королям, — Есть такой способ, дворянство, ну, статус в государстве, дать, без земли, прав, обязанностей, почётный титул. У нас титулов нет, поэтому будем орден давать.

— А что за орден?

— Ну тут выбор не велик — «Орден дружбы народов», — улыбнулся я, и сел писать черновик письма.

«Письмо запорожцев турецкому султану» писали до вечера, шуточки да смехуечки я из него изъял. А то мои мужики что-то развеселились сильно, Олег, вон, от письма того сидит ни жив ни мёртв, боится такое князю своему вести. Получилось в послании следующее. Мы, мол, люди гордые, нам только равноправные договора годятся. Поэтому, если уж помощь военная да торговля — то только взаимно, а за боярство спасибо. Мы же в свою очередь делаем тебя, князь Рюрик, кавалером Ордена Дружбы Народов первой степени. Пойдут тебе такие условия, или тоже помочь с решением надо? Положение об Ордене делали ещё неделю, как и саму «висюльку». Получилась она у нас медная, с напылением золотым, что из шитья барахла боярина Болеслава взяли. Орден был в виде некоего солнышка с кучей лучиков, внутри — маленькие серп и молот со звёздочкой, наш герб, получается. Эмалью залили частично его, на тыльной стороне порядковый номер выбили. Документы к ордену полагаются и статус носителя сей «висюльки» на территории России. По нему Рюрик может за счёт государства столоваться, с семьёй, но без дружины, жилье ему выделим, да право ношения личного оружия дадим. Такой вот пердимонокль, он нам под себя лечь предлагает, мы ему — переехать и работать у нас в Москве на казённых харчах. Надеюсь, шутку он оценит. Олег, например, не оценил, за голову хватается, просит не посылать с ним такое. Ничего, пусть Рюрик подумает, как со своим уставом в чужой монастырь лезть.

Мужики, что за лодками пришли уже освоились, лихо гоняли на наших судах по озеру, пытались тягать их руками по какому-то ручью, вроде как волок отрабатывали. Мы их за стенами крепости определили. Посуды выдали, палатки, печки-буржуйки, походные комплекты. Такое раньше только для Горшка делали, спальный мешок, котелок двойной, ложка, много других полезных мелочей, вроде скипидарных зажигалок да рюкзаков под это дело. Олег теперь просит всё это барахло воинам новгородским тоже выдать — уж очень понравилось. Оценили, выдали счёт. Если коротко, то ещё пару лет Гребцы будут вместо дани выкупать за животину

снаряжение для людей Рюрика. Так и договорились. Тем более, что с переселенцами да дружинниками пришло и первое стадо овец, что вызвало необходимость сооружать новые постройки, временные, уже в каменной крепости. Под снаряжение же пришлось лодки чуть модернизировать, место определить для нового барахла. Вояки окончательно прозрели — по-богатому их отправляли обратно. Оружия, правда, просили нашего, стального. Но на то у нас запрет, мечи да топоры — только друзьям и только в подарок. Пусть думают, ограничение это торговое не секретное, знают о нём все.

Наконец, заявился Добролюб из Гребцов с небольшой командой.

— Здорова, купец! Как добрался? — я поздоровался с отцом Ярило.

— Буреломы да ручьи сплошные, — в ответ отозвался Добролюб, — про дорогу, что ты говорил, всё в силе? А то зад свой старый окончательно разобью на ухабах тех?

— Про дорогу — все остаётся согласно наших договорённостей, независимо от решения Рюрика. Людей под стройку да припасов нашёл? Как торговать станем?

— Да есть люди, им бы инструмент, да и наметить, где делать. А то я от сына слышал, у вас с этим строго.

— Я тебе человека дам, племянник мой. Он у нас дорожный мастер — такую красоту сделал, закачаешься!

— И где красота та?

— Да ты располагайся, пока, я тебя потом прокачу.

Добролюба определили к Ярило, его людей — в палаточный городок под крепостью. Купец привёз нам олова и свинца, мы ему в ответ стали да бумаги чуть не по весу, нормально сторговались. С торговлей все нормально, а вот со взаимоотношениями с семьёй — засада у дядьки. Надо вроде как Ярило уже в Гребцы ехать обратно, а Жуляна ни в какую не хочет, у неё тут «бизнес», а сама она — «бизнес-вумен», я её так обозвал, вот и прижилось. Барышня устроила натуральный скандал свёкру, мол, тебе надо — ты и езжай. И Ярило под раздачу попал, к мне пошёл, мол, успокой бабу, государь, а то опять мозги пилит, возвращаться не хочет в родные пенаты. Я только хмыкнул, похоже, знаю я причину такого поведения. Взял с собой Смеяну, Зоряну, засели на кухне у Ярило, ждали пока девочки в соседней комнате пообщаются. Там была сначала ругань, потом увещевания, потом тишина…

— Как невестку-то у вас поменяло. Я думал, взбалмошная она, а тут так расцвела, доброй стала. Пока я про Гребцы не заговорил, — выдал мне Добролюб.

— Да не надо девок в чёрном теле держать и в теремах запирать, — парировал я, — мы ей только возможность для развития дали, дальше она сама.

— И что за возможность? — заинтересовался Добролюб.

— А сейчас покажу, — я быстро смотался в «Салон красоты», принёс альбом, — вот, смотри.

Как только у нас появился этот салон, так и пошло развитие фотодела. Девчёнки полдня причёску делают, платья шьют, на каблуки влазят, макияж — а потом все смывают, и нет больше красоты. Вот и пришла ко мне щебечущая делегация с требованием выделить фоторесурсы на сохранение образа барышень в нарядах на веки вечные. Буревой, которому я это отписал, застонал, но пожелание общественности выполнил. Теперь у нас на коммерческой основе производится фотосъёмка. Накрасятся-нарядятся — и давай по лесу шастать, места красивые искать, на память снимки делать. Сначала мы это скрепя зубами делали, но потом, когда «болезнь по людям пошла», наоборот, сами начали принимать активное участие в процессе подготовки, подсказки фона да формирования композиции. Просто у нас так хорошо и спокойно стало в городе, особенно среди барышень, что такое стоило любых затрат. А по одному снимку с тех «фотосессий» шло в альбом в «Салоне красоты». Вот его Добролюб и рассматривал. Глядел, и как то странно себя вёл.

— Кхе! Ишь ты, да и впрямь красиво как! И что, у вас тут прям в таком виде девки шастают? — ткнул он пальцем в крупную барышню с глубоким, экспериментальным декольте, — Вот ведь шельмы! Прям как молодой себя почувствовал, а то теперь-то таких девок уже нет, что в молодости были!

— Ага, по молодости и пиво слаще, и девки краше, — я подколол купца, — а ты никак себе вторую жену завести хочешь?

— Да какой там вторую, с этой бы совладать, — в шутку развёл руками купец, — она мне тут на днях…

Двери, наконец, отворились, оттуда вышли наши барышни.

— Ну что, всё так? — я подмигнул Зоряне, Жуляна стояла красная, как рак.

— Ага, — кивнула мне супруга.

— Ну что, Ярило, поздравляю, скоро у тебя пополнение будет, — я начал трясти руку мужику, то лицом полное непонимание изображает, — да и тебе Добролюб скоро не до молодок будет, внуков нянчить…

— Это ж как! Сколько лет… — всплеснул руками купец, Ярило все ещё в прострации.

— Супруга твоя непраздна, Ярило, — нормальным языком передала мои поздравления Зоряна, подталкивая красную

Жуляну к мужу.

Тот наконец выпал из ступора, вскочил, не зная куда себя деть, уже я его подтолкнул к жене, тот подхватил её на руки и закружил по комнате.

— Отстань, дурень, не дави на живот! — та начала шутливо бить его по плечам тоненькими ручками.

— Ну вот, разобрались, наконец, — я взял свою жену за руку, — теперь, Добролюб, какой тут уж переезд, пусть тут, под наблюдением врачей побудут, пока не разродятся. А тот там такая история была, пойдём, пусть молодые радуются, а я тебе расскажу…

По дороге к нашему актовому залу рассказал Добролюбу про свинец в белилах, тот проявил живой интерес. Оказалось, в Новгороде какие-то умельцы с юга водопровод свинцовый делают в богатых домах, в том числе у тестя Ярило сейчас такой. Вот и спрашивает, какие последствия будут? Я только в сторону поминального строения на Перуновом поле махнул и вздохнул — отравятся люди. Предложил ему эксперимент наш повторить, с бритыми мышами и белилами, ну или просто подольше поить мышей из трубок свинцовых, посмотреть потом при вскрытии. Даже в фельдшерскую его отвёл, показал заспиртованных мышей, Добролюб только брезгливо морщился. После больницы перешли к вопросам насущным — к дороге. На утро у нас запланирован удар автопробегом по бездорожью. В смысле, «покатушки» на БТРе со снятым верхом по новой дороге к заводу.

На тот пробег пошли я, Олег, Добролюб, да несколько стрелков. Вольга на Ладоге остался в этот раз, Ярило вокруг беременной супруги суетится. Сели по местам, приготовились, водитель завёл БТР, дождался параметров пара, и рванул. О! Как он рванул, мы специально самого лихого выбрали. Покатались чуть, к заводу самому не поехали, чтобы соблазнов лишних не было.

— Зачем тут дорогу сделал? — Олег держался за сиденье, все вылететь боялся.

— Да мы там, далече, железо делаем. Вон, за борт глянь, там как раз арматуру везут с завода, — все приподнялись, и начали разглядывать «Бычка».

Тот не спеша, степенно, тащил по дороге открытую платформу и несколько тонн арматуры на ней. Канал Болотный не справлялся полностью с доставкой грузов, приходилось периодически трактора привлекать. Суровая неспешность, вкупе с упрямой мощью трактора впечатлила гостей.

— И много эта штука ваша везёт за раз? — поинтересовался Олег.

— Ну, у неё там сейчас под семьдесят сил, после модернизации, значит, — я быстро прикидывал, — с такой малой скоростью более двадцать тонн тонн может утянуть.

Непонимание со стороны гостей.

— Полторы тысячи пудов, пятнадцать сотен пудов, — перевёл я в наши величины.

Над лесом, в рев БТРа и неспешный гул трактора вплелись пленительные словенские выражения, показывающие отношения моих гостей к мощи нашей техники.

— И что, прям столько всегда и возит? И как часто? — пришёл первым в себя Добролюб.

— Да по-разному бывает. Летом-то основная масса железа по каналу идёт, он дальше. Трактор только изредка привлекаем. А так в день у нас железа на заводе сотен пять-семь пудов получается…

Лес опять огласился восторженным словенскми матом, распугав немногочисленных птиц.

— …И идёт оно на броню, мечи, стрелы да пулемёты, — продолжил меж тем я, — коли кто прийти в мыслями дурными задумает — железо то в него и полетит. Вот так. Олег, вон, видел, как оно бывает, кидался уже на нас со своими конниками.

После этого мужики ушли в себя, каждый думал о своём. Потом, в городе уже, вечером поговорили про то, что в голову гостям нашим пришло. Собственно, «покатушки» были направлены на одну простую вещь. Я хотел дать понять, что с Москвой дружить хорошо и выгодно, а вот воевать — очень муторно, затратно и опасно. Правда, с торговлей пока у нас тоже проблемы. Тупейшая ситуация — нет товара для того, чтобы везти его к нам от словен. Оружие, железо, медь, олово, свинец, вино, ткани, украшения, доски, смола, кожа, воск, мёд, мех, янтарь, бисер — это то, чем торгует земля Новгородская, сама производит или перекупает. И по всем этим позициям у нас или есть альтернатива, или собственное производство, или вообще потребности нет. Причём более всего мешает торговле наше промышленное производство. Везут купцы сейчас товар компактный и дорогой, такой продать легче, и лодки не надо громадные делать.

Да, есть некоторые ниши с объёмным грузом, вроде зерна, что Торир возил. Но во-первых он возил пшеницу, что плохо росла в Скандинавии, и была там чем-то вроде деликатеса. Во-вторых, процесс покупки и перевозки Ториром хлеба был очень многоступенчатый и сложный. Вон, чуть не собственные караваны ему при большом урожае формировать приходилось, и грызть ногти всю дорогу — не отберут ли на Варяжском море лихие

люди товар? Скот возили тоже, лодками огромными, даже быков с лошадьми так транспортировали. Но это там, на Балтийском, Варяжском, море, там есть где развернуться таким судам. Тут, в Ладожских землях с их речушками и порогами, такое не практикуют. Потому мне, собственно, овец и пригнали своим ходом. Причём скупать их пришлось Добролюбу чуть не по всем окрестностям. Даже из-под Новгорода ему ягнят уже везли. А ещё коровы да козы, что мне Олег обещал. Но наши расчёты показывают, что после выполнения контракта с Новгородом, животноводство так сильно поднимется в Москве, что дальше мы уже выйдем на собственное воспроизводство стад. И чем дальше торговать?

Олово да свинец с медью — Буревой в лаборатории трудится, скоро на собственную выделку перейдём, пусть и микроскопическую. Мёд и воск — пасеки наши, что несколько лет назад с моей подачи завёл всё тот же дед, активно прирастают ульями. В подмогу им поля цветочные, что девушки наши попросили засадить для получения красок. Ремесленные товары с Ладоги нам без надобности, ткани да железо — своё и гораздо лучшего качества, украшения да прочие предметы роскоши артели делают, и те тоже отличаются в хорошую сторону от предлагаемых словенами. И так со всем. При этом у Москвы Добролюб готов взять абсолютно всё. Трактора, сырье, заготовки, материалы, оружие, бумагу, доски и даже консервы в банках — наши цены и качество приятно радуют глаз, вот только пока вырисовывается только сбыт московской продукции без какого-либо встречного потока товаров. Теоретически, мы можем просто высосать всю валюту, в любом её проявлении, из словенских земель и дальше и чахнуть над этим златом. При этом отобрать что-то у Москвы занятие бесперспективное, об этом Олегу я чуть не прямо сказал. Ведь делают-то всё люди наши, а коли их в процессе битвы убьют, кто тогда мошну княжескую пополнять станет? Пожалуй, единственный «товар», который у нас есть в недостатке — это люди. Но торговля такая не представляется возможной Рюрику. Обезлюдят земли — как дальше жить? Можно, конечно, южнее брать рабов, или в Скандинавии, но с этим тоже проблем много, там князья, чай, не глупее словенских, быстро поймут к чему такая коммерция приведёт. Вот и думали мы толпой над тем, как жить дальше.

Это сейчас проблема. Сколько лет мы сидели, не высовывались из своей деревни и чувствовали себя спокойно. Теперь же складывалось ощущение, что нас со всех сторон буквально зажимают, сдавливают, как грецкий орех. Я всё списывал на новую волну колонизации, связанную с прошедшим

мором. Прыснул народ от путей торговых, в наши места отправился, вот и закончилась жизнь спокойная. Корелы, новгородцы, со Свири люди — все ломятся к Москве. Расплодились, землю новую да ресурсы ищут, торговлю да мену новую. Отвадить всех не получиться, ни военная сила, ни отсылки к богам не подействуют. Армию соберут побольше, волхвов толковых, и вынесут нас вперёд ногами. Торговать за серебро да подкупать всех? Дружины да князей? Тоже надежды мало на такое, таких богатеньких Буратин как мы, нами же купленные наёмники вскорости и подчинят. Дань платить начнём — через пару лет вместо Москвы очередной город словенский, вроде Новгорода, встанет, утратим мы наработки наши, контроль над людьми, процессами.

Вот и обсуждали мы с Лисом сложившуюся ситуацию, думали, как выходить из ещё не случившегося, но довольно вероятного кризиса. Долго.

— Как то неправильно получается, — после очередной попытки хоть как-то решить зарождающиеся проблемы, заявил мне Лис наедине, — торговля она же на взаимном интересе строится, а какой тут интерес, если мы только продаём? А взаимной выгоды нет — терпеть нас долго тут не станут. Какой смысл город наш под боком иметь, если мы ничего ни продать, ни купить не можем? Проще толпу большую собрать да в осаду взять. Три года на запасах своих посидим, и сдадимся…

— Вот это и оно, — я продолжал рисовать схемы да графики, пытался сложить пасьянс, — плохо выходит. Нет у нас возможности заинтересовать в мирном сосуществовании наших соседей. Не через год — так через пять будут стены Москвы ломать.

На моих рисунках овалы, обозначающие торговцев, купцов, Рюрика, Ладогу, скандинавов, Гребцы были пересечены кучей линий с подписями. Взаимные интересы, поставляемые товары, влияние и политика кратко были обозначены.

— Ладно с Добролюбом мы договорились. После поставок животины он может на товары с юга переключиться. Хлопок перекупать для нас, лимоны да изюм, пряности. А с остальными как? — линия толстая на схеме тянулась от овала с надписью «Добролюб» к квадратику с надписью «Юг», — начнём свой товар продавать если, многие разорятся, надо им кость бросить.

Опять мы с Лисом задумались. Я натурально нарисовал кость, потом рядом будку с собакой, домик небольшой с окошками, трубу с дымком… Хм, а вот это, кстати, идея. Кажется, я нащупал один момент, который мы упустили. Схема покрылась новыми значками, их было больше. Лис обратил внимание на это,

стал живо интересоваться моим творчеством. Пока не стал пояснять ничего, если я прав, то выход из ситуации мы найдём. И будет он связан с особенностями местного хозяйствования и торговли. Через час я прекратил чертить, и взял новый листок:

— Так, Лис. Давай подумаем, как выглядит торговля в это время, ремесло. Сейчас давай опишем то, что есть, а дальше двигаться станем к Москве и её роли в текущей политической обстановке.

Мы углубились в описание местной экономики. Участников всех процессов не так много. Это князья да конунги, воины, торговцы, крестьяне и ремесленники. Каждая их этих категорий потребляем вполне себе определённые группы товаров. Власть и знать — предметы роскоши и статуса. Дружинники, учитывая что они и есть тут аристократия, к этому добавляют потребность в броне и оружии. Эти вещи, собственно, и тянут купцы со всех концов в Новгород. Плюс местные, словенские, ремесленники добавляют промышленные товары. И зиждется всё это на продуктах, которые поставляют крестьяне. Последние потребляют толику роскоши, оружия, ремесленных вещей. Такие вот расклады выходят. Торговля — роскошь да оружие, в основном. Массовый спрос — продукты да ремесленные изделия. И если с первым всё понятно, Лис на Ладоге торговлей купеческой занимался долго, то со вторым есть некоторые особенности.

В основном крестьяне меняют сельхозпродукцию на дельные вещи недалеко от дома. То есть, везут, например, на Ладогу, что в паре-тройке километров от их села, сено, а за вырученные деньги приобретают иголки да ножи. Коли сильно далеко до торга крупного — своими силами обходятся, обеспечивая сбыт местным, деревенским, кузнецам да прочим ремесленникам. Сами обороты такой торговли, в натуральных показателях, микроскопические, в основной массе крестьянское хозяйство само себя обеспечивает одеждой да инструментом. Да и ценники, трудовые и временные затраты, на выделку ремесленных вещей сейчас такие, что немногие себе позволить могут не то что плуг, сошник для него. Дорого все промышленные товары стоят. А транспортное сообщение — слабое. Это приводит к тому, что купцы крестьянами не занимаются от слова совсем. Не выгодно это, тягать в каждую весь на пять дворов лодку с товаром. Потому и торги, вроде Ладожского, богатеют, там всё крутиться, и земледельцы к таким местам сами тянутся.

Понятно дело, есть некие подобия коробейников, что везут мелочь на продажу даже в самые глухие места. Мелких лавочники в деревнях присутствуют, которые под заказ с торга привозят в свою деревню товары и отвозят туда сельхозпродукцию. Общей

картины это не меняет — самый широкий и многочисленный слой населения практически не затронут товарно-денежными отношениями. Для Лиса это естественно, ну а мне непривычно, я-то во времена масс-продукта рос. Резоны местных торговцев понятны, логичны и просты. Экономически они всё верно делают, ища наиболее прибыльные ниши с компактным и дорогим товаром. Однако нас-то другой момент интересует, не столько финансовый, сколько политический! Мы-то хотим обезопасить Москву! Вот в этом ручье и стал я Лису разъяснять свою позицию. Нарисовал пирамидку из нескольких прямоугольников:

— Смотри. Сверху вниз пойдём. Вот этот самый маленький прямоугольник — это богатеи да люди властные. Чуть больше, под ними — дружинники. Далее торговцы, следом ремесленники идут, ну а самый большой, внизу — это крестьяне. И размер каждой фигуры количество людей соответствующего статуса обозначает. Согласен со мной?

— Ну да, земледельцев много больше, чем остальных, — согласился Лис.

— Теперь смотри, я буду потоки товаров рисовать, — всё, что мы проговорили до этого, превратилось на схеме в стрелки с указанием товаров, которые курсируют между слоями населения, — К власти да богатеям идёт от торговцев роскошь. К дружинникам, от них и ремесленников — оружие и чутка дельных вещей. Продовольствие вот тут, оружие. Согласен?

— Ну та, говорили о том уже. К чему ведёшь? — не понимал Лис.

— Вот теперь подумай, глядя на эту схему, кто от кого в данной ситуации зависит. Что будет, если из-под купцов, власти да дружины выбить основу — ремесленников да крестьян? Даже так — кузнецов оставляем, земледельцев — убираем. Что произойдёт?

— Рухнет всё, — догадался Лис, — кормить некому будет остальных.

— И ладно бы еда! Давай потоки людские нарисуем. Кто в кого превращается в основном? Откуда берутся дружинники да ремесленники? Правильно! Из крестьян выходят в основном! А вот теперь прикинь. Деревню себе представь какую-нибудь, обычную. И вот в неё торговец московский придёт, станет по нашим, низким ценам сбывать иголки да ножи крестьянам, сошники да лопаты. В начале — за излишки продовольствия. А потом и другое брать начнём чего. Вон, поташ тот же. Пущай жгут траву, а мы потом им топор за золу давать станем. Вроде как по нашим заказам трудиться начнут за плату сдельную. Понравиться такое земледельцам?

— Хм, кому ж такое не по душе будет? И в случае голода тогда топор сменять можно на зерно…

— Ага, у нас же, у Москвы. И вот на фоне этого приходит клич от князя — идём Москву брать. Найдёт конунг охочих людей под такое?

— Да те крестьяне сами к нам сбегут, предупредить об опасности! — усмехнулся Лис, — только вот не выгодно так торговать будет, с каждым мелким селищем.

— Ты прав. Финансово, если только на серебро переводить, может, и в убыток войдём сперва. Но ты другую выгоду посчитай — политическую. Ежели к себе по рекам в землях словенских да корельских деревеньки таким вот образом притянем, любой князь тридцать раз подумает перед тем, как дружину к нам вести. Это раз. Но всё равно может захотеть дружинников под стены Москвы согнать. А мы ему — другую кость кинем. Пусть внешняя торговля московская вещами более дорогими, не крестьянскими, только через князя идёт.

— Самому торговать невместно будет многим, — предупредил Лис.

— А и не надо! Назначит доверенных купцов для работы с нами, через них свою долю в торговле иметь будет! Другим-то мы ничего не продадим! И выходит, что наша пирамидка будет снизу, со стороны земледельцев подпирать князя да дружинников с купцами, мол, не хрен в Москву с войной ходить. А сверху — князь свои барыши считает, тоже людей военных останавливает от поступков неправильных. Из его казны, да с прибылью от торговли с Москвой, дружина лучше жить станет, крепче своего конунга держать. Земледельцы прирастут активами — налоги да подати вырастут. Сошник железный получит крестьянин — пашню больше подымет, детишек накормит и князю прибыток будет.

— Купцы остались да ремесленники — с ними что? — спросил Лис.

Я усмехнулся:

— Первым не до нас будет, перед князем выслуживаться начнут за право торговли с Москвой. Вторым свою кость бросим, будем умелых привлекать под контракты на выделку полуфабрикатов да запчастей, добычу сырья и прочие вещи. Свой-то рынок сбыта, крестьянский, они и потерять могут, конкуренции с московским товаром не выдержат. Кто сметливый будет, умный — таких к себе тянуть начнём, образовывать, учить нашим мерам да весам. Остальные пусть как хотят крутятся.

— А на Ладоге как? — переживал Лис за свою прежнюю вотчину, — Там и ремесленников много, и крепко они друг друга

держатся.

— А никак, — выдал я, — нас деревеньки да села интересуют, их кузнецы да горшечники. А в города соваться мы не станем, крупная торговля через князя пойдёт. Монополия у него будет. Понятно, что не у каждого — тут князей чуть не каждом селища на три двора — пять штук сразу. Выбирать станем для такого только тех, кто реальной силой и властью обладает.

— Интересно как получается, всё в итоге на Москву завязано, — чуть подумав заявил Лис, — а если кто поймёт, что крестьяне под нами, считай, ходят уже, а не под князем своим?

— Подати больше, барыши с монопольной торговли княжеской, — парировал я.

— А коли торговцы взбунтуются?

— Пусть князь да дружина их успокаивает.

— А если…

Ещё долго Лис проверял на прочность предложенную мой схему. Она выходила устойчивой — некую выгоду при наличии ума да сообразительности могли извлечь все. И атаковать Москву им толку в этом случае не было. Однако, ежели найдётся таки смелый кто, стенами да пулемётами отбиваться будем. После бурных дебатов стали думать, к чему такая работа приведёт нас с точки зрения безопасности.

— Границу нашего влияния расширим. Где торговлей займёмся, там люди будут заинтересованные в нашем существовании. Чем дальше граница будет, тем безопаснее Москве, тем больше времени для реакции на угрозы будет, тем лучше подготовиться сможем, тем проще с другими правителями договариваться, — выдал я первый и самый главный геополитический бонус, — карту тащи, по ней прикинем.

С картой провозились тоже долго. По всему выходило, что при желании мы можем реками да озёрами чуть не в Персии торговать, да ещё и в Европу экспорт наладить. Урезали осетра — пока нас только словенские земли да корельские волнуют. У последних пока племенные союзы тут только, государств нет, ежели кто князем и числится, так только потому, что срамным местом не сильно отсвечивает, в отличии от других своих подданных. Утрирую, но идея именно такая. И если мы сначала по берегу Ладоги пойдём, потом — по Волхову да Свири, на Онегу выйдем, то последовательно, потихонечку, свяжем все окрестные племена одним только интересом — чтобы Москва жила и торговала с ними. Лис посмотрел на меня с искренним уважением и просветлевшим лицом.

— Вот это ты придумал! Мы же так… таким вот образом… ух-х-х-х!

— Ты сильно не распаляйся, первым делом нас попытаются кинуть нагло, — я остудил Лиса, — потом — всякий неликвид впарить, да ещё много способов обхитрить применят. Да и власть в стороне не останется, начнёт с нас пытаться налоги брать, пошлины торговые, да при этом огромные, купцы попытаются под себя торговлю ту подмять, князя подмасливать станут, чтобы им всем разрешил с нами работать. Варяги да викинги грабить деревни, где мы торгуем, станут те уже более богатыми. Да и внутри сёл начнётся всякое наушничество, воровство, грабёж и обмен награбленным. Это если не подключатся всякие религиозные деятели. Задача, на самом деле, сложная, многогранная, долгая…

— Ну для меня так в самый раз, — Лис подбоченился, — главное — большая и полезная.

— Глобальными такие называют, — подкинул я новое слово Лису, если хочешь, можем попробовать просчитать такую схему, да определить где и как начнём.

— А с Добролюбом что?

— С ним да с Златобором, мытником, мы схему монопольной торговли через князя опробуем. Пусть у Рюрика бумагу официальную берут, с ней только торг вести станем. Да и товары из дальних земель по тем же документам принимать будем. К земледельцам-словенам пока не суёмся, вторую часть схемы на корелах попробуем здесь, на Ладоге. Если всё выгорит, то и дальше продвигаться станем.

— Ну значит на том и порешим. Пойду с Ледой посовещаюсь, как сделать всё правильнее.

— Я тоже пойду, завтра работы много, хоть и выходной.

Дел действительно не в проворот. Пока мы с Лисом решали вопросы международной политики, гребцы Олега уже собрались выступать домой, на Ладожский торг. Хельг отправлялся с ними и партией инструмента для прорубки просеки. Топоры да пилы с ломами передадут новым дружинникам, что должны подойти в Гребцы, те начнут валить лес на пути между поселением на Свири и Москвой. Конным ходом отправляется Добролюб и Доруш. Первый с повозками, нагружёнными бумагой да смолой, второй — с нивелирами и прочими приборами для прокладки пути. По плану, как раз к тому моменту, как готова будет новая партия новгородцев выдвигаться за лодками, маршрут вчерне будет готов, будет чем в пути заняться дружинникам. Про наши идея в части торговли пока никому не говорили, пусть Рюрик сначала с письмом, что у Олега с собой разберётся, подумает крепко, а там и дальше двинемся. Добролюба успокоили тем, что пара-тройка лет у него есть вполне себе выгодное занятие — спекулировать на

животине, что он нам тянет в качестве платы за заказ Рюрика. Другая торговля пока у нас закрывается. Ярило с женой и дружинниками остаются в Москве, пусть и дальше гребцов готовят.

Ну а у нас — праздник, мы заливаем первый фундамент для нового каменного дома. Окольцовывать будущую гавань пристанями да набережными строители уже закончили вчерне, вот и сподобились выделить ресурсы на жильё. Надо дать людям понять, что улучшение жизни не за горами, а то уже ворчать иногда начинают. Параллельно с этим — строительство нового водопровода да канализации. Потом по плану социальные строения, вроде больницы да клуба, затем — для Смольный и Суворовское, рытьё гавани, производственные мощности, и в самую последнюю очередь — всякие бюрократические здания. Управа, государственный дворец, геологическая служба, тюрьма и суд, другие здания. Единственно, что остаётся пока даже не запланированным — это складские территории. Их слишком часто менять приходиться, разрастаются потребности Москвы.

Торжественную закладку первого дома провели с митингом. Уже три дня выбеленные верёвки натягивали по всей каменной крепости, делали разметку территории первого квартала. Собрались все жители Москвы, развернули флаги, сколотили небольшую трибуну. Я толкнул речь:

— Товарищи мои! Граждане! Вот и настал тот день, когда мы завершили работы по организации безопасности города, — народ начал рассматривать стены, с колючей проволокой, помостами, башенками, — самое время и для себя постараться!..

Гул одобрения прокатился по рядам.

— Сегодня мы закладываем камень в основание первого каменного жилого дома в нашем городе. Дом тот будет у нас тестовый, каждая семья в нём должна пожить, привыкнуть к новому да научиться пользоваться приборами, устройствами… Знаю, что вы тут все у меня грамотные, сплошь профессора да доценты, — всеобщий смех, объяснял я значения тех слов на уроках, — но кидаться на новое — это не наш подход! Учёба, опыт, и ещё раз учёба — вот наш девиз! И с тем девизом мы и построим, как мы в песне поём, «Для счастья своими руками мы строим наш город родной»! Ура, товарищи!

— Ура! Урррааа! Урррааааа! В атаку стальными рядами… — народ затянул гимн Москвы.

— Право первого вынутого куска земли я оставляю за собой, — когда все успокоились, я взял лопату.

Спустился, копнул пару раз под щелчки фотоаппарата. Потом слово взял Святослав:

— Я вас привёл сюда строить новую жизнь, после страшного мора. Если что не так, простите меня…

— Да так всё! Спасибо тебе, Святослав! — раздались крики из толпы, под одобрительный гул.

— Ну раз так, спасибо вам сказать хочу, и до земли поклониться, — не тратя попусту слова, Святослав прогнулся до пола трибуны, — за то что поверили, за то, что терпели, за то что надежду в сердце берегли. Вот теперь, думаю так, положим мы начало нашей новой жизни, счастливой!

Одобрительные крики слились в один большой гул. Святослав взял мою лопату, и тоже вырыл ямку. Потом я объявил, что теперь слово скажут представители наших южных соседей — Олег и Добролюб. Мы их чуть задержали именно из-за этого события. Мужики потерялись, я их не предупреждал. Добролюб залез первым на трибуну:

— Люди! Большое дело вы затеяли, доброе. Желаю чтобы боги вам в том деле помогали, да и нас не забывали! — смешки в толпе.

— Рюрик, князь Новгородский, вам шлёт своё приветствие с надеждой на дружбу долгую! — также коротко высказался Олег, и уже было намеревался потеряться в толпе, но не тут то было!

— Мы благодарны соседям нашим за слова добрые, и в ответ также хотим, чтобы день этот они запомнили! — я придержал мужиков на трибуне, — Награждает Государство Российское Орденами Дружбы народов второй и третьей степени соответственно Олега, воеводу Ладожского, и Добролюба, боярина Гребцов! Ура!

Наш детский оркестр изобразил корявый туш, вышел Торир с орденами на подносе и нацепил цацки на удивлённых словен. Вторая и третья степень ордена были сделаны из серебра и меди соответственно, статус мало чем отличался, разве что ограничениями по времени пребывания в Москве «на халяву». Олег молчит, красный, Добролюб удивленно гладит непривычное украшение.

— Ну, теперь, когда официальная часть закончена… Экскаваторы! Вперёд! — загудели двигатели двух празднично наряженных экскаватора, поднялись ковши, и со скрежетом вонзились в землю…

Это недолго продолжалось, праздник всё-таки. Поэтому когда митинг разошёлся, к людям и экскаваторщики присоединились. Веселье по всей Москве, люди ходят в новых нарядах «от Жуляны», гости никак не могут отойти от награждения. И вот посреди этой радости — колокол! Наш сигнальный, тревожный колокол! Да что же за напасть такая!

— Лодка идёт! По озеру, большая! — доложился дежурный.

— Вот так всегда, как ни праздник, так гости незваные, — беззлобно матерясь Святослав в снаряжении двигался со мной на рубеж обороны, что был определён вдоль озера.

Лодка замерла напротив крепости, а потом потихоньку двинулась в нашу сторону. Метрах в двухста остановилась, с неё замахали и закричали. Присмотрелись в подзорные трубы… Ба! Инспектор! Ну, Златобор, в смысле.

— Инспектор! Ты меня до инфаркта доведёшь! Это же надо было так припереться, прямо с корабля на бал! — мы поздоровались с прибывшим и засмущавшимся парнишкой.

— А я вот… Отец послал… А тут — крепость такая! Я же не думал, что она так стоять будет! Прости, если что не так, — и поклоны ломит.

— Спину то не порть, нормально все, только напугал ты нас сильно, — я улыбнулся, — пойдём, тут и Олег, и другие приехали, из Гребцов…

— Кто такие? — забеспокоился купеческий сын, — Тоже по торговой части?

— Ага, но ты не переживай, с тобой мы давние друзья, не обидим. Давай лучше на праздник к нам, — я повёл было мытника на площадь.

— Не, погоди, Государь, я не один. Супруга со мной, отдариваться приехала, за подарки те, что вы передали, — парень кинулся на лодку. Там в носу непонятная конструкция, вроде домика, из неё вышла девушка.

Обычная такая девушка, что, однако, не делает её менее привлекательной. Вышла на нашу пристань, что возле судостроительного была, туда лодку их поставили, и давай мне с поклонами какой-то свёрток тянуть. Я его принял, поклонился, спина не переломится, поблагодарил и давай его рассматривать. Ой! Красота-то какая! Она мне плащ вышила, красный, с оторочкой золотой, и грандиозным серпом и молотом во всю спину, застёжка богатая, золотая, прямо — мечта мушкетёра! Не удержался, нацепил на себя. Народ-то как восхищенно охает — яркий, красивый, на солнце переливается, серп и молот так вообще светится как фонарик диодный! Я прям обнял и Златобора и жену его:

— Блин! Теперь мы с вами не расплатимся! Это ж надо — красотища какая!

— Да я то что… Вон, жена-мастерица, — смущённо шаркает ножкой наш Инспектор.

Подлетела, прорвавшись сквозь толпу Жуляна, облапила плащ, восхищённо поцокала языком, и со словами «Пусть мужики

тут сами разбираются!», утянула супругу нашего мытника, её Надёжа зовут, за собой. Ну а мы пошли дальше праздновать, параллельно рассказывая Златобору что да почему мы справляем.

После праздника закипела работа. У строителей — своя, ну а у нас своя. Отправили людей в Гребцы двумя маршрутами, по озеру и по суше. Златобора стали окучивать отдельно. Пришлось отойти от принятого решения, и произвести последнюю мену по-старинке. Мы мытнику в лодку отгрузили бумаги, он нам — олова да свинца. Собственно, пока это будет наша последняя торговая сделка. Дальше без разрешения Рюрика мы менять товары не хотим. Мытник расстроился, очень на открытый им торговый путь рассчитывал. Попытались успокоить тем, что его мы пророчим в качестве доверенного лица князя. Сядет на монополию с Добролюбом, хорошо подняться сможет. Златобор же сильно сомневается в таком развитии событий. Ему вроде как не по чину такими вещами промышлять, не очень богат и знатен род его. В основном, местной, северной торговлей они живут, связей в богатых южных землях не имеют нужных. Тут влез Лис. Мол, раз у тебя контакт налажен, не подсобишь ли нам с торговлей с корелами. Мелкой, да, крестьянской, однако оклад можем московский поставить, тоже неплохо жить станешь. Мытник парень не глупый, сразу соглашаться не стал, надо ему с отцом эту тему проговорить, обмозговать. Пока же слёзно попросил вернуть ему супругу:

— Бабы ваши как забрали, так только поздно ночью и увидел, а ни свет ни заря, опять к ним побежала, — жаловался наш Инспектор.

— Что там вообще происходит? — я обратился к Ярило, — Жуляна опять буянит? Вот ведь шило в… ну, в спине, одним словом.

— Да ты Златобор не волнуйся, сегодня вечером, на пиру, все увидишь, — хитро улыбается Ярило, и мне подмигивает.

О! Значит, сейчас в нашем Салоне происходит священнодействие превращения Надёжи в красавицу писаную при помощи магических тряпок и волшебной косметики. Мы успокоили Златобора, мол, вечером пир — вот девчёнки и готовятся. Тот не совсем понял — пир и бабы тут существуют в совершенно разных плоскостях. Объяснили про равноправие — не понял, посчитал блажью.

И так считал до самого вечера. Посиделки были камерные, в актовом зале, только начальство да гости, считай, собрались. И вот в самом начале праздника ввели пунцовую Надёжу, в модном московском платье, с грамотным макияжем (сколько я вечеров потратил, заставляя снимать «штукатурку» с лиц своих моделей

Жуляну!), на каблуках, в прическе а-ля пятидесятые. Ну и на голове нечто, напоминающее помесь ободка и диадемы, нельзя тут с простыми волосами на людях, вот так и выкрутились. Опять сногсшибательный эффект, Златобор натурально упал на задницу, причём прямо на пол. Посмеялись по-доброму, мытник на супругу по-новому посмотрел, да и ушёл на удивление быстро с фуршета. Чувствую, прибавка скоро в семействе у него будет.

На неделю пришлось мытнику задержаться. Наши «салонные барышни» растормошили до селе скромную супругу мытника, и теперь та каждый вечер упрашивала его побыть ещё чуть-чуть. Инспектор пытался сопротивляться, но получалось плохо — Жуляна увидела в Надёже отличную модель для многих своих идей и чуть не каждый день наряжала её по-новому, ставила эксперименты в области причёсок да макияжа, и таскала по красивым местам, фотографироваться. Поэтому, когда наконец Златобор твердо решил выдвигаться домой, ему принесли, наверно, первый в мире журнал. Правда, без глянца, без текста, в черно-белом цвете, но между тем. Златобор пять изобразил «сногсшибательный эффект», опять на пол упал, так что теперь такая реакция в Москве называется «эффект Златобора». Отправили, наконец-то, мытника домой. Нам от Надёжи достались хитрые способы вышивки, да геморрой Обеславу, который под них пытался создать новую швейную машинку, со сменными режимами работы. А как тут не ваять, если толпа «салонных девочек» смотрит своими милыми глазками, хлопает ресницами, и жалостливо так просит. Может бы парень и «слил» бы заказ, в план поставил на попозже, но во главе тех девочек — супруга его Вера, и деваться, значит, некуда. Вот и тратит все свободное время на механическое творчество и проектирование.

Отправили по домам всех гостей, вздохнули спокойно, как-то быстро события пошли у нас, тяжко даже мне. Я вечер в поисках тишины полез на стену крепости, сижу, на вечернее небо пялюсь. Вдруг со стороны нашего завода поднимается какой-то огонёк. Поднимается, застыл, и давай мне мигать! Я думал — всё, галлюцинации. А мигает-то огонёк странно, такое ощущение, что повторяются его вспышки по какому-то заданному алгоритму. Длинный, короткий, короткий, длинный, короткий, длинный, опять всё заново… Я рядом Влас пристроился, и что-то в блокноте черкает. Потом на месте огонька вспышка грандиозная, и все сразу пропало.

— Эх-х-х, опять сгорел, — тяжело вздохнул Влас, — тут это, твой друг-корел опять нарисовался, Федя.

— Э-э-э-э, — только и смог выдавить я, стою ошалевший, рот беззвучно раскрываю, — что это было!?

— Да Лавер все фонарики пускает свои, пытается связь наладить напрямую, — пожал плечами Влас, — что тут такого?

— А «подмигивание» это? — я пока ещё не верил своим глазам.

— Да мы дымы хотели пускать, на случай серьёзной опасности. Он предложил светом все передавать, а потом уже и за менее серьёзные сообщения взялся, вроде прихода Феди. Долго мучался, выдумывал свои «короткие-длинные», я ему таблицу выдал, по которой мы в типографии дырки пробиваем в лентах. Вот теперь по ней он и «подмигивает»…

Я изобразил «эффет Златобора» — натурально присел на задницу. Ну ничего себе, какой ГэБэшник индустриально подкованный попался! Прям Лаврентий Павлович, тот тоже помимо «врагов народа» на себе ещё и космос с ядерным проектом тянул.

— А этот твой Лавреннтий Павлович… тьфу, Лавер, он каким Макаром так высоко поднимает фонарик-то?

— Да я его на башню отправил ближнюю, он рапорт сам написал, мол, дело полезное, хочу попробовать. Мы ему под это из нашего бюджета ресурсы выделили, вот и получилось… И неплохо, надо сказать, вышло! А что за Лаврентий Павлович? У Лавера отца вроде по-другому зовут?

* * *

Провёл небольшой экскурс в мою историю, для Власа это, правда, будущее. Парень только одобрительно покивал, мол, хороший ГэБэшник был, годный, надо тоже таким стать. И пошёл паренёк домой. Я же и так сидел офигевший до полной бессознательности. Надо бы мне завтра за Федей самому прокатиться, глянуть, что там за Лавер такой.

Путь до наблюдательной башни с утра не занял много времени. Вокруг — тишь да благодать, птички поют, лес шумит, колючая проволока на ветру чуть колыхается. Внутри — сплошное нарушение дисциплины. Вся дежурная смена, все три человека, даже тот, который спать должен, занимается аппликациями. Над ними царствует Лавер, бегает, измеряет линейкой что-то. Они склеивают грандиозный фонарик из бумаги. В углу сидит Федя, фингалом отсвечивает да и в целом выглядит сильно побитым. Я было на мужиков кинулся, те руками развели, это точно не их работа.

— Здорова, Федя! Кто тебя так? — поздоровался я с корелом.

— Да тут… такое дело… — замялся корел.

— Ты прямо говори, чай, не чужие люди. А с вами я отдельно поговорю, — я погрозил дежурной смене кулаком, будут знать как дисциплину нарушать, мужики мои только тяжко вздохнули.

Федя, когда мы остались наедине, поведал причину прибытия. Она оказалась тесно связана с наличием ссадин и «фонаря» под глазом. Если кратко, то разукомплектовали их три села в части нашего инструмента. Изъяли в пользу их головы-старейшины. Тот наконец созрел вступиться за детей своих данников, собрал дружину, припёрся к Фединому селу. По дороге и в других двух побывал, обмозговал увиденное, и сделал вывод, что его тупо хотят «кинуть». Вроде за защитой мужики приходили по зиме, а тут все с прибытком вместо ущерба, новыми железными инструментами машут да копают. Поход голова отменил, инструмент в свою пользу в счёт дани-мыта изъял. Федя было вступился за лопаты-грабли, мол, не просто так дали, почти в аренду, долги чтобы отдать. За это ему и прилетело. Федя, не будь дурак, на болота пошёл, плот из веток-палок смастерил, и двинул к нам. Причём не защиты просить, а рассказать, что долги ещё не скоро отдать получится.

Если честно, в моё время это называлось одним словом — беспредел. Я сам «лихие 90-е» не застал, но судя по кинематографу, даже бандиты-рекетиры, если уж «вписывались»

за коммерсанта, то проблемы его с другим криминальным элементом решали. А этот голова и дело захвате детей спустил на тормозах, и инструмент спёр, да ещё и Феде морду набил. Отморозок, одним словом, даром что на севере живёт. Но тут проблема — Федя обитает вне зоны действия наших законов, фактически, под головой тем ходит. И у меня дилемма — или уподобиться носителям демократии или там социализма из моего времени, и пойти вломить тому старейшине по первое число под пафосными лозунгами, типа «защиты народовластия» или «свержения тирана». Или спустить всё на тормозах и просто дождаться, пока корелы отдадут долги. Ведь даже Федя защиты не просит, понимает, на чьей земле живёт.

Чисто по-человечески, надо беспредел покарать. Причём жёстко, чтобы не было потом желания нас на прочность проверять да наших должников в свою пользу трясти. Но по местным понятиям, укладу жизни — надо идти с головой разговаривать, пиры там гулять, так вопрос решать. Но и тут старейшина выкрутится — скажет, мол, не я их посылал на БТР кидаться, не мне и расплачиваться. А инструмент железный он как дань взял, со своих налогоплательщиков. Какие тут могут быть претензии?

— Вот что Федя, сейчас мы ничего решать не будем, твои слова я услышал. Обожди тут…

— Да мне сеяться надо, — грустно промолвил корел.

— Ну тогда дуй к себе, мы как придумем что-нибудь, я тебе или человека пошлю, или сам появлюсь. Про долг не сильно переживай, нам не к спеху, детки ваши присмотрены да ухожены. Ты, кстати, как, не хочешь проведать?

— Да с таким лицом, — Федя потер фингал, — перед сыном появляться не хочу, пусть спокойно у вас живёт.

— Ну сам смотри. Пока тут перекантуйся тогда, а по утру пойдёшь через болото. А мне ещё Жуковских доморощенных надо проведать.

Мужики-воздухоплаватели сидели грустные, зыркали периодически недобро на Лаврентия, тьфу, Лавера. Тот тоже с потерянным видом, вроде, старался для всех, а тут претензии от Государя.

— Здорова ещё раз, аэронавты. Ну, рассказывайте, как вы до жизни такой докатились. Делитесь, так сказать, впечатлениями…

Всё просто — уж очень восторженно Лавер про фонарики мои рассказывал. Вот и подговорил мужиков ему помочь. Те сначала отнекивались, потом, когда первый фонарик полетел, прониклись, и теперь вот сидят, клеят шары. Ну, не шары — гигантские сосиски какие-то, не удобно иначе запускать их с башни. Мужикам — выговор и штраф за то, что вместо дозора

аппликациями занимаются. Потом — премию в два штрафа каждому, но с условием, что в следующий раз такого безобразия не будет. Дозорные повеселели, начали бойко рассказывать про свои успехи с фонариками. Лавер пока молчит, с ним отдельный разговор будет. Его я вывел как Федю, на доверительную беседу.

— Ты здорово придумал, правда. Только пару моментов не учёл. Первый и самый главный. Ты у нас кто? Госбезопасность. А значит должен был подумать над тем, что сообщения твои, да нашим гражданским кодом, ну, словами из длинных и коротких чёрточек, любой дурак прочитать сможет, если он в Москве учится. К типографии то у нас доступ есть у некоторых, поймут твои сигналы. Это первое. Второе. Почему сам делал? У тебя шар на сколько поднимается?

— По верёвке — на двадцать два метра, дальше не идёт… — грустно ответил Лавер.

— Ну вот. А почему знаешь?

— Тяжёлый очень. А тонкий не держится крепко, толще делать приходится.

— Потому не из бумаги его сооружать надо, а из ткани специальной, да так, чтобы не сгорало всё. У тебя же одноразовый шар получается? Ну вот, я так и понял, по вспышке пламени на стене Москвы определил. Значит, надо подключать наших девочек, пусть ткань потоньше сделают. Химиков надо, чтобы пропитку негорючую для неё сделали. Да и система твоя сигнальная… Покажи хоть её, чтобы не голословно обсуждать.

Система была… Интересная, именно то слово. По сути своей она напоминала прожектора, которыми на море в моё время семафорили. Только вот сделано всё малость по-дурацки. Ибо внешне система связи была похожа на часы с кукушкой, где вместо птички выглядывал увеличенный в несколько раз фонарик для винтовки. Учитывая, что вместо горелки у шарика использовался какой-то котелок подвесной, совсем непонятно как оно поднимается. Но поддержать хорошее начинание надо. Своим умом додумался парень, не то что я, подсмотрев в будущем. Потому ругать парня я не стал:

— Ты все верно сделал, на уровне идеи, — похвалил я Лавера, тот прямо воспрял — но проблема твоя в том, что наработками не пользуешься нашими. Что, спросить постеснялся у меня или Обеслава?

— Да отвлекать не хотел, сам думал доделать, потом… — опять поник Лавер, он ещё и скромный оказался.

— А теперь смотри, я тебе просто идеи подам. Вот котелок с костром твой — он и весит много, и огонь от него шар твой сжигает. А тебе-то пламя не надо, только воздух тёплый! А где у

нас самый тёплый воздух? — я исподтишка начал тыкать пальцем в БТР, — понял?

— Горелка? — несмело предложил Лавер.

— Она самая. Она на жидком топливе, а значит, энергии в ней на ту же массу — больше, шар твой дольше в воздухе держаться будет. Теперь смотри, пламя открытое, оно тебе надо? Отсечку сделать нужно, чтобы только воздух шёл, да и сам шар приподнять от горелки на жестком основании.

— Так ведь тяжёлым станет, не взлетит.

— А ты у Буревоя давно был? Про новый металл, латунь мы его назвали, слыхал? Прочный, не горит, ковкий, в тонюсенький лист раскатать можно. По этой части ясно, где ошибся? Теперь далее. Ты же не фонарик делаешь, а систему сигнальную! Значит, и делать должен с-и-с-т-е-м-у! — я назидательно поднял палец, — Сбоку башни запускаете? Почему крышу откидную не сделали? Почему место для хранения шара и запуска не оборудовано? Почему техника безопасности не соблюдена? Мужики, я так понял, чуть не по пояс из башни высовываются для запуска? Где верёвки страховочные? Почему сам шар не привязан к башне, руками держите канат?

Опять Лавер стоит грустный, чуть не плачет. Я его приобнял:

— Ты слова мои в обиду не принимай, ты молодец, хорошее дело придумал да сделал! Штрафа я тебе выписывать не буду, а вот премию и бюджет под систему твою — это да. Только так мы поступим, ты мне теперь на бумаге все изложишь, да по всем нашим производствам пойдёшь, посмотри где что и как делается, может, ещё что полезное увидишь. Как в бумаге проект будет — мы тебе ресурсы для опытного образца дадим, вот на этой башне все и организуем. Потом — дальше твоя задумка пойти может. Ты понимаешь вообще, что ты сделал? Раньше я наше государство стенами Москвы ограничивал, дальше — только выселки считай, даже завод наш железный. А почему? Потому что связи никакой нет, кроме БТРа да коня. Ракеты не в счёт — то не связь, то сигналы только подать, парочку, не больше. А теперь ты наше государство на двадцать километров на восток продвинул! Не просто тревогу — текст передавать можно! За то тебе от меня поклон до земли, — и я поклонился изобретателю, чай, спина не трость, не переломится.

Лавер от моих слов офигел, особенно после поклона. Покраснел, начал что-то тараторить, мол, спасибо, я тут… Да я! Да мы! Всё для тебя, государь!

— Не для меня, для Государства нашего да для потомков наших. И давай тут не красней, гордость должна быть изобретательская да инженерная! Я тебе, пожалуй, премию чуть

убавлю, — Лавер растерялся, я улыбнулся, — за то, что проект свой передо мной не стал защищать! Вот! Надо было отстаивать решения свои!

— Но ты же Государь…Как…? — опять потерялся парень.

— А вот так! Я хоть и Государь, но во всем быть самым умным не могу! Потому и надо за свои идеи биться до конца! Правда, честно биться, с обоснованием, без обмана! Тогда для всех лучше будет.

Хороший разговор получился, добрый. Покинул крепость в великолепном настроении, ещё одного умного да умелого мужика Москва наша воспитала. Правда, в глубине души была некоторая «грустинка», что ли. Без меня ведь все сделали, сами, даже обидно, что не я такое придумал. Ведь знал, видел такое своими глазами на картинках, а все равно не догадался. Ну да ладно, мы не вечные, зато есть теперь кому на смену прийти. С теми мыслями и доехал до дома.

Проект и опытный образец сигнальной системы закончили к концу лета. Башенка наша теперь сверху нарост получила, вроде ангара, там сложенный хитро лежал шар радиусом почти четыре метра. Корзины в нём нет, вниз из ангара торчит горелка да сигнальное приспособление под ней. Горелка латунная, из очень тонкого листа, топливо жидкое, пламя в трубке специальной горит, искры она отсекает. Сигнальный механизм тоже поменяли, теперь у нас он из четырёх изогнутых и хорошо отполированных металлических зеркал состоит, да шторки на каждом по типу тех, что на кораблях в моё время ставили. Для удержания шара верёвки на специальном барабане, их теперь пять, одна центральная, крепкая, другие — шар поворачивать, если ветер сильный, они потоньше. Тросы управления шторками отдельно, у них своя система управления, на педалях. Нажал одну — открылась шторка, отпустил — пружина её назад вернула. Крыша башни из железного листа, открывается как лепестки у цветка, при помощи блоков. Для сигнальщика теперь стол специальный, под ним педали, на нем — письменные принадлежности. С кодирование сообщений пока думает наш Лавер, изобретает шифры разные. И для скрытности сообщений, и для защиты от «помех», ну, чтобы правильно сигналы принимать. А у нас в Москве угловая башенка под такой же аппарат переделывается, как и ещё одна, на заводе. Приноровившийся сигнальщик, если в пару ему, на приёме, глазастый связист работает, может передавать до двадцати символов в минуту. Сократили алфавит, не нужны нам запятые да тире, как и латиница — чуть не в три раза быстрее все пошло, по телеграфному. Почти один символ в секунду почти получается! Долго с запуском всего этого

хозяйства в эксплуатацию полноценную промучались, но получилось! И границы Москвы теперь и впрямь стали гораздо больше.

Да и всё остальное лето было плодотворным. Раскопа котлована под дом окончилась в мае, когда и началась — все усилия по тёплой погоде направлены на коммунальные нужды, рытье траншей под водопровод и канализацию. Когда короба зальём, трубы положим, тогда и дом сам закончим. С мая же месяца к нам с юга шастают гости. Это гребцы на лодки Рюрика. Просека при этом растёт — удачно мы с ней придумали. Выглядел сам процесс так. Добруш, пока шёл до Гребцов, пометил деревья под спил. Отдельно с Добролюбом определили удобные места для стоянок в пути. Первый раз из Гребцов Добруш с новой партией дружинников и скота отправился. Остановились на привал, вырубили кусок леса неплохой, переночевали, и к следующему привалу, опять лес валить. За это воякам еды доброй выдал Добролюб, не чета казённой. Инструментом Добруш их обеспечил, вот и спорилось дело. Дрова лишние остаются следующему отряду, часть брёвен идёт на сооружение неких мостков через овраги да ручейки, временные это сооружения. Гребцы на одну лодку, тридцать рыл, неделю шли до Москвы, семь кусков леса вырубили. Следующая бригада, такая же, чуть дальше валит деревья, продвигается она уже быстрее по расчищенному пути, да и топливо на костры рубить не надо. За ней — ещё одна. Инструмент возвращается на лодках с новыми командами в Гребцы, передаётся новичкам. Сперва топоры только были, потом — домкраты для пней добавились и дружинник Ярило в качестве инструктора, а там и лопаты, заступы и кирки в ход пошли. Когда поток дружинников иссякнет — дорога в первом приближении будет почти готова. Ясное дело, не магистраль к заводу, но путь к Москве на санях можно будет за пару дней спокойно преодолеть, один только привал останется, аккурат возле речки крупной он. Хорошее это дело — дорога.

Судостроители наши сделали один большой, крепкий рыболовечкий баркас, его ещё по весне начали строить. Юрка водил свой экипаж за рыбой. А Кнут был занят новым заказом, военным. Задача по местным меркам странная, дурная я бы даже сказал. Сделать надо десяток паровых болотоходных лодок на водомётном движителе для перевозки коней. Кнут кривился, но обстоятельства того требовали. Мы решили таки поучаствовать в жизнь корелов, а точнее — в жизни конкретного корельского старейшины. Причём пусть он там своим богам молится, чтобы жизнь та не прекратилась с нашим вмешательством. Мы с Власом первый раз пошли на подлог международного документа —

состряпали задним числом договор аренды инструмента Федей. Приказ о проведении такой спецоперации хранится с грифом «Пятьдесят лет не трогать», там, я надеюсь, забудут про эти события. Договор передали Феде через нашего человека, он заодно и маршрут по болоту отметил, глубину промерял, да вешки с буями поставил. Авось, не засосёт лодки наши в трясину. Вместе с документом поддельным Феде сказано было на словах ждать гостей, как урожай все соберут, то есть, по осени.

Военно-политическую акцию готовили тщательно, мы так данов не готовились убивать. Там просто, плыви да мочи кого посчитаешь нужным. Не смог уконтропупить врагов — беги что есть сил, воды кругом полно. А тут — по земле ходить придётся, возможно — крепость брать, в которой старейшина обитает. А по незнакомой местности ходить ох как не просто! Доспех, даже самый мощный и крепкий, не гарантия от прилетевшей в глаз стрелы из-под кустов, наличие тропинок не обозначает отсутствие ловушек на этих путях, да и обиды, нанесённые местным жителям, не исключают присутствия среди них лояльного или лично преданного старейшине человека. Вот и готовились, планировали, мужиков под это дело подбирали. Тридцать человек, сборная солянка из мурманов, крепостных, Игнатьевых, смешанных семей. Пришлось разрабатывать спецсредства — пневматические сигнальные мины, переносную лодку, крепость старейшины стояла на небольшом озерце, которых тут миллион, да и болотные судёнышки потребовали вдумчивого подхода и особого исполнения. Они получились плоскодонными, широкими, с двумя водомётами на жидком топливе и обладали высокими бортами. Последнее было необходимо для перевозки лошадей — копытные отказывались спокойно стоять на раскачивающейся железной лоханке и норовили избить копытами окружающих и сигануть в воду. Разве что мой Ворон был поспокойнее…

В честь чёрной птицы я назвал здорового боярского коня, что так долго тосковал по хозяину и не давался нам в руки. Только в мае усилия по кормёжке животины морковкой да прочими сладостями, вкупе с добрым отношением, привели к успеху. Смеяна как-то под вечер привела таки строптивого коня и определила к другим в стойло. Роскошное средство передвижения, с приводом на четыре копыта, в итоге, забрал себе я. Просто общался с ним часто, да как с человеком. Тот даром что конь, но по глазам вижу, все понимает, все соображает, только сказать не может. Так вот и подружились. Конь был с характером — обычно был спокойный, послушный, но если уж вожжа под хвост попадала, начинал вести себя как тот берсерк, но меня, седока, не скидывал, умная и аккуратная животина, хоть и

яростная.

После сбора нашего урожая, мы были готовы выступать. За лето ещё несколько раз плавал к Феде наш Штирлиц, изучал обстановку. Даже под местного наряжался и путешествовал по тропинкам, определяя маршрут и подмечая то, на что Федя не обращал внимания или не считал нужны сообщать, мол, и так понятно. Так что отпраздновали День Знаний, повели Вовку моего в первый класс, и отправились второго сентября в боевой поход. Во главе колонны был я — тут главнокомандующие ходят с войском, иначе тупо народ не поймёт, не оценят. Ресурсы и лодки уже давно собраны в наблюдательной башне, мы подошли к ней к вечеру, верхом. Как стемнело — открылась крыша башни, и оттуда тихо шипя горелкой вышел воздушный шар. Поднялся на метров тридцать, и начал семафорить в сторону Феди синим огоньком, такой у нас был условный сигнал. В четыре утра, по темноте, мы начали переправу. На носу у лодок — прожектора с защитой, светят в воду сверху в низ, в моем будущем такие на фарах военных машин стояли. Путь по болоту отмечен фосфоресцирующими вешками, кони внутри закреплены специальными деревянными колодками, по две на каждую пару ног. Морды животным закрыли неким подобием намордника, чтобы не ржали в пути. Федя должен был ждать нас на другом берегу.

Первая партия из десятка лодок причалила к шести утра. Федя выглядел охреневшим — мы, как призраки в ночи, в тусклом свете прикрытых прожекторов, почти бесшумно двигаясь по болоту напоминали нечистую силу. Да ещё и выбрались на берег сами, водомётов хватило пару метров по грязи на берегу проползти. Вот Федя и хватается за амулеты.

— Здорова, Федя! — поздоровался я с корелом, тот робко пожал мне руку, — Сейчас ещё пару ходок сделаем, и пойдём в деревню.

— Так это не все!? — изумился Федя.

— Ну да, ещё и люди будут и кони…

— Кони!? — на корела было смешно смотреть, как раз откинулись аппарели на носу лодок и на землю ступила первая животина, мой Ворон.

После перенесённого стресса животных подкормили вкусным, кони успокоились, можно снять намордники. Лодки наши скрылись в тумане, чтобы вскорости выпустить на берег новую партию бойцов… К обеду отряд был готов выдвигаться. Тридцать лошадей, четыре пулемёта, стальная складная лодка с латунными вёслами, провианта на месяц, доспехи, походное снаряжение, море мин и боеприпасов. Все это — на конях, заводных не брали,

нам в лихую кавалерийскую атаку не ходить. Переносили снаряжение уже пешком, рядом с нагруженными конями, в Федином селе у нас передовая база.

— Ну что, рассказывай, как ту что у вас. Что поменялось за неделю, что нашего человека не было, — мы беседовали в нашем лагере, расположенном на краю корельского села.

— Да все по-старому, — ответил Федя, дивясь как быстро и оперативно наши вояки раскладывают палатки, растапливают буржуйки походные для кухни и согрева, размечают территорию для обороны, — а что это они делают?

— Да лагерь наш оборудуют, — я был горд за своих людей, летняя учёба даром не прошла, вокруг лагеря встали посты наблюдения, пулемётчики в засаду сели, сигнальные мины установлены на возможных путях следования любой воинской силы.

Те мины делали на основе баллонов для винтовок, к нему приделывали некую трубку, в которой была сигнальная ракета и свистулька. К хитрому шпеньку была приделана верёвка, делаешь растяжку, дёргает кто-нибудь за шнур — вылетает шток, высекает искры из специального покрытия трубки, поджигает кудель пропитанную и отправляет её сжатым воздухом вверх на метров десять. А сам газ под давление идёт в свисток, который издаёт мерзкие и громкие звуки.

— Как старейшина? Не подозревает ничего?

— Нет, ему не до того… — Федя все так же удивлённо наблюдал за нашим лагерем, я попросил уточнить почему не до нас голове корельскому, — Урожай плохой, лесом сейчас люди добирают припасы на зиму. Вот и не до вас, тут бы с голоду не опухнуть по первому снегу.

— Хм, — мы, конечно, рассчитывали на занятость корелов в лесу в сентябре, потому и время выбрали такое, но такое развитие событий было просто подарком, — урожай, говоришь, плохой… А это хорошо, незаметно подойти сможем, если народ подальше в лесу шастает…

— Да что уж тут хорошего… — горестно вздохнул корел.

— Погоди, так у вас тоже с провиантом, ну, едой плохо? — блин, с нашими военно-дипломатическими манёврами совершенно забыл про людей, — Как сам-то? Урождай собрал? Добрый был?

Федя молча отвёл меня в сарай, где хранил зерно да прочие припасы.

— И на сколько тут человек? — я разглядывал невеликие кучки бочонков, мешков, кривых корзин.

— Да на всю семью, почитай, на шесть человек, — Федя

прислонился к бревну, изображавшему дверной косяк, — хорошо, что сын у тебя, не пропадёт.

— Н-да, не густо, не густо… — увиденное живо напомнило мне мой первый год в девятом веке, забыли мы там у себя в Москве, что такое голод, даже крепостные уже свой переход на север как страшный сон вспоминают, — Вот что, Федя, такими темпами ты мне никогда долги не отдашь, окочуришься быстрее. Сколько у вас тут народу? Баб? Детей? Возраст какой?…

Я в записной книжке прикидывал количество необходимого продовольствия. Получалось, если пару-тройку полных лодок подгоним, то село нормально перезимует. Федя осторожно напомнил, про другие сёла, где мы детей брали, ещё два есть, и там тоже с провизией не густо. Количество еды, необходимой корелам, резко возросло.

— Так, быстро не получиться, но мы вам поможем. Пойдём со мной, там на болоте дежурная лодка стоит, отдам распоряжение.

Лодки на этой стороне болота было две, так мы сразу определили. Только стояли они не на берегу, а чуть в глубине болота, на заросшем кустами, там их временный лагерь. Вызвать лодки можно особым звуковым сигналом. Судно дежурное прибыло, водитель его получил записку от меня. В ней — задание нашим оформить гуманитарную помощь, разработать порядок её оказания, ну, долг, собственно, рассчитать новый, раскидать его на корел. Лодочник отправился на юг, а мы двинулись в село. У нас есть часов семь, чтобы поспать да привести себя в порядок, выдвигаться к крепости будем среди ночи.

Тихо встали в полночь, и выдвинулись на север. Шли налегке, но сторожко — Кукша, он тоже с нами был, впереди со своими разведчиками, мы за ним. Ребята оставляют метки, мы движемся, подсвечивая себе путь слабым светом фонариков. Под утро разведчики встретили нас.

— Все, дальше уже будет местность, что к крепости относится, — Кукша докладывал обстановку, — мы прогулялись, пока темно, там всё как Федя говорил. Озерцо небольшое, крепость…

Тут пасынок хмыкнул, я вопросительно посмотрел на него.

— Там той крепости, частокол из брёвен да, почитай, и всё. Небольшая она, хилая.

— Ты сильно-то не расслабляйся, стрела прилетит — не посмотрит что слабой та крепость кажется, — я пожурил нашего начальника штаба, — даны вон тоже думали, что мы хилые, и где теперь эти даны? Вот и не повторяй их ошибок. Работаем как планировали, бери людей…

— Да знаю, все знаю, не учи ученного — сам тот план

составлял, — улыбнулся Кукша, — а на тебе у нас переговоры.

Развернул пасынок коня, и двинулся потихоньку в лес. Молодец, правильно всё, я тут теперь не самый главный военный, а, скорее, представитель власти и выдумщик. Второе из-за того, что опыта больше да кругозор шире, вот и подмечаю то, что местные не считают важным.

В первых лучах солнца началась наша операция. Крепость уже ожила, наблюдатели доложили, что её население расползается по окрестностям в поисках грибов да ягод, на заготовку дров и сена. До начала операции я прокручивал в голове составленный нами план. Мы, если честно, долго не могли определиться даже с целями операции. Ну вот пришли, забрали по возможности инструмент, дальше-то что? Села корельские далеко, оперативно на помощь мы прийти не можем, тупо не успеем, да и связи с ними почти нет, значит, под себя брать нет резона. Убить старейшину и перебить его людей? Проблема мстителей, да и так, что с корелами всеми оставшимися делать? Кто другой под себя подомнёт, и не факт что лучше этого головы будет. Потрепать его войско и оставить в покое, застращав до дрожи в коленках? А потом Федя с родичами не пострадает? Вырежут всех под корень, как предателей, а мы виноваты останемся. Гарнизон к корелам ставить да башню наблюдательную? Так людей негде взять. По итогу решили постараться никого не убивать, напустить страху, взять инструмент и дань за обиды, да привести к клятве местным и нашим богам. Надеюсь, тут народ также серьёзно относится к религии. Под руку брать никого не будем, клятва должна защитить «наших» корелов от разорения и убийства.

Тактика под тот план была по местным меркам странная. Мы должны взять крепость в осаду и добиться того, что нужно нам. Любые поползновения из защитного сооружения будем пресекать травматическими пулями да «чесночными» гранатами, недели две посидят, созреют, я надеюсь. А для того, чтобы побыстрее это происходило, необходим первый этап — заложники. Вот для этого мы и стояли в засаде в километре от строения. Время начала операции — выход солнца полностью над горизонтом. И до него оставалось совсем чуть-чуть…

Взлетели ракеты со всех сторон крепости. Мы пришпорили коней, и рванули по заранее определенным маршрутам. Всего тридцать человек, но и крепость не сильно здоровая, хватит, я надеюсь. Мы сейчас людоловы, нам надо набрать заложников для переговоров. Я держался чуть позади своей группы, что двигалась прямиком к крепости — не хватает мне умения ездить верхом. Вот из-за поворота небольшого показался мужик, ойкнул и кинулся было в лес. Не успел, сетка с утяжелителями накрыла

дядьку, один наш остался его вязать да пристраивать на коня. Потом — девчёнки молодые с корзинками, за грибами идут, наверно. Те заорали в голос да бросились врассыпную. Точнее, разбежались бы, если бы не вовремя брошенная граната-свистулька и выстрел ракетницы. Девчёнки испугались, сбились в кучу, плачут. Их тоже повязали, даже я в том участвовал.

— Да что же вы так орёте-то! Ай! Кусается, зараза! — меня атаковала самая мелкая и прыткая девушка, пришлось действовать чуть жёстче, — А ну! Стоять! Смирно! Сопротивление бесполезно! Не будете брыкаться — ущерба не будет! Стоять я сказал!

Громкий, командный голос заставил замереть пленниц. Дело пошло быстрее. Так вот и вышли мы к крепости, с конями, нагруженными, помимо прочего, ещё и связанными людьми. Постепенно из леса показались ещё кони и наши бойцы. Улов составил почти три десятка человек, возраст — от двенадцати до сорока лет, если судить по внешнему виду. У нас потерь нет, корелы чуть избиты, пришлось «травматы» применять, а то мужики с топорами кидались, лук пытались натягивать, попался нам один такой, охотник. В крепости началось шевеление, раздались крики, команды. Ворота, представлявшие собой скрученные заточенные сверху и снизу бревна, закреплённые в центре и вращающиеся, закрылись. Ну, вроде как открыл — встала плоскость брёвен тех параллельно земле, закрыл — вертикально встали. Такая вот конструкция. Да и сама крепость, как и говорил Кукша, мелкая да хилая, стена метров пять-семь, частоколом сделана, да пара башенок виднеется. Последние скорее навесы небольшие напоминают, а не серьёзные защитные сооружения.

Мы построились в линию, двадцать человек получилось. Четверо занималась пленными позади нас, три парных пулемётных команды перекрывают другие подходы к крепости. Слева от строя озеро, перед нами — ворота, по правую сторону — поля. Встали, развернули наш флаг, я расправил подарок Надежи. Красный плащ начал развиваться на ветру, красиво блестело золотое шитье на нём. Мы стояли молча. Только всхлипывание пленниц да редкое пение птиц разбавляли тишину.

Над воротами показалась чья-то голова, но быстро пропала. В крепости раздались команды, шум, крики, и даже звон оружия! Это что же, они в атаку собрались!? Вот идиоты!

— ……! — властный вопросительный крик раздался из-за ворот.

— ……! — в ответ крикнул Толик, и повернулся ко мне.

— По-русски пусть говорят или по словенски. А то непонятно

ничего, — сказал ему я, Толик передал пожелание в крепость на корельском.

— Кто такие? Чего надо? — на словенском, с забавным акцентом повторил голос.

— Государь Российский, с войском. Ты ему обиду причинил, инструмент, топоры да лопаты, что он должникам своим дал в аренду, на время, себе забрал. Верни всё, да за обиду положи сверху! — это Кукша надрывается, мне пока невместно с ними по местным меркам разговаривать, мало ли кто там орет?

Может, бомж какой или местный городской, точнее — крепостной, сумасшедший. Мы же по местным правилам переговоры ведём, наши дипломатические изыски вдали от стен Москвы не работают.

— То мои данники, я голова местный! Подо мной ходят, я в своём праве!

— Ты-то в своём праве, а инструмент — мой, мы о том роту с людьми заключили, — так, раз это голова, теперь и мне можно вступать, — верни инструмент, дятел, а то хуже будет. Да сверху клади, и потом клятву мне дашь, чтобы такого впредь не было!

— А если не дам? — голос потерял властные нотки, стал дребезжащим, — И не верну?

— Толик, оформи ему, — парень кивнул, и отправил за стену чесночную гранату, из переносной мортирки вроде тех, что при бое с боярином использовали, только меньше размером.

За стенами крепости — ругань, крики, что-то даже упало.

— В следующий раз с огнём пущу, крепость твою спалю да людей пленю! — ну а что мне делать, надо соответствовать местным реалиям, — Думай давай, чем за обиду ответишь. Мы твоих людей взяли в лесу, они, пока ты думаешь, у нас побудут!

За стеной опять крики, ругань, только на этот раз более яростные. Видать, родственник тех, кто у нас в заложниках, засуетились. Кукша же подал сигнал, и трое наших отправились на место ночного привала — там лодка спрятана и пулемёт для неё. Вернулись быстро, начали собирать судно. Лоханка та ещё, конечно, но двоих человек и пулемёт себя в ней чувствуют нормально. Собрали, столкнули посудину на воду, вышли на озеро под удивлённые возгласы из-за стены. Наши в лодке дали очередь из пулемёта, народ в крепости опять начал кричать.

— Что там у вас? — Кукша крикнул «мореманам».

— Лодки отвязывали, теперь ушли! — донеслось с озера.

— Ну и ладно, успокоился племянник, — ну что, второй этап?

— Ага, приступаем.

Второй этап — это создание осадного лагеря. Пулемёт

нацелен на ворота, пять человек на конях — манёвренная группа на случай подмоги нашим засадным постам. Остальные живенько так начали повторять процесс, от которого офигел в своё время Федя. Быстро пилить деревца помельче, ставить частокол, натягивать на него колючую проволоку, взятую с собой. Пятёрка конников ушла по нашему маршруту, надо забрать часть снаряжения. Пленные свалены пока в кучку, но для них тоже делают «концлагерь», внутри нашего небольшое пространство с оградой из проволоки. Туда — палатки, спальники, их с большим запасом брали, да пару буржуек полевых. Палатки большие, под десять человек сделаны, их быстренько собрали, один наш воин, из ГБ. В ней Толик, что был за переводчика, начал проводить опрос. Пленные ни в какую не идут на контакт, но мы на скорый результат и не рассчитывали, есть ещё время.

За нашими действиями с наблюдали со стены крепости, периодически раздавались голоса. И голоса те были все тоскливее и тоскливее. Если и был у них шанс, как они думали, на атаку, то они его упустили. Все, крепко лагерь стоит, и пулемёт внутри дулом водит. Мои вояки рассыпались по окрестностям, начали устанавливать сигнальные мины…

— А что за обиду возьмёшь? — к вечеру продолжились переговоры, я с комфортом расположился на еловых ветках.

— То ты сам определишь. А я посмотрю, насколько твоя плата обиду покроет, — не хотел я определять сам сумму, по размеру предложенной мне дани хочу понять, насколько мы запугали этого старейшину.

За стеной оживлённо загомонили, потом голоса стихли, разве что головы появились над крепостью. В ту сторону, неприцельно, полетели травматические пули, нечего тут пялиться на наш лагерь. Через щелки в заборе вон смотрите.

Ночь прошла беспокойно. То тут то там срабатывали «сигналки», потом слышалось негромкое пыхтение пулемётов и крики «За стену!». Да ещё и лодка наша пару раз зажигала прожектор на носу и стреляла по пытавшимся слинять на плавсредствах. Выспаться удалось плохо, поэтому утро встретил в преотвратном настроении. Завтракал, думал, пил отвар. Пленные смотрят затравленно из своего загона, попытки развязаться пресекаются часовым. Сейчас они все в одной палатке, спутанные верёвками, да ещё и под светом факелов. Начнут сотрудничать — облегчение режима, другая палатка, развязанные руки. Пока желающих идти на контакт с администрацией нет. Наступал третий этап нашего плана. К нашему лагерю московские бойцы стали стаскивать оставленные корелами ресурсы — сено да дрова, в основном. Это вызвало крики недовольства в крепости,

особенно когда все в кучу сложили, да поднесли недвусмысленно факел. Шевеление в крепости усилилось.

— Ну что, клоуны! Надумали там? — зло крикнул я, шея болела после ночёвки в полевых условиях, несмотря на наличие спальника.

— А ты уйдёшь, если заплатим? — опять тот дребезжащий голос, старческий, по-моему.

— А то смотря сколько заплатишь, да как клятву дашь! — я продолжал гнуть свою линию.

— А с сеном что делать будешь? — другой голос, помоложе.

— А если не отдадите моё, да дань сверху за обиду не положите, сожгу к лешему, и весь сказ.

Приплыла лодка, в неё залезла новая смена «озёрно-пулеметного» дозора, и лоханка вышла на озеро. Подтянулся Кукша, он ночь дежурил, отсыпался.

— Ну что, никак?

— Не-а, сидят, орут, но не несут. Вот же идиоты! — сказал я пасынку, — Эй! В крепости! Мы тут долго сидеть можем, до зимы, почитай! У вас тут леса богатые, грибов да рыбы много, сено опять же есть, бабы ваши вон лежат! Думай быстрее, а то потом дожди пойдут, погода испортиться…

Гомон у крепости усилился, но после громкого приказа, затих. Мы продолжали осаду. К вечеру появился прогресс — очень испуганный мужик практически выполз из приоткрытых ворот крепости, и, с очумевшим, крайне настороженным видом, двинулся с большим мешком в нашу сторону. Мы встретили его молча, тот поставил мешок ближе к нам и побежал обратно. Ему опять приоткрыли ворота, и мужик скрылся за стеной. Стали рассматривать принесённое. Там наши инструменты, причём не все, да и дань. Последнее — слезы, эти придурки нам рыбы сушенной насовали! Ну нет, это уж оскорбление!

— Ты там, придурок старый, вообще рамсы попутал? — меня прямо обида взяла, — Я тебе чего, пёс шелудивый, чтобы на кости рыбные бросаться!? Да за такое я тебе сейчас ворота спалю, к лешему, да пленных перебью!

Про пленных врал, конечно, но обиду такую в это время стерпеть никак нельзя, уважать перестанут. Вот и полетели к воротам зажигательные гранаты. Такие же, как чесночные, только смесь другая, горючая. Ворота быстро занялись, сверху на них полилась вода. В «поливальщиков» полетели травматические пули. Ворота догорели уже впотьмах, даже стены чуть испортились. В дверном проёме оказалась наспех собранная баррикада из каких-то телег, бочек, брёвен и веток. Эта ночь была спокойнее — два раза только «сигналки» сработали.

Утром опять пришёл тот же мужик, неловко перебравшись через баррикаду. Опять мешок, там ещё рыба и другое продовольствие.

— Слышь, дятел! Ты вообще оборзел!? Ты чего мне суёшь!? Ты так мне за обиду платить пытаешься!? Мне, Государю Всеросийскому!? И кто!? Голова корельский!? — эти утром настроение было получше, поэтому в конце речи я сбился и хмыкнул, уж очень похоже получилось на анекдот про конопляного муравья.

Кукша выгнул бровь вопросительно, я рассказал шутку, только вместо конопляного появился пьяный муравей. Заржал весь лагерь, пленные съёжились, за стеной послышался гомон. История с мужиком повторилась ещё пару раз за день, и он все продолжал таскать мне продукты! Ну вот каким дебилом надо быть, чтобы из осаждённой крепости таскать продукты осаждающим в качестве дани!? У меня закрались сомнения насчёт адекватности старейшины…

Ещё два дня продолжалось так. Мужик с провизией, мои угрозы и вопли, инструмент разве что весь теперь вынесли. Мы уже и от Феди все перетащили, и по окрестностям порыскали, даже несколько человек развернуть пришлось, из других сел к голове шли. Увидели экипированный в железо всадников, даже объяснять ничего не пришлось, сами смотались. Возле лагеря растут две горы — сено с дровами и провизия. Еду жалко, она ж портиться скоро начнёт. Когда гора выросла до метра в высоту, тот же дребезжащий голос завопил:

— Тебе что, все мало!? Вон, девок возьми, тех, что схватил — и уходи отсюда!

От такого креатива даже я охренел. Мои присвистнули, это ж какой сволочью надо быть, чтобы своих людей раздавать!? Да и пленные что-то засуетились. Перевели им предложение старосты — и пошла писать деревня! Народ злой, старейшину уже почти ненавидят. Нам с того только проще, потекли рассказы, разговоры, данные и информация. Пленных допрашивали, снимали верёвки с рук и ног, отправляли в другую палатку. Так до вечера всех и освободили от пут, и даже часть продовольствия им выдали, из принесённого — до этого варом из сушенного мяса и овощей кормили. Пришлось им ещё помывку организовать, а то уже смердит в лагере. Сами-то периодически ополаскиваемся, а этих мыть неудобно было, со связанными-то руками-ногами.

Протоколы допросов оценивали вместе. Там, в крепости — семь родов, под тридцать семей. Плюс дружинники холостые, таких с пяток. Пятая часть селища — один род, этого самого старосты. У него три сына, все ребята боевитые, с семьями, вот он

тут «мазу» и держит. Сам голова холостой, схоронил супругу, достаточно старый, по местным меркам, борода седая вся. И у дедушки уже проклёвывается старческий маразм, судя по косвенным признакам. На него «плюшкинизм» напал, всё, что плохо приколочено, тащит к себе. Причём даже инструмент тот, что у корелов взял, вместо того, чтобы людям дать в пользование, припрятал. Сидит на своём «сокровище», как Кощей над златом, чахнет. Но и поперёк не скажи ничего, он глава самого сильного рода, сыновья под ним крепко сидят. Чуть что не так — дружина, вояки, по лбу бунтовщику оформляют, схватят, что плохо лежит, и тащат по наущения деда в его избу. Дурдом.

Нам бы, конечно, следовало его пристрелить. Честно говоря, чисто по-человечески, это будет лучший выход для всех, включая корелов. Но тут родственные связи сильны, глава рода авторитет у детей сильный имеет, несмотря на маразм, а дети — на вояк и прочих, через родичей жён и других. Получается, сейчас там родственными опутано половина села, вторая под ними живёт. У нас в пленных и те и другие, но дедушка всех уже достал. И сделать ничего никто не может — глава рода, ждут, пока сам окочурится.

Ночь прошла почти спокойно, вторая такая уже, не лезут на «сигналки». Мы их ещё и переставляем периодически, те, которые уже сработали, вот и боятся. Почти — потому что озёрная лодка забила тревогу, включила прожектора. Там возня какая-то, выстрелы, крики, отсюда не слышно. Я спал, не проснулся даже, утром же Кукша мне представил парня лет двадцати. Он сиганул в воду со стены и попытался к берегу доплыть. Но его успели перехватить, не мастер спорта он по прыжкам с вышки, нашумел сильно. Перехватили, связали, дождались пересменки, на ней и сгрузили нам товарища.

Стал Толик его допрашивать — молчит «бегунок». На палатки с пленными смотрит, и ни слова не говорит. Парень развитый, видно, что не совсем крестьянин, молодой, шрамы есть. Мы думаем вояка, а там посмотрим. Разве что связали его покрепче, да к остальным пленным не стали тулить. Сидит в верёвках весь, голову к пленным гнёт так, что шея сейчас сломается. Утром начали на завтрак «лагерники» наши выходить, парень заелозил. Вышла та, кусачая мелкая, увидела нового пленника, глаза как блюдца, кинулась на проволоку. Мы её отгонять, поранится ведь, дурочка! Но нет, прёт что твой лось сквозь чащобу. Изъяли мелкую, привели в новому пленному.

Любовная сцена, слёзы, сопли, лобызания, бормочут что-то. Оттянули её от связанного, Толик вопросительно смотрит на парнишку. Начался диалог. Сначала односложно отвечал, потом

— более связно, затем замкнулся в себе. Взяли мелкую, устроили ей допрос. Прижали сильно, заявили, что за попытку побега из крепости прибьём любимого. Та в слёзы, причитает… Объяснили политику партии — если все как есть он выложит, жив точно останется. Та головой машет, как шея выдержала! Отправили её на уговоры. Через полчаса пришли сами к ним, с Толиком. Парень морально готов, но смотрит на других пленников и на нас, умоляет глазами. Понять просто, отвели пленного в лес, наедине говорить будем. Вопросы те же: кто послал, с какой целью, что в крепости.

Рассказ затянулся на два часа, с учётом перевода. Эх-х-х, Ярослав хорошо переводил, Толик так не может. Пленный нам выдал всё, мы изобразили «эффект Златобора», натурально присев от полученных новостей. Как мы и думали, оказался он дружинником, пришлым, наёмным. Род его где-то в другом месте, тут на службу к старейшине подвязался. Мелкая девчёнка — его наречённая, любовь у них сильная, родители её не против. Он охранял ворота с другой стороны крепости. Пришёл после дозора, ему народ нашептал, как старейшина расплатиться хочет, про баб, что нам предлагал сказали. Парень разозлился, пошёл на разборки к деду. Тот сидит, сундуки да бочки по всей избе, орёт, что он тут главный, и решил уже всё, и не ему, наёмнику безродному, указывать старейшине как дела вести. Парень с дуру ему засветил по лбу — маразматик врезал дуба. Вояка-наёмник мигом пришёл в себя, он теперь половине села кровник. Руки в ноги, и за забор, в озеро, а там уже наши его оприходовали. Вот и думает теперь, в крепость ему хода нет, забьют, возлюбленная в плену. Что делать — непонятно. А мы думаем, почему мужик нам продовольствие не носит, уже обед — а всё нет никого! Голова-то, оказывается, помер!

— Эй! В крепости! Вы там как, созрели? — я опять начал переговоры.

— Да что тебе надо-то!? — теперь говорил другой голос, я так понял, сын того старейшины.

— Да ты все неси, я выберу, — подначил я голос за стеной, — где предыдущий «переговорщик»?

— Умер отец, — после недолгой заминки послышалось из-за стены.

— И что, прямо сам умер? — надо «провентилировать» обстановку.

Пауза перед ответом затянулась сильно, куда там Станиславскому.

— Сам, — наконец, отозвался голос, — старый уже был…

— Сам, значит… — сказал я уже потише, — Так что там с

платой?

— Будет скоро, — обречённо промолвил голос.

Корелы из крепости начали разбирать завал в воротах, но аккуратно, чтобы мы не смогли влететь верхом в село. Из него показалась маленькая лошадка с телегой. На телеге — куча всякого барахла навалена. Судя по тому, что я знаю, это «заначку» деда вывели. Перун тебя задери! Вот что за дела! При разборе барахла пришло на ум только одно. Люди старые, бывает, мусов всякий домой тянут, нарушения у них в психике. Так вот такой же хлам и тут скопил этот маразматик. Какие-то железяки, медь, камни, ткани прогнившие, меха, потерявшие товарный вид. Поделили кучу — десятая часть ещё куда ни шло, там серебро да шкурки неплохие, остальное хлам. Надо теперь решение принимать, сомневаюсь, что у них ещё что-то стоящее есть. Но стоит уточнить, позвали пленного вояку. Тот подтвердил, что это заначка деда, и такое рассказал, что волосы зашевелились. Этот старый маразматик продовольствие нам даже не из своих погребов доставал, а с людей собрал, тут чуть не половина запасов всех жителей крепости! Всем лапшу на уши навешал, что, мол, с других селищ соберём на зиму. И это он делал, чтобы мусор этот нам не отдавать!? Да этому парнишке памятник надо ставить, за избавление корелов от маразма!

— Эй! В крепости! Слушай меня, я вот эти меха возьму, остальное барахло твоё забирай, нечего тут брать. И ещё, по слову отца твоего, девок возьму. Точнее, одну. Вот эту, — указал на кусачую мелкую, — считай, в расчёте будем. Только вот с клятвой решить надо. Выходи, документ подписывать станем…

Вот сейчас и решится, насколько сын достоин своего отца, в плохом смысле этого слова. Если тоже трус да Плюшкин, не выйдет, а если нормальный мужик, то появиться, за общество пострадает. Новый глава посёлка не подвёл, перебрался сквозь вновь установленную баррикаду, и осторожно направился ко мне. По кивкам наших пленных я понял, что это тот, кого мы ждём.

— Здорово, боец. Как звать? — последовало непереводимое корельское имя, — Будешь Игорем, я по вашему плохо имена запоминаю. Вот тут написано, что ты, перед богами и людьми, клянёшься…

Я прочитал документ. Там обычная такая клятва, по которой подписавший её обязуется людей корельских, что нам должны, не прижимать, злобы не таить, месть не замышлять. В том свидетели боги и предки, ну а если нарушишь данное слово — то пеняй на себя… Игорь кочевряжиться не стал, уколол ножом палец, поставил кровавый отпечаток. Я — печать и подпись, да под его удивлённым взглядом тряпочкой со спиртом ему палец протёр.

Игорь выжидает теперь, мой ход.

— Все, ребята, сворачиваемся! Операция «Осада» окончена, — лагерь закипел.

Мужики первым делом сняли внешнее ограждение, сложили «колючку», потом — дальние посты свернулись, привезли пулемёты, сняли «сигналки». Лодка прибыла, начали её разбирать, под удивлённым взглядом Игоря. Ещё бы, она-то металлическая! Час на сборы, палатки собраны, все упаковано. Теперь пленные, настала их пора. По одному, под роспись об отсутствии претензий, освобождали людей, ставили их в строй под присмотром стрелков. Всех в кучку поставили — собрали и «концлагерь». Теперь мы готовы выдвигаться.

— Продукты занеси, испортятся, — я отдавал руководящие указания Игорю, тот стоял и кивал, — Сено мы вам собрали, да и дрова тоже, работы теперь меньше. Про те три села забудь пока. Твой отец их защищать не стал, хотя и обязан был, раз дань брал. Мыта же с них, пока они мне долги не отдадут, не вздумай брать, ты клятву в том давал. Вот тебе копия договора аренды, который мы с ними заключали, из-за него я пришёл. Мой то инструмент, я его в пользование дал. Потому и попали вы в этот переплёт, ну, в осаду, короче…

— А у нас из крепости… сбежал, — опять непроизносимое корельское имя, — если он на вас нападёт, то не наша вина, вы его невесту с собой берёте.

Игорь сразу открестился от парня. Это хорошо, мы парнишку тоже решили с собой забрать, от греха подальше.

— За то не переживай, — на автомате сказал я, — мы домой, не вздумай преследовать.

— А чего не переживать? — набычился Игорь, — Вы его нашли уже?

— Э-э-э, — как же я всё-таки бездарно «спалился», — а что если и так?

— Поговорить надо, по-свойски, — Игорь насупился.

— А можешь и поговорить, мы его тоже с собой возьмём, как дань.

И вот тут Игорька-то и заклинило! По законам кровной мести он должен бы прибить обидчика, или виру взять большую. А тут получается, что этот — пленник моё имущество, как его теперь примучивать до смерти? Эдак я опять осаду устрою, кому ж такое понравится? Разъяснил на этот счёт Игорю. Да, приду и бить больно буду. Потому считай, что жизнь свою мне отдал беглец твой, и возможности самостоятельно распоряжаться ей лишился. Знать, и мести быть не может, заплатил он уже достойную цену. Новый глава посёлка кочевряжиться не стал, согласился с такой

постановкой вопроса.

Наша же колонна потихоньку уходила в лес. Обернувшись напоследок, увидел, как под руководством Игоря народ затаскивал продукты и сено в крепость. Ну, вроде всё к всеобщему удовольствию разрешили…

— Правда, кусачая? — обратился я к грузу, девушка связанная лежала на Вороне, парень её — на коне Толика, он ему что-то втирал.

Девчушка не поняла меня, только смотрит печально. Ну ладно, первая, что ли, кто так печально смотрит? Вон, корелы-рыбаки, Толика односельчане, тоже плакались, но теперь-то всё в порядке. Приведём, в зависимость посадим, пока хоть языку не научатся, а потом и в крепостные можно определить. С такими мыслями я и дошёл до деревеньки Феди. А там…

Началось всё со странных следов на тропинке. То есть они вполне себе нормальные, от трактора нашего, но тут-то им что делать!? Дальше — больше. Не успели дойти до Феди, услышали гудок паровой. Вышли — а в селе дурдом натуральный. Наш базовый лагерь, пространство расчищенное на окраине села, должен быть пустой! А там жизнь кипит, два трактора гарцуют вдоль села с деревьями пиленными. Обогнули деревню, дома буквой «П» стоят, внутри — толпа наших, включая мою супругу и Ладу. Зоря ходит с Федей, который в наш камуфляж наряжен, и стопкой бумаг. У корела вид неприкаянный, такое ощущение, что ему уже всё до лампочки. Лада что-то вещает корельским женщинам. С детьми суетится Роза, с санитарной сумкой на боку.

— Народ, что происходит, — крикнул я, меня не слышат, сложил руки в рупор, гаркнул со всей мощи, — Граждане! Чего за дела!

Все село замерло, повернулось ко мне.

— О! Государь пришёл! А мы вас позже ждали, — выдала Лада, и опять начала заниматься своими делами.

Оцепенение у людей прошло, опять все загомонили. Разве что моя супруга с Федей подошли ко мне. Зоряна — с претензией:

— Это что за баба? — подозрительно так сказала жена, ткнув в кусачую мелкую, что лежала на Вороне.

И это вместо «здрасьте» мужу, который, между прочим, из боевого похода вернулся!

— Это зависимые новые, вон ещё один, муж её будущий, лежит, — пленные корелы отчаянно вертели головами, в попытках понять, что вокруг творится. Да и мне очень интересно это.

— Жёнушка моя, любимая… Может, хоть кто-нибудь соблаговолит посвятить Государя в происходящее! Кстати,

здорова, Федя.

— Давай к лагерю нашему, да помойся, а то потом провонял весь, там и расскажу все, — ответила мне супруга и повела нашу колонну в лагерь.

До полуночи длился рассказ. Я то плакал, то смеялся, то откровенно радовался характеру своих сограждан. Всему началом была моя записка…

В Москву донесение передали световым телеграфом, он не секретное. Реакция на написанное была своеобразная. Хочет Государь оказать помощь корелам, причём отдельно приписано — вгоняйте их в долги, не стесняйтесь. Святослав собрал народ, стали думать. В процессе обсуждения решили рассмотреть вопрос чуть шире — чего Серёга от корелов этих добивается? Просто так продуктов подкинуть это, конечно, можно, долги-то с трупов не возьмёшь, надо поддержать. Но что дальше? И мой коллектив дошёл до того, что хочет Государь новых людей под руку Москвы взять. За меня, главное, додумали, целую теорию подвели под это. Она гласила о том, что отряд Московский пошёл войной на корельского голову, увидел, что власть его ослабла и можно пару деревенек урвать, и решил действовать. Однако не раз уже обсуждали то, что корелов мы защитить не можем, далеко они. Потому хочет Серёга некую новую форму гражданства придумать, данников создать, относительно которых у нас прав и обязанностей поменьше. Потому и просит вогнать Федю со товарищи в долги. Устроили мои родичи мозговой штурм и наметили некий план. Правда, пришлось его отдельно доносить до наших граждан. Это взяла на себя Лада. Она устроила по утру натуральный митинг, на котором продвигала две идеи. Первая — о человеколюбии и инвестициях. Мол, сейчас поможем — дальше в прибытке останемся. Вторая о том, что Москва теперь границы расширяет, новых людей под себя берёт и это хорошо, вон, к детям-то корельским все уже привыкли, подружились, дык чего бы их родителей на нашу сторону не перетянуть? Работных людей больше станет — всем легче будет. И по словам Зоряны, так разошлась Лада на митинге том, что народ проникся, чуть не сам уже требовать начал выполнить волю Государя о помощи корелам наилучшим образом. Под это дело и добровольцы нашлись, и ресурсы, и время. Стали формировать караван, расписывать роли да делать документы — Зоряна на базе положения о крепостных сделала закон о данниках. Люди в таком статусе также были гражданами России. Защита их частично на Москву ложилась, правда, с большим лагом по времени. Но содержание, обеспечение жильём, инструментами и работой — это их самостоятельное дело. Леда добавила свою лепту в виде цен на

ресурсы и товары московские для таких людей, расценки на аренду техники и прочую помощь. Лада не осталась в стороне — оформляла караван, чтобы показать новым потенциальным гражданам «товар лицом», Москву в её самом лучшем виде. Ну, как она себе его представляла. Заняло это несколько дней, после чего колонна выдвинулась к болоту.

Федя сидел на берегу, ждал толику продуктов. А вместо этого припёрлась делегация, включая уже перечисленных девушек, Юрку, Горшка (!), других людей. Да ещё и с тракторами разобранными, с запасами грандиозными, плюс инструмент, плюс одежда, да кучу всего отправили. Но не просто так — в долг. Причём всё это могло быть отдано корелам только после подписания ряда о том, что они теперь данники Москвы. Пока Федя переваривал сказанное, лодки продолжали шнырять туда-сюда, вываливая новые продукты и товары на болотистый берег… Корел согласился, итак сумма, что я на них повесил, была не подъёмная, дык чего теперь стесняться? Да и угроза голода подействовала отрезвляюще, заставила склониться в сторону ухода под новую руку. Зоряна взяла корела в оборот, начала с ним подписывать документы. Федя все пальцы исколол, кровью всё подписывал. Пока это дело не увидела Роза, и не замотала ему бинтами все пальцы, он так до сих пор ходит, в назидательных целях фельдшер такое сделала. Придумали ему подпись лёгкую, из чёрточек — дело пошло веселее. В селе у Феди меж тем развернулась передовая база, уже не военная — производственно-гуманитарная, и склад небольшой. Двинулись по двум другим сёлам…

Корелы в других местах были в шоке, это если цензурно. Живут люди, на дворе век девятый, спокойно так, голодно, не без того, но все привычно и понятно. И тут в деревню вваливается агитбригада времён Гражданской войны в России двадцатого века. Три всадника, за ними два трактора с тележками, над тракторами — транспарант кумачовый с надписью полуметровыми буквами: «От граждан Москвы — данникам». Народ за дреколье схватился, думал, опять детей пришли брать. Лада на трактор, и с видом пламенной комсомолки, в зелёной бандане и камуфляже, давай им речугу толкать на момент того, что раз уж дела такие пошли с головой вашим, Москва корел под себя брать станет, чтобы голода они избежали да потом полноценными гражданами стали. По это дело и продукты на зиму выдадут, и инструмент, и товары — но в долг, и только тем, кто «крышу» поменяет. Народ окончательно окосел, к ним Федю отправили, разъяснить политику партии. Сгружали продовольствие, комплекты инструментов, сосновую ткань,

семена на посадку по весне, консервы. Тракторами напилили леса, обязав посадить соответствующее количество саженцев, людей на медосмотр отвели, самых сообразительных — к Горшку, он их учит минералы искать, разъясняя о финансовой пользе сбора образцов. Зоряна по юридической части, все под роспись, все грамотно оформлено. Корелы, наверно, отказались, или там противиться бы начали, но выручила фото новое с детьми их, что заложниками у нас были. Да ещё и стопка писем, суворовцев и воспитанниц своим родителям. Листочки покрыты крупными, печатными буквами, по три-четыре строчки всего, но корелы очень рады. Им Лада письма читала да на корельский переводила. Оттаял народ, пошумел, обсуждая новые возможности, но предложение наше по итогу принял.

Такая вот произошла смычка города и деревни у нас. Теперь на болоте пирс небольшой, для наших болотных лодок, да представительство города Москвы. За громким названием — крепкий бревенчатый сарай, за сохранность которого отвечает Федя. Эта постройка на тот случай, если ещё прийти придётся, чтобы на голой земле не спать больше. Сарай-то восемь на восемь метров, да с железной печкой и трубой, окна небольшие, решетчатые, со стёклами. Там и запасец небольшой, продукты да прочие необходимые вещи.

Судя по количеству привезённого барахла, Игорь дань с этих сел не возьмёт никогда. По крайней мере, не в этой жизни, они нам лет пятьдесят долги отдавать будут. Ну а там, я думаю, и забудет новый корельский голова об этих деревнях насовсем. Федя, с замотанными бинтами пальцами, слово фельдшера у нас закон, причитает потихоньку, про долг всё говорит. А ему в ответ, мол, сроков-то никто не ставит, проценты не идут, чего ты распереживался? Так и другие корелы, нервничали сначала, потом отошли. Теперь у нас Федино село — Заболотное зовётся, дальше ещё Лесное есть и Ручейное, в соответствии с местами расположения. О названии села стоит на въезде табличка. Прямоугольник такой деревянный, на столбах, там по-русски наименование населённого пункта, внизу — сумма долга Москве, справа — серп и молот, чтобы поползновений на наших данников не было. Так вот тихой сапой и подмяли под себя корелов, считай. Я все решения своего правительства поддержал, единственно, чуть в филологии поправил. Раз под данью ходят, пусть зовутся поданными. Зоряна оформила документы людям, тем пока паспортов не положено, только справка с фотографией.

Вот об этом мне и рассказывали мои сограждане половину ночи. А я ошалело слушал, удивлял гибкости мысли моих подопечных. На ночёвку мне палаты выделили, то самое

представительство Москвы, там и поспал всласть до позднего утра, с супругой под боком…

В Москву вернулись через четыре дня, дела закончили на этой стороне болота, пока переправились, пока верхом добрались, наконец, показался город. Над воротами восточными каменные буквы прикручены, в три строчки: «Москва. Россия. Год основания 855». Всё, теперь я дома…

Три дня выходных получили все участникам похода и гуманитарной операции. Теперь от дозорной башни к Заболотному ходит раз в три дня паром, болотная лодка. Федя докладывает о процессах, о жизни, вопросы задаёт да свои мысли предлагает. Он у нас теперь главный корел на три села, в должности бургомистра. Остальные — старейшины, в Лесном и Ручьевом определили наиболее уважаемых мужиков для выполнения обязанностей по сбору долга и дани в нашу пользу, да отчёты они же готовят. Федя к ним, те докладывают, потом нашему представителю на лодке, тот в дозорную крепость, а та уже световым телеграфом к нам. Процесс идёт, люди корельские отошли от налёта «агитбригады», засучили рукава, и принялись изо всех сил запасать ресурсы на зиму. В качестве дани у них только военный сбор, долг — отдельно счёт ведётся, из-за него дети-заложники у нас сидят. Причём шкурки меховые нам без надобности, корелов переориентировали на сбор геологических образцов, бобрят, заготовку золы.

Пленных двух корелов распределили по Москве. Если с девочкой все гладко прошло, ей шестнадцать, определили корелку в Смольный, то с парнем были затруднения. Нет у нас места для таких взрослых зависимых, а он ведь даже русского не знает, ну, словенского. Долго беседовали с ним, нашли, наконец, выход, пристроили его кем-то вроде воспитателя в Суворовское. Упор в беседах сделали на то, что там есть ребята корельские, они ему хоть переводить будут на привычный ему язык наши указания. Парень всё понял, он вообще-то себя рабом считает, не сопротивляется ничему. Главное — свидания с его возлюбленной разрешили, но от более интимного пока предостерегли. Освоятся чуть, в ЗАГСе оформим их мужем и женой, переселим в барак.

Начал разбираться с бумагами, их за время моего отсутствия много накопилось, нашёл письмо о Рюрика. Его передали с одним из экипажей, что забирали лодки, заказанные Новгородом. Князь весь в благодарностях, цацку, Орден Дружбы Народов, заценил, как и саму постановку вопроса. Между строчек читалось некоторое восхищение — и вроде послали его по известному адресу, но уважительно, красиво, даже не обидно было. Опять зовёт в боярство, но условия чуть другие. Мол, давайте разделим

территорию, на которой мы друг другу помощь оказывать будем, распишем кто как действует в случае опасности, куда войско московское собираться будет, если Новгород попросит, ну и про торговлю. Опять гнёт свою линию, пытается начать нас подминать под себя. Но именует уважительно, Государь-боярин, так понимать его каракули словенские можно. Ещё ему один орден выписать, что ли? Блин, такими темпами у меня фантазии не хватит отмазываться дальше.

Решил перевести стрелки, отписался ему, мол, обсуждаем мы, конечно столь щедрое предложение, спасибо, кстати, что условия наши прочитал, но тут ещё закавыка — лодки-то скоро все заберут у нас по твоему заказу. И как дальше торговать станем? Понятно, что Добролюб нам скотину пока приводит в счёт твоего оплаты заказа, но и в будущее глядеть надо. Мы люди гордые, на торг на общих основаниях лезть не станем. Сам-то как, князь разлюбезный, не хочешь у Москвы затариться по сходной цене? А то есть у нас пара предложений, но они будут озвучены только тогда, когда мир меж нами, дружба и любовь образуются, в чётко определённых границах. Как быть? Что с договором о дружбе и сотрудничестве, включая определение тех самых границ? А то время летит быстро, как бы не пришлось потом переписывать все бумажки наши, ряды новые заключать. Территория Москвы-то растёт, что делать станем, Рюрик? Написал это, задумался, и подошёл к карте России, начал разглядывать…

Наше государство сейчас представляет собой некий прямоугольник. На восток граница нашей деятельности идёт километрах в десяти от завода, на юг — Свирь ограничивает, на севере болото, и клинышек земли с тремя деревнями корелов. Они другим цветом на карте закрашены, вроде как подведомственные, но не принадлежащие окончательно государству территории. Лишь на западе все неизменно, берег озера. Пока. Ибо Лис с Ледой готовят план развития экономического и политического, культурного влияния на окрестности. Все опросные листы, как и отчёты вояк из похода, я заставил всех написать, передали им, они разрабатывают проект под кодовым названием «Плесень». Изначальный мой план распространения влияния на словенские земли претерпел некоторые изменения в сторону торговую — мы решили совместить распространение нашего образа жизни и те мысли о взаимовыгодной торговле, которые обсуждали с Лисом.

Анализ ресурсов, что могли поставлять нам крестьяне, показал, что в случае простого обмена нам придётся менять всяких хлам да продукты на вполне себе дельные вещи. Потоки товарные, взаимные, не срастались. А наслушавшись моих

рассуждений при выдачи инструмента Феде, Леда и Лис выдали новую идею. Мол, брать тем, что есть — это, конечно, здорово, однако бесполезно. А давайте чуть по другому сделаем. Определим те области хозяйства, в которых у нас дефицит ресурсов связан с недостатком людей, и отдадим их на «аутсорсинг». Вот так примерно получалось по их прикидкам. Вот нужна нам зола. Мы, конечно, сена для неё и сами заготовим, однако с этим есть некоторые трудности. Животина наша сейчас переводится на тот корм, что мы на полях выращиваем, и пускать его на золу не хочется. А косить по лугам трактором не очень удобно, мелкие трактора только использовать получается. Потому мы можем предложить в процессе торговли следующее. Заключим договор, по которому мы выдаём средства производство в аренду, ту же косу, а нам в ответ сена пусть отгружают. Понятное дело, и себе народ накосит тоже, но страшного тут ничего мы не видели. Ряд мы бы заключали на долгий срок, амортизация инструмента предполагалась по нему полная. Опрос людей, особенно пришлых, вроде гребцов новгородских да корел, новеньких крепостных, показал, что идея рабочая. Соответственно, топоры за дрова пойдут, пилы — за брёвна, тяпки да грабли — за выращивание нужных нам растений или сбор их по лесам, нам то без разницы, лишь бы объём нужный был, снасти за клей рыбный, и так далее. А вот дальше начиналось московское коварство…

Обменный курс, если так можно было выразиться, при такой торговле был приближен к местным, приладожским расценкам. Чтобы купить что-то именно для себя, не взять по договору аренды за поставляемое сырьё, а именно выбрать и получить что хочется, можно чуть превысить норму сдачи. Для сена — десять процентов, не более, мы бы сверху за московские рубли выкупали. Много так не заработаешь, максимум, на нож неплохой за год. Выход есть — поставлять нам продукцию более глубокой переработки. Вместо сена — золу, мы двадцать процентов от плана сверху выкупим. А поташ так вообще без ограничений примем за полновесный рубли. Однако, есть один момент — соблюдение качества продукта. И вот тут закавыка у наших торговых партнёров возникнет. Чтобы обеспечить выход полуфабрикатов и более переработанного сырья, им придётся взять в аренду ещё кой-какое наше оборудование. А работать на нём надо учиться! Это не бесплатно — коли хочешь зарабатывать, новый ряд заключается, на курсы повышения квалификации. За них платить надо или уже заработанными рублями, валютой московской, или брать в долг у нашей казны, а потом отрабатывать.

Обучение многоступенчатое, сперва вообще только грамота

предполагается, письмо и счёт, и пара полезных навыков в плане эксплуатации оборудования простейшего. Дальше — больше. И получаются такие себе производственные цепочки. Сено, курсы, зола, обучение, поташ, лекции, древесный уголь, что на сене пережигается, новое образование, дёготь, повышение квалификации, спирт и скипидар. И таких цепочек — штук тридцать уже разработали Леда и Лис. От глины — к кирпичам, от руды — к заготовкам железным, от травок лекарственных — до посадок картофеля. Каждый новый уровень предполагает расширение спектра товаров, которые могут приобретать за нашу валюту торговые партнёры. Вместе с этим есть другие способы подработать. Для крестьян — делиться собственным опытом и приносить образцы растений и минералов, глины да песка. Понятное дело, что это лотерея. Будет полезный выход — будет премия, ну а нет, так и денег нет. Отдельно были общественные работы на нашу пользу предполагаются, которые не по конкретным людям расписываются, а на всё село, там сами пусть прибыток делят. Пристань соорудили, чтобы нам проще было лодку торговую подгонять — получите, распишитесь. Временное жильё для московской торговой делегации — ещё бонус. Склад — в кармане монета звенит дополнительная. Тут тоже вариантов масса.

Схема получалась достаточно интересная. Сработает ли? Покажет время. Однако если мы добьёмся нужного эффекта, через пять-семь лет все наши торговые партнёры станут такие барыши от работы с нами получать, что любые поползновения в сторону атаки Москвы станут пресекаться на корню. Да и социальные изменения учесть стоит. Как показывает практика, люди, побывавшие в Москве несколько месяцев, начинают меняться, становятся больше похожими на нас. Вон, корабелы из Гребцов как отреагировали на наш город! Знать, и населением со временем мы прирастать станем, переезжать начнёт народ. И изменения в мозгах у людей как бы исподволь пойдут, как плесень будут разъедать существующие привычки и устои. Вместо просто соседей — сторонник Москвы появятся, а там и новые граждане и территории. Потому и план торговли так назвали — «Плесень». С этими мыслями я закончил разглядывать карту, дописал письмо Новгородскому князю, и сел за производственные отчёты.

Стройка города идёт своим чередом. Уже траншеи все вырыли для коммуникаций, и трубы прокладывают. Соорудили здание новой водокачки, рядом с деревянной крепостью. Если все пойдёт по плану, да погода не подгадит, на седьмое ноября будет у нас первый каменный дом. Остальные быстрее пойдут, под них

фундаменты заливают прямо сейчас. Дату, само собой, тоже не просто так выбрал, надо последний привычный праздник ввести, и можно чувствовать себя как там, в будущем. И оговорки мои, что постоянно в ступор вводят население, станут более понятными и не будут казаться шаманством и волховством. Праздник будет посвящён развитию общества, так и будет называться — Социалистическая революция. Ибо первым в новый дом, в учебном порядке, поселится не самый главный, не самый достойный, не самый сильный и богатый, а тупо первый по алфавиту. Ну такой вот переворот в мозгах устроим. Ну и ещё один сюрприз у меня есть, но то пока секрет…

До праздника Вселения, как его назвали в итоге все остальные, прогресс наметился только у фельдшеров. Пришла ко мне уставшая Смеяна, глаза красные, руки чуть трясутся.

— Сделали, дядя Сережа, получилось, — произнесла она, и чуть не заснула в актовом зале на столе.

— Потом, девонька моя, все потом, — замучилась, бедняжка, хоть и интересно мне, что сделали, но пока просто отнёс девочку в кровать, потом расскажет.

— Вы когда из похода вернулись, с коней все поснимали сушиться, дождь мелкий пошёл, — утром продолжила Смеяна, — я мимо проходила, наехала на мужиков, чтобы убрали, а то испортится. Там запах такой ещё стоял… затхлый, тухлый, водянистый, вообщем. Ну я образец взяла, перед тем как унесли, в бульон его, через неделю там что-то выросло. Я их по нашим всем методам прогнала, да давай на мышах пробовать. Жалко их, маленьких, намучились… Ну и получилось, что если ранки заразить на мышках землёй, а потом, когда сильно загноятся, вот этим составом протирать, гной прекращается.

— Да ты же моя умница! — я подхватил на руки падчерицу, чуть кипятком не обварился из опрокинутой кружки с отваром, закружил по комнате.

— Но-но! Ты мне теперь микроскоп должен, побольше и посильнее! Не отвертишься! — пальцем строго погрозила мне юная врачиха, а у самой в глазах смешинки.

— Ты по хранению, получению, форме что-то решила?

— Нет пока, думаем ещё. Порошок бы какой, да чтобы воду не тянул… — дальше уже дело техники, начало положено.

Вот так и встретили 7 Ноября. Дом мужики успели сделать, разве что по выходным за отгулы пришлось работать, наступив на собственные принципы, но то погода подвела. Стены пока кирпичом не обложены, бетонная такая коробка со стёклами, гаражом и мастерской в одном флаконе, два этажа вниз, один для хранения, другой — технический. Два — вверх, как давно ещё

задумывали. Только на чердак тоже лаз сделали, мансарда будет. Экспериментальная небольшая автоматическая установка обогревательная, привычные уже трубы отопления, большие двойные окна. Перекрытия из бруса, не стали городить огород с камнем да бетоном, внутри тоже деревом отделали. К празднику дом украсили, навешали бумажных фонариков да ткани красивой вокруг двери. Установили мебель — кухню, спальни, подобие дивана. Даже балкончик небольшой есть на втором этаже. Опять митинг, собралась вся Москва. Я влез на трибуну:

— Граждане! Товарищи! Сегодня мы делаем шаг в новую жизнь. Как я и обещал, новые жители войдут сегодня в первый каменный дом. А заселим мы его не Государем вашем, то есть мной, не семьёй его, не военными, не князьями и не купцами богатыми. Первым в доме будет неделю жить семья Абазовых. Знаете почему? Нет… А я скажу. Мы наше общество таким образом строим, что каждый у нас может всего добиться, все равны. Только должности всех разделяют, но то дело наживное! — смешки в толпе, начали хлопать по плечу мужика, что первым дослужился да руководителя фермы кроличьей, — И потому в новый дом заселим… Первую семью по алфавиту, как символ развития нашего общества и равенства всех друг перед другом.

Народ загомонил, обсуждая услышанное. А то уже смотрю косые взгляды на семейку Абазовых, мол, за что такая им честь выпала, не взятку ли дали?

— Общество то ещё иногда социумом называют. А такие вот резкие изменения — революцией…

— Так вроде не меняли ничего! — выкрикнули в толпе.

— Как не меняли? Меняли! Наши дома вы видели, мы, руководство ваше, лучше живём? Лучше, вы знаете, и я того скрывать не буду. А теперь Абазовы, выходит, ещё и краше нас жить станут! Вот тебе и революция! Великая Октябрьская Социалистическая Революция! И день этот теперь каждый год, — я выдержал паузу, дождался тишины, — я объявляю по всему государству выходным!

— Урра-а-а-а-а! — народ ликовал, выходные у нас любили.

— А почему Октябрьская? — крикнул кто-то из умников.

— Указ я больше недели назад подписал.

Ну да, слукавил, но им-то без разницы, а мне привычнее. Да и оговорок меньше будет, а то пару раз пришлось такие словесные кружева плести, чтобы не выдать своё происхождение, что я аж вспотел в процессе.

— И ещё одно скажу. Другой указ есть у меня. Он о том, что все долги, что у крепостных первых были, Москва прощает!

У меня от воплей чуть уши не заложило. Там-то и долга чуть осталось, зарабатывает народ хорошо, но сам факт был гражданам очень приятен. Да и новые крепостные, из числа бывших жителей Гребцов, тоже радуются. Раз их соседи смогли из долгов выпутаться, знать, и они сдюжат. Когда крики радости закончились, я обратился к новым жильцам:

— Чего стоишь, глава семейства? Режь ленточку, веди жену да детей в дом! — мужик, красный весь, стесняется, под одобрительные крики толпы разрезал ножницами ленту, спрятал её бережливо в карман, спросил глазами у меня разрешения и открыл дверь…

А оттуда — шарики! Простые надувные шарики! Мы пожертвовали часть посадок куста-Бер-Скелета на такое дело, сделали пять штук да надули их водородом у деда в лаборатории. Получилось не очень, они напальчники надутые напоминают да рвутся часто, нитки пришлось в резину при выварке добавлять. Но и те пять неказистых шариков, что рванули вверх, изумили наш народ. Мелкий Абазов, лет пять пацану, поймал один и весело засмеялся. Сжал чуть сильнее… Бах! Лопнул шарик. Обидно мальчику, но всем уже не до того — народ гомонит, ждёт очереди на экскурсию в новый дом. Хороший вышел праздник, правда, названия два остались. Официальное, моё, и народное — День Заселения. Ну да Перун с ним, страшного я в этом ничего не видел.

Абазовы пока не живут полноценно в доме — испытывают его. В каждой комнате журнал, в него надо записи вносить, где что подправить, как улучшить, чего убрать, а что — добавить. Особенно я про отопление беспокоился, поэтому в нагрузку у них ещё и дежурный есть, посменный, который только за этой системой и следит. Стены каменные, где деревом не отделали, конечно, сразу забраковали, неуютно. Зато кухонный уголок порадовал, как и печка. Ну и места много — сто пятьдесят квадратов на два этажа, не считая гаража-мастерской, подвала, котельной! К новой постройке теперь периодически ездит трактор с катышками торфяными, окна нараспашку, мы хотим максимально нагрузить отопительную систему. Ну и систему загрузки проверить. Засада с санузлом — пока не готовы очистные новые, большие, канализация что называется «местная», бочка в подвале. Её трактором вынимать приходится, руками не подымешь, в гараже для того люк есть. Водопровод пока тоже по временной схеме, водокачку большую ждём. Но народ это все не смущает, все радуются да пытаются понять, кто следующий на заселение.

До Нового года и прогоняли народ через свежепостроенные

дома. Их уже под десяток возвели, исключительно для тестов. Ещё штук двадцать готовы, но без окон стоят и внутренних систем. Да и другие корпуса подрастают. Самым забавным в этом всем было возвращение «испытателей» в бараки, на время устранение замечаний в каменном жилище. Народ в квартиры свои вернётся, начинает скулить, мол, долго ли? А то вон жена уже и занавески заказала в ателье, да и дети комнаты делят, с драками и слезами. Ты, мол, Государь, сильно-то не доводи до совершенства, дай и нам к жилищу руку приложить. Я бы никогда в такое не поверил, если бы они мне сами такое не говорили, а некоторые, особо грамотные, рапорты мне писали! Но доделать надо — народ не совсем понимает мощности нашего малого бизнеса, артелей то есть. Если сейчас им дать дома, занавеску крайний получит только к лету. Обиды будут, злоба да стенания. Вот и гнул я упорно свою линию на полную комплектацию казённым барахлом. Потом уже делайте, что хотите. Разве что разрешил по выходным помогать во внутренне отделке да переносить вещи.

Дома уже распределили, не без боя конечно, но сильно недовольных не было. Первыми выбрали себе мужики, с которыми я тестовую стену делал. Мой же домик получился через дорогу от будущей администрации, наискосок от Суворовского училища, в северной части восточного крыла. Мне так проще будет на работу ходить, да и место поспокойнее. Я в доделке своего дома не участвовал, ибо там такая непролазная сейчас грязь, что лучше подождать асфальт… Ну или что-то вроде того. На асфальт пошёл шлак, малость переработанный, от производства чугуна. Дед со своими химиками сказал, что из него только стройматериалы. Врачи добавили — нужно испытать на момент использования в жилом строительстве. Опробовали на мышках. Бедные грызуны жили в каменных домиках, построенных из шлакоблоков небольших. Да ещё и врачи стены в домах трут, пылят намеренно. Потом — жертва на благо науки, мышь на вскрытие, определяют вред от шлака того. Такое уже давно происходит, но результат столько сейчас появился. Понятно, правда, было, что ничего не понятно, но лучше не рисковать. А вот в дорожное покрытие добавлять — всегда пожалуйста! Вот и старались у нас, делали плитку из шлака да экспериментировали с заливными смесями. Проблема с битумом, иначе бы везде уже асфальт бы запроектировали. Ну а так дорога будет из довольно толстых шлакоблоков, вроде тротуарной плитки.

Новый год встретили традиционно весело. Праздник, Ёлка, дети, представления у Держислава. Поздним утром первого января мы вступили в новый, 867 год, ибо раньше десяти никто

не проснулся. Этот праздник был без «гостей», никто не нападал и не грозился нас прибить. Разве что одинокий всадник к вечеру принёс письмо от Рюрика…

3. Москва. Год 867

Я изучал послание князя Новгородского. Оно было пространным, воды очень много и отвлечённых рассуждений. Про границы вскользь только чуть, мол, надо бы и впрямь решить вопрос. А торговля — это хорошо, говорил князь. Но что есть деньги, писал мне Рюрик, и как в презренном металле измерить отношение хорошее да дружбу верную? И как воинскую доблесть оценить в серебре? Власть, она ведь сакральная, как тут такую мистическую сущность сводить к скупому бухгалтерскому подходу? И почему казна должна определять статус человека, его помыслы, личность… Судя по всему, денег у Рюрика тупо нет, я так из его письма понял. Потому и про торговлю между Новгородом и Москвой князь пока не хочет ничего решать. Обрастёт серебром, тогда и думать станет. Посмотрел на Вольгу, он письмо доставил:

— Что, совсем плохо у князя в Новгороде? Казна пуста?

— Ну… Вот если подумать, да ещё по весне… — замялся Вольга, — Не совсем так, купцы…

— Короче, Вольга, говори как есть.

— Рюрик сказал, купцы его прижимают, вот и не дают дружину большую создать, — наконец разродился внятным комментарием вояка.

— Денег нет, но вы держитесь, одним словом, — прокомментировал в свою очередь я, — а я думаю, чего он кочевряжется? Теперь давай с подробностями.

Они были следующими. За время, что Рюрик провёл на престоле Новгорода он разобрался с соратниками, путём рассылки их по городам на кормление, как с Синеусом и Трувором, да отправил наиболее буйных в поход на юг, в сторону Византии. Туда пошли Аскольд и Дир. Это вызвало некоторые брожения в Новгороде. Ослабшее войско новоявленного князя натурально атаковали среди ночи. К чести Рюрика, он это нападение отбил, наказал врагов малость, расквитался с подстрекателями. Однако атаковали его в основном наёмники, чётких доказательств причастности крупных торговцев, что имели большую силу в Новгороде, князь не имел. Потому и прибить основных зачинщиком не смог, так, с «шестёрками» их расквитался и всё. Купцы, малость притихшие после битвы, решили вернуть часть власти другим путём. Подход выбрали вполне себе олигархический, подстрекали людей на волнения, отказывались платить дополнительные сборы на набор войска. У Трувора и Синеуса ещё веселее, их местная торговая братия тупо

поит, баб подкладывает, и вообще держит за свадебных генералов. Они и рады, сидят, бухают да девок портят, ответственности никакой, налогов в Новгород, соответственно — тоже, так как на кормлении сидят. Купцам радость, часть людей из дружин княжеской «братвы» себе переманили, часть спаивают вместе с варягами, часть по другим населённым пунктам рассосалась. Вот и получилось у Рюрика, что набранных да отправленных к нам вояк, все пять тысяч на сто лодок, ему содержать удаётся, вместе с ещё таким же количеством своей старой, опытной дружины, а больше купцы не дают, опасаются за свои привилегии да прибыли, не хотят усиления княжеской власти.

Западый торговый маршрут, по Двине, почти перекрыт под давлением местных племён да союзов, да не без помощи местных купцов. Они с того мзду имеют, не пуская новгородцев и самостоятельно осваивают торговый путь. Трувор ничего сделать не может, ибо пьян чуть не каждый день, да и дружина его сильно поредела, дела ему до Новгорода, почитай, нет. Восточный маршрут, который волоками на Волгу выходит, менее удобный, но там тоже не всё гладко. Синеус под влияние местной знати попал, женился по расчёту, под себя гребёт, и на Рюрика все меньше оглядывается, по слухам, свой стол княжеский основать хочет. Купцы с Волхова же с одной стороны требуют, чтобы их князь им преференции выторговал, с другой войско не дают содержать большое, мол, прибыли-то нет, вот и войска нет. А с третьей им проще лишнюю дань платить местным князькам, чем усиливать собственного руководителя. А то ведь так и до «равноудаления олигархов от власти» дожить можно, если Рюрик больше власти возьмёт.

Попал варяг, одним словом, как кур в ощип. Сидит в городе, рыпнуться никуда не может, ни в право, ни в лево. Занять денег на войско доброе можно только у купцов тех же, да тогда в такую зависимость Рюрик попадёт, что от княжеской власти только название останется. А сейчас его войско позволяет сидеть в Новгороде безопасно, да и всё. На текущий момент там три группировки, причём по силе мало уступающие Рюрику. А если парочка из них объединится, так и превосходящие. Князь то одних, то других умасливает, союзников ищет, так и живут в ожидании гражданской войны. Такое вот достаточно устойчивое равновесие. И купцы взять власть не могут, и Рюрик до конца их под себя подмять — тоже.

Это всё Вольга мне не говорил прямо, а просто рассказывал, как сам понимал. Я уже выводы такие самостоятельно сделал, привлекая в качестве экспертов своё Правительство. И думали мы

уже вместе, что дальше делать. Забавно, но в этой весьма непростой ситуации Москва могла оказаться той силой, что в состоянии разрушить весь расклад в Новгороде. Ведь я Рюрика в письмах подводил к идее государственной монополии на сбыт дорогих московских товаров, а это могло поменять абсолютно всё! Ежели мы правильно понимаем особенности современной политики и торговли, то продажа через князя московских товаров из высокой ценовой категории позволит серьёзно пополнить последнему казну. А это — новая дружина и ослабление купцов. И власть Рюрика станет крепче, проще будет тому гнуть под себя торговцев. Нам с того свой плюс — мои крупицы знаний из будущего ещё будут актуальны, если Рюрик на престоле усидит. Контакт с ним налажен, не конфликтуем, а так гляди и союз нормальный заключим, равноправный. Да и прибыли княжеские тут в копилку пойдут — я искренне надеюсь, что у князя хватит ума не резать курицу, несущую золотые яйца. Тем более, что по словам Вольги, Олег Рюрика малость напугал нашими военными возможностями, не станет он кидаться, сломя голову, под стены Москвы с дружиной. Ну а к тому моменту как созреет, и мы усилимся. И дальше так же пойдёт. Как только Новгород силу новую получит — мы сильнее становимся, в том числе из-за торговли с Рюриком. Вот такого равновесия стоит добиться.

С содержанием наших действий мы определились — мы усиливаем Рюрика и ослабляем его «оппозицию». Приступили к обсуждению формы. Просто в письмах такое дело не провернуть. Ну назначит Рюрик купцов доверенных своими представителями в Москве, дык и остальные сунуться. А нам оно надо? Отваживать толпы желающих коммерции, с учётом того, что половина из них с силой воинской придёт переговоры торговые переводить — не самое большое удовольствие. Выходит, надо нам самим сходить на Волхов. Там показать свои отношения с Рюриком, заключить прилюдно договор, причём так, чтобы все услышали одну простую вещь — это Москва не хочет видеть у себя тех купцов, которые разрешения от князя не имеют. Мол, мы люди серьёзные, с шантрапой всякой якшаться не станем. Нам только князя в партнёры подавай. С этим все согласились тоже. Преступили к конкретике, план реализации этого международного проекта набрасывать стали.

Долго рассказывал про своё видение процесса. Моя речь сводилась к тому, что Новгород надо удивить, причём до «эффекта Златобора». Ну навроде того, что стоит дружина, рыл в пятьсот, орет, мечами машет, а ей на встречу выезжает танковая рота, такая аналогия примерно. Под это дело неделю собирали мысли от каждого, кто был в курсе ситуации. Про танковую роту

народ, кстати, тоже предложил. Мол, давайте приедем, уконтропупим пулемётам человек пятьсот-семьсот из дружин купеческих, и невинно так поинтересуемся, мол, кто из вас Рюрик, нам бы поговорить. Такое отмёл сразу, дальше расчёты строились, в основном, на психологии. Надо поразить, удивить, впечатлить, напустить дыму, решить свои вопросы и свалить восвояси, под удивлённые взгляды хроноаборигенов.

Ещё неделю оттачивали решения. Тут уже все поучаствовали, даже Жуляна с девочками из «Салона». Кнут, наконец-то, получил возможность реализовать свои задумки, Кукша — свои. Да и остальные получили разные задания, хитрые да сложные. Особенно Буревой и Обеслав встряли — на этих двух было создание огнестрельного оружия.

Селитра есть, серы дед тоже получил при пережоге руды болотной, угля древесного — завались. Надо делать порох. Зачем? А не хочется мне отпускать своих людей в Новгород без каких-либо гарантий их безопасности. С винтовкой пневматической особо не развернёшься, да и баллоннами обвешанным ходить не хотелось. А вот пару гранат за пазухой и револьвер — милое дело. Компактнее, запас боеприпасов больше, в сравнении с пневматическим магазином, легче, скрытнее. Тем более, что я в посольство не вхожу — мне не по статусу гонять туда-сюда как какой-нибудь князёк местный.

Сам взял у деда сырья, сам сделал некую смесь, пыль така чёрная получилась. Забил ей плотно скрученный цилиндр бумажный, оснастил фитилём и повёл деда в лес. Рвануло неплохо, хоть и хуже, чем я ожидал, да дыма много. Дед проникся:

— И чего оно? Воздуха не закачивали, подожгли, разве что. Дым, что ли внутри скопился? — дед пытался притянуть за уши увиденное к имеющимися у него знаниями.

— Нет, Буревой, там чуть сложнее. Вот такая пыль чёрная, она порох зовётся, она когда горит, а делает это она очень быстро, превращается в дым. Если быстро вспыхнет, газа много, он на стенки резко давит, вот и получается взрыв. Ну, вот тот хлопок. Как котёл с паром перегретым.

— И что с этим делать предлагаешь?

Я изложил мысль о личном оружии, запасе патронов, компактности и прочему. Дед почесал бороду, давно он так не делал, задумался:

— Значит, не надо воздух внутрь нагнетать, сразу патрон тот берёшь и стреляешь. Только вот поджигать надо как-то…

— У нас гремучую ртуть, вроде, использовали. Ну, из ртути делали капсюли такие маленькие, по ним бьёшь — они искру

большую дают, та порох поджигает. В тонкий медный стаканчик её, запаянный, да и били потом бойком в винтовке, — вот вроде и всё, что я мог сказать деду про химию для «огнестрела».

Обидно, конечно. Механику оружия стрелкового я теоретически знал неплохо, книжки в детстве попадались нужные, и интерес был. А вот с химией для всего этого дела просто швах.

— Надо тогда ртуть ту взять где-то. Как она выглядит хоть?

— Металл, который при обычных условиях жидкий. Блестящие такие лужицы из него получаются, если сильно не охлаждать. И вредная очень, даже в микроскопических количествах.

— Жидкомет что ли? — выдал с сомнением дед.

— Чего!? — я такого от деда не слышал.

— Ну, жидкомет, химики наши так прозвали. Там минерал есть один, из него краску красную получаем, ей знамёна красим. Его обрабатывали да получили эти твои лужицы. Текут, зараза, не соберёшь. Мышам дали — те подохли. Вот это, наверно, твоя ртуть и есть.

— Сами хоть не отравились?

— Обижаешь, — дед наехал на меня, — у меня в лаборатории только в противогазе да в защите все работают.

— Пойдём тогда смотреть, что там за жидкомет…

Состав для капсюля найти с налёта не получилось. Непонятно, что там кроме ртути да и как получать. Поэтому, чтобы не терять время, Обеслав изобретает снаряжаемый патрон с поджигом из кремния и железа. Такой цилиндрик, вроде охотничьего боеприпаса, но в той части, где должен быть капсюль, хитрый механизм из пружинки, кремния, железной гребенки. И шток наружу торчит. Бьёшь по штоку — искры сыпятся из патрончика. Долго оттачивали получение искр, на кудели пропитанной экспериментировали, её заталкивали внутрь и поджигали при помощи удара. Пока осечки не снизились до одной на двадцать ударов, меняли конструкцию.

А вот с порохом наоборот — преуспели. Причём уже давно, как оказалось. У Буревоя куча опытов с кислотой азотной проводилось, и результаты их уже использовались. Например, в осветительных ракетах. После демонстрации чёрного пороха, дед посадил учеников своих тупо все полученные вещества прогонять через микроскопическую мортирку. Мол, раз газы расширяющиеся давят сильно, то какая разница, откуда их брать? Может, и с уже существующими реактивами что выйдет. Так как желающих поработать в дедовой лаборатории хватало, пацаны-школьники любили опыты, интересно было, то через пару недель

мне принесли новый порох. Если кратко, то делали его из основы для бумаги и «фотографической кислоты», как называли смесь для получения фотоэмульсии из серебра. Новое вещество вполне себе взрывалось, если его нужным образом сформовать. Причём эффект был чуть не в три раза сильнее, чем от предложенной мной. А сверху этого длинный список того, что после обработки азотной кислоты в том или ином виде, превращалось в нечто взрывающееся и горящее. Если кратко — практически всё. И половина из этого — сама собой, без всяких видимых причин.

Из-за этого все эксперименты с этой кислотой стали проводиться в особом режиме, крайне аккуратно и секретно. Я же выдал премию всем химикам небольшую, да запретил впредь деду с детьми практиковать оружейны опыты. Откровенно страшно было, вдруг разболтают кому в последствии о процессе получения столь опасного вещества? В нашей секретной лаборатории с электроустановками теперь добавилось новое направление — пороховое. И работали там я да Игнатьевы, не стали рисковать.

Кнут бегает за мной с другой задачей. Надо ему сделать яхту. Парусно-винтовую, на паровом двигателе, да ещё и с жидким и твёрдым котлом одновременно. Причём яхта торгово-боевая, и размер соответствующий. Плюс технологии военные, те что на БТРе использовали — валы прочнее да точнее, подшипники. Трюм нужен достаточно вместительный, да и комфорт немаловажен, каюты будут для посольства.

* * *

За Кнутом и мной гоняется Кукша. Этот просит хоть примерно башни пулемётные, что стоять на яхте будут, описать, для подготовки персонала. По этому же поводу, гоняется за нами Жуляна. Кстати, самая сложная часть плана была — выбор послов. Железо да техника дело десятое, а вот люди — это самое главное. Ибо по итогу недельного «мозгового штурма» посольство превратилось в грандиозную провокацию для местных жителей. Потому что основная «ударная сила» дипломатической миссии — это наши девушки. Вот и бегает бизнес-вумен за мной, пытается поточнее реализовать мою задумку.

Как ошеломить, удивить и оставить с открытыми ртами новгородцев? Мечи булатные, хоть и редкость, но попадаются, мало интереса. Войско большое — так мы не наберём столько, чтобы напугать словен. Лодка под паром тоже не годится, это только мы знаем, что там внутри, а остальные посмотрят, да и забудут про судно хитрое. Так на Ладоге было после разгрома данов, на полгода слухов только хватило про тримаран наш, а потом уже и никто не вспоминал. Одежда странная не подходит, на торговых путях такое порой встречается, что диву даёшься, как он живут в таких шмотках. Поэтому и наш приход должен быть кричащий, яркий, ломающий стереотипы, и главное — запомниться на долго. Запомниться, и заставить задуматься, что это за люди? Чем живут? Кто за ними? Какой силой обладают? Странное пугает, требует информации. Нам это в плюс, пусть дольше головы ломают, меньше «гостей» придёт, чей прах потом развеивать надо будет на озере.

Вот из этих соображение мы и сформировали посольство. По нашим расчётам, к Новгороду должна прибыть крутая, невиданная доселе, белоснежная яхта. На ней — посольство да охрана из десятка человек, хорошо вооружённых и экипированных. В состав дипломатов пока входят Влас с Магдой, это наша рыжая из Смольного, та, что Вольге в душу запала, Юра с Ладой да Лис с ещё одной воспитанницей Смольного. Самая главная в посольстве — Магда, она числится именно послом. Влас вроде как при ней, атташе военный, Лис — по торговой и промышленной части, Юра и Лада — по общественной. Такой состав участников не случайный. Магда выглядит красивой, а значит, глупой барышней. Однако ей уже восемнадцать по лету будет, и мозгов и хитрости, вкупе с жестокостью и расчётливостью — не занимать. Будет привлекать к себе

внимание тех, кто падок на яркое да блестящее. Влас — для тех кто поумнее, он сдержанный, более молчаливый и достаточно умный, чтобы разбираться в людях, набрался опыта. Вторая воспитанница призвана отсекать внимание людей ненужных, на это её натаскивать будем. Лис же в курсе всех дел торговых в Новгороде, не зря на Ладоге служил.

Такая процессия, да ещё и одетая в соответствии с нашими протоколами встреч на официальном уровне, которые как раз Жуляна разрабатывает, плюс револьверы, товар хитрый, и пир, который они там закатить должны… Всё это если уже не введёт в ступор местное население, то ошеломит надолго. Причём всё в деловом ручье, у них дней пять-семь всего на посольство будет. Приехали, подогнали яхту так, чтобы все видели, с шумом и гамом вышли, встретились с Рюриком, провели встречи необходимые, подписали документы, пьянка, салют, и домой в темпе вальса. Главное — оставить после себя такое «послевкусие», которое долго ещё будет будоражить умы новгородских людей разных статусов. Поэтому и действовать мы будем на четырёх уровнях.

Первый уровень насквозь официальный — князь, представители купечества, документы, речи, печати и подписи, подарки официальные, от нашего государства княжеству. Второй уровень — это работа с элитой, с купцами лично. Если быть до конца точным, то не с самим купцами, а с их жёнами и дочерьми, ибо Жуляна нам рассказала про их нравы, образ жизни, отношения в семьях. Для этого у нас зеркала, косметика, украшения, фотографии. Кто же из женского «контингента» не захочет себе фотокарточку иметь, на годы запечатлеть молодость свою да красоту неописуемую? Кто не захочет вместо кривого да косого зеркальца, в половину ладошки размером, или хуже того, медного листа отполированного, иметь ростовое да ровное? Кто не захочет вместо белил свинцовых пудру наши цинковую, безопасную да красивую? А ночная кукшка, как известно, дневную всегда перекукует. И захочет купец каверзу в отношении нас задумать, но не сможет — бабы его за отсутствие женских товаров заживо съест. А чтобы их достать, придётся дядьке-олигарху идти на поклон к Рюрику, через него сбыт барахла из Москвы пойдёт. Ну а если силой взять попробует — его другие, не столь резвые купцы заживо съедят, тех-то тоже жёны терзать станут. Такой вот расчёт.

Третий слой — это работа с местным населением. Точнее, с крестьянами, что на торг товары везут. Нам нужны самые простые, продукты да ткани, живность да воск, мёд да поделки, дрова. Этим будут заниматься Лис и часть охраны, там половина

из ГБ. Задача тоже простая, надо внести некоторую смуту в голову крестьян окрестных, демпинговать в части промышленных товаров. Заложить мысль о том, что как увидишь серп и молот в звезде на красном флаге — знать, выгодная торговля будет. Потом нам же легче будет при реализации «Плесени», когда уже сложится мнение да слухи пойдут.

Юра с Ладой должны поводить жалом на момент вербовки народа. Чем живут, чем дышат, чего хотят, о чем мечтают. Уж очень хорошо у нашей Лады получилось с корелами, прямо комсомолка пламенная, потому и отрядили их. Это будет четвёртый слой работы с Новгородом.

Неделя мне ещё понадобилась на определение сроков готовности всего задуманного для посольства. Получается, что к сентябрю, с небольшим запасом, мы всё успеем. Ну, это если не случится непредвиденных событий. Поэтому как только планы были составлены, утверждены, согласованы, мы вызвали Вольгу в актовый зал. Ему выпала честь участвовать в первой официальной церемонии Москвы в части дел международных. В помещении мебель переставили, сделали некое подобие приёмной царя из «Иван Васильевич меняет профессию», красиво все украсили, подготовили разную мелочь для официоза.

Вольга и так сидит уже долго, переживает, волнуется за ответ мой для Рюрика, а тут ещё и просят привести себя в максимально красивый вид для участия в церемонии. Привели его к актовому залу, внутри я, на стуле, тот на ящиках стоит, красной тряпкой отделан. За мной — флаг, государственный штандарт с гербом. Я в плаще подарочном и в доспехах блестящих, их специально отпескоструили да чехлы одевать не стали. На морде — официальная маска, безэмоциональная.

— Посол князя Рюрика, Вольга Всеславович для получения дипломатической почты прибыл! — громко сопроводил приход вояки суворовец на входе.

Вольга сперва потерялся, чуть даже шаг замедлил. Потом быстро сообразил, поклонился.

— Волей народа моего, я, Государь Российский, Сергей Игнатьев, передают тебе, Вольга Всеславович, послание для князя твоего, Рюрика! — продекламировал я, — С пожеланием долгих лет и успехов в делах! Просим князя принять по осени посольство наше да выделить человека, что с посольством поедет в Новгород, дабе не было неурядиц и порушения правил каких! На том прими документы и ступай себе!

Вольге, офигевшему от такого приёма, всучили папку с документами. Фотограф зафиксировал церемонию для архива, Вольга расписался в журнале исходящих документов. Я поёрзал

на стуле:

— Ну что? Всё вроде? Давайте теперь так, на словах обсудим, — резкое окончание приёма ещё больше выбило Вольгу из колеи.

В более приватной обстановке описал ему в общих чертах содержание письма и моё видение осенней встречи. Узнав, что Рыжая Магда, имя по схожести с данным ей при рождении выбирали, как обычно, Вольга нездорово возбудился. Теперь я почти уверен в личности сопровождающего, он всё сделает для того, чтобы по лету сюда вернуться да с яхтой в Новгород пойти. Ну а нам теперь только работать, работать, и ещё раз работать. Ибо «колотить понты», как мы планировали в Новгороде, дорогого стоило. И в плане трудозатрат, и в плане ресурсов.

За зиму практически наладили торговый путь к корелам. Нам от них меха нужны, на посольство. Вот Феде и дали задачу добыть шкурок на обмен. Ему списание пятой части долга, комиссионные получается, нам — меха, корелам что их принесут, мы отправили продовольствие, там туго сейчас с едой. Вся остальная подготовка, товары да яхта, оружие и подарки, пробили большущую брешь в нашем стройном плане хозяйствования. Стройка замедлилась раза в два, если не в три, народ возмущался, но разъяснительная работа дала свой результат, понимание важности момента, особенно под соусом обеспечения безопасности, дало свои плоды. За дело взялись, работа пошла.

Быстрее всего, как ни странно, процесс продвигался у Кнута. Он часто эскизы делал, проекты лодок, трудился на перспективу. Вот и пригодились наработки, один проект практически без изменений использовали, разве что я добавил отделку тонкими стальными листами обшивки, мы потом её красить будем в белый цвет, над краской химики трудятся. Плюс днище латунными тонкими листами отделаем, так скользить должно лучше, и портится от ржавчины не так сильно станет. Ну и внутренности чуть поменяли, туда теперь должно поместиться шестнадцать коней. Так как выпендриваться мы хотели по максимуму, то в Новгороде в аренду брать лошадок не планировали, со своими приедем. Надеюсь, животные перенесут транспортировку нормально, ибо места там для них не сказать чтобы очень много. Трюм грузовой, правда, совсем маленький получился, но я думаю, нам хватит. Башенки на корме и на носу яхты со сдвоенными пулемётами, вспомогательный двигатель паровой, для компрессора, микроскопические каюты экипажа и послов с охраной — собственно, это всё. Пушки пороховые, о которых тоже думали, не стали делать, и так огневая мощь хорошая получается. Да и пороху у нас маловато вышло, селитры из навоза и

канализации выходит не очень много. Из-за этого даже в планы обмена с крестьянами в рамках «Плесени» включили эти продукты жизнедеятельности. Зато пули для пневматических пулемётов чуть модернизировали, они стали трассирующими, виднее теперь, куда палить.

Все заняты по своим направлениям, а я, помимо прочего, занимаюсь проектом «Плесень» с Лисом и Ледой. Идеи от бывшего начальника Ладоги, расчёты от его жены, я же выискиваю то, что местные жители не видят. Проект, надо сказать, получился элегантный. Первым этапом идёт сбор данных о сёлах, составе их жителей, роду занятий, где и под кем находятся. Все привязано к рекам и озеру, по ним будут наши люди двигаться. Определившись с процессом обмена с крестьянами да ремесленниками, стали думать о дальнейшем. По нашим планам выходило, если всё задуманное удастся, рано или поздно мы достигнем очень тесного взаимодействия с новыми людьми. А значит, и их статус относительно Москвы надо будет определять. Коли уж вся торговля да половина жизни на Россию завязана, кто они нам станут? Сейчас всё наше общество делится на несколько категорий. Свободные граждане — это первая, их сейчас в Москве много. Ко второй относятся крепостные. По сути, таким способом взаимодействия мы просто в счёт долга учим да воспитываем новых граждан. Третья категория — рабы, зависимые. Своего ничего нет, живут в Смольном да Суворовском, казарменной дисциплиной и тяжёлой учёбой они зарабатывают себе новый статус. По факту, это два интерната для подростков, взрослых там нет. Даже корел с барышней своей, которых мы взяли у крепости в походе, уже стали крепостными, быстро прижились. Да и сложно в одной казарме содержать детей от семи лет и взрослых, потому и возраст этой категории уже законодательно ограничен. Пройти обучение в Смольном и Суворовском — самый быстрый, хоть и самый тяжёлый, с точки зрения ограничений налагаемых, способ стать свободным гражданином. Ко мне даже люди, что раньше в Гребцах жили, приходили уже, просили детей туда взять для обучения и присмотра. Пока думаем над этим.

Подданные — четвёртая категория населения. Платят дань небольшую, могут рассчитывать на помощь в плане обороны и ведения хозяйства. Однако и прав, равных крепостным, не имеют. Образование да медицина для таких по остаточному принципу, спрятаться за каменной стенкой или рассчитывать на дом собственный в Москве они не могут. Захотят статус поменять — могут и в крепостные записаться. Но тут уж на усмотрения правительства. Нужны люди — примем, нет — платите дань и

сидите спокойно. В таком деле, как расселение народа в стенах столицы, мы придерживались индивидуального подхода. К нам пару раз с гребцами от Рюрика приходили несколько человек, парней холостых, но мы и завернули, не стали рисковать. Те в дружину князя тут же оформились и уплыли на новой лодке восвояси.

Но кем нам станут торговые партнёры? Ведь скорее всего именно из них нам придётся набирать население. И надо пронять, как это делать, каким образом, переходы между статусами-сословиями определить, методики выявления полезных жителей. Вот захочет селище под нас пойди данниками, после торговли бойкой. А что для этого надо? Вот и думали периодически на эту тему.

Получалось так. Каждому селу ставится в соответствие некий уровень взаимодействия, который повышается при товарном обмене, и понижается при невыполнении заказа или при криминале, например, воровстве выданного инструмента. Такой же есть ещё и персональный, то есть, к конкретному роду привязанный в селе. На эти два коэффициента завязаны в том числе цены на поставляемые товары и закупаемое сырьё. Если хитрец какой топор возьмёт, а сам дрова нужные нам не заготовит, то вся его деревня пострадает. Закупочные цены снизятся, продажные — возрастут, да ещё и штраф возьмём, и топор отберём. Ну а коли уж совсем худо будет, тупо опрокинуть нас попытаются всем селом, или там частенько конфликты возникать станут, то торговля с такими людьми заканчивается. Инструмент изымем, виру за обиды возьмём, и больше там не появимся. Коли уж хотят опять товар московский брать, пусть по соседям мыкаются. Ну а если уж трудятся люди в поте лица, да ряд соблюдают, таким скидки да бонусы, коэффициентами определённые.

Когда крепко торговля встанет, предложим следующий этап — отправить к нам обучаться на более сложное оборудование. Потом дальше в том же ручье, до нового предложения — построить факторию торговую для Москвы. В неё посадим человека из села, которому мы к тому моменту доверять станем, лавка это будет. Она заготовительные и торговые функции осуществлять станет. Причём для пущего эффекта, семья торговца, дети его, побудут у нас в Смольном или Суворовском. Это и заложники, и затравка на будущее — вернутся они домой со знаниями счёта да письма, проще общаться будет. И финал торговли — предложение подданства. Тут уж и нам впрячься придётся, наладить связь да защиту, транспорт организовать и прочее. Ну а дальше по накатанной дороге — крепость да

гражданство полное.

Пока идеи такие, «Плесень» имеет бессрочные временные рамки. Внутри плана есть как общая часть, торговая, так и другая — секретная. Новая задумка хоть и начиналась как торговая, но очень быстро вылезла за рамки простого обмена ресурсами. Уж слишком много завязано тут интересов разных, сильно могут пострадать или наоборот, возвыситься, разные слои населения окрестного. Потому секретная часть плана у нас со статусом «Перед прочтением сжечь». Всё взаимодействие по тайной части «Плесени» проводится только в очень тесном кругу, но даже в нём — под подпиской и клятвой перед богами и предками. Ибо план этот предполагает финальным, не особо афишируемым результатом, существенное расширение государственных границ. Причём вплоть до Тихого океана, и это не шутка.

Казалось бы, зачем так далеко заглядывать? Почему бы не остановиться на достигнутом и просто спокойно не жить? Мне так мужики и говорят, мол, не надо этого, и сейчас ведь хорошо! Первый аргумент, с которым все согласились, это безопасность. Если мы так и будем по пятьдесят-сто человек в год прирастать население, да только в Москве, кто нам даст гарантию, что лихой набег пары десятков тысяч викингов, которые нас завалят «мясом» не обнулит все наши начинания? Тут мужики согласны. Потом дальше стал двигаться. Сейчас в семье три-пять детей, в наших и в тех же новгородских. Поколение — двадцать лет, через двадцать лет у нас будет, по прикидкам, вместо трёх с половиной сотен взрослых — человек шестьсот, потом — тысяча, две, пять, десять, это без учёта миграции. Но в Новгороде-то база больше! Если там тысяч пятьдесят живёт сейчас, если со всеми ближними деревнями считать, то через пару десятков лет будет сто, потом — двести, а затем и до полумиллиона недалеко. И это при жизни наших внуков! И куда пойдут они, в леса да чащобы переселяться, или будут об стены Москвы биться, в поисках наживы? Ведь таких вот гоповарваров, которые сейчас везде снуют, их через сто лет может на порядок больше стать. И что тогда делать? Готовы вы внукам своим сказать, что мол, кровиночка родная, придётся тебе в тыщу рыл противостоять чуть не всей Новгородской Руси, ибо не позаботились мы о дальнейшем, не подумали, жили слишком хорошо, не до того было, развлекались.

Или другой вариант — раствориться в истории, влиться в ряды новых княжеств, которые окажутся более энергичными, более активными. А уверены ли мы, что наши потомки там боярами да князьями будут, графами да герцогами, а не чернью босоногой да пылью под ногами каких-нибудь дворян новоявленных? Хотите вы для потомства судьбы корабелов, что

боярин со Свири в чёрном теле держал, да кнутом бил? А так и будет, мне-то можете верить, я это уже как ветхую историю читал. Мужики задумались, серьёзно так извилинами шевелить начали, да и девушки тоже. Я ещё масла в огонь подлил, про Орду вспомнил. На юге народ плодовитый, да жизнь несколько проще, чем на севере, теплее. А вот когда станет их очень много, куда они пойдут? Правильно, на север. Викинги от голода да перенаселения на юг пошли, а те — в противоположном направлении двинутся. Я уже тут малость историю переосмыслил, ту, что помнил, в миллионы монголов не верил, нет тут для них тупо корма, но даже сто-двести тысяч всадников — это просто нереально для местного населения. Вот такую численность и привёл для примера. И что, справятся наши потомки с таким войском при привычном этому веку хозяйствовании? Потянут армию, что противостоять Степи сможет? Даже сейчас хазары кочуют, тревожат с юга разные племена, и на них управы нет. А если они увеличатся числом раза в два? А то и в десять? Что будет? Ведь мы не про тысячу лет говорим, а про пару сотен максимум. Хотите вы, чтобы правнуки в бесконечной борьбе голову сложили? Справится тот же Рюрик даже с двумя десятками тысяч всадников? Нет. И через сто лет может не справиться. И через двести. А значит, надо думать, как под себя подминать Новгород, Киев будущий, другие города да племена, да и выносить границу на дальнее расстояние от Москвы, переделывать население под наши Законы, под наши порядки и условия. А так глядишь, лет за сто нас уже много десятков тысяч будем, а там и до миллиона не далеко. А если правильно «Плесень» пойдёт, то и кочевники на нашей стороне очутятся. И монголы те, при правильном подходе, окажутся недоразумением, о котором только историки профессионалы знать и будут. Чем дальше граница от сердца государства, от Москвы, тем безопаснее.

Вот так и объяснял людям своим, и секретность потому развёл, что многое из будущего обсуждалось. А сами планы наши грозили потерей власти окружающим нас князькам, коганам, баронам, ханам и прочей элите. Народ проникся, масштабы завораживали и потрясали, но и опасности, подстерегающие наших потомков, сильно беспокоили. И мы хотели оставить хороший такой зачин на будущее.

Да, сейчас у нас есть «Трактат». Он представляет собой описание той жизни, которой мы хотим достичь в далёкой, долгой перспективе. Ну там, когда добро окончательно победит зло, поставит на колени, и жестоко покарает. Тогда по всему миру будут жить эльфы всякие, и заниматься стихами да прозой,

живописью да философией. Наш «Трактат» — набор очень благих пожеланий на отделённое будущее, которого надо ещё достичь. На тактическом уровне для этого мы используем свои Законы да годичное планирование хозяйства. Ну а «Плесень» — суть уровень оперативный, тут уже на пару десятков, а то и сотен лет расчёт, да с учётом политики международной. Потому и секретность такая. Прочитает «Трактат» кто, удивиться чуть подходу, поспорит, да и забудет странную книжку. А вот «Плесень» не такая, она более прикладная. И если мы по ней работать станем, многие люди властительные да богатые влияние своё потеряют, границы государств да княжеств поменяются. Москва и Россия, подобно грибку вредному, сначала торговлей, потом — подданством, затем — гражданством станет тупо подминать под себя народ. Понятное дело, если всё получиться. Но и такие планы показывать никому особо нельзя, а то нас в превентивных целях прикопают, не считаясь с потерями.

В открытую же часть «Плесени», официально называемую «План развития торговли», каждый внёс свои идеи. Горшок в части минералов, Смеяна — про травы лекарственные. Под это Леда и Лис формировали новые цепочки развития взаимоотношений. Буревой выделился. Он, собственно, предложил отдать «на аутсорсинг» сбор… хм, сырья для селитры.

— А что? — под всеобщий смех заявил дед, — Трава да зола это хорошо, но работать придётся. А тут все естественно, само деньги приносить будет!

Для реализации всех торговых задумок требовалась куча оборудования, транспорт, люди. Причём инструмент для сбора сырья в рамках «Плесени» у нас деградирует, нечего паровые трактора таскать, и так сено сожгут на золу, попутно вырабатывая дёготь, скипидар, смолу, древесный уголь из обпилков. Вот и пришлось Обеслава нагружать, проектировать «дубовые», тупые устройства на педальном да ручном приводе. Тот кривится, но про «Плесень» в курсе, работает. Так мы дождались Златобора, который закрыл нам в «Плесени» самую большую дыру, людские ресурсы — он согласился работать за комиссионные нашим торговым представителем.

Зимой он будет дань собирать для Рюрика, обязанности мытника с него не снимали, а с весны по осень — на нас работать вместо привычной торговли с отцом. Тут и фактор Надёжи сыграл свою роль, после «Салона» нашего да девчёнок, с учётом появившейся в единственном экземпляре швейной машинки для вышивки узорами, жена мытника чуть не со слезами на глазах упрашивала его подольше оставаться в Москве. Да и Златобору особо деваться некуда — он теперь курсы срочные проходит, язык

учит да счёт с московскими единицами измерения. Так вот и дожили мы до первого июля.

В этот день мы переселили первый барак в новые каменные дома. Пока из крупных недоработок — не до конца готова канализация, она выводится сильно за пределы города, там будут коллекторы и отстойники. Ну и Буревой селитру в том месте будет выпаривать. Причём канализация у нас двойная, для слива воды и для туалета разная, ибо «продукт» во второй системе для нас очень важное сырье, не получается пока азотную кислоту делать по-другому. Вселились люди спокойно, на выходных, без митингов. Просто встали в воскресенье, перенесли оставшиеся вещи, сдали Ладимиру квартиру, и начали осваивать новое место жительства. Если все по плану пойдёт, к зиме все переедут, да и за промышленные постройки примемся.

Через месяц вышла на воду наша красавица-яхта. Две мачты, пара паровых двигателей, башенки с пулемётами. Пока у корабелов ходовые испытания, да самый страшный момент — отработка погрузки и разгрузки лошадей. Из-за этих копытных пришлось переделывать под стоны Кнута корпус яхты. Теперь в боковой его части грандиозный, чуть не в половину длины, люк, через который лошадок выводят. Такое пришлось мудрить после первых испытаний погрузочной системы, при помощи которой изначально планировали выгружать лошадей из трюма. Между мачтами ставилась балка специальная, да система блоков с приводом от вспомогательного паровика. Лошадь из трюма на кожаных ремнях подымается, на палубу её определяют. Животина была не в восторге — это не то слово! Висящая брыкающаяся туша, истошно кричащая, на ржание это не похоже даже, являет собой живое воплощение картины издевательств человека над животными. В криках коня прямо слышится: «Да что же вы, ироды, творите-то!!!». И это ещё мы их в трюме не катали, на качке. А что по приходу в Новгород будет? Мы же понтоваться едем, а тут смех один получиться, а не пафос кричащий. Потому и пришлось мудрить с корпусом.

Остальное барахло для посольства готово, теперь мы готовим людей. Жуляна разрывается между младенцем, сын у неё по зиме родился, и «Салоном», где готовят для новгородского общества «эффект Златобора». Одежда, оружие, макияж, нашивки, обувь — все идёт в ход. Плюс на обмен товары, документы, каталог с фотографиями образцов для будущей коммерции, сценарий встречи и поведения в различных ситуациях, стрельба много времени занимает…

Буревой пока не смог сделать достойный капсюль, испытания дают частые, слишком частые осечки. А вот гранаты осколочные с

тёрочным запалом, «слезогонки», переведённые на смесь пороха и сушенного чеснока и какой-то не менее едкой травы, светошумовые, тоже из пороха и какого-то компонента из кладовой наших химиков, вроде магния — просто заглядение. Личное оружие представлено револьвером с механическим поджигом, тем самым, из кремния и железной гребенки. Пистолет с магазином получился ненадёжный и громоздкий — от аналога Макарова потому и отказались. Совещание по поводу оружия отдельно провели.

— Патрон длинный, вот и рукоять широкая, держать не удобно, — объяснял Обеслав, — если не сработает капсюль, дёргать приходится ручку, патрон выбрасывать. Дуло здоровое, тяжёлый затвор, курок тугой, не пойдёт такая конструкция. Вот если Буревой капсюль сделает, или порох мощнее…

— Порох мощнее сделать — проблема, примесей в нём много выходит, — парирует Буревой.

— А отсыревает чего так часто? Патроны чуть не дёгте хранить приходиться, — выдаёт новую проблему Кукша.

— Буревой вам тут не поможет, — вступил в разговор Обеслав, он об этой проблеме знал больше других, боеприпасы племянник сам создавал. — только время да опыты. С налёту никак не найдём мы рецепт нужный, долго возиться придётся.

— А по капсюльным смесям совсем никак? — спросил я, если честно, просто так, даже если будет привычный мне патрон, мы не успеем оружие создать, времени не хватит.

— Да есть, как не быть! Только вот или слишком сильно бить надо, или порох не поджигают, или работают через раз.

— Жаль, — Кукша сидит черкает в блокноте, — а я уже надеялся…

— Ты чего хотел-то? — спросил я, в дела военные я давно уже не лез.

— Да вот мы тут с Ториром, — пасынок начал рисовать блок-схему, — обсуждали наш поход к корелам. Да и так тоже думали, прикидывали. Есть свои преимущества и у пневматики нашей, и у пороха.

— Это какие? — мне даже интересно стало, до чего они дошли.

— Пневматика. Идеальное оружие для линейного стрелка в битве. Если битва та подготовленная, если противник не внезапно напал, то тут только плюсы. Таскать с собой порох не надо, только пулю, воздух насосом накачать можно, гильзы нет, шума меньше, дыма нет — начал докладывать Кукша, — ствол меньше портится, холодный он…

— Да нагрузка на винтовку меньше, — добавил Обеслав, —

износ маленький совсем.

— Это, кстати, мы не учли, запишу, — Кукша сделал пометку, — Для ополчения, для битвы, к которым тут привыкли, или для засады самое то. Но вот для отражения внезапной атаки в походе — уже хуже. Баллоны мы спускаем, чтобы не рвались в походе, значит, запас выстрелов меньше, два магазина в дороге только заряжены из пяти. Да и те, что заряжены, от тряски да ударов воздух травят маленько, бывает, не все пули вылетают, или убойная сила меньше становится у последних. Углекислый газ только внутри стен, считай, есть. А в поле воздухом обходиться придётся, вода из-за этого и лёд даже иногда вокруг баллона появляется. Вне стен Москвы другое надо, как пистолет, тьфу, револьвер ваш, путаю постоянно. Для сигнального устройства…

— Да тоже пистолетом его зови, нечего тут плодить термины, — махнул рукой я

— …Для сигнального пистолета однозначно порох. Не надо поджигать, не надо баллон отдельный таскать, только плюсы. Да и ракет больше получается, и удобнее, и дальше летят. Гранаты… Тут смотреть надо, старые наши многоразовые собрал, заправил, и опять работают. Кроме зажигательных, там проверка нужна, в пламени железо портится. А новые — удобнее, меньше, легче, компактнее, и эффективнее. Осколочные мы на пневматике не делали совсем, а они ой как нужны! Не трактор же подрывать постоянно!..

Мы посмеялись, вспоминая давнюю встречу с данами, Кукша продолжил:

— Пулемёты. Тут самая сложная ситуация. Если мы на порох переведём, то с одной стороны боезапас меньше за счёт гильзы и пороха самого, с другой — баллоны тоже массу большую дают, так просто и не определишь. Если на башне, или на БТРе, там пневматика хороша! От двигателя заполнил баллон, и пуляй по врагу! А вот переносные — те уже расчёт большой требуют, или коня…

— Но износ у пороховых больше, они массивнее, чаще ломаться будут, — заключил наш главный механик Обеслав, — пятьдесят пуль в минуту, это что же со стволом будет? Не расплавится?

— Надо сплавы другие искать, крепче, да и скорострельность там будет сильно больше… — я на автомате прокомментировал племянника, потом только очнулся — Вы что, пробовали уже пулемёт на порохе?

— Не, так наброски, — успокоил меня механик.

— Дальше. Собственно, с чего мы с Ториром и начали. Ворота

те помните у корелов? Сожгли мы их, но сколько промучались! А вот если бы нам такую пулю, чтобы большая, да в ворота те со всей дури залепить, чтобы из разрушить…

— Или стену, — подхватил я, — да чтобы внутри взорвалось ещё, людей посекло, защитников. Такое пушкой называется, а пуля та — снаряд. Но чтобы взрывалось, нужно или фитиль, или капсюль. Тогда и каменные стены нам не помеха!

Народ чуть воспрял. Ещё бы, каменные стены сейчас рушат большой кровью. Деревянные хоть поджечь можно, а вот кирпичные-то не горят. Или штурмом их берут, или осадой долгой. Все рассказы в будущем о гигантских катапультах и баллистах, требушетах и онаграх оказались байками, нет тут таких стенобитных орудий, или не придумали ещё. Ну, по крайней мере в этой части географии. А вот защищённый таран, или башню с десантом построить и подвести к стенам да воротам, лестницы — всегда пожалуйста, если стройматериалы есть.

— Какой там снаряд был? — заинтересовался Обеслав.

— Ну, вроде как от тридцати, то мелкие были, до двухсот миллиметров в диаметре, — я пытался выудить из памяти калибры, — больше тоже были, но редко.

— Сейчас-сейчас… Пропорции как у пули нашей? Значит, такие же… — парень что-то быстро писал, поднимал голову к потолку, считал, опять писал, — Больше тонны будет, если не больше двух, если по стволу такие же пропорции как у винтовки, да на десять сантиметров снаряда…

— Не, такое мы не потянем, — огорчённо сказал Кукша, — только на тракторе, или БТРе.

— Тогда колеса нужны, ещё массу накинь, — Обеслав окончательно разочаровал Кукшу.

— И это без снарядов, — добавил свою лепту я.

— А легче ничего не было? Ну там, на два-три человека? Переносное? — с надеждой в глазах обратился ко мне пасынок.

— Были, вроде. Минометы и гранатометы. Ну, арбалеты, как мы для гранат делали, только на порохе. Но там тоже капсюль нужен. Я вам нарисуют, подумайте втроём, а пока остановимся на кремнии.

— Да я бы на вашем месте вообще успокоился пока с этим всем, — «успокоил» всех Буревой, — пока мы на один такой выстрел пороха выделаем — лет пять пройдёт. Долго селитра выстаивается, а по-другому кислоты азотной не сделать.

На этом, собственно, все агрессивные планы наши о взятии крепостей и закончились. Посчитав выделку селитры да прикинув процесс её получения, мы пришли к выводу, что тут всё дерьмо по Приладожью собрать придётся на одну небольшую военную

кампания. Пока для посольства сделаем огнестрел, а там уже и над другим всем думать станем. В свете же рассуждений Кукши о преимуществах и недостатках пневматики по сравнению с порохом, вырисовалась другая проблема. Влас её озвучил:

— Винтовку нашу теперешнюю, при большом желании, кузнец повторить сможет. Утеряем где — опасность для Москвы возрастёт. А порох дело химическое, сложное, секретное. Как его сделать по внешнему виду никто не догадается. По всему выходит, что на вылазки надо с порохом оружие брать, а тут, в качестве массового, пневматику использовать, — выдал руководитель ГБ.

— Хм, правильно говоришь, — ответил я, остальные также закивали согласно, — вот что. Влас, тебе задачу, наверно, и поручим. Станешь куратором военного химического производства. Коли люди понадобятся на порох, сам их отбирай. Ну а ты, Буревой, думай пока. Нам нужно много кислоты. Мне мысль Власа очень нравиться, я бы и тут, на стенах всё на порох перевёл. Так безопаснее станет. Без наших боеприпасов всё огнестрельное оружие никуда не годно. И можно тогда не опасаться, что крепостной или вольный гражданин с оружием сбежит и его выделку наладит.

— Испытания его как делать тогда? Раз секретность такая? — спросил Кукша.

— Вот с Власом и подумайте, — завершил я совещание.

В таких вот делах и проводили время. Готовили посольство, изобретали, строили и делали товар на обмен. У нас опять проблема, надо готовить стапели для затаскивания посольской яхты, а то гавани нет, где она, бедная, зимовать будет? Пришлось опять снимать людей со строительства города да отправлять на создание «костылей», временных сооружений. Рыболовецкий баркас рядом встанет, а место возле судостроительного, где он зимовал, теперь будет занято ещё одной яхтой, она будет для Златобора, на ней будем торговлю осуществлять. Без изысков уже, деревянная лодка, разве что листы латунные по днищу. Но всё остальное, включая подъёмный механизм, пулемёты и каюты, будет такое же. Да сам Златобор отправится с нашим посольством на Ладогу, вербовать людей, нам человек пять-десять моряков ещё надо, а то скоро вся Москва расплывется, я один тут останусь. Морячки пойдут в качестве физзащиты да на паруса, семьи могут с собой брать, в бараки освобождающиеся их определим. За тех людей, что обещал привести мытник, я не переживал. По его словам, ребята надёжные, он давно с ними работает. Златобору я верил — перспективами его мы сильно заинтересовали.

Настал день контрольного сбора. Построили все посольство, я проводил смотр. Этот цирк с конями, в прямом смысле слова, лошади во втором ряду стоят, выглядит примерно так. У десятка охраны чёрные доспехи, матовые, да плащи красные с серебряной вышивкой. На них — в половину спины наш герб. Доспехи без маскировочных чехлов, с воронением их в чёрный цвет отдельно помучиться пришлось. Зато теперь есть парадный комплект брони, для мероприятий официальных. Мужики — Лис, Юра, Влас — одеты почти также, только на плечах погончики, тоже стальные, да звёздочки с просветами. Майор и два капитана у нас образовалось. На плащах так же герб, только с небольшой золотой окантовкой. Эта гоп-компания оттеняет трёх девушек. У тех сугубо гражданская одежда по мотивам привычной мне женской формы Российской Армии. Юбка чуть выше середины щиколотки, берет, пиджак, белоснежная блузка и галстук-бант. У шеи на той бабочке довольно большая серебряная застёжка, все с тем же серпом и молотом. Снизу это дело обрамляют сапоги на каблуках, чёрные, обтягивающие икры, а сверху — шуба у каждой. Погон на шубе нет, они на пиджаке приталеном. На голове у барышень берет с кокардой, там звезда красная, а в ней опять наш герб. Кони тоже не просто так стоят, у них бронепопоны, из стальных пластинок, проклеенных снизу тканью, чтобы не звенели. Под седлом — некая накидка красная с серпом у молотом в углу. Сбруя конская разная, мужская и женская. С нашими юбками девушки на обычное седло не влезут, пришлось изобретать. Получается, что мужики чуть не вдвое больше девушек из-за доспехов, а те на фоне скопища железа, надетого на вояк, выглядят стройнее, тоньше, беззащитнее, что ли. Мне же вся посольская группа больше всего каких-то Имперских штурмовиков напоминает, мужики прежде всего. А чёрный цвет и личина на шлеме того же цвета, порождает мысль о Дарте Вейдере. Позвал Лиса из строя:

— Ну что, Лис? Как тебе? — я обвёл руками посольство.

— Мужики славно смотрятся, по-боевому. Хорошо Жуляна постаралась, — Лис доволен, жена Ярило при моем деятельном участии проект парадной брони и одежды разрабатывала.

— А девушки?

— А барышни… Ну, дорого! Вот, правильно — дорого! Такое слово!

— Почему так? Вроде скромно и по деловому пытались одеть? — я рассматривал барышень, ничего не блестит, килограммов золота нет, чего тут дорогого?

— Ну как тебе сказать, — Лис попытался мне объяснить, — вот знаешь зачем купцы и летом и зимой в шубах ходят?

— А что, и впрямь так? — я откровенно удивился.

— Ага. Особенно те, кто побогаче. Потеют, тяжело им, но таскают. А то от того, что мех вместо денег используют часто, вот они и показывают своё богатство. Мол, деньги прямо на одежду пускаю, такие у меня закрома бездонные. Ну это как если бы ты из наших бумажных рублей себе трусы сшил, хи-хи. А наши барышни… Ну вот в тех шубах купеческих главное количество меха, вот и неподъемные они. А тут ощущения складывается, что настолько богаты, что на шубы толику пустили, ту, что носить удобно… Не всё, что есть, а то что удобно носить! Вот! Мол, нам свою казну напоказ одевать смысла нет, и так все знают о её бездонности. Как-то так получается…

— Хм, я даже не думал об этом. Скромностью да стилем, значит, подчеркнули мы богатство наше… Интересно…

Утром пятнадцатого сентября мы отправили посольство. Чуть только расцвело, народ в полевой форме на пирсе у судоремонтного построился, припасы и товары в яхте уже лежат. Я провёл посольство и пожелал всем удачи. На яхте «морячки», команда у неё десять человек получилась, да шестнадцать в посольстве. Ну да у нас урожай собран, остальное своим чередом движется, смогли такую группу выделить. Кнут хотел с ними пойти, ну да не получилось. Там куча приборов управления у капитана, он со своим протезом может и не справиться. Все приборы — для максимальной автоматизации процессов, чтобы экипаж сократить. У нас даже управление парусным набором от вспомогательного паровика идёт и пневматики. Жидкого топлива приготовили для них на три машины, две ходовых и дополнительную. Каюты пришлось чуть под палубу утопить, чтобы башенки, до поры скрытые брезентом, могли поворачиваться на 360 градусов. Компоновка почти симметричная, внутри, с носа если двигаться, получается микро-камбуз, подбашенное пространство, потом трюм, потом два паровика почти посередине, потом опять трюм, только здоровый, потом гальюн и корма. Если выше подняться, то нос, башня со сдвоенным пулемётом усиленным, микро-каюты, мачта, грузовой люк здоровый, мачта, башня. Такое вот судёнышко. Паруса в два «этажа» сделаны, да мачты чуть не стальные, они ещё и для подъёмного механизма используются, его на всякий случай оставили. Ну а дно лодки представляет собой бак для жидкого топлива, разбитый на несколько частей. Ниже него — только балласт.

С небольшим гулом наша яхта отправилась на озеро. Теперь мне предстояло только ждать возвращения посольства. Вся миссия дней на десять рассчитана, день до Ладоги, день до

Новгорода, там дней шесть-семь, и домой. На Ладоге надо Вольгу забрать, о том гонец письмо привёз, и Златобора высадить. Наша белоснежная красавица скрылась в утреннем тумане, на прощание прогудев пару нот песни об этой самой яхте. Юрка, он капитан, вернётся — штраф выпишу, чтобы не тратил почём зря пар в машинах. А песня случайно вспомнилась, когда на ходовых испытаниях гарцевала она по озеру. Я на берегу стал напевать Антонова, про белый теплоход. Народ заинтересовался, пришлось слова вспоминать да чуть менять их. Морвокзал у нас с теперь просто «наш вокзал», да и теплоход превратился в «пароход», ну и море убрали из песни, потому что по расчётам Кнута, дальше Невы мы можем на этой посудине и не пройти, ибо там пара порогов плохих присутствует, а осадка у нашего судна значительная, может и не пройти. Оно у нас военно-дипломатическое, потому пусть тут катается, а для моря мы что-нибудь другое придумаем.

Лучше бы я с ними пошёл! Измучился весь, в голове самые разные варианты прокручивал. А вдруг шторм? А вдруг засада? А вдруг… Достал всех вокруг себя, Зоряна мне даже замечание сделала. Нервы ни к лешему, работа из рук валится. Так неделю провёл, а там мне сон приснился. Я почему-то в джунглях, а напротив меня орангутанг. Он в меня тыкает толстым пальцем, и басовито гудут-рычит. И так раз пять. А потом и говорит:

— Сергей, вставай! Наши пришли! — и у обезьяны лицо моей супруги проявляется, это оказалось она меня будит.

А рёв тот — это гудок с озера.

— Так рано вроде? — спросонья прикинул я.

— Ну сам пойди и спроси, — супруга оделась, со мной пошла на пристань.

Пять утра, ночь на дворе, а эти «дипломаты» гудят почём зря. Встали на пристани судоремонтного, ждём. Яхта как-то бочком, бочком тулится, ну вот и встала наконец. Опустился трап, по нему вываливается наше посольство.

— Машина левая сдохла на х..! Там временна передача от второго вала стоит! — надрывается механик корабля, — О! Государь? Здорова! Я говорю, левая сдохла, затаскивай на верфь!

Остальные спустились, мы заспанные все, дед пришёл да Святослав с Кукшей. Стоим, зеваем. В глаза сразу бросились две вещи. Первая — все спускаются в парадных доспехах… Почему-то. А вторая — никто в лаза не смотрит, все так стоят скромненько, тихо здороваются, вон, Магда ножкой пирс ковыряет. Головы куда угодно повёрнуты, только не на нас. Птичек разглядывают, озеро, город… Что-то тут не так.

— Влас! Доложить! — у меня начинают закрадываться

нехорошие мысли.

— Ну… Вообщем… Сделали, — и это главный ГэБэшник мне так отчёт даёт!?

— …Почти как планировали получилось, — встрял Юрка.

— Ну там маленько не так пошло… — продолжает за него Лада.

И все стоят, руки прячут, охрана что-то невразумительное гудит сквозь личины. Один Лис стоит с видом философским и отрешённым, с замершим на лице немым вопросом, из разряда «Для чего мы на свете? Зачем появились?…»

— А ну-ка, други мои, все в актовый зал на отчёт. Там и позавтракаете, — вся процессия молча двинулась в город.

— Лис! Ты хоть скажешь что-нибудь вразумительное?

— Эх-х-х-х, — махнул рукой «министр торговли», — там быстро не расскажешь…

…Повествование затянулось до вечера. Проявить фотки успели, один из десятка охраны числился штатным фотографом. Они органично дополнили рассказ, ну а я изобразил «эффект Златобора». Прямо не сходя со стула. Произнёс только:

— Писец…

Дело было так.

До Ладоги добрались без приключений, в основном, под парусами. Там выгрузили Златобора, и к яхте присоединился Олег с Вольгой. Дружинник к нам на судно, Хельг со своей дружиной на произведённой нами, кстати, лодке двинулся вперёд до Новгорода. Волхов впадает в Ладожское озеро, поэтому шли против течения, под паром. Впереди Олег на вёслах надрывается, наши ползут за ним. Местные жители такую белую посудину видят и не знают куда деваться. Или махать такой красоте приветственно, или в лес тикать от греха подальше. С яхты несётся «А белый пароход! Бегущая волна!..» — это Лада от безделья военно-посольско-речной ансамбль организовала. Из-за Олега с дружиной вместо одного дня в пути по Волхову, пришлось потратить два. К ночи третьего встали в паре километров от Новгорода, и начали приводить себя в порядок. А ладожский наместник рванул в город, готовить встречу.

…Утро в Новгороде было обычным, текла размеренная, привычная жизнь. Между берегами туда-сюда бегали лодки мелкие и покрупнее. Город относительно новый, ему ещё и века нет, на месте нескольких поселений образовался путём их слияния. На западной стороне города крепость деревянная, там тоже обычная суета средневековая. Привычный порядок слегка нарушен только приходом явно военной лодки, которая прямо к пристани крепости причалила. Оттуда полезли вояки и скрылись

за стеной. Ну да дело привычное, чай, князь живёт, не хухры-мухры. А вот то что было дальше…

Распугивая плавсредства, ввалилась на бешеной скорости белоснежная лодка с грандиозными, не менее белоснежными парусами. На высокой мачте — красный флаг с серпом и молото. Лодка без вёсел, воет странно да дым пускает. Народ насторожился. Судно, вспенив за кормой воду, начало сбрасывать скорость и встало к пристани возле прибывшей ранее военной. Из крепости верхом уже потянулась колонна встречать гостей.

Дальше было ещё более удивительней. Лодка откинула чуть не половину борта, на пристань вышли люди в чёрных доспехах и красных плащах. После них — кони пошли из внутренностей. Их кормили морковкой, успокаивали, одевали поверх чёрную попону, под удивлённые, если не сказать больше, крики из толпы встречающих всадников.

Кончились лошади, из трюма пошёл поток коробок и ящиков. Из тех коробок Чёрные воины стали собирать… Телегу! Да не простую, хитрую, из стальных труб, с какими-то странными колёсами, с пластинами за ними, в которых мой современник легко бы опознал пластинчатые рессоры. На такое транспортное средство перегружают очень аккуратно ящики, двое лошадей запрягают в каждую. Получается пять телег, на каждую ставят дуги, на них натягивают ткань. На бортах повозок всё тот же серп и молот в пятиконечной звезде. Всадники, встречающие на берегу, уже практически потерялись в собравшейся толпе зевак, которые прибывают как по берегу, так и на лодках. Однако крики да разговоры в толпе все удивлённее и удивлённее. По трапу спускаются три бабы, причём наряженные в шубы. Да Чёрные воины им так бережно спустить помогают, под ручку держат. Формируется колонна, три пары всадников, мужчина и женщина в каждой. Причём бабы на странных сёдлах, на бок ноги свешены. За ними пять телег хитрых, в которых тот же мой современник опознал бы подобие фургона переселенцев с Дикого Запада. Колонна втягивается в крепость, их сопровождают всадники-новгородцы…

Зевак дальше не пустили, а там ещё веселее. Узкими улочками детинца вся колонна проходит в терему. Там княжна с квасом. Мол, напиться дорогим гостям с дороги. Чёрные всадники слезают с коней, помогают спуститься своим бабам. И вот одна из тех девушек, под всеобщий вздох удивления (и негодования!), берет квас, отпивает и отправляет остальным!

— «Спасибо за квас. Послы от Государя Российского к Новгородскому князю Рюрику с дипломатической миссией!» — произносит непонятные слова барышня и ломится в дверь.

За ней следуют сначала пять более нарядных всадников, потом — возницы, Чёрные воины. Водители телег переносят ящики внутрь, а один идёт с непонятной коробкой с большим, как тарелка, стеклянным (!) глазом! Да и остальные что-то тянут непривычное…

В палатах у князя все чин-чином — Рюрик на кресле, закиданном мехами, по правую руку военно-торговый люд, по левую — торгово-военный, сидят на лавках вдоль стен. Отличить их можно по количество навешанного «убойного» железа да практичности надетых шмоток. Коли три топора за пазухой да два копья — значит, вояка. Ну а коли меч весь каменьями украшен — значит, торговец. Мне это по фото рассказали потом. По сути же, одни и те же бандиты, только одни уже богатые, а вторые — ещё в процессе накопления первоначального капитала. Процессия становится напротив князя, ящики вдоль входа укладывают. Впереди стоят три бабы и три вояки в Чёрных доспехах. Позади — остальные прибывшие, охрана это. Из неё вышел мужик с непонятной коробкой, и со словами «Освещённость маленькая!», разворачивает треногу, на которую устанавливает ящик со стеклянным глазом. По тем словам охрана достаёт похожие треноги, только повыше, и ставит их вдоль всего помещения, ближе к центру, закрывая приличным людям вид на князя! Потом из маленькой, медной по виду, коробочки вырывается со скрежетом пламя, и те высокие треноги поджигают! Горят они ярко, не как свечи. Помещение наполнилось светом, мужик крутит стеклянным глазом туда-сюда, замирает, копошится внутри… Потом кивает, мол, все, можно начинать.

Вперёд выходит… Опять баба! И со словами:

— «Жарко у вас тут как-то»- сбрасывает на подставленные её спутниками руки шубу. Её примеру следуют остальные. А под шубой… Платье, приятно облегающее манящие формы, да белоснежная рубаха с галстуком и всё с тем же серпом и молотом на шее. И на плечах — звезды горят, по две на каждом у бабы рыжей, по одной — у остальных двух. Причём разного размера, чёрненькая девушка с малыми звёздочками, светленькая — с большими. Майор и младший лейтенант, так получается, если на армейские звания из будущего переводить. Ну и лейтенант впереди, это Магда.

У вояк и купцов от вида наших «послов» челюсти упали, те, что ещё в силе мужской, как то ёрзают непонятно, слюни подбирают, им, наверно, кольчуги да шубы многослойные, у кого как, сидеть мешают. Ну так на то и рассчитывали!

— «Шлёт тебе Государь Российский своё приветствие и

посылает дары!» — провозглашает рыжая баба, и по её (!) команде Чёрные воины выносят коробки.

В первой торчат рукоятки мечей. Простые, без каменьев и драгметаллов, утилитарные. Но вот рыжая достаёт один меч, вместе с ножнами, вынимает лезвие, и кладёт на руку плашмя, чтобы все видели. Все разглядели — и ахнули. Мечи знатные, булатные, с синеватым отливом, это от добавки толики примесей из новой лаборатории металлургической нашей, так крепче да ржавеет меньше. А народ тут в оружии разбирается, вон как глазки забегали! Я это по фото вижу, челюсти они так и не подобрали от вида наших баб, а глаза уже бегают, прибыли считают.

— «Это подарок тебе, князь, для лучших твоих и самых преданных воинов!», — по стенам народ вздохнул по-разному, кто-то радостно, кто-то печально, у остальных знаки доллара в глазах крутятся.

— «Продавать такое нам Закон наш не велит, только в подарок» — вещает рыжая и под вздох всеобщего разочарования, переворачивает клинок. У самой рукоятки на лезвии штамп, с одной стороны серп и молот, с другой — сокол атакующий, Рюрика знак. Князь на кресле ёрзает, ручки потные тянет, но нельзя, этикет пока не позволяет вскочить со стула, он только кивает важно.

— «Тут их десять», — от названной цифры часть сидящих по стенам людей схватилась за сердце, — «чтобы воин твои защищали тебя крепко да в обиду не дали».

— «А это для княжны твоей», — продолжает рыжая, пока Черыне воины распаковывают новый ящик. С него снимают ткань, и снова вздох, на этот раз просто офигевший. Внутри полутораметровое зеркало, в простой, моренной дубовой раме, на подставке крепкой, чугунной, массивная конструкция получилась. Сзади Чёрный вояка, ойкнув, начинает что-то отдирать от зеркала. Ну да, забыли бирку снять, наклеили по привычке. На это никто внимания не обращает, вся пялятся на себя в зеркало, а кто не попадает — шеи гнут, что те лебеди.

— «Поверни, чего народ зря напрягать» — тихо произносит Чёрный воин рядом с рыжей, и другой что отдирал бумажку от рамы, слегка толкает её. Зеркало неслышно вращается, ещё бы! Там подшипник хитрый стоит, специально делали! Во вращающемся, рассылающем солнечные зайчики от ламп и окошек, зеркале перекошенные от удивления и зависти лица торгового и военного люда. Постепенно оно замедляется, теперь в него видно послов.

— «А это вам в дом, чтобы светлее было», — рыжая

показывает новую коробку.

Опять вздох, из коробки достают удивительное — здоровое, пятьдесят на пятьдесят сантиметров, стекло. И судя по размеру коробки и их количества, таких стёкол привезли много. Народ в шоке, шепотки и разговоры прекратились.

Дальше пошло не так эффектно, но тоже добавило в копилку послам непонятности. Манекен с доспехом достали, под Рюрика делали по рассказам тех, кто его видел в живую. Кстати, по фото понятно почему он Рюриком зовётся. У него или нос или сломал, или от рождения такой, но смотрит строго вниз, и напоминает он коршуна, орла, или сокола, что, наверно, и дало прозвище. На местном наречии как раз «рёрик» птицу хищную называют. А так у него другое имя, но уже и не помнит никто, как дядьку звали при рождении. Олег говорил, что, вроде, мама с папой его Чеславом назвали, а как на самом деле — то не ясно. Дядьке-то уже под пятьдесят, если не больше, бородища седая, кто там вспомнит?

Доспех поставили к зеркалу, князь косоглазие сейчас заработает. Одним на коробку с мечами косится, вторым — на доспех. И послам пытается время уделять взглядом. Рыжая достаёт новую «штучку».

— «Наша делегация прибыла для заключения полновесного договора и дружбе и сотрудничестве, границах и торговле. Торговля у нас только на государственном уровне осуществляется, поэтому и с Новгородом хотим торговать только через тебя, Рюрик…» — конец предложения потонул в возмущённых и разъярённых криках — народ осознал, что сейчас сказала рыжая.

— «…К нам купцы ходить только с твоего разрешения смогут, других не привечаем. Потом, может, изменится что. Чтобы ты, князь, понимал, что мы предложить можем, вот тебе каталог», — рыжая сует Рюрику книгу толстую, с фотоматериалами и текстом на двух, пока, языках.

Мне надоело, если честно, переписывать постоянно на словенские эти черты да резы, поэтому в каталоге три строчки на словенском, остальное, подробное описание — на русском. При виде книги Рюрик чуть скривился, махнул рукой, откуда-то появился мужичок неприметный и взял её. Этого товарища взял в оборот Влас, со словами: «Вот тут языку научишься», сунул тому русско-словенскую «Азбуку». Дядька закивал, и бережно взял в руки оба тома. Как выяснилось, книга тут тоже на вес золота, вот и переживает «писарь».

«За сим передают тебе для изучения проект договора. Собственно, всё» — рыжая протягивает кожаную папку, опять

«писарь» её забирает.

— «Государю вашему от меня блага всяческие желайте!» — наконец включился Рюрик, — «То что сказано и писано — изучу, а пока пир давайте…».

Договорить князь не успел, рыжая его почти перебила, о том мы специально договаривались. Ведь надо показать, что мы независимые да гордые, и что послы наши только Российской власти подчиняются.

— «Государь наш нас на пять дней отправил да ещё дел поручил. Поэтому пировать не будем, пока, а вот как прочтёте, изучите, да согласие своё дадите — тогда и праздновать станем. Как удумаете, нас на «Варяге» и найдёте», — заявила рыжая, изобразила, именно изобразила, поклон, и отошла в другим послам.

— «Где?» — ошарашено спрашивает варяг Рюрик.

— «На «Варяге», лодка так наша называется» — как можно уже догадаться, это моя идея.

Ну не «Три апостола» же лодку называть? Вот и красуются латунные буквы на борту корабля, правда, кроме москвичей, их прочитать никто не может.

В итоге посольство разворачивается да двигается к выходу, оставив в недоумении князя и остальных новгородцев. Вот так, нашим палец в рот не клади! Уходили наши из избы, где начинался форменный бардак. Купцы, вояки, князь — все кинулись орать друг на друга. Ибо условия, что мы обозначили, были по крайней мере странные, если не сказать — оскорбительные, для торгового сообщества в первую очередь. Где же это видано, чтобы князь монополией на внешнюю торговлю владел, даже с одним контрагентом? Вояки у него есть, денег ему дают, вот пусть и крутится. А остальное оставит на людей более в торговом деле соображающих. Ну и прибыли, соответствующие, пусть в нужных карманах оседают, а не в княжеской казне. А то ещё мысли всякие дурные в голову придут, вроде ограничения в Новгороде власти купцов да торговцев…

Под эти крики наши вышли на улицу. Там своя свадьба — Олег с дружиной, люди Рюрика, все изучают телеги хитрые. Их поблагодарили за охрану, три пустых повозки отправили обратно, а две штуки и шестёрка всадников-послов отправила в город. У наших теперь миссия неофициальная, я бы сказал, личная. Хотя и со смыслом тайным — они к отцу Жуляны едут.

Нашли в катавасии дворов, что больше похожи на небольшие крепости, дом тестя Ярило. Начали стучать, мол, гости пришли. Там молчок, только вооружённые люди из-за забора пялятся на процессию. Полчаса криков ничего не дали, наши начали сильнее

ломиться. Показался паренёк, молодой ещё, и сказал что хозяина нет, будет под вечер, как с торга придёт. Ну а у наших инструкция — передать привет от доченьки папеньке да подарков отдать. Вот и ждут под воротами, не штурмом же их брать.

Вот в процессе ожидания и застал их хозяин двора. Пришёл верхом, да ещё человек десять вооружённых конников с ним. Три — братья Жуляны, старшие, а остальные — охрана да помощники. Приехал обычный новгородский купец домой с торга, а у него под воротами уже толпа зевак, внутри неё — группа непонятного народу, причём бабы и мужики в кучу. Тесть Ярило напрягся, руку на меч положил. Другие его спутники тоже заволновались. Рыжая Магда, наконец, увидела процессию, и давай ему тулить, мол, от дочки послание да привет привезли, специально для этого тут сидим, ждём уже Перун знает сколько времени. Да под нос ему тычет пояс Жуляны, который она дала в качестве пароля. Мужик расслабился, и произнеся что-то вроде «Ща всё будет!», умчался во двор. Там крики, ругань, шевеление, но ворота вскоре открылись, посольство внутрь пригласили.

Там на крыльце купец с женой, ближники его по краям. Опять квасу сунули, наши пойло приняли и давай тараторить, мол, пришли из Москвы, дочка ваша очень просила. Причём все в разнобой, быстро, суетятся всем посольством. Тут так не привыкли, медленнее жизнь проходит, степеннее. Да и само появление у купца послов от отданной в другой род дочки не очень в рамки традиций вписывается, ибо теперь власти никакой отец да мать над ней не имеют, вроде как чужая семья. Конечно, интересуются, не без того, но в жизнь не лезут, там теперь Ярило ответственный. Хотя и приголубить зятя кистеньком в случае неуважительного отношения к родной кровиночке, кстати, вполне в порядке вещей. Не устоялось тут ещё до конца общество.

Скомкав приветствие положенное, наши бабы хвать родителей Жуляны под руки, и в дом тащат, что само по себе чуть не оскорбление, да ещё и приговаривают, рассказывают про жизнь в Москве. Мужики братьев в оборот взяли, познакомились, тоже в дом пошли. Дурдом устроили, одним словом, вместо расшаркиваний, никакого официоза.

В доме — ещё веселей. На столе яства, никто к ним не прикоснулся, все давай подарки дарить и письмо от Жуляны читать. Купец ещё посопротивлялся, мол, надо же испить мёду, хлеб преломить, да про погоду вначале, ему в ответ Лада:

— «Ой, да мы пока вас ждали сухпайком перекусили, не голодные. Давайте лучше письмо от дочки прочитаю», — эта фраза окончательно ввела купца в ступор, так и сидел осоловевший под напором наших «послиц».

Влас-то с Лисом спокойнее, да Юрка тоже без шила в заднице, с мужиками о всяком общаются, а девушки прямо налетели, как коршуны, и давай причинять добро да наносить ласки. Жуляна не совсем грамотная, пишет плохо, ей помогли на печатной машинке сообщение набрать, разве что подпись свою сама поставила. Купца с женой, которую тоже чуть не силком притянули, на лавке зажали, справа Магда, слева — Лада, и давай им тыкать под нос письмо. Читают, а там…

«Дорогой батюшка! Шлю тебе своё почтение с пожелание долгих лет. Как вы там? Как матушка? Как братья с семьями? У меня все хорошо, бизнес идёт нормально — открыла я «Салон красоты» в Москве, клиеты есть, выручка тоже, на рентабельность под десять процентов вышли. Ярило тут тоже неплохо устроился, на должность начальника учебных классов военно-морской школы. Оклад неплохой, перспективы хорошие, выслуга засчитывается. Сейчас на курсы повышения пошёл, хочет по корабельной части продолжать карьеру. У нас радость! Да и у вас тоже! Внук родился, Смеяном назвали, в честь фельдшера, который тому поспособствовал. Похож на вас, такой же умный да крепкий! А лицом в матушку вышел — красивый! Мы с Ярило хотим на гражданство Российское подавать, просим твоего благословения. Вид на жительство уже есть, теперь только экзамен по языку сдать, да по другой учёбе. Я даже в школе из-за этого в кружок математический записалась, не идёт эта наука, хоть ты тресни!..».

Из этого всего понятно бедному дядьке только про прибавление в семействе, остальное на пальцах объяснять пришлось. Это на долго затянулось, народ все не мог поверить что баба(!), да ещё и такая «гламурная» как Жуляна, дело своё открыла да ведёт его ловко, с прибылью остаётся, уважение ей от этого кругом. Когда, наконец, осознало семейство написанное в письме, у маман слезы на глазах, папа Жуляны тоже еле держится, прямо лицом подобрел, улыбается. Даже братья подбоченились, вон какая у них сетрица-мастерица.

— «Мальчики, а чего вы стоите? Подарки-то распакуйте» — выдаёт Лада, мужики наши опомнились, а то неуютно себя чувствуют, и принялись одаривать местное население.

Доспехи как те, что князю подарили, мечи булатные, другое барахло военное — это мужикам. Ну и ящик настойки, да согрева, значит. Девушкам свои подарки — комплекты косметики, их с десяток. Для мамы, жён братьев Жуляны, девушек и женщин дворовых, с кем наша «бизнес-вумен» в детстве время проводила. Под этот комплект — отдельная страшная история про свинцовые белила и вредность сего металла вообще. Узнав про такое, да

почему детей так долго не было у его кровиночки, купец побагровел, ярость в глазах плещется, лично пинком с крыльца все белила собранные по дому отправил. Также, пинком, мастера вылетели, что свинцовый водопровод уже сооружали от колодца. Наши за мужиков вступились, не знали те про вред, впредь умнее будут. Купец же отошёл, приступ ярости вывел его из ступора, дальше общаться легче стало.

Продолжалось это не долго, пока вторую часть подарков не распаковали. Там зеркало, копия того, что князю придарили, да ещё десяток поменьше, на подарки да и так, в доме поставить, женщин-то много. У купца натурально чуть инфаркт не случился. Особенно когда он узнал, что зеркала таких на весь Новгород ровно два — у него и у Рюрика. А тех что поменьше так и вовсе нет. А потом Лада достала фотоальбом…

— «Это ж кто так красиво нарисовал!..» — офигевший купец пальцем водит по обложке, на которой Жуляна с Ярило на фоне цветущего куста, со Смеяном на руках, все улыбаются.

— «Да это фото такое… Ну, потом покажу», — взяла в свои руки процесс демонстрации Лада, и открыла альбом.

Жуляна с девочками на входе в Салон, все в макияже да в новых платьях с модными прическами… Жуляна с семьёй на фоне озера… Жуляна с подружкой своей… Смеян, со всех ракурсов… Ярило и его дружинники на фоне судостроительного…

— «.. А это вот на день рождении у государя. Тут мы с ней в лес пошли, пока погода стояла хорошая да красиво там было… Это вот она в Смольный пришла, там у неё курсы… Тут вот заседание торгово-промышленной палаты, вон Государь, сбоку стоит… Кто такой? Ну, вроде князя, только сам всем заправляет… А вот мы уже на яхте, перед отплытием…» — комментирует фото Лада.

— «Так ваша лодка белая-то стоит!?» — вступил младший брат, на него первого доспехи нацепили.

— «Ну да, вон же написано — «Варяг»», — тыкает пальцем в фото Магда, и смотрит удивлённо, мол, неужели не знаете?

— «Не по чину нам с князьями сидеть, вот не знали…», — вздыхает купец, — «А это что?»

— «А это митинг на судостроительном, когда бутылку об борт «Варяга» били да на воду его спускали», — вступил уже Влас.

— «Бутылку»!? — непонимание.

— «Ну да, вот такую вот» — и Лис достал из ящика литровый «пузырь» с настойкой.

— «Стекло!? Били!!? Об лодку!!!?» — старший брат в шоке, стекло на просвет разглядывает.

— «Это чтобы ходила долго и не тонула. Государь так

сказал», — добавляет Лада.

— «Доченька-то какая стала… Красивая да стройная… И внучек…», — маман натурально разрыдалась от счастья.

— «То ли ещё будет! Они троих карапузов сверху хотят», — подлила масла в огонь Лада…

Удивляли народ до позднего вечера. Даже фотосессию устроили, под вспышки и горение дедовых составов. Там металл, вроде магния, он вспышку даёт сильную. При Рюрике не стали делать, чтобы не испугать народ, а тут можно, визит-то неофициальный. Очумевшее и шокированное подворье послы оставили в покое и перебрались на «Варяг». По дороге Влас приметил мужичка, что слишком активно любопытство проявлял. Оформили ему в рыло в подворотне, оказался, князя человек. Ходит, смотрит, куда послы делись, к чему интерес имеют, коллега нашего Власа. Мужику для компенсации ущерба выдали бутылку с настойкой, был некий обменный фонд на такие вот моменты, и подробно объяснили, что ходили по родственникам. Чьи это родные, почему ходили, что делали — всё рассказали, нам скрывать от князя нечего, пусть знает. Соглядатаю даже бумагу выдали на русском языке по этому поводу, с описанием встречи, с печатью посольской.

Следующий день провели в разъездах — выполняли поручения. Лис с воспитанницей на рынке тёрся, Юрка и Лада пытались вникнуть в расклады, с народом общались. Идти для этого никуда не надо, зеваки прямо у пристани собираются. Народ наблюдает за тем, как наша корабельная команда пополняет запасы топлива жидкого — сильно мы ошиблись в расходе, вот половина только и осталась. Дрова им Лис на рынке берёт и телеги с ними на пристань отправляет. Дерево на яхту, там мобильная топливная установка, уголь высыпают в кучи на пристань. К ним — кузнецы идут. Хороший уголёк выходит, мои моряки продают его местным ремесленникам по сходной цене.

Магда и Влас опять к отцу Жуляны отправились, теперь о деле поговорить. Купцу, не до конца оправившемуся от первой встречи, сунули в руки каталог, копия княжеского, да и начали рядить-гадать, что да кому в Новгороде будет интересно да по каким ценам. Честно предупредили, что торговля вся через князя, и попросили помощи. Мол, если отдариваться собирались, а судя по оговоркам были таки мысли, лучше уж знаниями да информацией поделись, толку больше будет. Купец согласился легко, растаяло сердце-то сурового дядьки от альбома с семьёй его дочки.

День потратили на это, и чтобы планы на следующий день чуть подправить. Вечером пришёл гонец от Рюрика, и позвал всех

на пир. Политическое соглашение, про границы да общее взаимодействие, уже согласовал князь, а вот по военному да торговому — думать надо. Приглашает в полдень послов обсудить дела с княжескими ближниками да уважаемыми новгородскими людьми.

В принципе, до этого момента все было по плану. А вот дальше…

На пир явились шестеро послов, без охраны, князь слово дал и безопасность гарантировал. Пьянку закатили в том же тереме, в котором церемония шла. Столы длинные, лавки, жратва да выпивка. Наши представились все, выставили на стол картошку да настойку в бутылках. Сели пировать…

Лис мне рассказывал про «банкеты» местные, там тоже не все так просто. Кто где сидит, кто с кем говорит — любая мелочь важна. Даже толпа, что Рюрик нагнал возле себя, имеет свой смысл. Его ближнки орут, шумят, а князь тишком, без лишних ушей, может дела обсудить. Такая вот древняя система акустической защиты…

Наших усадили в первой трети стола от князя, вроде как уважили, но и дистанцию сохранили. Рядом соглядатай в фингалом сел, теперь уже в нормальной одёжке. Сперва про погоду поговорили, потом — про урожай, потом ещё час ни о чем, доводили местное население до кондиции. Когда пьянка вошла в фазу «брожения», народ перемещаться стал, да шум поднялся великий, Лис по знаку князя к нему двинулся, с воспитанницей…

Про неё, шестого участника посольства, разговор вообще отдельный. Зовут её что-то вроде Картахфелиния, по нашему — Катя. Чёрненькая, стройная, тихая. Если не разозлить. А если уж довёл до белого каления — все, туши свет. Становится разъярённой фурией. Довести её можно двумя способами. У неё пунктик насчёт мужиков, после торговца людьми, что их осматривал да лапал перед продажей на юг. Вот заденешь чуть, сальную шутку отпустишь, или там намёк грязный — получишь фурию, такой вот недолеченный психоз, травма на всю жизнь. Мне, правда, спускает она такое, я у неё вроде как за отца, да и не шучу пошло. А вот другие мужики уже страдали, нечего девчёнку доставать. Второй момент — это беспорядок. Она прямо влюблена в симметрию, линии прямые, укладку всего на свои места. А это уже травма профессиональная, ибо девушка — снайпер, похлеще Веселины. Её брали с собой на случай, если вдруг кому придётся устроить незапланированную встречу с предками. На Магду, рыжую, Ладу, комсомолку, и на мужиков внимание особое со стороны новгородцев, а на Екатерину — ноль, она незаметная, потому и брали. Я вообще думаю, у неё корни

кавказские, например, армянские. Но попытка добиться «национальности» ни к чему не привела — тут тупо ещё народ не делится на такие большие группы, а именование мелких племён мне ничего не говорит. Ну да и Перун с ним, был бы человек хороший, пятой-то графы, национальность которая, у нас в паспорте нет…

И вот сидит наша Катя, нервничает — вокруг пьяные рожи, наливки накидались, объедки, грязь, все руками да ножами в еде ковыряются, куски повкуснее ищут. Бардак, одним словом. После наших «цивилизованных» московских посиделок, девушке такое ножом по сердцу. Даже приборы столовые, что у каждого с собой были и вызвали немало удивления у новгородцев, не сильно помогают. Её Лис успокаивает, на том всё и держится. Да ещё и купец пьяный рядом с Катей сидит, миловаться лезет. Шутки на грани фола отпускает, глазками масляными пялится, ручки жирные тянет. К Магде-то не сунешься, она посол, лицо официальное. Лада замужем, о том в начале пира сказано, и муж туточки её. Вот и выбрал купец цель сексопильную, но попроще. А когда узнал, что та воспитанницей в Москве числится, перетолмачил всё на свой лад. Вроде как наложница по его мыслям выходило, вот и стал подкатывать. Катя ни в какую, строго так его отшивает, купец от того ещё больше распаляется. Всё это слышал Юрка, включая слова про наложницу. Тут Рюрик сигнал дал, Лис с Катей встали, за ними — купец. Двинулись к князю, и тут всё пошло кувырком…

Последняя возможность «подцепить» москвичку, купец уже прямо ей на ухо всякие неприличные предложения делает, Катя держится, виду не подаёт. И этот хмырь не находит ничего лучше, чем схватить её своей грязной рукой за пятую точку!

Катя разворачивается, и ка-а-ак двинет ему, ладошкой, пощёчину. Тот в ответ, даром что пьяный, бьёт девушку! Правда, не сильно, не смог замахнуться. А наши-то барышни кун-фу не знают, я и сам не мастер драк, местные же в основном по части махания железом заточенным, а не рукомашеств с дрыгоножествами. Поэтому подготовка «послиц» включает в себя только самооборону по заветам Кузи из «Универа» — глаза-горло-пах. Катя пьяной роже кулаком в кадык, наманикюренными пальцами в глаза, и коленом в хозяйство! Новгородец скрючился, завыл, попадали лавки да столы, наши вскочили, дружки купца — тоже. Ну и драка пошла, точнее — свалка, ибо Катя ногами пинает купца, её наши оттащить пытаются, дружки купца кидаются на Власа с Лисом, воины князя послов защищают да растащить всех пытаются, часть народа падает, подскользнувшись. Да ещё и Вольга с криком, «Господа, позвольте

я пробью с ноги!», ну или нечто похожее, врывается с улицы и тоже в бой, на нашей, причём, стороне. Это он так перед пассией своей рыжей выслужиться решил, показать себя с лучшей стороны.

Свалка занимает минут пять, Рюрик орет громогласно, драка прекращается, но Катя продолжает ногами лупцевать купца! Тот вскакивает, девушку оттаскивают, и начинается рёв, мол, уважаемого человека обидели, честь уронили, надо бы ответить! Катя беснуется в объятьях Лиса, ситуация — просто полный капут. Толпа с криками вываливается на улицу, князь тоже. Там разборки — кто с нашей стороны за честь дамы будет биться, ибо смыть такой позор можно только кровью. А наши-то и зависли! У нас навыки владения холодным оружием — на три с минусом, ибо на стрелковую подготовку упор. Лис ещё куда ни шло, но и так был далеко не Рэмбо, да в Москве вообще опыт растерял невеликий, он-то головой работал больше. А купец вон нарядился, даже протрезвел малость, в броню лезет, орет как резаный про честь порушенную да наших провоцирует, лается по-всякому, обзывает.

Уже и Вольга согласен выступить за нас, и Олег задумался, князь за оставшейся дружиной человека послал… Катя же беснуется, и тоже никак успокоиться не может, выдала весь запас ругательств, включая мои из будущего, и по итогу получился купец импотент-гомосексуалист, как то так завернула. Тот в ярости, орёт, что сгноит всех нас, а Катю на потеху своим ближникам отдаст, до смерти. Та в ответ, мол, пустите меня, я его сама пристрелю! Теперь уже зависли все — со стрельбой из лука, как они думали, «дуэли» тут не проводят. А купец, вместо того, чтобы трезветь, вопит, мол, отпускайте, раз сама хочет, я её на фарш пущу! Хоть с луком, хоть с копьём — все равно убью. Влас, чудо наше, со словами: «То есть на стрельбу все согласны?», дожидается одобрительных воплей со стороны купца и его подручных, неуверенного кивка Рюрика, и даёт сигнал Лису отпустить девчонку.

Дальнейшее занимает ещё меньше времени, чем свалка в тереме. Купец в круг вышел, который образовали «гости», что на пиру были, орёт: «Подайте мне её сюда!», Лис отпускает Катю. Та чуть не прыгает вперёд, за долю секунды собирается и успокаивает нервы, и жестом ковбоя из вестерна выхватывает револьвер и делает непредусмотренное эволюцией отверстие во лбу купца. Ба-а-а-х! Звя-я-я-к! И дырка… Причём, прямо через шлем, мы малость перемудрили с зарядом в револьвере.

Немая сцена, народ в шоке. Лёгкий дымок чуть рассеивается, секунд, что прошли с момента падения тела хватает, чтобы начал

нарастать вой со стороны дружков купца. Мол, нечестно! Влас, видя такое дело, и прикидывая, что всех семьдесят рыл, включая князя, они физически не перестреляют, хватает две свето-шумовых гранаты, делает жест рукой, которому подчиняются оторопевшие Лис и Юра, также доставшие свои снаряды, и, с криком «Бойся!», наше посольство швыряет все это в центр круга. Москвичи наученные, поэтому глаза закрыли, уши руками прикрыли, рот раззявили. А народ пялится на дымящиеся цилиндрики…

Ба-а-а-абах! — четыре взрыва… Пьюшь-ь-ь-ь-ьь — пошёл «чесночный газ»! Все, включая князя, изображают «эффект Златобора», а посольство России руки в ноги, на коней — и тикать что есть мочи! Перед тем Влас пускает ракету, синюю. Это знак кораблю — экстренная, срочная эвакуация с возможным преследованием…

На пристани — тишь да благодать, за три дня зеваки насмотрелись на «Варяга», теперь наша охрана и корабельная команда делают топливо. Шутят с возницами, половина пристани завалена дровами, переругиваются беззлобно с кузнецами. Те берут уголь, тянут в ответ продукты да пиво (я заказал, каюсь). С мачты за этим наблюдает вперёдсмотрящий, в «стакане» специальном. Четыре приглушённых хлопка и синяя ракета над крепостью нарушают покой этого сонного царства. Вперёдсмотрящий бешено молотит в колокол, все лица к нему, он орёт «Эвакуация по плану три!». Мужикам на пристани, новгородцам, резко поплохело. Полетели гранаты чесночные да свето-шумовые, охрана и моряки всех укладывают мордой в пол, освобождают дорогу к яхте. Коней, что гуляли недалеко, хватают, ведут срочно кораблю. Мужиков, плачущих да оглушённых, со словами «Простите, люди добрые, если что не так! Дрова забирайте свои, да уголь, уже уплачено», складывают прямо на поленницы. Охрана тащит пулемёт, занимает оборону на пристани. На реке показались весельные лодки, боевые…

А наши посольские всадники мчат сквозь крепость, распугивают и прижимают к стенкам народ, что попадается по дороге. Уже половину пути прошли, как слегка пришедшая в себя Лада вспоминает, что она-та свою вербовочную и просветительскую работу для Государя не выполнила до конца! Я-то её просил провентилировать вопрос о новом населении для Москвы. Девушка резко, как только на женском седле смогла, останавливает коня, разворачивает его поперек улочки, и, приподнявшись на стремени, толкает речугу испуганным бабам вдоль стены:

— «Товарищи женщины! Доколе, я вас спрашивая эти

шовинисты мужские нас будут угнетать! За людей не считают! Мы что им, игрушки постельные! Подругу мою, девицу невинную, купцина богатый в постель против воли тянул! Сколько можно…» — и так минут пять концентрированного феминистического текста!

Чего так? А я ей говорил, чтобы к бабам присматривалась получше. Мол, если кого обижают, или там вдовы есть — пусть к нам с детьми идут. Воспитать подростков «под себя» проще, чем взрослых мужиков. Ну и про равноправие пару раз лекции читал. Мол, у нас одна баба на тракторе — трёх десятков новгородских кузнецов стоит. Это в части экономики проходило, но Лада всё поняла малость по своему.

Бабы собираются перед «комсомолкой», одобрительно кивают, потом поддакивают, потом — кричат прямо в голос, свои обиды на мужиков вываливают!

— «Не дадим понукать собой как животиной бессловесной!» — распинается Лада, размахивая на гарцующем коне беретом

— «Да!» — орут ей в ответ бабы.

— «Женщина — тоже человек!»

— «Да!»

— «Не дадим позорить себя» — надрывается «комосмолка».

— «Да!» — толпа неистовствует.

— «Ты то чего орешь, ты ж мужик!» — тыкает пальцем Лада в дядьку, что поддавшись всеобщему порыву тоже, задрав кулак, поддакивает «послице».

Бабы оборачиваются, узрели живое воплощение своих бед, так живописно расписанных Ладой, и грозно так надвигаются на дядьку. «Комсомолка» же, видя такое дело, с воплем «Ну вы тут дальше сами!», уносится в сторону пирса. Примчалась последняя, к отправке всё готово. Влетела на яхту, гудок разогретой паровой машины, и «Варяг» медленно начинает разворачиваться на реке. Охрана рубит канаты — снять не успели, а в сторону белоснежного корабля движется уже чуть не десяток агрессивно настроенных лодий. «Варяг» становится поперек Волхова, и тут у него клинит обе машины! Ветра нет, паруса провисли, винты не вращаются. Они то ли забили форсунки для жидкого топлива, некачественно перегнали дрова, то ли просто впопыхах запороли механизмы, но топки сдохли. А вражеские лодки все ближе…

Брезент и фанерные щиты, что прикрывали орудия нашего судна, откинулись, морячки мои педальным приводом повернули башни в сторону надвигающихся врагов. На пристани уже никого, только шум громкий вдалеке, на месте митинга Лады. Но вот один всадник показался, второй, третий… Четвёртым был Олег, машет, кричит, в лодки тычет весельные, что наступают на

москвичей, а «Варяг» всё стоит… Снуют охранники, одни таскают дрова в топку, на твёрдом топливе пытаются идти, другие — конопатят щели после экстренного откидывания борта, ибо течь в трюме, лошади чуть не по щиколотку в воде уже. Катя с винтовкой снайперской уже на корме, Лада и Магда — на носу. Лодки подходят с восточной стороны, пытаются прижать «Варяг» к берегу. Мужики вдоль борта с оружием, Лис и Влас, Юрка с капитаном пытаются дать ход лодке. Башни молчат…

Невидимую линию пересекли три лодки, и с кормы и носа варяга потянулись святящиеся пунктиры трассеров. Сначала к одной лодке, та встала, течением её несёт на север. Потом вторая, третья, следующая. Две даже столкнулись, теперь уже шесть лодок без весельной тяги, четыре отступают. Ещё суда нарисовались, те движутся на перехват уже обстрелянных! За нас воюют! Наконец, как музыка для слуха, резкий гудок — давление пара поднялось до нужной величины. Правда, из трубы валит дым, паруса, безвольно висящие на реях, все не белые, а чёрные от копоти, вперёдсмотрящий задыхается и кашляет. Оставив побоище за кормой, с невиданной до селе скоростью, «Варяг» по течению рванул на север.

До Ладоги дошли на одной машине, вторую приводили в чувство. Там среди ночи раздался гудок, полетели ракеты. «Десант» моих Имперских штурмовиков с воплями «Московское посольство!» ввалился в крепость, изъял из постели ничего не понимающего Златобора, и, не останавливаясь ни на минуту, рванул на озеро. Уже на Ладоге запустили вторую машину на жидком топливе, а первая сдохла от большой нагрузки. На одной они в итоге и прибыли…

— Ну как-то так, — подытожил Лис рассказ моих «послов».

— Писец… — только повторил я, ошарашено глядя на красных от стыда ребят и философски настроенного Лиса.

— Это что такое? — тихо поинтересовался Влас.

— Зверёк такой, пушной, — просветил его Юрка.

— Он на севере живёт, — заискивающе вставила Лада.

— Ага. И периодически наступает! Вы что, народ, с ума посходили! Какого хрена!..

Я надеюсь, что мой часовой монолог дед в летопись не вставит, ну или пригладит его как-нибуль. Вроде, «Государь принял доклад у послов, указал на некоторые неточности и отступления от протокола»…

— Вы же понимаете, что теперь Рюрик на нас войной пойти может? — я обессиленно откинулся на стуле после своей речи.

— Понимаем… — хором ответили ребята.

— Может, обойдётся? — тихо поинтересовался Лис, — Купец

тот сам первый полез…

— Лис, ну эти-то ладно, молодые да дурные, но ты мужик опытный, сам как думаешь? По-человечески, вы всё правильно сделали, а с точки зрения князя? Приехали, народ постреляли, купца — его купца! — прибили, Рюрик как-то ответить должен, иначе какой он князь?

— И то верно, — согласился Лис.

— Короче. Вам всем — пятнадцать суток отработок за срыв дипломатической миссии. Влас, сам себе статью определишь, ты более в Кодексах подкован. А теперь… Зоряна! Пиши указ о введении особого положения.

— И в чем он заключается? — приготовилась писать супруга.

— В подготовке к отражению агрессии с юга. Из-за вас, — я ткнул пальцем в группу грустных ребят, — все наши планы производственные к лешему полетели. Отправил я на посольскую миссию — а вы устроили дипломатический налёт…

Последствия не заставили себя ждать. Вся Москва теперь ходит на работы вооружённая, группами менее десяти человек не передвигаются. Пришлось усилить патрули, выделить народ на охрану дороги и даже «Варяга» периодически гонять на озеро. Яхта текла, экстренное открытие аппарели на половину борта не прошло даром, требует доработок и модернизации по результатам похода. Но других судов у нас нет, кроме рыбацкого, но оно не вооружено.

Стоял я на башне, смотрел за тем, как наше «посольство» занимается уборкой территории в качестве отработок. За прошедшую неделю чуть успокоился, проанализировал результаты заново, понял в чем допустил ошибку. Слишком молодые люди в посольстве. Да, как провокация, которая задумывалась — это было верное решение. Да и по местны меркам пацаны и девчата уже далеко не дети. Но это там, в Новгороде, например, они уже взрослые. Когда с четырнадцати лет в поле, когда через себя голод, холод да набеги пропускаешь, к восемнадцати годам получается серьёзная, сформировавшаяся личность, которая может принимать решения, прекрасно понимая их последствия, и готовая нести ответственность за них. А у нас? Тепличные условия, учёба да работа в солидарном, достаточно гуманном обществе по фиксированным законам. И если там, за пределами Москвы, жизнь подростков восемнадцатилетних сама заставляет держать свои гормоны в узде, то у нас они их выплёскивают в пределах законодательства, и за это им ничего не бывает. И вот если такой «контингент» отправить в нервную обстановку с серьёзным заданием, да ещё и в общество, которое живёт традициями да неписаными правилами, какой результат

получишь? Правильно, взрыв гормонов и его последствия. Новгородская девушка соответствующего возраста на месте Кати легко и непринуждённо отвела бы руку купца от пятой точки, свела бы все к шутке или сослалась бы на традиции, и ушла бы от конфликта. А наши — сразу бить в грызло. Теперь вот они метут да моют Москву всей толпой после рабочего дня, а я за этим наблюдаю с башни. Народ московский, кстати, спокойней ко всему отнёсся, слухи о «дипломатическом налёте» быстро распространились. Но реакция интересная, мол, нечего наших баб за зад хватать, и правильно всё ребята сделали. Хотя, конечно, за безопасность теперь все переживали, не без того. Да, переоценил я своих соратников, переоценил…

Зато недооценил местных хроноаборгигенов! Ибо ещё через несколько дней по утру вся Москва проснулась от звуков сигнального колокола. Три длинных, один кроткий — опасность с озера. А у нас как на зло «Варяг» у причала судостроительного завода, на ремонте очередном. Стены наполняются людьми, народ занимает позиции, зевает, готовит отражать агрессию. В этот раз противник в виде одной здоровой лодки. И на ней машут чем-то как не в себя. Да ещё и полотнище красное на мачте, как на нашей яхте. В подзорную трубу видно, что на флаге прибывшей лодки сокол атакующий, значит, Рюрика люди. Только вот кто? Для атаки сил явно мало, тоже посольство решил прислать? А не получится ли, как с нашим? Стрельба, драка, трупы, обиды да конфликты — а ну как выдать послов князь попросит? Вот с такими мыслями и появился я на ближней к озеру башне.

— Ну что тут, Торир? — вождь рассматривал в подзорную трубу прибывших.

— Новгородцы. Точно новгородцы, вон и Олег на палубе. Машут, орут, не разобрать, правда, чего…

— Хм… Олег, говоришь… Ну пусть ближе подойдут, давай народ соберём, с пулемётами, на судостроительном, там и встретим их, на пирсе.

Жестами и воплями в рупор-громкоговоритель отправили лодку по каналу. Аккуратно, чуть не цепляя вёслами берег, под дулами внимательно сопровождающих лодку винтовок, пулемётов и огнемётов, новгородцы приблизились к пирсу. Там уже я стоял, в доспехах и плаще парадном. С лодки на пирс спрыгнул Олег… Тоже в красной накидке, только с соколом на всю спину! Олег встал и пафосно произнёс:

— Посольство к Государю Московскому и Российскому, почётному боряину Новгородскому(!), Сергею Игнатьеву от князя Новгородского Рюрика! — Олег осмотрел уставленные на него

штыки и стволы, чуть смутился, отцепил меч и бросил его в лодку, — Для подписания роты… договора! С миром!

Напряжение, буквально пронизывающее всю Москву чуть поутихло. Говорить пришли, это хорошо…

— Государь Российский приветствует посольство от князя Новгородского! — вступил Лис, — Для проведения переговоров оставьте оружие на лодке, и выделите делегацию!

С лодки начал спрыгивать ещё народ, Влас мне на ухо вполголоса комментировал:

— Это из Рюрика дружины, эти вон Олега… О! А это родичи нашей Жуляны! Они что, тоже в посольстве?

— Её и девчёнок зови, они в салоне сидят, там медпункт запасной, — отправил я человека из ГБ, — Добро пожаловать, гости дорогие! Кто пойдёт на переговоры из вас?

— Я пойду, — Олег вышел чуть вперёд, — со мной трое. Остальные тут побудут.

Я махнул рукой, мол, за мной идите. Двинулся Олег, Вольга вездесущий, довольно старый уже мужик, отец Жуляны, и ещё один дружинник, незнакомый, это Рюрика воин. Остальные, включая оставшихся родственников нашей бизнес-вумен остались на пирсе. По дороге встретили девчёнок из «Салона», немало удивив тем самым Жуляниного отца. Барышни в камуфляже, с повязками с красным крестом на руках, вооружённые, серьёзные и суровые. Во главе — Жуляна. Увидела отца — расцвела, куда былая сосредоточенность делась. А вот папа дочку не узнал — на фото она в нарядных платьях, а тут — в форме. Встреча была бурной, но очень короткой — не до сантиментов сейчас, надо прояснить наши взаимоотношения с Новгородом.

Приём посольства и переговоры начали в актовом зале. Олег толкнул речь про «вечную дружбу», достал уже подписанные князем договоры. Причём — все, Рюрик даже исправлять ничего в нашем тексте не стал. Странно. После официальной части, когда обстановка чуть разрядилась, сели обсуждать уже на словах последствия нашего «дипломатического налёта». Олег попросил сделать это с глазу на глаз да достал письмо от князя, личное. Народ нас оставил, Олегу я доверял, сам погрузился в текст письма. На середине придвинул к себе чистый лист, начал рисовать схемы. Н-да, навертели наши послы дел, ой навертели…

— Олег, теперь словами скажи, что там в Новгороде было? Своих-то я наказал, а Рюрик уж очень расплывчато написал…

— Государь!.. — вскочил Олег.

— Да садись, вон, отвара выпей. Мы, чай, не первый день знакомы. За встречу такую, осторожную извини, но сам понимаешь. Мои в Новгороде шороху навели, я их за это уже

наказал, теперь вот опасаемся реакции твоего князя. Вон, Москва с винтовками ходит, работа чуть не вся встала…

— Государь, — уже спокойней начал вещать Олег, — ты сильно-то не переживай. Новгород наш теперь тоже… Взбудоражен…

Рассказ Олега дополнил письмо Рюрика, в котором в основном была «вода». А вот вместе с рассказом Ладожского воеводы интересная такая комбинация получалась. Да-а-а, сильно я князя недооценил, сильно…

Посольство в первый день вызвало пересуды да обсуждения по всему городу. Новгородцы подивились и лодке странной, и составу посольства, и подаркам князю, о которых слухи просочились. Но на второй день все малость затихло, а на третий — так и совсем забылось. Ну приехали варвары какие-то в славный град, странные, богатые, не без того, но таких послов в крупном торговом городе — десятка три каждый день. И «царьки», что деревней в пять дворов управляют, тоже все из себя разнаряженные и расфуфыренные. Что ж теперь, мозги себе этим забивать? На это князь есть, и купцы богатые, что городом рулят, пущай у них и болит душа за странных гостей. Разве что возницы, что дрова таскали к пристани, рассказывали про необычные порядки да странные вещи на лодке белой, но таких сказок тут каждый сам с десяток рассказать может.

А вот князь после официальной церемонии и достаточно наглого ухода послов «по своим делам», послал человека доверенного проследить, что, мол, там за дела у них. Человека того Влас и поймал на пути из родного дома Жуляны, ему же глаз подбили и бумагу с описанием дел своих выдали. Над той запиской Рюрик с доверенными лицам и просидел чуть не половину ночи. Потом выждал чуть, и начал при помощи нашего посольства решать свои дела!

Три группировки купцов в Новгороде, одну ослабим, политически и финансово, будет легче, рассудил князь. Инструмент для финансовое ослабления мы ему сами подкинули, торговое соглашение о монопольной продаже наших товаров через князя. За это, кстати, у нас теперь письменная благодарность имеется от Рюрика. А вот с политическим ослаблением… Как «уронить» авторитет купца, семья которого не одно поколение в городе дела торговые ведёт? У таких связи в Новгороде, куча соглашений, гласных и негласных, масса должников и обязанных людей. И таких кланов олигархических — три штуки. И если два хотя бы против князя выступят совместно — пиши пропало.

Вот и родился у князя некий план. Насколько я понял,

автором его был тот самый доверенный человек, которому наши «фонарь» под глазом поставили. План был достаточно прост, и по своему элегантен. Надо спровоцировать конфликт между послами, которые сами уже поводов дали немало, одна торговля исключительно с князем чего стоит! Как так, обойти уважаемых и авторитетных людей Новгорода, лишить их практически по праву рождения положенных прибылей и отдать их какому-то варяжскому выскочке, которого вообще-то мечом махать во славу Новгорода и его уважаемых людей нанимали! Да ещё и Жуляны отец, тоже купец, но средней руки, получил кучу всяких дорогих подарков, зеркал тех же, а старых, родовитых олигархов обидели! Какого-то лавочника, что второе-третье поколение всего торгует, одарили как князя, а тех, кто реально власть держит в городе и на землях княжества — обошли! Непорядок! Такие, кстати, настроения подогревали наушники князя до пира, на самотёк Рюрик это дело пускать не стал..

Потом князь хотел сделать просто. Организовать конфликт с нашими людьми, Рюрик его «разрулит» на словах, товар Московский придержит под соусом того, что «обиделась Россия, нового на продажу ничего не шлёт». Ну а дальше опять слухи в дело пустить в городской и купеческой среде, мол, из-за купчины вот этого, имярек, такая хорошая торговля встала! На этой волне князь хотел чуть принизить значение выбранного купца, ослабить его группировку, выторговать себе больше власти. Торговца, что с пулей во лбу в итоге оказался на пыльной земле перед княжеским теремом, тоже выбрали не случайно. Во-первых, он возглавлял самую сильную группировку из трёх. Во-вторых — на баб был падкий, ни одной юбки мимо себя не пропускал.

Сценарий есть, актёры определены, мизансцена готова — пир. Дальше дело техники. Пара комплиментов купцу выбранному, мол, силён ты, брат, все девки перед тобой штабелями укладываются. Несколько намёков сальных насчёт краль московских, что с послом приехали. Ну и настойки нашей плеснуть в пиво, не без того, и дело готово.

* * *

Рюрик-то думал, что купец оскорбит послов, те запросят поединка. Князь против воина купца своего поставит, за послов вступится. Кто победит — не важно. Князя воин верх одержит — Рюрик руками разведёт, мол, мала плата за оскорбление была, Москва товар придерживает, ну и слухи распустит. Купца воин жив останется — так тем паче, послы оскорблены, торговать не хотят. Ну а нам тихой сапой письмецо вышлет или человечка доверенного, дескать, друг мой Серега, коллега по цеху, поучаствуй, подыграй, помоги олигархов к ногтю прижать, а я за это все предложения твои приму. Такая вот «многоходовочка».

Но вместо тайной операции в среде Новгородского купечества начался форменный бардак. Кто ж знал, что девка (!) на купца кидаться начнёт, а тот на неё! Где-то в тот момент, когда народ одобрительным гулом поддержал предложение Власа разрешить стрельбу на поединке, Рюрик уже начал сомневаться в правильности принятого решения. Послы же наши долго думать об этом ему не дали. Выстрел, взрывы гранат, «слезогонка» — события развивались стремительно. Когда князь и гости малость отошли от вспышек и громких звуков, послов и след простыл. Отправили за ними гонцов, мол, вернитесь, всё в порядке. Не успели окончательно прийти в себя, как к Рюрику ввалился дружинник, и завопил, что купец своих людей послал на лодках «Варяга» перехватить, ещё до поединка такой приказ отдал! Князь в состоянии лёгкой паники — вояк отправил, кого собрал, на лодках атаковать отправленных купцом налётчиков. Через пару часов они вернулись и доложили, что «Варяг» ушёл, перестреляв чуть не половину дружины купца, гонцы тупо не успели из-за свары посреди улицы! Князь в настроении питейном, убийства уважаемого купца новгородцы послам не простят, надо дружину собирать, готовиться выступать на Москву. Остановил его все тот же доверенный человек, Лок у него прозвище, сокращённое от Локки, ибо хитрый, зараза, и умный, и скандинав. И вот до того Лока стали доходить какие-то странные слухи. Да что там слухи, чуть не бунт в Новгороде! А кто виноват? Правильно, бабы!

После выступления нашей «комсомолки» Лады, митинг, организованный которой, не дал посланникам Рюрика дойти до «Варяга», народ чуть пошумел, но успокоился. А тут на сцену вышел отец Жуляны, внепланово, кстати. Папа собрал подарки дочери для подружек, и начал без задней мысли посещать таких же купцов средней руки, дарить их дочерям зеркала, косметику,

показывать альбом, внуком да зятем хвастаться. Да девки его дворовые тоже язык подложили, тем похожие наборы подарочные сделали. В высокий политес папа не лез, тупо выполнил просьбу Жуляны. А тут ещё и мужики с пирса, которые дрова возили да уголь забирали, свои пять копеек добавили. Рассказали, что и плату им дали, и часть товара оставили, да ещё и извинялись за ущерб. А какой там убыток-то! Так, побили не больно да оглушили без последствий для здоровья.

Все это, митинг, подарки, рассказы, плюс безжалостная расправа с дружиной убитого купца, породило новые слухи. Мол, приехали люди добрые, всем бабам (!) обещали по зеркалу. Но купчина, козлина такая, на девку полез из послов, чем оскорбил её сильно, отчего послы собрались и уехали, оставив барышень новгородских без таких желанных «игрушек». Не верите? Вон, на девок дворовых гляньте у папы Жуляны, только им и успели послы оставить подарки. А все потому, что оскорбили «послицу»! О том бабам в детинце люди московские сами сказывали, мол, невинное дитя совратить собирался купец, мошной тряс, а как та на серебро не позарилась, так силой взять намеревался! Это они митинг Лады так восприняли.

День — слухи разошлись по городу. Ночь — бабы пилят мужей, мол, какого хрена я без зеркала, что, из-за купца на передок слабого!? День — замученные мужики уже сами по углам шепчутся, идут к папе Жуляны, прояснить обстановку. Там зеркало в человеческий рост и рассказ о том, как новгородская барышня стала первой московской «бизнес-вумен». Плюс про внука, что родился, а ведь дочка долго не могла забеременеть! Ночь — опять не спать мужикам, после их же рассказов жёнам. Им и про зеркало вспомнили, и про косметику, и про Ладу, что говорила о том, что женщин в Новгороде за людей не считают.

Олигархический клан убитого купца распался на третий день, по сути. Кто с ним работал, почти все перестали, к другим ушли. Те же, кто поумнее был, отправились к отцу Жуляны. Просят к князю пойти, раз он тут доверенное лицо послов тех странных, и кланяться ему на момент мирного решения конфликта с Москвой. А то бабы со свету сживут. Вон, кучками по городу стоят, что-то обсуждают громко и мужиков к себе не подпускают. Папа в шоке! Где он, а где — князь! На этот счёт и растолковал пришедшим людям. Те поняли по своему — начали задаривать в счёт будущих поставок московских товаров! Чуть не силком суют серебро да золото, каменья да меха. Да интересуются, может чего другого той Москве надо? Папа в «непонятках», он-то про торговлю с нами и не в курсе. Пошёл, ветром гонимый, искать, кто имеет хоть какую-то информацию о новом государстве. Нашёл Олега —

тот как раз готовился в составе дружины Рюрика идти на Москву. Ладожский воевода, к его чести, сопротивлялся решению князя ответить Москве силой, уговаривал дальнего родича оставить эту затею и пойти поговорить. Да и Лок не торопиться просит, мол, надо поподробнее узнать о людях новых.

С приходом купца Рюрик занял выжидательную позицию. Длилась она не долго — подворье убитого купца загорелось, подожжённое чуть не с десяти сторон. Причём семья его сбежала от греха подальше. На пепелище образовалось подобие вече, что постановило — войну отложить, переговоры продолжить, за обиды дать Москве мзду, конфликт считать исчерпаны. Вече, по словам Олега, было из двух частей — первая, мужики, стояли в окружении второй, толпы баб, которая зорко следила, чтобы от их, бабий, интерес, был соблюдён. Ну вроде как под конвоем женским собрание прошло. Под шумок всё оставшееся имущество купца, включая долги третьих лиц в его пользу, отошло казне, мол, за обиды послам его отдадим. Понятное дело, далеко не всё в Россию отправлять собирались, часть Рюрик споро поделил меж довереенными людьми и мелкими купцами, на всеобщую радость.

Дальше — больше. Лок, быстро сообразив что к чему, опять запустил слух. На этот раз о том, что не только убитый купец обижал бедных послов, но и остальные олигархи тоже хотели под себя товар подгрести. Опять народ шумит, купцы открещиваются от обвинений, старые союзы распадаются, новые образуются, «партия» отца Жуляны, Ратибора, растёт как на дрожжах. Под чутким взором Лока, новгородцы шумят, требуют решения конфликта. И вот когда окончательно люди созрели, Рюрик вызвал Ратибора к себе. Тому, внезапно поднявшемуся до небывалых высот, объяснили положение, и уже попросили (!) выступить в качестве посредника на переговорах в отправляемом посольстве. Папа Жуляны согласился. Во-первых, статус в это время очень много значит. Во-вторых — самому интересно, что там в Москве. Ну а в-третьих, как не согласиться, если друзья-товарищи, новые и старые, пороги оббивают, просят хоть как-то укорот на баб найти, привезти им те долбанные зеркала!

Рюрик же посовещался с Локом, и тоже со своей стороны решил «подмаслить» Москву. Его доверенный человек внимательно изучил нашу с князем переписку, уважительно отнёсся к идее с Орденом Дружбы Народов, и между строк прочитал именно то, что я и писал. Теперь лично мне давали невиданное звание — Почётный Боярин Новгородский. Обязанностей нет, прав — тоже, так, ради статуса. Ну разве что могу пожить месяц-другой с семьёй в Новгороде за казённый, княжеский, кошт. А Москва и Россия теперь — Почётное

Новгородское боярство, примерно на тех же условиях, без прав и обязанностей. Вот такие вот повороты судьбы.

И это всё — только та часть последствий, что торговли «бабским» товаром касается. А у мужиков — своя забота. Народ новгородский малость в шоке, особенно та его часть, что с битвами да походами связана, то есть — почти все. Сила-то на перехват «Варяга» вышла немалая — и ополовинилась чуть не за три удара сердца. Это одна лодка такое сделала. А сколько их у Москвы? Да и поединок тот… Бабу оскорбили, за пятую точку схватили, что тут такого? А она за железяку непонятную сразу хвататься и дырки в купце, который тоже далеко не слабый воин, давай вертеть, генетикой не предусмотренные. Мысль народная гибкая, сразу возник вопрос. Если у них такие бабы, то что за мужики? Это что, если бы кому из Чёрных Воинов обиду нанесли, так пол-Новгорода в Ирий, рай так называют, отчалит? Вон, дружина купца, половина от которой осталась, после битвы на Волхове вообще чуть не завязать решила с опасным бизнесом, да на землю сесть. А как они народ ослепили да оглушили? Это что, ещё и волховать-колдовать могут москвичи? Манны много и «скилы» прокачены? Как с такими вообще биться тогда? Не, тут народ отчаянный, но не тупой, быстро прикинул что к чему, и на войну с Москвой собирался нехотя, через силу.

Поэтому, когда информация о решении князя вести переговоры дошла до «ширнармасс», те самые массы его единогласно поддержали. Собрали людей из дружины Олега и Рюрика, группу родственников Жуляны, Ратибор с одним из сыновей, младшим, самого Олега и Лока. И вот эту банду и направили сюда…

— Погоди! А что, Лок здесь, что ли? — я прервал рассказ Олега.

— Ну да, он со мной был, и Ратибором, мы втроём сюда пришли — посланник Рюрика даже удивился.

— И я его в крепость пустил… Ой дурак! — я хлопнул себя по лбу.

— А что такое? — распереживался Олег, — Не так что? Мне князь наказал без договора не появляться. Ты, Государь, если что не так, не серчай…

— Да успокойся, все подпишем, не вопрос. Сами же текст готовили. Просто уж очень хитрый этот ваш Лок.

— Откуда знаешь? — Олег ещё больше удивился.

— Ну, из твоего рассказа, да и из письма… — я выдал ему ту историю, которая сложилась у меня в голове.

— Эвона как, — Олег даже растерялся, — выходит, сам князь купчину под бабу вашу подвёл? Под её выстрел?

— Так, ты подписку давал? — я грозно посмотрел на посланника, — Давал. Поэтому об этом молчок, то дела уже наши с Рюриком. А вот Лока бы надо позвать, да и я своих подтяну…

Позвал я Власа, Лиса, переговоры продолжили в более широком составе. Обрисовал обстановку, заслужил одобрительный, и даже уважительный взгляд Лока.

— Так что, посольство ваше удалось, практически. Теперь нас считают добрыми, богатыми, щедрыми. Ну и полными отморозками, что на каждый косой взгляд за ствол хватаются и палят в людей почём зря.

— Ну так это и хорошо! — радостно потёр руки Лис, — Все меньше лезть будут.

— А тебе Влас, ещё пятнадцать суток отработок, — я подписал заранее подготовленную бумагу.

— За что!? Получилось же, сам сказал… — приуныл пасынок.

— За некомпетентность. Вон, коллега твой сидит, Лок, он тоже по части безопасности, только в Новгороде. А ты не разглядел того, и в морду равному тебе профессионалу отвесил.

— То дело давнее, — с едва заметным акцентом промолвил Лок, поняв примерно половину из моей речи.

— Ну вот, пообщаетесь, подумаете вместе над тем, как границу крепить станем между Новгородом и Москвой, как связь налаживать, вопросы с преступниками и общими врагами решать. Думаю, тем для бесед у вас много найдётся.

— И что, прям так всё и расскажет мне малец? — улыбнулся хитро Лок.

— Ага, держи карман шире. На этом мальце, как ты выразился, трупов — чуть не пять десятков. И это лично в Хель отправленных. Думайте, как избежать в следующий раз таких вот «разборок».

Теперь Лок уже уважительно на Власа посмотрел. Ну да ладно, это сделали, теперь за «пряники» возьмёмся.

— Олег! Там Рюрик в письме писал про плату за обиды. Но как-то вскользь, неявно. Чего нам положено-то?

— Князь серебра прислал тебе, — пояснил Олег, — из имущества того купца. А про обиды он ещё на словах передал. Сказал, что если обида сильная той вашей девушке…

— Катя её зовут, — подсказал Влас.

— …Вот той Кате нанесена, то он готов её в жены взять себе, — закончил Олег.

Мы малость оторопели от такого предложения.

— У него же вроде княжна есть? — осторожно поинтересовался я.

— Ну да, только их четыре. Ещё, — Олег воровато оглянулся

по сторонам, — девки, наложницы… Ты только не думай что Катю вашу в наложницы, нет! Он в жёны хочет!

— Э-э-э-э, это предложение как, обязательное? — я с тоской представлял, как на него отреагирует Катя, там и мне достанется, и остальные от гнева фурии не уйдут, да и не по Закону это, принуждать в свадьбе, — Или подумать там можно, Катю спросить…

Напрягшийся Олег выдохнул облегчённо:

— Это он на тот случай, если по другому никак, предложил. Ну как предложил… — все обернулись на Лока, а тот сидит, лыбится, мол, я тут не причём.

— Ясно, короче. У нас Закон, неволить её не стану. Захочет — пусть идёт за князя. Только я думаю, не согласится. Он у вас и так уже в годах, хоть и крепкий на диво, а Катя молодая, горячая…

— Ага, прям кипяток, — встрял Лок.

Все заржали, действительно, Катя у нас — палец в рот не клади. Купчина вон попробовал… Ну не палец, конечно, и не в рот, но тоже позарился на нашу Катю.

— Ладно, то понятно. Непонятно только, почему Рюрик на это согласился? Баб и так у него много, ещё одна зачем?

— Баб-то много, а детей — только две дочки, — пояснил Лок, — да и тех уже раздал по мужьям. Сына хочет… А ваши барышни крепкие, может, с ними что получится…

Я задумался. Ручки чешутся поговорить с Катей, уговорить её принять предложение Рюрика. И уверен, что смогу ей всё объяснить правильно, пойдёт она на этот шаг. Но, если честно, втягивать девочку в такое грязное дело, как политика, у меня, как у человека, а не государя, рука не подымается. И вот дилемма, как любит повторять Кукша, к какой стороне своей личности прислушаться — к государственной или человеческой? Для России династический брак такого порядка — несомненное благо. А вот для меня, Сергея — бессонные ночи и вечные сомнения и переживания. А ну как она там несчастна будет? Или там через неё Рюрику зло причинить захотят? Я вообще это пережить смогу?

— Короче, — я рубанул рукой по столу, — решать ей. Да-да, нет-нет, неволить не стану. Если не примет предложение, что тогда?

— А у нас на лодке подарок для невесты, — оживился Олег, — там меха дорогие да украшения. Вот они и пойдут в плату за обиды.

— Ну вот Кате это и отдадите, ей обида нанесена. А уж становиться княжной или нет, пусть сама думает. Единственно, с наследником, сыном Рюрика, надо подумать да со Смеяной

поговорить. Может, поможем так, с уже существующими жёнами. Ну, пошли плату за обиды посмотрим, что ли…

— Там не только за это. Серебра ещё для покупки зеркал князь послал, — вставил, наконец, чуть пришедший в себя Ратибор.

— Хорошо, учтём, — мы все встали и пошли к судостроительному.

Пришли к пирсу, там обстановка менее дружелюбная. Мои также держат под прицелом лодку посольскую, народ на ней в напряжении. Разве что Жуляна с подружками развлекает отца и брата, рассказывает, как мы живём, внука показывает.

— Ну давай смотреть, что там в качестве платы Рюрик передал, — я попросил Кукшу, руководящего «осадой» лодки чуть снизить уровень безопасности.

Олег метнулся на борт, и выпрыгнул с парой человек с мешками в руках. Два больших, один поменьше, но, судя по тому, как Олег под его весом согнулся, потяжелее. Поставили на пирс, развязали… Мои даже присвистнули — нам перепал натурально мешок серебра! Вот прям мешок! Там какие-то монетки, слитки, гривны да обрубки их, рубли серебряные. В других мешках — мех, плотно скрученный да увязанный. Хороший такой, добротный.

— Ого! Это ж сколько тут! — Лис чуть не трясущиеся руки тянул плате за обиды.

Олег назвал цифру. Ахнули уже все, включая присланных Новгородцев, они тоже не знали, что везут.

— Ну ни… чего себе! — вымолвил я, — Лис! Тащи накладные и Леду, охрану с лодки на низкий уровень, народ посольский пусть в лагере за стеной деревянной располагается — будем дебет с кредитом сводить…

— Тут вот ещё за обиду, от князя, для Кати… — начал было Олег.

— То потом, дай с этим разобраться.

— А чего разбираться? Цена нормальная, по весу — Лис приподнял мешок, — вроде хорошо выходит.

— Сколько и каких князь зеркал хотел? — спросил я у ратибора.

Тот сделал неопределённый жест рукой, мол, на сколько хватит — всё возьмём.

— Ладно, посчитаем. Да и качество серебра оценим заодно…

Подсчёты затянулись почти на неделю. Посольство в основном сидит в лагере, их охраняет с башни одинокий пулемётчик. Жуляна с Ярило родичей принимает, Лок с Власом торчат в основном у Держислава в клубе. Вот уж действительно

не знаешь, где найдёшь, где потеряешь! Лок сильно заинтересовался нашим гримом да нарядами для сцены, мол, был бы в таком в Новгороде — не узнали бы, надо перенимать опыт. Влас же конспектирует разговоры с ним, потом вместе вечерами разбираемся в сложившейся ситуации в свете новых международных договоров.

Олег, Вольга и Ратибор с нами сидят, торгуются. Это тут проблема. В моё время деньги одинаково стоят, ну, если валюту не брать. А тут мало того, что товар весь разный, уникальный, так ещё и средства оплаты такие же. И состав сплавов, и размер, и плотность — все разное. А ещё меха — с теми вообще тихий ужас. Приял волевое решение — все серебро в переплавку, сделать штамп, по типу того, что мы для своих железных монеток использовали, только со знаком Рюрика вместо нашего герба и надпись о номинале на монетах на словенском. Ценные, уникальные монеты, отправил в свою нумизматическую коллекцию, остальное в печь. Олег кинулся было спорить, мол, князь-то по весу спрашивать станет, а ну как меньше денег выйдет после переплавки? Успокоили, на первый раз мы ему скидку хорошую дадим да по массе серебра товар отгрузим, до штамповки монеток с номиналом.

Станок есть, штамп протравили, Буревой нам всё серебро переплавил, добился одинакового состава. И пошёл поток монеток. Определили пять номиналов, от одного до пяти рублей, чтобы удобнее было, разное количество сплава на каждый номинал, быстренько сделали валюту. Процесс торга пошёл легче. Разве что удивлённые взгляды послов да расспросы их затягивали процесс.

Зачем резьба по краю? А чтобы не обрезали монеты. А картинка с обоих сторон? Чтобы не стачивали плоскости, потому и рисунок неглубокий. А вес какой? Вот вам таблица, там в наших величинах размеры и вес. А в словенских мерах? А вы сможете словенские меры дать? Ну вот пядь есть, палец, в них как получиться? А вы всем посольством пальцы да руки свои измерьте, вот линейка, да потом прикиньте, насколько разные монетки по вашим мерам получатся. Ушли — вернулись грустные, не думали об этом.

Оказалось, по нашим расценкам, что Рюрик нам заплатил за несколько сотен малых зеркал, с две ладошки каждое. Если честно, далеко не факт, что мы это в обозримые сроки сделаем. Лис, правда, настаивал на том, что надо по Новгородским ценам считать. Не получается — слишком уникальный товар, нет такого у них на торге. Спросили Ратибора, на сколько собственно они рассчитывают товара, ежели только зеркала отгрузим. Оказалось,

на три десятка! Ну нихрена ж себе у них там цены! Но и разорять Новгород нам не с руки, сели думать. И себя обидеть не хочется, и Рюрика — тоже. Сошлись на том, что мы им штук пятьдесят отдадим, они на складе есть уже, а там пусть разбираются. Перешли к мехам. Опять проблема обменного курса. По нашим записям шкурки те очень дешёвые выходят, а нам половину из планируемых трёх десятков зеркал именно шкурками заплатили. Начались торги. Сошлись на том, что меха мы все заберём, а вот серебра часть в новеньких монетах уйдёт обратно к князю. Причём Лок на этом настоял, у него какие-то свои резоны есть.

На перспективу же решили чуть по другому делать. Пусть нам новгородцы дадут перечень товаров с ценой на их торге, а мы уж станем заказывать им поставки в качестве оплаты за наши зеркала. Интересовали меня импортные вещи да сырьё. Соль прежде всего — не могли мы этот дефицит преодолеть пока полностью. А из далёких стран пусть тянут всего по чуть-чуть, может, сгодится что. Ну и привычные уже мне цветные металлы — медь, олово, свинец. Причём не в дельных вещах, а в слитках да заготовках, тут уже, в Москве, определим, что с ними делать.

Вообще же ситуация складывалась странная, хоть и ожидаемая. У нас по сути автаркия, замкнутое государство на полном самообеспечении. Если мы отгрузим в Новгород несколько десятков ростовых зеркал, да Рюрик их продаст по новгородским ценам, мы тупо подберём всю наличность в княжестве. Торговля встанет, что делать дальше — неясно. Купцы, понятное дело, повезут их дальше — но своих-то баб для начала надо обеспечить, а то после нашего визита они бунтуют. Но даже если они их дальше продадут, через пару циклов ситуация все равно повторится, мы высосем из Новгорода «наличку». Что князь может нам предложить взамен? Ни-че-го. Город торговый, купеческий да ремесленный, а по этой части мы его сами завалим чем хочешь, в большом количестве, да ещё и такого сверху добавим, о чем там отродясь не слышали. Да и импорт не сильно эту ситуацию меняет. Вон, Добролюб из Гребцов, привёз нам перец на пробу. Он рынок проверить московский хочет, понять, чем после животины он меняться сможет. Обычный чёрный перец, горошком. Только тут он на вес золота почти, а мы его весь посадили, в теплице, взошло три ростка. Их берегут как зеницу ока, и скоро они дадут семена, потом — ещё, в геометрической прогрессии. И через пару лет мы сами перцем тем кого хочешь завалим. Подарил папа Жуляне потрясающую гривну, не ту, которая тут за валюту, а на шею вешать, украшение. Золотая, между прочим. А дочь его в артель подростковую отвела, где мы из меди и стали украшения делаем, там такого — завались. Ну и

что, что металл не благородный? Зато красиво, и не так громоздко. А у нас скромность ценится, вон, на Государе почитай только плащ с золотым шитьём да кольцо обручальное маленькое, кривое. А уж если глава государства так выглядит, то и остальным не грех. Нет у нас примеров разгульной роскоши! Не на кого опираться при формировании образа! В Новгороде купец перстнями пальцы украсит, гривну золотую на шею, мехов побольше — и сразу все видят, что богатый, солидный мужчина. А у нас такой появиться — только пальцем у виска покрутят, мол, чего он по жаре в таком виде гарцует? Тяжело и неудобно. А статус — на погоне видно, да по нашивке нарукавной читается. И те маленькие звёздочки на плече зачастую больше значат, чем все меха того купца. Проблема у нас с товарами. Единственно, за книги зацепились мы, что в Новгороде, бывает, продаются.

Они тут тоже бесконечно дорогие — их пишут от руки, на пергаменте, коже выделанной, украшают каменьями. Двух одинаковых, по сути, нет — что там переписчик увидел в оригинале, неизвестно. Везут их с юга, из Византии, в основном. Ценность их для всех — огромная, а для нас — непонятная. Прикладные знания из них черпать? Да мы сами тут кому хочешь нос утрём по этой части. Философские и религиозные трактаты собирать? А нужно оно, плодить сомнения да культы? Мало ли что мои граждане прочтут между строк… Но все же это пока единственное, что нас хоть как-то заинтересовало. Может, хоть что-то полезное узнаем — и то хлеб. Вроде, разрешили вопросы торговли.

— С Катей надо решить, — напомнил Олег.

— О! Точно! Давайте, несите плату свою, что Кате за обиду полагалась, я девушку позову.

— Ну что, Екатерина, — начал я, когда все собрались, — у посольства Новгородского к тебе есть дело…

— Про купца того? Так он сам первый… — девушка сразу показал свои «иголки».

— Нет, про купца все уже решилось. А вот за обиду тебе Рюрик решил отплатить. Руку и сердце своё тебе предлагает, замуж зовёт…

— Да как он…! Да как вы…! — Катя начала орать, посольство малость в шоке от её напора.

— Цыц! Пока лишнего не наговорила — замолчи! — я ударил ладонью по столу, — Дослушай сначала, истребительница купцов! Я сказал, что без твоего согласия ничего не будет. Поэтому эмоции в сторону, по существу говори. Согласна или нет?

— Нет! Не пойду! Режьте, бейте — не пойду! У меня вообще

жених есть! — выпалила Катя и вся съёжилась в комок.

— Э-э-э, ну нет, так нет. Вот тут распишись, это Рюрику пойдёт, письмо о том, что претензий ты не имеешь и конфликт улажен. На, ознакомься. Это вот, — я ткнул в пару мешков с мехом, — тебе в качестве компенсации. Безотносительно решения по свадьбе. А вот с женихом твоим…

Я вопросительно посмотрел на своих — те недоуменно плечами пожимают. Из группы посольских тихое кряхтение, показалась и скрылась красная рожа… Вольги!

— Позвольте, это что? Вольга, что ли тут у нас барышень охмуряет? Катя? С Вольгой? А как же Магда рыжая? — вот те раз, пустил козла в огород.

— Ну я… это… того… — Вольгу вытолкнули вперёд, мнётся, ничего связного сказать не может.

— Меня в принципе только серьёзность твоих намерений интересует, а остальное дело ваше.

— Я серьёзно! — чуть не с обидой в голосе выпалил Вольга.

— Ну вот и ладушки. Катя! Ты подписала? Давайте теперь все на выход, а я с воспитанницей своей поговорю. Да-да, Вольга, и ты на выход.

Разговор не сильно затянулся. Оказалось, Вольга к Магде дышал не ровно исключительно из-за её яркости, необычности. В штанах не удержать своё… Гм… Расположение к ней, вот и лез. А с Катей у них уже на более серьёзном эмоциональном уровне сложилось. Девушка в него ещё там, в Новгороде влюбилась, когда он за неё в драку полез, обычная, в общем-то, история. Ну тот тоже в процессе обратил внимание на девушку, и пока мы рядили кто кому из нас с Рюриком должен, получилась у молодых любовь. Но все в рамках закона, без сеновала. Катя чуть не плачет — думает, я против буду. А Государь у них вместо папы и мамы, как у всех воспитанниц Смольного, и мнение моё, благословение, много значит. А у меня другая проблема — брак-то межгосударственный! А мы такого пока не делали.

— Ты не реви, я в ваши дела амурные лезть не собираюсь. Сладилось — и то хорошо. А вот с официальной частью… Как жениться будете? По каким обычаям? Где жить планируете?

— Что значит — по каким? — слезы на щеках мгновенно высохли, — По нашим, московским да российским. И жить тут будем! Я что, дура в глухомань новгородскую переезжать? Пусть сам переселяется!

— А его отпустят? Он ведь Олегу роту на верность давал? Или вы не думали о том?

— Не дума-а-али-ли-ли-ии! — ну вот, опять зарыдала.

— Ладно, ты не реви, придумаю всё так, что здесь Вольга

останетесь, — я встал и приобнял девушку.

— Ой! Спасибо дядя Сережа! Вы придумаете, вы умный! — слезы прекратились, улыбается.

— Блин, ну какой я тебе дядя Сережа! Я ж Государь! — пора заканчивать эту вольницу, а то, чего доброго, ещё и при послах ляпнут «дядя Сережа», статуса потеря будет.

— Ну ладно, государь! Но ты умный, ты придумаешь, — и обниматься лезет.

— Ладно, иди давай, меха свои не забудь. А я пока бумагу писать буду. Потерпите, если что, пару-тройку месяцев?

— Потерпим! — донеслось от двери, упорхнула истребительница купцов наша с мешком на перевес.

На утро провожали посольство. С собой дали документов кучу, официальных, да ещё один — личный. Инструкция по здоровому образу жизни для того, чтобы наследник у князя появился. Ну там жирное не есть, алкоголь не пить, свежий воздух, диета, молочко, от ядов всяких — список прилагается, со свинцом и его соединениями во главе — держаться подальше. Это после Жуляны такое у нас появилось, её так лечили. Может, и тут поможет.

Кроме бумаг отдавали монетки новые, серебряные и зеркала. Ростовых не было, большие под заказ будут, за какую-нибудь сильно крутую книгу или по личной просьбе Рюрика. Ну и наше видение процесса торговли с Новгородом на бумаге изложили, пусть подумают. Плюс набор измерительного оборудования и описание технологии приведения серебра к нужному нам составу, чтобы не было претензий при взаиморасчётах. Отдельно коснулись Кати и Вольги.

— Я вот что думаю, — обратился я к Локу, посматривая на нашу парочку влюблённых, — надо бы нам постоянное представительство иметь друг у друга. Ну или хотя бы в Москве. А то с вашей стороны вечно лезут, то боярин, то, вон, Олег саблей машет… Нам нужен отдельный посол, имеющий полномочия представлять Рюрика в Москве. Причём такой, что бы мы его знали, да не против были его тут нахождения…

Катя заулыбалась, покрепче взяла Вольгу за руку. Тот пока ничего не понял, стоит с серьёзной мордой.

— Кого им видишь? — спросил Лок.

— Олег бы конечно подошёл, — задумчиво произнёс я, ладожский воевода встрепенулся, — но и так нагружен, на торге дел много. А вот Вольга например…

— Хм, — Лок с улыбкой посмотрел в сторону смутившегося парня, тоже все понял, — тут князь пусть решит.

— И то верно. Ну что, давайте прощаться?

Посольство уплыло, забрав Вольгу с собой. Пусть Рюрик ему «нарежет» прав да обязанностей, сюда отправит, тогда и свадьбу сыграем. А Москва приходила в обычное русло после особого положения.

До Нового года мы обеспечили домами все семьи, которые планировали. Новых людей, три семьи ещё пришло из Гребцов, поселили в освободившиеся бараки. Когда их теперь снесём даже и не знаю, очень удачные получились постройки. В таких условиях люди привыкают к нашему образу жизни, учатся, потом, по идее, мы их дальше переселять должны, в каменные дома. А их планируется меньше, чем задумывалось — появился в проекте «Посольский квартал». Вольга там по началу один будет, потом ещё могут подтянуться, и ещё. Где мы их селить будем? За стеной? Нет уж, пусть под боком будут, так за ними наблюдать проще. Ну и Катю я не готов был выселять в палатку. Дома посольские практически такие же, как у нас, разве что забор ещё предполагается, и проходная, чтобы туда-сюда не шастали. Ну и плата за аренду посольства будет, чтобы не просто так тут они сидели на казённых харчах, её потом определим.

А вот людей, скорее всего, больше не придёт. Добролюб, отец Ярило, что привёл партию скота и переселенцев, сказал, что в Гребцах больше никто не желает пока переезжать в Москву. Ну а мы в других местах пока вербовкой не занимались, не до того было. Но пока людей хватает, вроде. И наши подростки в силу вошли, и пришлые чуть притёрлись и освоились, корельские ребята вторым потоком ещё в начале прошлого года заселились в качестве «заложников» в наше Суворосвкое и в Смольный, в конце осени с Ладоги морячки, которых Златобор завербовал подтянулись… Москвичей у нас более под тысячу выходит, если с младенцами посчитать и с теми, кто вроде как не гражданин, но уже в процессе переезда. Ну как Ярило, например и его дружинники с семьями. Последние тоже не горят желанием с хорошо оплачиваемой работы по подготовке экипажей сновать с призрачными шансами на успех по городам и весям на лодке, потому и рапорта пишут о приёме в гражданство. Разница, собственно, между полностью свободными гражданами и крепостными, например — только в возможности занять должность на государственной службе. Те же, кто пока только работает над получением заветного, не побоюсь этого слова, паспорта, ещё и права ношения оружия лишены до поры до времени. Вот таким коллективом и живём.

Под Новый год приехал Вольга, с телегой и боевыми конями. Рюрик его статус подтвердил, троих дружинников дал с собой, в январе сыграем свадьбу. Пока же новоявленный посол изучает

свой статус в Москве и обживает новый каменный дом. Мы тоже все привыкаем к жилью, прикидываем ремонт, думаем, как дальше жить будем.

У меня в доме откровенный бардак, внизу, на первом этаже, совещания постоянные, ибо нет пока ни Дворца, ни Дома правительства, а актовый зал уже далеко, ходить лень. В наших домах теперь тоже крепостные, да часть из них обозначена как домики для гостей. Там сейчас обитает Златобор со своими возницами. Пришёл под Новый год, ибо торговля по зиме встала речная, привёз нам образцы товаров из дальних мест. Кофе привёз, чай, хлопок, шерсть красивую, много всякого барахла для лаборатории Буревоя. В доме не поместились у Ярило, там ещё и мелкий, дядька своих возниц бросать не стал, вот и живёт пока, праздника ждёт. За кофе я ему готов был прямо сейчас отсыпать товара из государственной казны, а вот народ не оценил вкуса, горький он для них.

Совещание, традиционное, предновогоднее, провели также у меня дома. Подвели итоги всех наших трудов, наметили планы на будущий год.

— Сейчас нам надо последний рывок сделать — гавань вырыть. Её сделаем — и чуть легче станет, — я накидывал план работ, — домами всех обеспечили, дальше меньше народу переселяться будет, можно снизить темп. Внутригородские дороги по мере сил будем делать. Вот и получается, что народ у нас чуть вздохнёт после гавани.

— А что дальше делать будем? — поинтересовался Святослав, — Ну гавань, ну дороги, а потом?

— А потом — ремонт, — не отвлекаясь от записей, ответил я.

— Ремонт чего? — недоуменно уставился на меня народ, я поднял голову.

— Дома людям дали? Дали. Они их обживут за полгода-год? Обживут. Что дальше делать начнут? Правильно, ремонт, под себя жилища обустраивать будут. Ну и мебель, посуда, да много чего! Ведь пока в столовой кормили — это не требовалось, а теперь каждый для своей семьи в дом потянет. Народ по артелям рассосётся, станут разные занавески да стулья делать, обои на стены, бумага такая специальная, паркет на пол. Я по своему опыту скажу, ремонт можно только прервать, закончить нельзя. Так и будут непрерывно что-то доделывать. Горшки с цветами на окна — нужна теплица для южных цветов, выращивать их будем… Вот список, краткий, посмотрите, — я вывалил на стол грандиозные талмуд, который писал чуть не третий год уже.

В нём куча мелочей, который жизнь легче делают. Домашних, канцелярских, кухонных, мебельных и прочих. Даже про крышки

латунные для банок консервных с резиновым пояском написал.

— Ого! И всё это, думаешь, понадобиться?

— Ещё как! Бабы кухарить сами начнут — польётся поток претензий. Хранить негде, работать нечем, сковородки, кастрюли, мойки-сушилки. Это всё — отдадим на уровень артелей. Я думаю, пятая часть населения точно у нас уйдёт с работы на окладе на собственное производство. Нам то только на руку — не придётся отвлекать силы на бытовые вещи, а то чуть не половина их уходит на стулья да тряпки.

— А финансов хватит? Денег для оборота? — вступила Леда.

— Должно, — пожал плечами я, — на крайний случай будем через госзаказ «впускать» их в оборот. Вы думаете, почему я по гавань сказал, а про здания административные, торговый центр, образовательные учреждения и больницы — нет? Потому что мы посмотрим, кто что придумает да делать начнёт, а потом уже и строить станем, чтобы красиво было.

— Хе-хе, это дело, — Лис радостно потёр руки, — потом мы это в Новгород повезем, мебель ту же да посуду.

— Ага, и опять неделю думать станем, что в замен просить, — засмеялись мои «члены правительства».

— Вот-вот, да и мебель возить резона нет. Фурнитуру, ручки дверные да петли, доводчики и прочее металлическое барахло, включая крепёж — да. Оно места мало занимает да и…

— А мы как с лодками сделаем! — не сдавался Лис, — Инструкцию без слов, разобранную мебель повезем! Все больше прибыль…

— А ведь верно, — я сам заулыбался, — ИКЕА отдыхает. Ну то потом расскажу, а пока что по остальным делам? Есть мысли какие, что в план на следующий год включить надо?

— Есть, — привстал Добруш, — по болоту есть идеи. Смотрите… Вот тут как лёд встал Горшок пробежался, с бригадой. Болото наше — это на самом деле цепь небольших трясин, они связаны несильно, потоками, типа ручейков да речушек…

На карте Добруш отмечал новые данные о нашей географии. А потом начал лепить крестики:

— Вот тут, тут, тут и тут мы каналы если сделаем, а по этим перемычкам насыпь, чтобы вода не ходила из одного болота в другое, можем осушить их, и в озерца вот эти слить. Получиться сухой путь к корелам.

Идея была заманчивая. Но есть много «но». Какая там вода? Озера мы не убьём? Куда дальше воду девать? Да и осушиться ли болото? Вопрос на вопросе и вопросом погоняет.

— Ты вот что, Добруш, выбери болото поменьше, да испытай

всю технологию. Надо понять, насколько она пригодна. Обеслав! Механические цеха что предложить для этого могут?

— У нас плановая модернизация идёт, — раскрыл свои записи Обеслав, — трактора до третьей версии дорабатываем. Подшипники, подвеска, сплавы новые — прирост по силе процентов десять будет, ну и дополнительно полгода до капитального ремонта, по расчётам. По навесному оборудованию тоже есть мысли. Вот например…

Обеслав представил широкой публике некий эскиз. На эскизе изображён… Ну, больше всего это напоминало скорпиона.

— Хм, забавная штука. Скорпиона напоминает, есть такое не то насекомое, не то пресмыкающееся в пустынях, — я рассматривал рисунок, — это вот этими «клешнями» вы землю подгребать будете, вот этим её рыхлить, а по «хвосту» — выбрасывать?

— Да, там ещё будет съёмный ящик для земли. Его заменяешь, землю вывозишь. Будем утрамбовывать её внутри крепости, чтобы на одном уровне всё было.

— А хватит места внутри города? — с сомнением спросил Святослав.

— Не хватит внутри — снаружи будем укладывать. Всё равно, рано или поздно, расширяться начнём. — я на карте очертил будущие границы нового периметра, включающего Перуново поле.

— Ого! Эта стена чуть не двенадцать километров по периметру получиться! Это ж сколько работы! — хором воскликнули мои соратники.

— Ну да. А что делать? Москва-то растёт! Вон, нас чуть не в половину больше стало, куда людей селить? Плюс мы дома под посольство выделили, плюс ещё гостиницы да общежития для приезжих, плюс…

— Да понятно, что дело нужное, — выдал Лис, — остановимся — сомнут, надо расширяться… Только вот почему только Москву расширять будем? Другие города основывать не станем разве?

Народ затих. Ещё недавно мы оценивали стену вокруг нашего села, ставшего городом Москвой. Теперь мы хотим основывать города… По факту, крупные защищённые населённые пункты тут основывают только князья да прочие главы государств. И мы уже фактически, а не только по названию, приравниваемся к ним. Да, пусть в том же Новгороде живёт чуть не несколько десятков тысяч народу, да, на Юге города есть и побольше того, где Рюрик обитает, да, наше население несравнимо — но мы уже задумываемся над расширением территории. Это несколько

обескураживало.

— Будем. И города новые, и посёлки, и деревни. Но не просто так, переселяя людей в них из Москвы, а с умом. Надо, чтобы местное население в тех местах, где мы будем территорию считать своей само дозрело до городского образа жизни, — я откинулся на стуле, — основать город просто. Приехали, забор побольше поставили, ну и вроде как готово, только название придумать надо. А что с людьми делать? Готовы ли они к новому образу жизни? Мужиков из деревни вывести можно, а деревню как из мужиков «выводить»?

Народ смотрит с интересом и непониманием.

— Вот представьте, на секунду, что возьмём мы деревню под сто-двести жителей, с их привычным укладом, и объявим городом. Ну да, десяток человек, пару семей московских, мы им дадим, на усиление, стену сделаем, объявим план застройки, Законы наши, и прочее. Банальная вещь — как заставить их умываться по утрам да зубы чистить? Как мотивировать их стену в порядке содержать? Как заставить воинскому делу обучаться, не забывая о том, что как они ему научатся, так первыми под нож наши московские семьи, как самые обеспеченные пойдут? Представили?

— Силой князья заставляли, обычно. Мыто берут, на воинов да на стены. Может, и нам так стоит? — предложил Святослав.

— Ага, и чем мы тогда отличаться будем от них? В чем смысл будет деревенькам под нас ложиться? — запротестовал Буревой, — И тут князь, и тут князь. У Рюрика того же — дружинники, у нас москвичи. Мыто — одинаковое, условия, почитай, те же. Смыл менять что-то?

— Нд-а-а, задачка, — почесал затылок Лис, — и как тогда? Как расширяться будем.

— А нам и не надо ничего дополнительно делать, — улыбнулся я, — всё уже готово.

— В смысле? Кто-то сделал? Кто? — понеслось с разных сторон.

— Ага, мы и сделали. Изменения по статусу жителей помните, что в ноябре вводили? Вот это и есть уже готовое решение. Если всё делаем по нему, да ещё и про «Плесень» не забываем, — народ подтянулся, стал серьёзным, секретный план для нас имел почти мистическое значение, — то получиться следующее. Сначала — торговля. Причём тем товаром, который нам интересен. Приподнимается село на обмене с нами, богатеет. Так? Так, но ответственности мы за село не несём. Чуть приподнялись, будут думать, как ещё достаток повысить. А для этого к нам надо на обучение людей прислать, грамоту освоить,

новые технологии…

— Приедут, увидят как у нас все устроено, у себя так делать будут, — добавил Лис.

— Не смогут, — встрял Буревой, — за короткий срок такого не освоишь.

— Значит, наша помощь потребуется, — добавил я, — а на каких условиях мы её предоставляем?

— В долг, — Торир добавил свою лепту, — а значит, станут они данниками. Подданными. С заложниками у нас.

— А потом богатство сохранить захотят, — расцвёл Кукша, — крепость сооружать начнут, тут мы им опять поможем, крепостными станут!

— И город — готов! — заключил я.

— Ух ты! Все сами! По своей воле! — восхитился Святослав, потом посерьёзнел, — Но ведь надо будет их защищать? Крепостных-то?

— Вот! Правильно! Поэтому они не просто крепость должны построить, но такую, где продержаться смогут до нашего подхода. И сообщить о нападении.

— А это воздушный шар и связь, — Влас уже что-то конспектировал.

— И значит — ещё обучение, и шар тот, другие ресурсы, — проворачивал Лис в голове всю ситуацию, — в долг, причём. А когда дорастут до этого, уже готовые жители будут, нам во всём следовать начнут да Законам подчиняться… Эвона как мы всё, оказывается, здорово придумали!

Народ зашумел, настроение поднялось. На чёрканых-перечёрканых листках формировалось представление о расширении территории. Села, деревни, посёлки, города — должны прежде всего иметь связь с Москвой. Иначе никак, особенно, если они крепостными населены. Получается, что шаг у нас — десять километров, или двадцать, в зависимости от условий, в которых это всё строиться будет, шар столько потянет. Помимо связи нужны дороги. От этих фактором зависит необходимый размер и оборонительные функции крепости. Допустим, появится у нас на расстоянии сорок километров поселение, что захочет стать крепостными, вроде нашего завода металлургического. Значит, две-три крепости между, в долг на поселение, потом дорога, тоже в долг, крепость должна простоять до подхода основных сил, это половина дня минимум, часов пять, если быть точнее. Вот из этих соображений и получается крепость с запасами и складами. А если сто километров? Да ещё и по морю или озеру? Нужен патруль сигнальный на воде или путь по берегу. И сколько там башенок сигнальных — одному Перуну

известно. Значит, если путь по воде пролегает, крепость больше должна быть, на более длительную осаду рассчитанная. И патруль из лодок, чтобы постоянно курсировал к тем сёлам. И корабли для перевозки необходимого контингента. В этот день впервые было произнесено слово «экспансия», и объяснено его значение.

Помимо этого в рамках «Плесени» были сформированы основные принципы расширения границ Российского государства. Экспансия, по сути, становится добровольной, то есть взаимодействующие с нами люди сами должны «дозревать» до необходимого положения в рамках нашей страны. Если же военным путём придётся двигаться, то суть меняется мало. Оккупационные силы мы выделить не сможем, пока, а значит, надо убирать «дрожжи из туалета» — всех военных, местную власть, аристократов и просто авторитетных людей из потенциального российского населённого пункта. Ну вроде как я Станислава из «бомжатника» вынул, и как мы деда-маразматика корельского отправили к предкам. Убирать — не обязательно до смерти, может, пригодятся люди эти ещё. И тут в разговор встрял Торир.

Идея сама ему понравилась, от своих викингских замашек вождь уже отошёл. Но образ жизни скандинавский — помнил. И вот вопрос, что с ними делать? Ибо границу с нами Рюрик провёл достаточно широко — по Неве и Свири, а дальше все вроде как наше, и в случае пограничных конфликтов все решаем переговорами. Ну ладно Карелия, а финны? Шведы-свеи? Норвежцы-мурманы? Они вроде как в нашей зоне влияния, по договору с Рюриком. Правда, сами скандинавы об этом не в курсе, но то дело наживное. Вопрос с людьми, живущими с меча. Их-то соблазнить тёплым сортиром да зеркалом для бабы не получиться, а таких тут много. Не только скандинавы, но и славянские племена всех сортов, кочевники на юге, северные всякие чудь да поморы, если они уже есть. Что делать с вояками? Убивать? Так мужиков не останется, там чуть не три четверти по отдельным племенам можно гоповарваров найти. Вынимать? А «вынималка» не отвалится, сотни, если не тысячи воинов кормить-поить-охранять в Москве, пока они проникнутся Законами да порядками российскими. Да и то вопрос, проникнутся ли…

— Даны, мурманы под руку могут не пойти. Далеко от нас. Они воины знатные. И хитрые. Или могут пойти под нас, и предать, в том боги их не осудят, если победят, — рубленными фразами вождь описывал возможные варианты, — если же много их будет, да богатство у нас почуют — пойдут походом на

Москву. Несколько тысяч воинов мы можем и не сдержать. Даже с пулемётами.

— Надо флот делать, на озере их бить, — вступил Кукша.

— Ага, всех убить. До подхода их на берег, — я тоже пытался понять наше отношение к гоповарварам, — Торир! Ты рассказывал, что город крупный брали, ещё когда ты мечом махал. Там ещё вождь был, что племена объединил…

— Рагнар. У Франков город брали, по реке. Пари его называли. Только мы не взяли. Выкупом обошлись.

— Париж, значит взяли… И сколько там народу вас было? Прикинуть сможешь?

— Лодок так больше ста, если не полторы сотни. Людей тысяч шесть-семь, но там некоторые не дошли, оставались грабить в пути, — Торир уже достаточно умело владел цифрами и математикой в целом.

— Значит, шесть тысяч. Полторы сотни лодок. Кукша, какой флот нужен, чтобы их перебить? Сколько людей в военно-морских силах Москвы будет?

— Всё население. Ещё и не хватит, — нахмурился пасынок.

— Вот. Значит, чисто военное решение проблемы тут не подойдёт. Надо куда-то деть пассионарное население…

— Кого? — опять удивленный хор голосов.

— Ну у нас был такой ученный, Гумилев звали, он говорил, что в каждом народе найдётся толпа людей с шилом в пятой точке. Вот эти люди или жизнь вокруг себя меняют, или войной на соседей ходят, там порядки свои устанавливают. Викинги — они как раз из тех, пассионарии. Они первые в походах, и в торговле, и в мореплавании. Гибнет их много, чаще умирают, чем те, кто на земле живут. Ну и все общество в итоге, в среднем, становится менее пассионарными, уже никуда не стремится.

— Похоже, — произнес Торир, — викинг без похода жить не может.

— Вот-вот. Значит, надо этих товарищей, не только викингов, к себе на пользу использовать, не забывая про их стремления. Надо направить деятельность этих пассионариев на пользу Москвы.

Народ зашумел. Понеслись предложения, от найма и отправки в земли, что от нас подальше лежат, до подкупа и взяток.

— Нет, только подкупы и найм тут не подойдут. Рано или поздно взятки вырастут, и мысли появятся на момент прижать нанимателя, то есть нас, к ногтю. Чего за три моря за добычей гонять, если тут, под боком, есть богатая Москва, которая сама деньги несёт? Но Россия даёт частями, лучше сразу всё взять

самим. Я так думаю…

— Так и будет, — подтвердил Торир, — пробовали на западе правители подкупать, тем и кончилось.

— Значит, надо предложить альтернативу. У меня из прошлого, тьфу, будущего, только один пример есть. Казаки их звали. Такие же с шилом в пятой точке, их по границам селили, да снабжали князья и правители прочие. А те границы сторожили и территорию расширяли. Ну вроде как в поход ходили, на землю садились правителями, потом, когда туда власть княжеская приходила, со временем, шли дальше, новые земли осваивать. Только тогда, в моё время, это было как-то само собой, а мы должны это мероприятие, раз уж не можем с ним бороться, возглавить, — мысль пришедшая мне в голову, была достаточно разумной, хоть и не проработанной, — Торир, скажи, если твоих соотечественников вооружить, доспехами обеспечить, отдельные дружины, и дать им некие условия. Например, вот есть местность, там селища да города. Мы вас поддерживаем материально, вы их захватывайте, если хотите. Но после десяти лет там, или пять «сидения» на дани с местных придёт наша власть? А вас — снабдить опять, премию выдать, да дальше отправить?

— Все не пойдут. Часть останется сидеть, — сразу предупредил Торир, — но ещё люди набегут. Не все, крупные отряды не пойдут на такое, они и сами взять всё могут. А вот мелкие…

Вождь задумался. Остальные тоже, возникло молчание, нарушаемое лишь поскрипывание карандашей.

— Значит, разделять их надо, — первым нарушил мыслительный процесс Влас, — крупные отряды они из мелких состоят, вот эти мелкие и надо на нас работать подписать. Да под клятву.

— Выходит, «Плесень» разрастаться будет военными походами, — произнёс задумчиво Святослав.

— Ага, и народ под викингами посидит, старым укладом, потом под нами сговорчивее будут, — добавил Лис.

— И то верно, — я подвёл черту под записями на своём черновике, — выходит, надо тебе Торир садиться, и с Лисом и Кукшей продумывать новую часть «Плесени» — военную.

— Выходит так, — вождь был доволен, убивать под корень его соотечественников никто не хотел, уже хорошо.

— Пока об этом подумаем, — сказал я, — надо ещё проработать вопрос в части направления, куда посылать наёмников-казаков, сам процесс, наши действия, определить сроки и ресурсы…

— Ладно, — закруглил наши посиделки Буревой, —

помечтали, и будет. Новый год на носу!

— И то верно, — встал я, — мне ещё репетировать надо, с женой.

— Так и не сказал, что ты там задумал, — пожурил меня Лис, когда мы все выходили на улицу.

— Увидишь. Сюрприз будет, — парировал я.

— Не как с Дедом Морозом? — с усмешкой сказал дед, напоминая, как меня первый раз гоняли по селу в красном халате.

— Не, не так, — засмеялся в свою очередь я, — по дальнейшим планам на выходных поговорим, время будет. До моего отъезда.

— А ты куда собрался? — спросил Святослав.

— А у меня вояж, ну, поездка по территории. А то вон уже завелись… Люди, короче, завелись.

— Говоришь, как будто блохи на собаке, — пробурчал Лис.

— Ну так и есть! Без спроса, сами и завелись. Аккурат на дороге в Гребцы. Ты с Вольгой не говорил? Он же сказал, останавливался на дворе постоялом, на полдороги. И пограничник наш злой — аккурат напротив его лёжки, в брошенном селище толпа поселилась. А наших там точно нет, значит — завелись! Вот и поеду посмотрю, что с ними делать. Выводить или под себя подминать. Да и к корелам надо, проверить обстановку, про «Плесень», торговую её часть, поговорить. С пацанами-суворовцами второго потока пойду, как раз их менять надо на новых…

На Новый год опять народ набился в клуб. Традиционно детские выступления, хит уже которого по счёту сезона «Приключения иностранных девиц в России», ну и гвоздь программы — выступления Государя с супругой. Последнее появилось из-за того, что я таки смог настроить себе гитару. Сколько видов струн перепробовал, волос разных, ниток да верёвок — не счесть! Но что-то похожее получилось. Потом аккорды вспоминал, потом — новые сам выдумывал, ибо знания мои из будущего тремя «блатными» были ограничены. А там и песню репетировал. Её Зоряна услышала, когда я напевал себе под нос, зависла посреди дома, прониклась, и говорит:

— Надо всем спеть. Хорошая получилась…

Вот так я и оказался на сцене. Подо мной стул, Зоряна стоит рядом. Я прокашлялся, пробежался по струнам, народ в зале затих. Ещё бы, не каждый день Государь надрывается!

— Песня о Москве!

Достаточно длинный перебор, и мы с супругой затянули в образовавшейся тишине:

Не сразу все устроилось,
Москва не сразу строилась,
Москва слезам не верила,
А верила в любовь.
Снегами запорошена,
Листвою заворожена,
Найдёт тепло прохожему,
А деревцу — земли.
Ах Зоряна! Ах Серега,
Этот город наш с тобою,
Стали мы его судьбою,
Ты вглядись в его лицо.
Чтобы ни было в начале,
Утолит он все печали,
Вот и стало обручальным
Крепостное нам кольцо…

Похоже вышло, красиво, разве что немного смущала кривая рифма насчёт «вальса венского», заменил который на «приобщился к клумбам здешним». Народ в тишине слушал новые, незнакомые звуки и мотивы. Вот одна парочка за руки взялась, девчёнки из Смольного приобнялись и чуть заметно раскачиваются в такт. У Брунгильды, нашей Железной Брунгильды, слёзы блеснули! Последний перебор, и воцарилась тишина… А потом все взорвалось! Нас натуральным образом содрали со сцены и принялись качать!

— Ну ты дал, Серега! Прям до глубины души, зараза! — дед тоже смахнул слезу, обнимая свою Березу.

— Ну, главное, что поленом не получил, как на первый Новый год! И то хлеб, — под всеобщий смех москвичи вывалились к новогодней ёлке…

Новый, 868 год вступил в свои права под двенадцатый удар тревожного колокола.

4. Москва. Год 868

Первого января я проснулся поздно, часов в десять. Набегались вчера на празднике, наелись, ну и алкоголь своё дело сделал. Супруга ещё спала, не стал будить, сам пошёл потихоньку на кухню. Там сделал себе кофе, достал тазик салата, уселся на стул. Поискал глазами пульт от телевизора. Блин, нету. Пошёл по комнате, под подушками посмотрел, наверно, Вовка куда-то задевал. Так, надо опять со стула глянуть. Сел, вилкой наколол салат, поискал ещё раз глазами… Стоп! А где телевизор? Пульт ладно, но сам телек-то куда дели!? Стоп… Ещё раз. Зоряна спит, Вовка тоже, телек, девятый век… Вот это приход! Это что же я, так всё вокруг сделал, что перепутал двадцать первый век с девятым!!?

В таком виде, с падающим с вилки салатом, в полной прострации, меня нашёл Буревой.

— С Наступившим! Серега, чего приуныл?

— Да вот, телека нет… — пространно проговорил я.

— Э-э-э-э, чего?

— Телевизор, говорю, не нашёл, вот и приуныл.

— Ты вчера бутылку ту допил сам, что ли? — участливо поинтересовался дед.

— Не, Буревой. Другое. Накрыло меня, понимаешь, вспомнилось. Я тут проснулся…

Выдал свою краткую историю деду.

— …Понимаешь, перепутал я! Своё будущее и это время! А знаешь почему? Похоже очень стало. Так похоже, что страшно мне.

— Мужчины! С Новым годом! — в дверях нарисовался Лис, — Чего грустим?

— Да тише ты, мои спят ещё, — я погрузил и Лиса в проблему.

— А чего боишься-то? Ну, перепутал, с кем не бывает?

— А страшно мне. Не слишком ли быстро у нас тут всё идёт, — я накладывал остатки салата мужикам, — боюсь, не приживётся тут всё после нас, слишком активно развиваемся.

— И насколько быстро?

— Ну…, - я прикинул, паровые двигатели есть, электричества нет, ещё по-мелочи всякое, — На тысячу лет ускакали от моей истории, без малого.

— Ни хрена себе! — лица моих друзей вытянулись в изумлении.

— Вы чего тут ругаетесь ни свет ни заря, — пробурчала моя

супруга, спускаясь по лестнице.

— Да так, думаем, — неопределённо махнул рукой Лис, — ты скажи…

— Чего говорить-то! Завтракайте, да на улицу идите, — разогнала нас Зоряна, — сами детям снежки обещали…

Сесть и поговорить удалось только после того, как стемнело. Собрались в актовом зале, узким кругом. Я поведал о сегодняшнем утре, о своих страхах:

— Ведь если сильно вперёд идти, то отринет народ-то новшества! — всплеснул руками я перед соратниками.

— Ну, тёплые сортиры что-то никто не отвергает, — вставил дед, вызвав всеобщий смех.

— Да? А паровики? Трактора? Как лошадей больше появилось, сами же хотели то сани делать, то телеги. И вспомни, как твои, Святослав, люди у нас тут попервой селились. Всё в новинку, сколько их пришлось ломать от привычного уклада? А ещё люди будут? Вот как наши новички приживаются…

— Хорошо приживаются, — перебил меня Святослав, — легко. Их мало, капля в озере, а нас — много. Быстро вникают, привыкают. Особенно те, кто помоложе.

— Хм… Это потому, наверно, что среда вокруг сформировалась, ну, люди в окружении уже наши. Малые группы мы быстро ассимилируем, ну, к себе по развитию подтягиваем, да наш образ жизни навязываем. А крупные пойдут? Нас не поглотят? Задумки наши не забудут? Или того хуже — не будут воспринимать как колдовство. Ведь на тысячу лет обогнали — это вам не хухры-мухры!

Народ призадумался, Кнут спросил:

— А расскажи, как у вас все было? Не про государство, не про границы, а про науку, как она шла?

— О! Да и в моё время не все знали про пути тернистые, которыми новинки появлялись. Вот для примера паровик. Его вроде как грек какой-то придумал, а потом — забыли. Я видел устройство, какое он сделал, по записям восстановили. Оно не такое, конечно, как у наших двигателей, но ведь и его забыли! А огонь греческий? Его секрет не раскрыли. А сталь булатная? Спорили-рядили, но не знали как его делали в древно… В это время…

— Так, сам учил, во всем должен быть порядок, — прервал меня Кнут, — давай по порядку. Что вы там у себя знали? Как науку делали?…

Лекция о кривых дорогах, которыми шли к прогрессу люди двадцать первого века затянулась. Я, честно говоря, и сам не очень в курсе был, так, в основном, по теме информационных

технологий знал, они у меня на глазах, считай, создавались. А вот про паровые двигатели, про внутреннее сгорание, биологию, медицину, да и про воздушные шары — помню только анекдоты научные, в самых общих чертах. Сбивался, терял нить, выпутывался из бардака в собственной памяти, и рассказывал…

— Вот, значит как, — вздохнул дед, — тяжело шло. Особенно эти, алхимики твои…

— Да и с двигателями я не понял, почему так получалось, — добавил Обеслав.

— Да понятно всё, на самом деле, — махнул рукой Кнут.

Все уставились на корабела.

— Вы представляете, как лодку строить? Ну, если не у нас, а там, в Норвегии, как вы её называете?

— Лодка-то тут причём? — удивился Святослав.

— А при всем. У меня наставник был, я у него учился, дядька мой. Лодка она с бревна начинается, тут мы его киль зовём. Идёшь по лесу, дерево выбираешь. Выбрал, прислушиваешься, как оно на ветру скрипит, как ветки шумят, как сок внутри движется, как кора шелестит… Не подходит — идёшь дальше, другое ищешь. Выбрал — срубаешь, топором машешь, строишь вокруг него лодку. А глядь — она-то меньше, чем задумывал, получается! Сучок не там, древесина червём подточена, умирать с одного конца начало дерево. И вместо десяти пар вёсел, на лодке только семь влезет!

— Ну и причём здесь это? — народ не понимал Кнута, да и я, признаться, не до конца соображал, куда он клонит.

— Меня деревья учитель слушать учил, прояснил корабел, — с ним пять лет топором махал, потом — только с его разрешения рубил, но и после того, как умер дядька, лодки иногда не те, что задумывал получались, не с того дерева начинал! Пока сам, через себя, не попробовал их десяток сделать, не мог до конца быть уверен, что лодка такая, как задумывал получиться…

— Пробовал, значит, — я начал улавливать мысль.

— Вот! Пробовал! И только сам! — Кнут поднял палец вверх, назидательно уставившись на остальных, — а если бы я знал, что получиться из этого дерева, а что — из другого? Если бы наставник тот мой сразу бы мне дал признаки, по которым лодку получить можно нужную? Сергей, тут ведь и есть тот наставник. Все знают, что пар из котла рвётся. И в твоё время знали, и грек тот видел. Но что в конце получиться должно — ты только в курсе! И не потому что, знаешь, как делать надо, а потому что знаешь, как не надо! Признайся, ты про цилиндры те да гильзы сказал не потому, что паровики строил? Сам ведь говорил!

— Ну да, у нас такие в других машинах стояли, — я живо

себе представил свой ВАЗ-2107.

— Ага. Но сам принцип, как надо, ты донёс, остальное — додумали. Кольца те, что на поршень одеваешь, ты ведь их сразу делал, как само собой разумеющееся…

— Ну а как герметизировать иначе? — встрял Обеслав, — Пар-то вырываться будет…

— А если бы тебе Сергей этого не сказал? — Кнут ткнул пальцем в пасыка, — Сколько бы ты промучался?

— Э-э-э-э-э, ну, придумал бы что. Прокладки там, или точнее делать… Или вот… А нет, так бы не получилось, — Обеслав впал в задумчивость.

— Вот! Лодка на первом дереве стоит, потом к ней уже борта да остальное наращивают. И Сергей вам в каждом деле то первое дерево даёт, знания о том, как надо, и главное — как не надо! Сколько бы мы потратили времени и сил, если бы он про торф не вспомнил? Сколько бы провозились, пока до цепей додумались? Сколько бы компас изобретали?…

— Да и в лаборатории моей, про таблицу ту, Менделеева ты её зовёшь… Я со своими никогда бы не додумался, что вода — это два газа. Хотя нет, додумался бы, но времени… — дед вставил свою лепту.

— И про экономику ту, с расчётами, — добавила Агна.

— И про приборы измерительные, что одинаковые должны быть, — вставил Лис.

— И про печь высокую для железа… И про гусеницы для трактора… И про водомёт… — со всех сторон пошли комплименты моим куцым знаниям.

— Так! Стоп! Я, кажется, начинаю понимать. Первое. Я знаю куда двигаться, то есть цель вижу. Второе, я знаю, как она должна выглядеть в конце. Третье, я знаю пути, которыми точно не надо идти. Мы вон, колеса гребные, вообще почти не использовали, разве что на болоте экспериментировали. А на них народ у нас чуть не пятьдесят лет ходил, если не больше, — я уже чуть отошёл от своих страхов, начал сам размышлять здраво.

— И главное ты забыл сказать, — продолжил Кнут, — система. Те знания, которые ты даёшь, это система, так ты называешь. Мой наставник мне давал кучу признаков для дерева, какое для чего рубить надо, но это как… Как… Как камни перебирать, вот! Если каждый описывать, они все разные. Но это же камни! Значит, общие признаки есть. Но все их перечислять да значения записывать — бумаги не хватит. А ты вместо этого сразу всё делаешь так, чтобы система получалась. Не отдельные цвета там у камня, не его форма, а плотность и хрупкость. И признаков меньше, и понятно становится, почему это брать, а не другой…

— Выходит, если на наставника твоего перекладывать, — дед продолжил мысль Кнута, — то Сергей нам половину деревьев в лесу пометил, на каждом свою лодку нарисовал, а мы только выбираем нужное…

— Ага, но лодка — это не только первое дерево, — уже я добавил, — борта, мачта. Я вам могу сказать, что резина везде нужна, например, и что сок корня того на неё похож очень. А вы сами уже остальное доделали. Я могу сказать, что сталью можно лодку обшить, а вот как это сделать — вы уже сами дошли.

— Да про сталь мы думали, кстати, ещё когда законы плавания обсуждали, — улыбнулся Обеслав, — да жестяные банки в ручей запускали…

— Только кто вам про закон то рассказал? Кто его с плотностью воды увязал и объёмом тела? Кто считать его научил? — Буревой отвесил Обеславу шутливую затрещину, — По химии вот, например. Что мы знали раньше? Что есть вода, глина, песок, медь да железо с деревом. Пришёл этот… Баламут Серега, и говорит, что металлов — чуть не сотня разных, что дерево — это углерод, что вода из двух частей состоит. И убежал, гад!

Все засмеялись, дед очень живо рассказывал.

— Мы мучались-мучались, но новый метал получили, цинк вроде как, и другие тоже, совсем чуть-чуть. А этот опять приходит, мол, получили? А в малых количествах его в железо да медь не добавляли? У опять дёру дал! Я своих ребят собрал, говорю, этот, — дед ткнул в меня пальцем, — не отстанет! Надо в железо их пихать, ещё полгода пихали. Глядь! А там грамм добавили — а сплав чуть не прочнее булата получился!

— И мы его в трактор, — добавил Обеслав, улыбаясь.

— Ага, а он все не угомонится, говорит, кислотой полейте, соль спробуйте. Спробовали — чуть на воздух не взлетели…

— А у нас — револьверы, — добавил Лис.

— Говорит, воздухом горячим бумажку хитро склеенную надуйте… — это уже Кукша.

— А у нас — воздушный шар, — подытожил Влас, — выходит, знаем, что на выходе будет, знаем как, и знаем, что делать точно не надо. И все это увязано между собой, в систему, как Кнут сказал. И если систему ту будем всем в голову вдалбливать…

— Не умрут вместе с нами наши начинания, — на такой вот ноте и закончилось наше совещание, посвящённое моим страхам.

Уже в постели долго думал над словами своих соратников. Да, действительно на тысячу лет вперёд рванули. Но ведь не бездумно! Мы же базу, в виде физики и химии, сами делали, разве что тупиковыми путями не пошли. Вон, сразу винты на

рыбацкую лодку поставили, не стали колеса городить по бортам. Сразу домну, по детским рисункам, считай, делали, не занимались мелкими печками. Порох сделали из готовых материалов, не пришлось всё со всем смешивать, разве что с пропорциями помучались, да с формой крупинок. Да и потом вообще от дымного-то отказались! Мельниц водяных и ветряных не лепили ни разу, сразу на паровую тягу пошли. И далеко, надо сказать, это решение нас привело, лишних телодвижений не пришлось делать в безветренную погоду и когда ручей замёрзнет. Много чего так вспомнить можно, но суть остаётся одна. Цель я им даю, путь вешками малыми отмечаю, результат, который должен получиться, описываю, овраги да ямы на пути творческом сразу показываю, тупики закрываю, да всё это — исключительно на базе законов физики. Та самая Система. Обеслав же мне в итоге носит «прожекты» периодически, да и остальные не отстают с рацпредложениями и мыслями дельными. Ну как дельными, разными.

Пришли ко мне тут по лету прошедшему Лавер, изобретатель воздушного шара наш, и девушка одна, ткачиха, из птенцов Агны. Лавер принёс некие наработки по воздушному шару для переброски войск. Мол, если мы побольше сделаем его, то к корелам можно летать будет, да и так, обрушимся на врага из небесной стихии. Теоретически, все правильно. Прилететь-то можно, но я в будущем не слышал о том, чтобы воздушные шары использовали для такого рода перемещений. Наблюдать, кататься по небу, развлекаясь — да. А вот чтобы для ВДВ — не помню! Отправил его считать объем да и прочие характеристики изделия. Результат — для переброски десятка человек в полном обмундировании нужен шар размером чуть не с Москву. Отговорил парня, он и сам не дурак, понял всё. Хотя на малый шар, для одного-двух человек, ресурсы выделил. А вот девушка — там сложнее.

Она предлагает станок ткацкий изменить. Мол, за нитку не челнок цеплять, грохочуший и летающий туда-сюда, а приделывать некое подобие пули, что в винтовке, да «стрелять» сжатым воздухом. Такая вот конверсия. Пулю в сторону отбросил, а вот пневматику — попросил продумать. Обселава подключил, почти полгода он бился и принёс макет. Смолой тот ниточку смазывает, ниточка из трубочки торчит. Даёшь давление воздуха — летит такая пробка… И нитка с ней! Отрезаешь её на другом конце, и повторяешь процесс… Почему на это ресурсы отправил? А в фильме видел, что станок без челнока бывает! И без рам специальных размером с ширину полотна. Значит, можно так сделать, и нужно! Придумали с пневматикой и смолой —

здорово! А если ту нитку без смолы пускать? Пробовали? Попробуйте, может, и так получится. Вышло, правда, хуже. Но народ не унывает — избавимся от смолы, станки легче, проще, производительнее будут. Тонкая настройка нужна, правда, да и пока лишь десятая часть ниток долетает до другого конца станка. Но я то знаю, что возможно без смолы и громоздких конструкций ткань делать! Выходит, моим решением на шаре десантном ресурс сэкономили, а на ткацком — в нужное русло направили. И всё — на научной основе. Физика — наука о природе — у нас, по сути, царь и бог, и математика с химией апостолы его. А значит, останется, не забудут люди, и не превратят все новинки в шаманство и колдунство! С такими мыслями и заснул.

После праздников начались труды. Опять засуетилась стройка, народ начал сновать к металлургическому заводу, тракторным рёвом наполнились дни. Я готовлюсь к поездке по подмандатным территориям, к корелам и к внезапно появившемуся постоялому двору на юге. Помимо этого, как я и предсказывал, пошёл поток потенциальных предпринимателей и артелей. Чуть освоившись в домах, народ начал водить носом насчёт улучшения качества жизни. Мебель, столовые приборы, какие-то бытовые мелочи, отделочные материалы, занавески и ковры, горшки для цветов и стиральные машины на паровом приводе, двери и окна, посуда и постельное бельё… Каждая семья, получив собственное жилье, малость отошла от коллективизма и решила чуть выделиться относительно соседей. Я их отправляю обратно, вроде как не время. Ни площадей для аренды, ни инструмента, ни сырья для такого рода работ не предусмотрено. А поток не спадает, а только усиливает… Пришлось обойтись паллиативом. Обеслав получил некий набор пожеланий от меня, Буревой и Агна — задание на выделение ресурсов и торговой площадки. Цель пока промежуточная — обеспечить народ сырьём и ручным инструментом для работы дома. Пусть свободное от деятельности время посвящают организации семейных гнёзд по своему усмотрению.

И тут как пазл, как кубик Рубика, сложилось всё. Я решение принял просто исходя из того, что помнил из детства про СССР. Не понимал никогда, почему не хватало банальных вещей, таких как стройматериалы и инструмент. Ну нет мебели, ну нет обоев, нет паркета — дайте электропилу да доски с фурнитурой, народ сам всё сделает, люди-то рукастые были, работы не чурались. Но в магазинах, по рассказам отца, инструмент и материалы тупо отсутствуют, приходилось «доставать» всё путём взяток да через знакомых. Да ещё и в квартире не развернёшься особо, даже если достал что-то. А тут, в девятом веке, забавно получилось. Начали

выдавать ручной инструмент, доски. Народ жалуется — нет времени. Вечером темнеет рано, когда заниматься? И где? И руками не так ровно выходит, как при поточном производстве нашей типовой стандартной мебели… И вот тут оказалось, что я подсознательно, сам того не понимая, заложил уже всё для нормальной домашней работы.

Суббота, наш рабочий день, стал выходным под это дело. Гаражи у каждого дома, на перспективу сделанные да как склады под барахло, стояли пустыми, нечего туда ставить — вещей немного у людей, транспорта личного вообще нет. Хоп! И готово место для работы на дому! Инструмент ручной, ножи да пилы с топорами, не дают желаемого качества, это правда. А под более продвинутые вещи нужно место и инфраструктура. Хоп! В гараж верстак, баллоны со сжатым воздухом, и пневмоинструмент, уже привычный мужикам на государственных работах, в аренду. И трактор по утру ездит, заправляет компрессором баллоны со сжатым воздухом за денежку. Обеслав же сделал установочную партию упрощённого, не такого сильного пневмоинструмента, но с большим количеством насадок — дрель, фреза, шлифмашинка, «болгарка», лобзик, привод для гончарного дела. Набор станин для удержания достаточно крупного двигательного механизма, тисков для заготовок, мелось всякая, вроде крепежа да петель дверных, прочее сырье со склада… И процесс работы «на себя» пошёл семимильными шагами!

Я испытал инструмент, вроде удобно. Подготовил я указы соответствующие, к цене товаров для «домостроя» добавились некие коэффициенты, считаемые на основном месте работы, чтобы не халявили, плюс изменение в уголовный кодекс — воровство на рабочем месте, на госпредприятиях, каралось чуть не в два раза сильнее чем бытовое, чтобы, значит, домой с работы ничего не тянули. Внедрение всего этого поручил своим соратникам, и отправился в вояж. Приеду через пару недель, посмотрю, что получиться.

В вояж со мной, помимо двух десятков охраны, отправились корельские дети из Суворовского и Смольного, второго набора, Добруш, насчёт дорог посмотреть, Горшок да Вольга. Последний мне как представитель Новгорода нужен, на всякий случай. Вынул парня после «медовой недели», почитай, сразу, ну ничего, потом нагонит. Он вообще с трудом представляет свои функции как посла, слоняется, как неприкаянный, пусть поработает, пока ему Рюрик других дел не придумает. В поездку шли на конях, хотели прогуляться к корелам, на завод, потом повернуть на юг, по тропам Горшка, и выйти уже к трассе на Гребцы, а оттуда к постоялому двору, что у нас завёлся сам собой. Цель поездки —

рекогносцировка.

Не то, что сам убедиться хочу в том, что у меня в государстве всё в порядке, нет. Своим соратникам я доверяю более чем полностью. А во многих областях они меня и знаниями превосходят, потому и технической составляющей моя поездка не несёт, не «прогрессорствовать» еду. По химии Буревой меня легко за пос заткнёт, по строительству дорожному — Добруш. По механике Обеслав в такие дебри лезет, что с налёту я не сразу понимаю его вполне рабочие и эффективные идеи. Растимир и Олесь на торфе и металле радуют чуть не раз в неделю открытиями и трудовыми подвигами, в ткацкое дело свой нос совать — себе дороже, там Агна царствует. Просто, несмотря на всё это, зачастую местные жители не видят того, что замечаю я.

Как, например, с тем воздушным шаром было. То, что связь нужна — поняли все, но вот световой телеграф, да ещё и поднимаемый горячим воздухом повыше — с моей подачи получился. Или вот если с рудой цветных металлов историю вспомнить. Буревой как только не пытался выделить полезные нам цинк из минерала! И кислотами его травил, и грел по всякому, и охлаждал, и даже под микроскопом пытался какие-то крупинки отделять. А я ему просто посоветовал в жидкость минерал, растолчённый в пыль засунуть, размешать всё, и продуть воздухом. Дед попробовал, собрал пену — а там чуть не концентрат каких-то соединений цинка оказался! Его дополнительно обработали — и получили вполне себе новый промышленный способ добычи полезного сырья. Имел ли я хоть какое-то представление о таком методе обогащения руды? «Да щаз!». А вот шоколадку, которая в газировке сама собой поднимается и опускается, обрастая пузырьками углекислоты — вполне себе наблюдал, и то, что связанно это с поверхностным натяжением и смачиваемостью — знал. Додумались бы без меня мужики до такого? Да вполне, но позже, а так уже установку собирают для выделения меди, цинка, олова. Причём ещё и жидкости разные пробуют. Да и в социальной сфере так, и в экономической, да и в военной, бывает. Просто у меня кругозор, из-за телевизора, радио, Интернета и просто информационного шума вокруг себя в будущем — на порядки выше, чем у них. И даже специальных знаний не столько требуется, как просто быстрого поиска решения в ситуации. Им-то думать приходится, изобретать, а мне — вспоминать да «натягивать» на реалии девятого века. Потому и пошёл я в этот вояж, хочу своими глазами увидеть, что тут происходит.

За световой день как раз до поворота к корелам дошли, туда нам Суворовцев подвезли на БТР, чтобы кони не напрягались.

Переночевали в сигнальной башне, в тесноте да не в обиде, и двинули к Феде через болото. Тропа к корелам сильно преобразилась за два года. Народ гоняет туда чуть не круглогодично, то Горшок минералы ищет, то Федя к нам за советом, к башне сигнальной, то наши туда, помощь оказать, в долг, то корелы возвращают нам кредиты, мехом да образцами. За почти два года болото обросло вешками, присыпанными участками, где наиболее топко было, пометками, мостками, отдельно шёл отмеченный канал для водомётных лодок. Добрались быстро, Федя о нашем приходе предупрежден.

— Ну здорово, корел! — я пожал руку мужику.

— Ну здравствуй, государь, — корел кланяется, да шапку ломит но как-то больше уважительно, чем подобострастно, я даже останавливать его не стал в таком проявлении чувств.

— Ну рассказывай, как у вас тут? Как живёте? Как там долг наш? — подколол я дядьку.

— Э-эх-х-х, — чуть притворно, по-моему, вздохнул корел, — долги наши… Когда теперь вернём… Ну а так все хорошо, запасы на зиму большие сделали, избу для тебя содержим…

Так, под рассказы корела и пришли в его… Хм, уже даже не деревню. Опорный пункт, вот что она напоминает. Сколько внутри домов — неясно, ибо вокруг села стоит крепость деревянная… А я думал, зачем им трактор-то понадобился. Пару месяцев такая заявка пришла, мы отправили бригаду, долг мужикам нарастили. Вот значит что, обороной занялись. Крепость метра четыре высотой, да ворота нормальные, вбок открываются, а не вверх как в центральном селе деда-маразматика покойного. Ворота открыты, внутри порядок, как в казарме, вместо семи жилых домов стоят девять, сараи превратились в некие подобия наших бараков, дорога намечена щебнем по селу, на внутренней поверхности крепостных стен — помосты, как у нас в городе в деревянной крепости… Вообще, «рука Москвы» чувствуется везде — и в способе постройки, и в деталях, вроде петель на дверях домов и воротах, и в порядке. Особо доставляет парнишка в заботливо вычищенной суворовской форме, с деревянной плашкой на нагрудном кармане. Он тут ведёт себя как хозяин, тыкает людям, что да как делать, а народ, что удивительно, слушается!

Приблизились к пареньку, присмотрелся… Ба! Это ж Федор Федорович, сын нашего Феди!

— Здравия желаю! — окликнул я его.

— Ой! — подскочил тот, спиной к нам стоял, увидел меня, заулыбался, — Здравия желаю, государь! Разрешите доложить! Село Заболотное к встрече государя Российского готово!

Дневальный по селу — суворовец Карелин!

У меня слезы умиления выступили, стоит мелкий пацан, руку к шапке тянет в приветствии воинском, морда серьёзная, на груди, на табличке той деревянной, и впрямь «Дневальный» нацарапано.

— Какой же ты суворовец, Карельский! Ты ж уже не в училище? Значит, бывший, получается. Ну или просто, подданный…

— Суворовцы бывшими не бывают, — грозно так посмотрел на меня пацан, и даже чуть зло.

Я даже как-то неловко себя почувствовал под этим взглядом. Блин, обидел парня ни за что ни про что…

— Вольно, суворовец! — приказал я, парень повеселел, — И впрямь, бывших суворовцев не бывает. Докладывай, кратко, по существу.

Отчёт суворовца, как ни странно, был более информативен, чем описания Феди. Уровень запасов продовольствия и топлива, состояние защитных сооружений, внешнеполитическая (!) обстановка, это про другие села, кратко, какие бедствия, с указанием ущерба, были за это время.

— …Доклад окончил! — парень прекратил вещать.

Сзади смешки, я и конь мой, Ворон, вместе изображаем «эффект Златобора», охреневая от увиденного и услышанного. Все село наблюдает, как целый Государь принимает доклад.

— Строй гарнизон, суворовец Карельский, — осторожно сказал я, уже догадываясь, что сейчас начнётся.

Парень кивнул, свистнул, что есть мочи. Над воротами крепости раздался грохот — в пустой ствол дерева кто-то бил. Потом удары прекратились, и передо мной встали в вычищенной и местами заштопанной форме все пять суворовцев и смолянок. Я уже даже не улыбался — настолько серьёзными были ребята.

— Суворовцы! Благодарю за службу!

— Рады стараться, Государь! — хором ответили мне ребята.

— За проявленное рвение, за то, что не бросили друг друга и продолжили дело суворовское, объявляю благодарность!

— Ураа-а-а! Ураа-а! Ураа-а-а! — было мне ответом.

— Принимайте пополнение в свою семью! — я сделал знак рукой, Добруш сообразил, что я имею ввиду, и вывел из прибывшей толпы ещё пять человек в новенькой форме.

Самое интересное, ребята из второго потока всю дорогу по болоту больше молчали или перекидывались короткими фразами. Не ощущалось радости от процесса возвращения домой. Я внимания особо не придавал этому, мало ли что там у них в детском мозгу происходит. А как сюда пришли, пацаны даже не

маму с папой — первый поток в строю увидели, расцвели буквально. Вон, лыбу в строю тянут и перешёптываются радостно.

— Ребята! Все вы в разное время попали в дружную семью суворовцев Российских. Но независимо от выпуска, запомните! — это был экспромт, к такой встрече и таким речам я не готовился, — Все вы — братья и сёстры! Нет вам надёжнее друга и товарища, чем те, кто с вами, пусть и в разное время, из одной миски ел, на одной кровати спал… Ну и на уроках тоже подрёмывал!

Смешки, конечно, возникли, но радостные, не скабрёзные.

— Держитесь друг друга, и знамя суворовское, как и девиз, высоко несите по жизни!

— Нет знамени, — грустно промолвил Федя-младший, — а про второе мы и не знали, что оно такое есть.

— Девиз, мысль основная, он один — тяжело в учении, легко в бою! А знамя… — тут уже я замялся, как-то не сложилось с флагом до сих пор у них, — А знамя, ребята, будет. Простите государя своего, не привёз я в этот раз…

Я стянул шлем с головы. Народ вокруг проникся, включая суворовцев, вон, Федя-младший кадыком шевелит, хоть бы не заплакал.

— Но то дело наживное, — я вернул головной убор на место, вернул разговор из русла эмоционального в деловое — а что это у вас за ещё группа стоит, дальше?

За строем суворовцев двух потоков, чуть поодаль, стояли ребятишки. Возраст «наш», около десяти лет и менее. Стоят тоже серьёзно, хоть и одеты кто во что горазд, разве что значки какие-то на плечах, вроде наших погон.

— Э-э-э, — замялся было Федя-младший.

— По существу. Отставить мямлить! — чуть прикрикнул я на него.

— Пополнение! — чётко отрапортовал суворовец.

— Ну что. Значит, будем принимать пополнение. Там в сумах на конях подарки, это вам всем, — хорошо, что супруга позаботилась, а то бы я стрёмно выглядел с пустыми руками, — разбирайте.

— А книжки новые есть? — раздался голос из короткого строя.

— Есть парочка. Ладно, официальную часть считаю законченной. Ещё раз благодарю за службу! Теперь Феди, оба, со мной в консульство, остальные — разойдись!

Мы направились в отдельное помещение. Его построила полтора года назад наша агитационна бригада, в то время мы как раз решали вопрос с дедом-маразматиком. Я пару раз назвал его

«консульством» в разговоре, мол, не посольское здание, но тоже — представительство. Ну и прижилось такое именование со временем. В этом помещении барахло, дань, для нас собирали. Ну и представители Москвы на ночлег в этой же избе устраивались, чтобы не стеснять местных.

— Ну, рассказывайте, Федоры оба-два, как вы до жизни такой докатились, — я пригласил мужика и его сына за стол.

Начал Федя старший, потом его перебил младший, потом — опять отец вуступил, чуть не подрались тут при мне, пришлось прикрикнуть и задавать наводящие вопросы. Так дело пошло веселее. Во время рассказа я краем глаза осматривал «консульство». Н-да, сильный след Москва оставила в этих местах, очень сильный… Ну, обо всем по порядку.

История стара как мир. Есть новое поколение и старое. Дети всегда, во все времена рано или поздно «бунтуют». Ну там спорят с отцами, огрызаются, пытаются выйти из подчинения. Процесс естественный, гормоны и прочее. В моё время молодёжь, в зависимости от возраста, сбивается в кучки во дворах под алкоголь и гитару. Те, что помладше, делают всякие «нычки», «халабуды», выдумывают свои тайны и секреты. Обычное дело, сам таким был. Получается, что у детей и родителей в какой-то момент образуется две жизни — одна обычная, где они ходят в школу и помогают по дому, и вторая, вроде как «тайная». Мелкие секреты, которые они не разглашают взрослым, какие-то встречи, без посвящения в них родителей, появляются свои общества и группки. Дети пытаются быть взрослыми. Хотят, чтобы им поручали серьёзные дела, относились как к мужикам и девушкам, доверяли их суждениям и их решениям. Плевать, что мозгов ни на что не хватает, что знаний, опыта житейского мало, что зачастую все их проблемы — это поход по родительским «граблям», от которых те так пытались их оградить.

И если детей в таком возрасте собрать в кучку, они начнут выстраивать свою иерархию, свои взаимоотношения, выделять своих авторитетов. А коли их ещё и поместить в таком вот «бунтарском» возрасте в некую замкнутую среду, с более низким контролем взрослых, то расцветёт это буйным цветом. Причём это на всю жизнь останется в памяти у этих детей, как то время, когда впервые в жизни что-то решали сами. В моё время, таким были, например, поездки в пионерлагеря, на олимпиады и соревнования, на творческие конкурсы. Папы и мамы рядом нет, один преподаватель или тренер на десять человек. Вместо одного старшего или младшего брата или сестры — десяток сверстников. Именно в таких местах закладывается дружба на всю жизнь, как живая память о тех временах, когда дети перестают быть детьми и

начинают «играть» во взрослую жизнь. У нас этот возраст — лет двеннадцать-четырнадцать, тут — меньше, взрослеют рано. И вот теперь представьте…

Изъяли мы два десятка детей. Выдернули из жизни размеренной, привычной, традиционной. Родовые и племенные неписаные законы, природа вокруг — только это определят статус человека любого возраста. В шесть-восемь лет помогают детки по хозяйству чуть, потом больше, затем, годам к пятнадцати-шестнадцати, считаются взрослыми. Но условно совершеннолетними — старший рода держит своих подопечных в ежовых рукавицах, начальствует над всем, организовывает браки, определяет род занятий. Даже своя семья не является залогом самостоятельности — родоплеменные и природные законы не дадут. Один мужик, даже сильно подкованный и обеспеченный местными инструментами, не поставит, например, дом. Или кузницу. Не поднимет поле после выжигания леса, да и правильно подпалить его не сможет. Нет, попадались уникумы, не без того, но они лишь подтверждали правило. Поэтому жизнь этих пацанов, в Заболотном мы забрали только мальчиков, была в принципе расписана чуть не до самой смерти, ну с небольшими вариациями, вроде ухода в дружину какого-нибудь князя. Из вот из этой, просматриваемой лет на пятьдесят вперёд, жизни мы забрали их в Москву.

Кто был в хорошем пионерском лагере в моё время, тот поймёт оказанный эффект. Вспомнит слёзы, с которыми разъезжались по домам, хранимые чуть не тридцать лет пластиковые значки, трогательные письма, которые рассылали по всей стране, радость неожиданных встреч «выпускников» «Артека», «Орлёнка», других лагерей. Причём даже если не в одном потоке были, даже если не встречались никогда за время, проведённое в том месте, или просто не общались. Эффект такой же, но только усиленный на несколько порядков, ибо провели ребята в Москве год, и жизнь тут, в Заболотном, и там, в столице России — это небо и земля…

Год назад приехала первая партия корельских ребят домой радостно, всё-таки к родным вернулись. Но через пару дней затосковали… Заскучали по своей казарме, по отношениям в Москве, по чудесам её и праздникам, по воспитателям и учителям. Ибо там, в столице, к ним относились как к равным, но не обладающим знаниями, доверяли решать такие задачи, которые тут, в Заболотном, им были не под силу, да и не разрешил бы никто ими заниматься. У нас Суворовское на самообеспечении. Ответственность за порядок в расположении, за контроль за отоплением, за успеваемость — всё на самих

воспитанниках. А здесь… Опять болото, опять каждый взрослый — царь и бог, и ему ни перечить нельзя (а в Москве на отдельных занятиях даже с Государем можно было дискутировать!), ни предложить что-то сделать по-другому.

Первая неделя прошла под знаком радости возвращения, а вот потом начались проблемы. Ребята получают «ремня» — то учить вздумали пап и мам, то делают всё по-своему, а не так как говорят им старшие, то вообще не пойми чем занимаются, вроде чтения да письма. Федя-младший тоже огребал, но в основном, морально, от старшего Феди. Тот был единственным корелом, кто был в Москве, и видел как у нас всё устроено, поэтому, даже «прогибая» под себя сына, старался по мере сил прислушиваться к его словам. Через ещё неделю собрались мои «суворовцы» за сараем, и стали думать, как жить дальше. Положение их в Заболотном после увиденного в столице не устраивало, а изменить его — возможности не было. Собрание постановило попытаться скопировать жизнь в Суворовском, мол, если будем жить как там, может, и отношение такое же появиться? Такой себе карго-культ — повторим форму, авось, и содержание подтянется. «За!» проголосовали все, потирая пятую точку, по которой приходился основной удар консервативных сил Заболотного.

Начали копировать с внешних признаков. Устроили сами себе побудку в шесть утра, насколько без часов смогли, построение, зарядку, физкультуру, занятия, на которых пытались просто писать и читать, выдумывать друг другу задачи и решать их. Опять получили от отцов на орехи, нечего, мол, дурью маяться. Пацаны проявили характер — не отказались от идеи, от формы, от ритуалов.

«Суворовец должен быть опрятным!» — вдалбливали им в училище, и каждый у себя дома устраивал себе койку по казарменному образцу. «Суворовец должен соблюдать гигиену!» — не уставала каждое утро им напоминать Смеяна, и пацаны мыли руки, умывались, чистили зубы. «Суворовец должен быть сильным!» — и ребята отжимались, бегали, подтягивались, приседали и тренировались с палками вместо копий. «Суворовец должен быть закаленным!» — и парни натирались снегом. «Суворовец должен быть здоровым!» — и пацаны внимательно следили за ранками и порезами, закутывались при ветре и морозе, старались, насколько это было возможно, правильно питаться. Сотни, если не тысячи правил и лозунгов, даже не внесённых в какие-либо документы, а просто появившиеся в процессе их обучения, стали основой для жизни ребят тут, в Заболотном. Потом из двух других сел пришла делегация. Ну как делегация, сначала один «суворовец» приехал с отцом на телеге,

по делам. Поведал, что твориться в его селе то же самое, не дают «развернуться» старшие родственники, не слушают и не доверяют. Потом второй таким же Макаром нарисовался — и те же проблемы. Федя-младший, негласный лидер «суворовского движения» в Заболотном, постановил наладить связь. Итог — почти тайное общество на три села, владеющее своей письменностью, хоть и печатными буквами и с кучей ошибок, со своими ритуалами, приветствиями, принципами, календарём и счётом! Первым делом записали некое подобие Манифеста — вот те самые «Суворовец должен…!», на бересте, острыми палочками, и распространили на все три села. Потом долго, с каждой оказией, пополняли этот Манифест, включили туда ещё и по Смольному лозунги, ибо в других сёлах были и девочки, что прошли институт.

* * *

И вот к маю у ребят был прорыв. Маленькая победа, чуть поменявшая их статус. Началось все раньше, с банальных драк. Мы-то брали одного примерно возраста ребят, а в сёлах были и постарше, и помладше. Более взрослые дети, понятное дело, иногда не гнушались отвесить тумака мелким, тем более таким «чудным», как вернувшиеся суворовцы. Обычно такие дела решались потом с привлечением старших братьев, отцы в молодёжные разборки не лезли. Но в тот раз все пошло не по привычному сценарию. Достаточно великовозрастная детина, лет тринадцать, отвесила хорошего леща восьмилетнему суворовцу. Тот пришёл на сбор «тайного общества» с хорошим таким фингалом, ответить за пацана было не кому, у него три сестры только. Федя младший, не мудрствуя лукаво, собрал свою гоп-компанию и двинулся на защиту брата-суворовца. Нашли детину-обидчика и навешали ему по первое число! А чего не избить, если один из учебных предметов в училище тот самый мордобой, который мы скромно называем боксом? И если один на один, да в дворовой драке, не на ринге, наши парни с ребятами в полтора раза старше не справятся, то впятером они троих таких завалят и не поморщатся. Бокс-то у нас — игра командная!

Детина закусил удила, позвал родича! Разбираться с малолетками — старшего брата! Тот сначала отнекивался, потом согласился. Мало того что родная кровь бита оказалась, так ещё и дубасили толпой, причём мелюзга. Негоже, чтобы яйца курицу учили, а мелочь всякая почти взрослым мужикам, тумаков отвешивала. И пошли братья уже вдвоём, сделав при этом одну

очень большую ошибку. Они взяли по палке. Тонкой, хлёсткой. Такая вреда не причинит, но боо-о-о-ольно сделает! Не знали «бойцы» того, что в училище учили не только боксу, но и биться в строю копейном, со щитами. Поймали братья обидчика, побили довольно сильно. Уйти не успели — на подмогу прибежала «бригада» с самодельными копьями и щитами. А мы ребят по молодости лет учили биться по правилам ГБ. То есть цель такого мероприятия — обездвижить и зафиксировать. Ну мои воспитанники и организовали им налёт ОМОНа, скрутили обоих и притащили в село. Те двое орут благим матом, народ подтягивается, интересно всем, что происходит. И тут Федя-младший и выдаёт, мол, нападение, да ещё и с оружием, да ещё и вдвоём — минимум «административка». И выходит, что должны эти двое по пять нарядов вне очереди. То есть — на уборку территории.

Тут уже взрослые вступили, начались средневековые разборки. Кто, по какому праву, зачем, почему… А мои стоят, в кучу сбились, но палки свои не бросают. Мужики орут, мол, не по обычаю так со старшими, а Федя им в ответ, что если ума нет, то пусть через веник набираются. Сам Государь не гнушается — и этим не следует. Село зависло. Как так — глава сильный да с дружиной, то есть я, и тоже веником машет!? Старший Федя подтвердил, да, факт — машет, если сам встрянет, о том ему дружина государя говорила. Причём хвасталась, мол, государь наш сам с ведром по территории ходит, не гнушается, если залетел по Закону, и с того силу большую Москва взяла. Закон — наше всё и для всех он един! Село ещё больше задумалось. Во-первых, «этих», суворовцев то есть, Государь сам отбирал, и вроде как они под ним ходили, а остальные корелы у Москвы в должниках. Значит, неизвестно, как тот руководитель России отнесётся, если его воспитанников бить, например, будут. Да и с силой той Москвы непонятно, а ну как впрямь из-за таких вот законов она поднялась высоко? Может, и им стоит о таком подумать? Ситуация непонятная. Федя младший, недолго подумав, объявил поединок! Мол, если по правилам он победит кого из братьев, стало быть, прав суворовец во всем. Совместил традиции и свои новые знания. Ведь по правилам нашего бокса биться — это тебе не исподтишка мелкого обидеть!

Село согласилось, малолетние отморозки строй не бросают. Организовали круг, вышел Федя, одиннадцати лет, и младший из братьев, тринадцати годов, соответственно. Деталь, хоть и маленькая, упала в копилку Феде-младшему. Вот в такой обстановке, все увидели, что пацан-то хоть и младше, но размерами сопернику не уступит, развит и откормлен не по

годам, да и остальные суворовцы выглядят не в пример сильнее и взрослее своих сверстников. По холоду-то не сильно видно, когда все в тулупах да тряпках, а тут, в кругу, да ещё и в одних рубахах заметно сильнее. Федя лишь на пару сантиметров ростом уступает, но зато в плечах шире. Поединок был не долгим, Федя пробил «двоечку», сделал обманное движение левой, и апперкотом отправил противника в бессознательное состояние.

Все, банда малолеток завоевала себе место под солнцем в Заболотном. Пока только с точки зрения силы и только среди сверстников, но даже папаши стали по три раза думать, прежде чем пускать в ход последний аргумент в виде «ремня». А тут и новости подоспели — в других сёлах процесс примерно такой же, разве что в основном девчёнок обижают. После года с Ладой и Брунгильдой они независимые, гордые, кому такое понравиться? И если от барышень, что не учились в Москве, отбиться после небольшой школы самообороны да физподготовки в Смольном было легко, то вот от парней… В бабьи разборки вмешались пацаны постарше, выступали на стороне сестёр, били ребят странных. После очередной берестяной «малявы» банда из Заболотного рано поутру, вместо обычного бега, умчалась со своим дрекольем в соседнее село. Там в отряд включили местных суворовцев и смолянских выпускниц, и организовали подростковый «террор». Все обидчики к обеду ходят с бланшами, малолеток урезонить даже мужики не могут, ибо там их же дети присутствуют, и вроде как это ребячьи «разборки». Плюс ещё Федя-старший, прознав про «вояж» сына с дружками, прискакал весь в мыле, попытался решить возникшее недоразумение. Сделали поединок, как в Заболотным, только бойцы местные. И суворовец проиграл… Но на его место встал другой, и пригласил опять народ на поединок. Причём суворовец — из Заболотного. И ещё стоит толпа, к бою готовиться. Причём девчёнки — тоже! Народ на это посмотрел, решил, что битвы так устраивать можно до потери пульса, надо что-то делать… И тут из третьего села примчалась ещё «бригада», тоже вызванная берестяной грамотой. Двадцать человек, все как один, друг за друга стоят — народ реально испугался. Такую банду, пусть и малолетнюю, но решительно настроенную да кое-как умеющую пользоваться руками да деревянными копьями, остановить сложно…

Взрослые остановили «поединки», наказали всем прекратить драки. Всё, малолетняя банда завоевала авторитет в трёх сёлах. Да, их стали считать полными беспредельщиками, однако хоть так, на страхе, выбили себе пацаны да девчёнки толику свободы жить по своему разумению, отстояли своё право быть не такими, как все. Федя-младший, чуть не в приказном порядке, назначил

ответственных суворовцев в деревнях, и наказал всем мужикам и бабам, кто между сёлами передвигается, передавать берестяные записки. Мол, если приедут, да без записки — надо идти выручать. Народ согласился, от греха подальше…

Казалось бы, блажь, все так и подумали. Мол, поиграются дети да и перестанут. Но тут из стороннего населённого пункта пришли в Лесное «на разборки» пацаны. Ну вроде как у нас на дискотеках деревенских — село на село, развлечение такое, дурь молодецкую потешить. Повод традиционно пустяковый — девушку какую-то обидели где-то, а пацаны вроде как вступились. А мои-то приняли всерьёз, отправили верхом смолянку с сообщением, что наших бьют! Гонец в третье село, в Ручейное, тоже поскакал. В итоге, не успели пацаны постарше морды друг другу расквасить, причём представители Лесного явно проиграли, как на «пришлых» налетел малолетний ОМОН, всех скрутил, побил и привёл в центр села. Там Федя-младший, решает, кому где да как наряды отрабатывать. Пришлые в шоке, малолетняя банда внушает страх, и все попытки улизнуть от ответственности пресекает копьями самодельными. А отвечать есть за что — зуб выбили парнишке из Лесного! Вся пришлая банда, все семь человек, тупо собирает под охраной хворост в лесу, наряд такой им Федя-младший определил. Набрали здоровенную кучу, и с берестой, в которой описаны их подвиги и наказание за них, с очумевшим видом отправлены домой… Через неделю донеслись слухи, что в Заболотном, Лесном и Ручейном завелась банда малолетних отморозков, которым на глаза с дурными намерениями лучше не показываться.

Взрослые из четвёртого села, родины неудавшихся защитников девичьей чести, понятное дело, пришли с претензией за побитых «бойцов». Но тут произошло новое, непривычное в этих местах, ибо о назревающем конфликте посредством детской берестяной почты узнали в Ручеёном и Заболотном!. Прибежали уже не только малолетки, но и мужики. И послали пришлых лесом! Припомнили старые грешки, мол, на БТР нападать все ходили, а пострадали только наши три села, какие претензии? Или тоже дань Москве платить будете? Народ пришлый погудел недовольно, «слился», но — гады такие! — настучали местному князьку, старшему сыну деда-маразматика, Игорю. Тот примчался решать вопрос, судить да миловать, пока власть из его рук окончательно не ушла. А тут Федя-младший, с речью о том, что нас Государь в кучку собрал, и сказал держаться вместе. Ты-то чего лезешь? Или опять Государю жаловаться, чтобы пришёл и разобрался, кто тут прав, кто виноват? На этом все претензии были исчерпаны, появление московской дружины корелы

запомнили надолго…

Результат интересный. Малолетняя банда — непререкаемый авторитет среди детей до четырнадцати лет, да и постарше тоже с уважением глядят. Взрослые тоже впечатлены, особенно скоростью доставки сообщений и тем, что мелкие всё сами организовали. Теперь через почту наших суворовцев пошёл поток писем уже от всех жителей трёх сел. Мужики да бабы ходят к ответственным суворовцам, диктуют текст, другой наш воспитанник читает его у получателя. Красота! Малолетняя банда теперь не просто силу имеет, но и некоторый хозяйственный эффект оказывает. Федя-младший посмотрел на это, и начал дальше копировать жизнь училища в новых условиях.

Отправят одного суворовца за хворостом — вся пятёрка дует в лес. Там, разделив труд, как в училище делали, за день таскает столько того хвороста, сколько каждый по отдельности бы неделю таскал. Надо овец пасти, суворовцы им таблички сделали деревянные с именами и принадлежностью, одного в «наряд на овец» выделят, и тот всех пасёт. Надо ягоды собирать — и тут наши за счёт разделения труда впереди планеты всей, обдирают под ноль всё, до чего дотянутся. И так во всём. Федя-старший, да и остальные мужики и бабы, радуются, прирост-то в хозяйстве ого-го! Задумки наших суворовцев теперь хотя бы выслушивают, и то хлеб. А некоторые — так и принимают, что не может не радовать наших малолеток. Сила есть, ум подключили — статус сильно вырос. Потянулись другие дети, с вопросами, мол, как в вашу «банду» вступить? Федя им про грамоту да счёт, про занятия и физкультуру, про дисциплину и Манифест суворовцев речь прочитал, три четверти отсеялось, особенно те, кто постарше. Младшие наоборот, прониклись, ибо в консульстве, заботу о котором Федя-младший своим решением взял на себя, как «Представитель и воспитанник Государя», появились примитивные настольные игры, какие-то сказки самописные на бересте, прочее интересное. Там мелких и учили суворовцы.

Дальше — больше. Федя-младший прожужжал все уши отцу про трактора, что сеют-пашут да делают всё в Москве, мол, надо бы и себе такой завести. Крепость сделать. Зачем крепость? А вдруг оставшиеся сёла недоброе задумают? Вон, приходили уже с «разборками», а ну как повторить захотят, наказать строптивцев? Папа сыну про долг талдычит, мол, не расплатимся. И тут Федя-младший ему расчёты сует под нос. Процента-то по долгу нет! А значит, рано или поздно выплатим точно! Он же не растёт! Федя-старший в некоторой прострации, ему такие математические изыски неведомы и непонятны. Пришлось сыну папика учить математике. В ход пошло то, что экономику мы преподавали

всем, даже детей учили считать ресурсы да выгоду. Вот Федя-младший на классической задаче «насколько больше трактор нарубит дров, чем вручную?» окончательно папу-то и уговорил. Получалось, что на неделю трактор надо взять, навалить леса побольше. Потом своими силами его приготовить, что на дрова, что на стройматериалы, и ещё раз вызвать. На всю зиму топливо будет, а значит, больше времени на ягоды и гриб, охоту и рыбалку. А больше собирательства — больше меха, больше шкурок — меньше долг Москве.

Уговорили мужиков, по осени отправили к нам сообщение, мол, хотим трактор. Мои сигнальщики подивились берестяному письму, согласовали всё со Святославом, ну и отправили туда рабочую команду. Потом, через месяц, ещё раз. Долг вроде как и вырос у села, но благосостояние, промышленный потенциал — тоже. А значит, и быстрее расплатиться можно. И всё это мои суворовцы с расчётами мужикам доказали! А там и оставшиеся два села жалом водят на момент воспользоваться в долг возможностями Москвы…

— Значит, моим именем ситуацию к всеобщему удовлетворению решили? — задал я вопрос после окончания повествования.

Оба Феди покраснели, замолчали. Я же в образовавшейся паузе рассматривал внимательней консульство. Вон доска кривая, чуть не из коры и щепок сделана, углём на ней пишут. Стопки бересты, вроде как архив получается. На столе какие-то фигурки, палочки-веточки — я так понял, это аналоги наших настольных игр. Шкатулка резная. Красивая, кстати, отдельно стоит, закрытая.

— В шкатулке что?

— Паспорта, — горестно выдохнул Федя-младший.

— Вот что, — я встал с лавки, — Федор Федорович, за проделанную работу тебе спасибо от всего государства Российского в моем лице…

И я поклонился пацану. Оба Федора оторопели, думали, сейчас влетит за самоуправство с именем Государя, а оно вон как повернулось. А у меня спина не переломится, тем более что сам дурак, не предусмотрел, не поддержал, не обеспечил… Я опять примостился на лавку:

— Поклон тебе за то, что не забыл Суворовское училище, Москву, и порядки её продвигать стал, Законы вводить. Молодец, все сам сделал, помощи не просил. И связь организовал, и учебный процесс поставил, как смог, и по хозяйственной части — тоже верно всё сделал. Кстати, про разделение труда, ну, что каждый одно только делает, как на сборе хвороста, где

подсмотрел? Или в процессе учёбы дошёл?

— Ну мы полы мыли в училище, по трое. Ты ж сам приходил, сказал, нечего каждому тряпкой елозить, пусть один воду носит, второй тряпки готовит, третий моет, быстрее так. Ну и по экономике так сказали…

— Хм, и то верно. По сделанному я тебе только ещё раз поклониться могу от государства нашего. Теперь давай по проблемам и недочётам. Там мои в основном, сам дурак, не предусмотрел, не предвидел…

Папа с сыном сидят с отвисшими челюстями, не привыкли тут к самокритике от начальства.

— Но и ты тоже хорош, — вот, теперь челюсти на место встали, всё правильно, — почему не попросил учебных материалов да бумаги?

— Ну ты ж Государь, неудобно…

— Неудобно спать на потолке, одеяло падает, — немудрёная шутка развеселила корелов, — а рапорт подать для дела нужного завсегда правильно. Ты же гражданин Российский, вон и паспорт имеется, хоть и подданные родители твои пока. А значит это, что за тобой целая страна, которая тебя в дельном начинании всегда поддержит. Обратное тоже верно, сам понимаешь, поддержать государство своё, если оно о тебе заботится, всегда надо…

— Да я!.. Да мы!.. — младший Федор вскочил.

— Сядь, вижу, что есть мне на кого опереться тут, в Заболотном. Молодец, то я уже говорил. Так вот, учебные материалы, бумага, учебники и книжки, мебель, мел, наглядные пособия — это мы тебе обеспечим. Тут, в Заболотном. А у остальных как с этим?

— Худо, консульства нет, по домам собираются, — встрял в разговор Федор-старший.

— Вот, значит, и там надо избу строить, консульство, ну и обеспечить всем. Это без долга пойдёт, по бюджету образования. Это, пожалуй, вся моя к тебе претензия, что за помощью не обратился. Хотя за самостоятельность наоборот, хвалю. Далее будут предложения. Во-первых, надо сразу подумать, как в учебный процесс взрослых включить. Да-да, папа Федор, не возмущайся. Ваши яйца, дети то есть, ещё как могут куриц, вас, взрослых, учить. Есть чему и есть зачем. Там сам увидишь. Второе. Надо подумать, что делать с другими сёлами. Если они тоже к вам в команду захотят, что делать будешь?

— Так они же вроде не наши, не суворовцы… — протянул Федя-младший.

— Пока — да, а как захотят? Или братство суворовское на ваших сёлах закончится? — я хитро улыбнулся, — Нет, другие

тоже захотят, вот увидишь. Надо вам на потом подготовку мальцов поставить. Тех, что старше тебя, не бери — не получиться у тебя, задавят. С ними мы отдельно будем думать, как поступить. У вас ребятишек сколько в селе осталось, что в Москве не учились?

— Да, почитай, восемь человек, а остальные ещё мелкие… Или взрослые, — задумался Федя-старший.

— Значит, пять ваших мы сейчас возьмём, все пополнение твоё. Остальные на следующий год пойдут. Там, может, подрастёт ещё парочка, так пару лет, и все почитай, — я думал вслух, — с других сел так же… Вот что, мы для более старших, и тех, кто один год уже проучился, сделаем некие курсы переподготовки. Зимние, чтобы от работ не отвлекать. Значит, Федя-младший, пойдёшь ты со мной до апреля, буду тебя отдельно учить. Ты как, папаша, согласен?

— Да чего уж там, забирай… — Федя только махну рукой.

— Не кручинься, толк от того будет большой, — я попытался успокоить корела, — подтянем тебя, Федор Федорович, по медицине чуток, по управленческой науке, да-да, и такая есть, по знаниям другим. Долг от того сократится, ибо нам люди толковые нужны, а ты, Федя, воспитал сына и себе на радость, и нам всем на пользу. Молодец. Теперь самое сложное. Федор Федорович, предстоит тебе испытание…

— Я готов! — опять вскочил малец.

— Не, не готов ты к нему. Испытание то властью. Я вам ещё двадцать человек привёл, вас теперь сорок будет. Если бы не возраст — дружина, почитай, княжеская. А это — власть, а власть, я тебе так скажу, самый сильный… — как ему про наркотики объяснить, и не поспособствовать экспериментам с веществами для расширения сознания?

— …самое сильное и крепкое пиво. От неё, от власти, дуреет человек. Вон, ваш «князёк»-самодур, что помер с нашим приходом, помнишь его? Вот, власть так человека, может быть вполне нормального, сгубила. Поэтому теперь тебе предстоит испытание такое пройти. А для того, чтобы власть в голову тебе не ударила, есть только одно лекарство. Ответственность. И она тяжёлым камнем ляжет тебе на шею, на возраст не посмотрит. Больше власти — больше ответственности. Если, конечно, как тот ваш дед жизнь не хочешь закончить. Поэтому думай до утра, с отцом посоветуйся. Встанешь на этот путь — обратной дороги не будет, потеря власти, даже такой как у тебя сейчас, это такой удар, от которого можно и не оправиться. Думай, хочешь по этой дороге пойти, ответственность за всех суворовцев и смолянок, их семьи и сёла, на себя взвалить? Или так, поиграешься и будет?

— Я готов, — сразу ответил Федя с серьёзным лицом.

— Не торопись, подумай. До утра время есть…

Вот такой разговор состоялся. И так тут быстро взрослеют, а я ещё и ускорить этот процесс хочу для отдельного парня. Вытянет? Не сломается? Непонятно… Но попытаться стоит, иначе зачем это всё? Отправили парня думать, а сами с отцом его сели о международной политике рассуждать.

За прошедшие два года жизнь тут сильно поменялась. Несмотря на конфликты с подданными Москвы, остальные корельские поселения потихоньку тянулись к Заболотному. Прошлый год голодный был, в долг уже у Феди брали они провиант, торговали. И это привело к тому, что Игорь всё больше и больше устранялся от дел управленческих. Экономика структуру поменяла, вместо ожидания помощи от крепости-столицы ещё с пяток сёл переключилось на взаимодействие с Заболотным. Федя-старший свой шанс не упустил, неплохо поднялся на спекуляциях, по сути, с товаром московским. Но народ тут не глупый, вполне себе осознаёт, что лучше бы вместо посредников напрямую работать с Россией. Вот и спрашивают у Феди об условиях подданства московского. Тот, к чести его, особо не зарывается, цены не ломит, и информацию даёт достоверную. В принципе, уже за тысячу человек готово поданными нашими стать. Даже Игорь не против заручиться поддержкой южного соседа.

Я принял решение. Процесс перехода в подданство определили уже привычный. Если кто из семей в других, не затронутых прямым влиянием Москвы, захочет подданными стать, пусть детей в заложники дают, а мы им за это — инструмент, помощь, долг. И пока кредиты не выплатят, пусть каждый год детей присылают. Учитывая эффект, который Москва оказывает на неокрепший детские мозги, чую я, что через пару лет никто уже и помышлять не станет о том, чтобы перейти под другую руку. Федя-старший теперь назначается главой администрации Корельского района, его сын — замом по воспитательной и образовательной работе. Первый занимается оформлением подданства, второй — работой с суворовцами и организацией консульств.

Поутру собрали всё Заболотное, сделали объявления о тех решениях, что приняли ночью. Народ отнёсся спокойно, они уже как-то и не представляли себе без нас жизнь свою, а подтянуть хозяйственно пусть и дальних, но всё равно родичей да соплеменников из других сёл, людям было в радость. Срок установили до следующей зимы. Мы и интернаты наши расширим, и ресурсы подготовим. Как раз третий поток ребят по

домам вернётся, и станем в более массовом количестве корелов под руку подводить. Федя-младший согласился на моё предложение дополнительно подучиться, попросил только время, чтобы сдать дела своему товарищу. Это ему ещё один жирный плюс. Время у него есть, мы пока по двум другим сёлам пройдёмся.

В Лесном и Ручейном было чуть проще, я уже знал к чему готовиться. Крепостей там не встало, но суворовцы и смолянки встречали радостно и нас, и пополнение своих рядов. Особенно решения в части консульств ребят порадовали, как и обещания учебно-методических материалов. Взрослые тоже рады были, мы по сёлам инструмента привезли и подарков чуть. Да и детей отдали в этот раз со спокойной душой, знали, что не пропадут, а даже наоборот, ума да здоровья наберутся. Пусть и в долг.

Пока ехали от села к селу все думал, как бы ещё улучшить здравое начинание суворовцев. Пока на ум пришло только улучшение связи, надо бы ребят направить на сбор голубей. Я понятия не имею, как птичья почта устроена, но попытаться стоит, полезное это дело. Наловить, прикормить, повязать в пары, а потом отвезти в другое село, клюв связать, сообщение на лапку приделать, и выпустить — долетит или нет? Так и попробуем. Заодно скорость передачи данных и предельные расстояния определим. А то для светового телеграфа у корелов ни людей, ни мозгов не хватит пока.

Забрали Федю и пополнение. Двадцать три человека, причём часть уже вполне сносно пишет своё имя и считает до десяти. А трое так вообще — пишут на слух, с кучей ошибок, правда, и до ста счёт освоили. Хороший «улов». Всю дорогу Федя мне в деталях рассказывал про «братсво суворовцев», я ему указывал на ошибки, недочёты, мелкие огрехи. Не поучительным тоном, а скорее наставническим, преподавательским. Задавал каверзные вопросы, предлагал варианты на выбор, смотрел, как он подходит к решению отдельных задач. Парень не подвёл, самостоятельно приходил к достаточно интересным выводам, и главное — самое главное! — не стеснялся задавать вопросы. Пытал меня похлеще, чем Кукша в своё время, но меня это только радовало, работают мозги у Феди. За всем этим с интересом наблюдал Вольга, Добруш даже что-то себе записывал, а у ребят-корел вообще чуть глаза из орбит не повыскакивали. Ещё бы! Сам Государь! Лично! Тот самый, что местного князя малой дружиной победил, почти бескровно! Страшный человек, что в долги все сёла вогнал! Говорит с Федькой мелким! А тот ещё и спорит! И никто даже руку не подымает на мальца, не орет «мал ещё», не давит авторитетом, а даже прислушивается! Удивительно! Рассказы

Федьки, что казались корелам некой сказкою, стали обретать под собой прочный такой фундамент.

Последним потрясением для новых воспитанников стали два БТРа, что приехали их забрать в Москву от сигнальной башни. А мы с Федей-младшим и моими спутниками направились к заводу. Дошли за день, в темноте уже устроились на ночлег. А вот утром, когда вышли да осмотрели всё, даже я изобразил «эффект Златобора». Это было реальное индустриальное предприятие! Да, три четверти построек из дерева, да крепость с колючей проволокой окружает его, да, дыма мало, из-за кучи фильтров, которыми улавливали газы и пыль из домны для дальнейшего использования. Но мощь! Несомненная индустриальная мощь скрывалась в урчащих огнём постройках. Удивили меня Растимир и Олесь, приятно, надо сказать. Ибо из-за угла выехал натуральный паровоз с вагончиками, и поехал до ленточного конвейера, там разгрузился, и поехал дальше. А ведь они, гады такие, даже мне не говорили об этом! Все отмазывались с Обеславом, что дорогу испытывают, что ещё ничего не готово, а тут на тебе — готовая система подвоза сырья по рельсам. Под окончательно офигевшим взглядом Феди-младшего, рассматривающего завод, ушёл «пытать» ребят.

Допрашивать долго не пришлось — это вообще не их проект, а Добруша. Тот сразу вывалил на меня все затруднения, которые у него при сооружении этой внутризаводской дороги возникли. Теперь стало понятно, почему ничего не говорили — рано ещё. Миллионы мелочей, о которых даже я не подозревал, мешали полноценному развитию такого рода транспорта. Я помог чуть с теорией, но не сильно, самому знаний не хватает. Разве что порекомендовал придумать новую передачу для машины на рельсах. Обычный трактор на железных колёсах слабо подходил в качестве локомотива. Надо и колёс побольше, и трансмиссию менять, и массу увеличивать для увеличения сцепления. Да и сами пути ещё нуждаются в существенной доработке. Вот с ними и сидели, я — вспоминал, Добруш — придумывал.

— Государь! Тут это, телеграмма тебе, — в заводоуправление, избу где мы сидели с племянником, вбежал мужик в кепке сигнальщика-связиста.

— Давай сюда…

«Самим ничего не предпринимать. Дождаться государя. Он решит. Лис».

— Хм, это что ещё такое? Чего вы тут «не предпринимать» должны?

— Ну это про мужиков тех, наверно, — неопределённо махнул рукой сигнальщик.

— Каких мужиков? Наших?

— Не-е-е, других. Второй день сидят за стеной. Торговать, вроде, пришли…

— Вот те раз! Ну ладно, пойдём глянем, что там за купцы…

Залезли на стену. Там аккуратные прямоугольники торфоразработок, а рядом с ним — небольшой лагерь, окружённый телегами. Я четыре штуки насчитал. Позвал замдиректора завода, Растимир и Олесь, что тут начальниками на железе и торфе соответственно, числятся, пока в Москве, производственные планы утрясают.

— Что за люди? Чего хотят?

— Да знамо дело, железа хотят. Чудь белоглазая, с востока. Уже третий раз приходят. То больше по одному ходили, а теперь — толпой… Мы им не продавали, на то разрешения не было. Но и не гнали, чай, не звери.

— Ладно, чего уж там, пойдём общаться.

Время обеденное, мужики в лагере, чудь та самая, варили что-то вкусное. Запах разносился такой, что у меня даже слюнки потекли. Пришли к ним во всеоружии — охрана, я, Вольга, Федя-младший, Добруш. Все в доспехах, кроме Феди, всем своим видом показывая готовность к «переговорам». Мужики при виде вооружённого отряда как-то поникли, прижались друг к другу. Я за словом в карман не полез — «Кто такие? Сколько лет? Почему не в армии?». Чудь шапки ломит, с акцентом заметным, но на словенском, отвечает. Мол, мужики-рыбаки, с озера, что на восходе. Пришли торговать, железа хотим. В замен — вот товар, а ты, князь, не обессудь, подарка нет для тебя, не ведали мы о тебе. Я слез с коня, часть охраны со мной. Посмотрел на товар. Ну-у-у, я ни хрена не понял, если честно. Какие-то бочки с чем-то подозрительным, кости какие-то припёрли… А вот Вольга прям загорелся, прильнул ко мне и шепчет:

— Это ж деньжищи-то какие! Кость зверя северного, добрая, они его там бьют, а жир его, шкуры и кости те продают! Большую цену взять можно!

Поговорил с торговцами, после недолгих переговоров, блеснул знаниями. Мол, моржовый жир да бивень штука знатная, да животина та опасная. Добрые видать охотники вы, раз столько насобирали. Мужики прониклись, не каждый князь в моржах тут, видать, разбирается. Дальше дело пошло веселее. Присели к дядькам, угостили их, они — нас. Перекусили, за погоду поговорили, за урожай, там, рыбалку, перешли к делу торговому. Меня интересует объём поставок, их периодичность, скорость, чего они хотят за шкуры да жир. Кость мне без надобности, вроде, а вот первые две позиции очень пригодятся. Жир на мыло идёт,

его мы чуть не в любом количестве брать готовы. Кожа — так же. Несмотря на существенное, многократное, увеличение стада нашей живности, пока на поток производственный мы не вышли. По графику через три-четыре года мы будем и в мясе, и в жире, и в коже просто купаться. Сейчас же дефицит этих товаров всё же ощущается. И из Новгорода нам тут не помогут — там это не самые распространённые позиции, не очень бойко местные жители торгуют животноводческой продукцией, самим, видать, не хватает. Да, подобные вещи ещё и скандинавы на торг привозят, но это уже импорт, и стоит он — мама не горюй! А зачем нам посредники, если тут народ сам пришёл с подобным товаром? Тем более, что это производитель, не перекупщик, передо мной сидит. Ну и самый главный вопрос интересен. Чего они сюда припёрлись? Шли бы на Свирь, там бы и торговали. А то я чуть не физически уже ощущаю, как грецкий орех, с которым я сравнил в своё время Москву, сдавили ещё и с востока. Да, пока с торговлей пришли, но сам факт появления гостей от Онежского озера малость напрягал. Где рыбаки с телегами прошли, там и воины с конями пролезут, а значит, и завод укреплять придётся, выделять новые силы на оборону.

В процессе разговора выяснили про быт этой чуди белоглазой (и впрямь глаза водянистые, голубые, но такие светлые, что белыми кажутся). У мужиков серьёзны многоплановый бизнес. Весной высаживают зерно да овощи, идут всем селом на лодке на полночь, на север, получается, там в конце лета бьют зверя, обратно возвращаются, продают купцам добытое, и, как снег ляжет, идут охотиться на пушного зверя. Вот в процессе охоты в декабре наткнулись на завод. Раньше слухи ходили, что какая-то неведомая в здешних местах непонятность дымная завелась, но близко никто не подходил. А тут пургой замело охотника, вышел прям к стене. Наши его увидели, помогли спастись от непогоды, в вагончик-бытовку определили на время вьюги. Там охотник удивлялся всякому, и, как снег прекратился, полез с расспросами. Чем мол, вы тут, хозяева дорогие, промышляете? Наши сильно не распространялись, но про железо сказали. Охотник в благодарность мех оставил, наши в ответ — котелок. Ну у нас таких много, вот и выделили, из своих запасов, из столовой. Им, кстати, штраф теперь полагается — нечего казённое имущество разбазаривать. Охотник котелок схватил — и дёру дал, рассыпаясь в благодарностях. Пришёл через две недели, с напарником. Опять шкурки принёс, хочет ещё железа. Наши уже ни в какую (тут им премия), мол, не положено. Помочь в беде или отдариться — это куда ни шло, а торговать без Государева разрешения — никак. Мужики не отстают, хотят таки наладить

торговлю. Спрашивают, чего везти, какого товара вам тут надо? Заводские ответили просто — вези всё, Государь или его подручные, разберутся. Ну вот они и припёрли на телегах. Выходит, надо три раза премировать моих металлургов, за конспирацию, инициативу и помощь ближнему, да два раза оштрафовать, за котелок и торговлю без разрешения Хотя по первому вопросу ещё посмотрим, может, по бухгалтерии как-то выкрутились.

А на Свирь чудь и не ходили никогда, обычно торговцы прямо у них всё брали да мены осуществляли. Правда, ценник — конский. За моржовый бивень один к трём железо давали, не в пользу чуди, за жир — так вообще копейки. Но и деваться особо некуда, у самих с металлами не густо. А тут, после котелка того, что охотнику перепал, народ возбудился, выгодная мена получилась. Ну и решили, чем Перун не шутит, попробовать. Народ вроде добрый им попался, не убили сразу, по крайней мере. Собрали продукцию свою в качестве образцов, даже ласты моржовые солёные привезли, да и отправили четырёх самый опытных переговорщиков и охотников сюда.

Посидели ещё, я пошёл думать на завод, раздавать кнуты да пряники своим сотрудникам. С наказаниями, слава Перуну, не сильно пришлось разойтись. Котелок тот взяли из металлолома, он дырявый был, да быстренько заделали дырку мягким железом. Десять копеек цена в базарный день такому изделию. Торговлю они оформили как «непредвиденные расходы», молодцы, да подробно всё отписали в большом отчёте, что раз в квартал присылали с завода, потому я и не в курсе был этой ситуации. Мысль проста, если не вернутся чудские мужики, так и не страшно. А если придут — то вызывать по телеграфу кого поумнее в части торговли. И то верно, нечего по мелочам дёргать всех, тем более дело не сильно срочное. Премии выписал, отдельным постановлением довёл мысль о некоторой неправильности поведения, даже выговор не стал в личное дело заносить организаторам сего действа. А вот благодарность, за то что повели себя по-человечески с дядькой, да за смекалку — к премии чуть добавил. Пошёл на телеграф — надо выяснить, что у нас почём в плане торговли, московские расценки на товары чуди и их соотношения с ценой нашей продукции.

Переговоры через цепь сигнальных башен завершились вечером, и поставили меня в некоторый тупик. По нашим расценкам, если мы будем менять жир на железо дрянное, то по весу выходит один к двум. Килограмм железа за два килограмма жира. А всё из-за постоянного пересчёта ценности товаров по нашей экономической системе! Жир-то у нас почти дефицит, вот

и выходит цена такая, высокая. Причём в конце сообщений от Лиса появились приписки чуть не от всей женской половины правительства, мол, бери всё, сколько дают. Смеяна, Зоряна, Жуляна, да все отметились, жир и мыло очень нужно!

Вагончик прогрели, вывели его за пределы крепости, мужиков в него пригласили на ночлег и на переговоры. Нечего на улице торчать, тут всяко теплее. Зажгли свет, опять начались переговоры. Я даже выдумывать ничего не стал, всё как есть выложил. Вот наша цена, в таком вот железе. Да не истекайте слюной, дайте договорить! Чем больше будете возить жира, тем он меньше стоить будет. Ну вот так у нас сделано, Закон такой. Мужики чуть погрустнели, но так, для проформы. Ибо столько железа они обычно года за два зарабатывали, а тут за один раз и за не самую большую партию. Кость ещё толкнуть попытались, по расценкам относительным, то есть — чуть не за два центнера стали. Я их сразу огорошил, кость у нас не ценится, так, за четверть пуда вся, что у вас есть, уйдёт, причём того же дрянного железа. Мужики в непонятках, как так? Обычно наоборот, кость брали, шкуры не каждый раз, а жир так вообще — пятки смазывать, за шапку сухарей. Чуть объяснил им про экономику, на пальцах, чудь уловила суть — есть товары ценные, а есть не очень, причём у нас совершенно не так, как у других. Начали интересоваться, что нам ещё нужно, желательно ценного для нас, и не очень — для чуди, вроде жира?

Встречный вопрос — а чего у вас много, гости дорогие? В ответ пошла лекция про богатый животный мир в их местах, мол, более пяти тысяч видов животины всякой! Одной рыбы — четыре тысячи девятьсот видов! Остальное — пополам комары и пушнина. Чего тебе из этого везти, хозяин? Посмеялись вместе, шутка удалась. Начали выпытывать подробности. А мужики-то, не так просты как казалось сперва. В их местах народ живёт рыбой, её ловит, продаёт. А эти — новаторы, за зверем морским ходят далеко, бьют его успешно. А рыба так, для пропитания. Но её и впрямь там очень много, по словам чуди. Горшок пришёл, он в лаборатории металлической зависал, начал пытать насчёт минералов. Мужики не в курсе, опять про рыбу разговор заводят. Чтобы переговоры вывести из тупика задал задачу — пять тонн морепродуктов в неделю, потянете? Пересчитали в их единицы измерения, чудь загрустила, не, телегами да санями не привезут, даже всем селом. Ну на то и расчёт! Перешли к нематериальным ценностям. Карты, знания, навыки, информация — мы все возьмём.

Вот тут чудь прямо по-другому глядеть начала, с немалой толикой уважения. Видать, не я один такой умный тут, в девятом

веке. На таком предложении переговоры закончились, все пошли думать. Придётся тут задержаться, уж очень интересные мужики.

На утро опять собрались в вагончике. Чудь выспалась в тепле, коней их вместе с нашими в крепости обиходили, опять сели разбираться — где рыба, а где гроши. Долго затянулось переливание из пустого в порожнее. Не хотят, гады, меняться картографией! Зашёл с другой стороны. А чего вы все, собственно, хотите? Не, не в железе дело, не в товарах. По жизни-то чего вам надо? Мужики «подвисли». А и впрямь, чего по жизни надо-то? Ну, безопасно, сыто, одето-обуто жить, детей спокойно воспитывать, да в будущее с оптимизмом смотреть. Это не они — это я им так сформулировал. Те вроде не против, так и есть. Рассказал про наше государство, про то, как живём, что все по одному Закону. Мужики думают, неспешно так переговариваются. Спрашивают в итоге, каким они боком к нашему государству? Они ж под Бьярмой живут, ей вроде нечто вроде дани платят. Я встал в стойку — что за дань, где та страна, а то краем уха слышал, но ничего конкретного. Чудь просветила — ушли они из под владычества Белозера, на север, довольно давно, пришли на ничейные земли, что возле большого озера. Онежское? Ага, и так его зовут. Оттуда стали на промысел на заход ходить, и вот там, на севере, и есть город, Северным его зовут, а на местном диалекте — Биармия или Бьярма, кто как называет. В прямом смысле они дань не платят, а вот меха за проход в Северные моря, где на льдах звери живут с большими клыками, отдают.

Как здорово эти товарищи придумали! Зимой мех промышляют, чтобы за проход в Белое море, я так понял, заплатить, летом зверя морского бьют, и с торговцами на Онеге с того зверя промтовары себе имеют. А рыба с посевами — на прокорм. Стройная такая система получается, красивая. Спросил насчёт людей, что в Бьярмии той живут. Говорят, там сами. Ну сами, так сами. Нет, говорят, не сами — а са-а-а-ами. Саамы, что ли? Финны? А корелы тогда кто? А ещё кто живёт? Выдали список — леший меня побери, там что, каждая деревня своё племя со своим названием? Ужас! На карте покажете где кто? Молчат, мнутся. Поднажал чутка, прояснилась ситуация. Боятся мужики, а вдруг воевать их приду? Или, как вариант, сам зверя добывать пойду северного? Им с того какой интерес? Сделал ход конем — достал секретную карту севера…

Выписка из общей карты, с пометками где кто живёт по данным нашего МИДа в лице Лиса. Она от Балтики до Белого моря как раз, скопирована с форзаца записной книжки. Мужики в карту вцепились, глаз не сводят. Прикрыл рукой — нечего бесплатно пялиться, вы же не хотите меняться данными! Достал

блокнот, начал рисовать. Сколько шли вы до нас, знаете? Не говорите… Ну, пусть столько, сколько от Москвы до завода, ну пусть раза в два больше. Пойду я вас грабить, соберу дружину, а смысл? Кость и жир вы притащили. Сами сказали, что по осени всё торговцам сливаете, значит, у вас запаса продукции моржовой нет, только то, что привезли. Схожу я значит, чтобы рыбу у вас забрать? Мех? Да на кой он мне нужен, ты на мне его много видел? Чай, хотели бы — сами тут его бы настреляли. А ты наших охотников видел? Видел!? Кого!? А, его вот видел с людьми… Горшок, минус тебе, за ненаблюдательность. Тебя видели — а ты людей нет, сам говорил. То не за мехом ходили, то камни разные искали. Выходит, мне вас «завоёвывать» — только в расход входить. Самому за зверем ходить? Дык мне получается только через Свирь идти, Москва, город наш, он на озере Ладожском. Да и то, из нас охотники на моржей — как из помета стрелы. Там и останемся, во льдах. Мужики посмеялись, действительно, навык там особый нужен, просто так в Ледовитом океане не походишь. Выходит, вроде как нечего мне у них грабить. Но всё же боязно чуди. Вот жир Москве нужен. А вдруг ещё чего, о чем мы не знаем? За тем и придёшь грабить. Блин, какие ушлые ребята! Ушлые — но интересные!

Пришли к некоторому промежуточному решению. Сейчас мы всю их продукцию за железо забираем, а там пусть ищут сами, чем нас ещё заинтересовать. Так как делиться знаниями никто не хочет, то стоимость товаров московских, соответственно, вырастет. Да, чудь надеялась пятьдесят килограмм железа забрать — но больше сорока не дадим. И именно за то, что данных о себе не представляют. Теперь пусть едут домой, думают над своим поведением. Наберут ещё товара на продажу — милости просим. Отдельно проговорили спекуляции. Мол, если в той Биармии есть чего ценного да полезного, пусть тоже везут. На том и расстались с восточными соседями.

Следующим утром кавалькадой, с Горшком во главе, путь он показывает, пошли тихонечко на юг. Сейчас задача пройти километров тридцать-сорок до небольшой речки, и свернуть за запад, вдоль берега дойдём к дороге на Гребцы. Там прояснить ситуацию с постоялым двором, самовольно образовавшемся, и назад, в Москву. Сколько прошли — определить сложно, тропинками двигались. И к вечеру вышли в деревню…

Блин! Вот стоит упустить процесс — сёла, как блохи на собаке, заводятся. Причём деревня свежая, и судя по древесине, не далее чем этой осенью образовалась. Да и Горшок говорит, что летом тут проходил — не было ничего. А сейчас три дома стоят, на скорую руку сделанных, лишь бы перезимовать, да микро-

лесоповал, заваленный стволами необработанными. Это значит люди строиться будут да лес жечь под посадки. На моей территории!

— Открывай, хозяева! Государь приехал, — я постучался в избу.

Там шебуршение, приглушённые звуки, наконец, открыли. Ну мужик, обычный такой, из местных.

— Здорова, незваный гость. Какого хрена вы тут, в России, обосновались? Без прописки и разрешения на временное пребывание?

Мужик глазами лупает, весь сжался.

— Ладно, не парься, — мужик оглянулся удивлённо, температура такая, что не запаришься сильно, в избе ещё народ сидит.

— Чего надо-то? — спросил дядька.

— Тебя надо, со всем семейством и соседями. Есть кто главный? Не ты? Рядом дом? Ну ладно. Но ты тоже давай на выход, разговор есть.

Собрали представителей трёх домов. Получилось за пятьдесят человек, по нескольку семей тут живут пока в одном доме.

— Вы самозвано на территорию России пришли. О том, что это моя земля, у меня договор с Рюриком есть. Что дальше делать будем?

— Не знали, князь, — один мужик, лидер, по ходу, снял шапку, — с полудня пришли, из земель словенских. Вот, думали обосноваться…

— Ну что, место-то вроде неплохое… — я обвёл окрестности взглядом.

Выбирали расположение деревни с умом. Речка рядом, хоть и не глубокая, так, для лодок только совсем мелких. Лес неплохой, до болот далеко, поляны имеются. Да и сами дома на холмике небольшом стоят, ельником с севера прикрыты от ветров. Грамотно сели, я бы тоже тут село основал. Только вот кто ж так в граждане набивается? Нет бы прийти, попросить — сразу лес рубить да избу ставить…

— …Только вот что ж вы разрешения не спросили? Под руку не пошли?

— Не думали, что тут власть чья-то есть, — ответили мне.

— Ладно. Теперь знаете, давайте думать, как дальше быть. Уходить станете или по нашим Законам да порядкам проживать? Только учти, вы тут вырубку незаконную устроили, долг на вас уже висит.

— А какие они, порядки те? — резонно спросили мужики.

— Можете ко мне в крепость переселяться, ремеслом заниматься станете. Хотите крепостными быть? Нет? Тогда по-другому, под дань. Я вам устроиться помогу, избы нормальные поставим, поля разбить поможем, с барахлом да инструментами подсобим — но всё строго в долг. А чтобы вы от выплаты его не убежали, детей у вас в залог возьму, в город свой. Учить их там буду. Через год детей новых возьму, старые у вас помощниками останутся. Ну и так далее.

— Дань какая? — поинтересовался руководитель новой группы переселенцев.

— Мои ближники определят состав, количество, порядок выплаты. С голой задницей да голодными не останетесь, это точно. А то вы ж тогда долг никогда не выплатите.

Народ понимающе кивнул, разумно говорю.

— Ну а ежели уходить таки станем, мешать не станешь? — спросил всё тот же предводитель.

— Куда ты пойдёшь, дурик? Зимой? С детьми? Да ещё и с долгом на шее? Знаешь, сколько незаконная вырубка по нашим законам тебе обойдётся? То-то и оно, не расплатишься!

По глазам вижу, что если сейчас их оставить так, то рванут куда-подальше, да и сгинут где-нибудь в мороз да стужу.

— Так что пока выхода у тебя нет, — я сделал ударение на слово «пока», мужик воспрял, — давай в избу, чего мёрзнуть, там все и решим.

— Угостить особо нечем, не обессудь, на семена всё оставили, — мужик руками развёл.

— А чем питаетесь? С охоты? И много настрелял уже? О! Зайцы! Зайцы — это хорошо! Хорошо что не лоси, у нас на них охота запрещена. Потом тебе Смеяна все расскажет. Давай, веди, Вергилий. Будем тебе гражданство оформлять, временное.

— Почему Вергилий? Меня по другому зовут… — мужик чуть осмелел.

— Да потому что ведёшь, — я только отмахнулся, сказал сгоряча, теперь вот придумывать придется, — был такой мужик, Вергилий, он всех водил. И Данте тоже. По Аду.

— По чему? — уже хором спросили мои спутники и местные.

— По Аду. Туда всякие нехорошие личности попадают, кто законы нарушает, или, там, селится без разрешения на территории России. Веди давай…

Набились все в один дом. Печь мужики не сложили, очаг только на полу. Мои спутники прям гуманизмом прониклись, детей жалеют, баб, холодно всё-таки тут, да и бедно… Переписали всех, я подготовил указ. Указом тем все местные жители тупо встревают в долги, за вырубку. Потом — дальше в

кредиты лезут, за дома нормальные, дрова, продукты. А то помрут, и некому будет мне долги отдавать, так я им и объяснил. Местные горестно вздыхают, не ждали они такой засады. Оставил тут половину охраны. Задача — организовать подвоз стройматериалов, продуктов, прочего необходимого. Поставить дома, посчитать долг, оформить гражданство в статусе подданных. Ну и расписать то, как они долг будут отдавать. Потом забрать детей в заложники и довести их до Москвы. Причём сначала их одеть придётся — плохо тут и них с тулупами для мелких. Оставили им припасов, тронулись в путь. На обратном пути придётся заехать, посмотреть, что из этого выйдет. За охрану не боюсь, ребята у меня ответственные, а вот за местных, что могут рвануть куда глаза глядят — переживаю. Терять население, которое я уже включил в состав России мысленно, не хотелось. Пока думаю сориентировать этот посёлок на обеспечением продовольствием завода, тут ближе получиться таскать продукты, чем из Москвы. А там и на добычу сырья их, возможно, привлечём.

К середине второго дня после посещения новой деревни, вышли на тракт. Такое вот слово на ум приходит. Хорошо наезженная дорога, широкая, плюс столбы верстовые стоят вдоль. Не магистраль, конечно, что между заводом и Москвой, но тоже неплохой путь. По тем столбам и сориентировались — нам километра два на юг, где по нашим расчётам местный «Хилтон» образовался. По дороге пограничника забрали с лёжки, и двинулись к нужному месту. Дошли — картина знакомая. Опять деревня, лесоповал, только теперь пяток домов более крупных, стоящих кругом. И тут придётся разборки устраивать. Правда, в избу не постучишься, ворота стоят и забор на входе. Причём дома старые чуть обновили, тут селище стояло раньше. А вот ворота и забор — новые построили. Большое подворье такое, достойное. Пришлось бить сапогами в ворота.

— Сова! Открывай! Медведь пришёл! — через пять минут мне стало скучно просто стучать, начал дурковать.

Неприметное окошко приоткрылось, оттуда послышалось нечто вроде «ой-вей!», и раздался звук быстро удаляющегося человека. Потом опять шаги, но уже во множественном числе, с позвякиванием и хрипами бегущих людей. Мы отошли подальше от ворот, щиты достали, от греха подальше.

— Кто такие! Чего надо! — голос из-за стены под конец фразы дал петуха, и, Перун меня задери, я знаю этот голос!

— Слышь, орёл! Точнее, судя по голосу, другая птица! Ворота открывай, государь Российский, с налоговой инспекцией! А то завелись тут… «бизнесмены», налогов не платят, податей тоже, а

живут на земле Московской.

За стеной молчание, удар, взвизг того самого знакомого голоса. Потом опять крик, сорвавшийся на петушиный:

— Мы Новгороду платим!

— Вот Вольга, посол Новгородский, ему будешь на уши приседать, кому ты там платишь. У нас с Рюриком соглашение, моя земля к северу, ну, к полуночи от Свири. Я вот сейчас человека к Добролюбу отошлю, в Гребцы, там мне быстренько все расскажут кому и сколько ты платишь. И чует моё сердце, после этого на жизнь твою и шкурки мышиной никто не поставит..

И вот тут сыграла ассоциативная память. Ставки, голос этот, «ой-вей» из-за двери… Я вспомнил! Вспомнил, где голос этот слышал! Тогда, на Ладоге, когда данам геноцид устраивали! Купец тот, что в регате участвовал, донесение Лису вёз! Маршак… Нет, не Маршак, Самуил, вот!

— …И вообще, морда хазарская, Самуил, твою мать! Открывай, а то как в тот раз на вёслах на Ладогу пойдёшь, на скорость, по снегу! — я прямо развеселился, ну надо же, где бы ещё встретились!

Мои тоже заржали, история довольно известная в наших кругах. Над воротами высунулась морда чернявая, в шлеме, что сидел на ней как на корове седло:

— Сергей!? Ты что ли!? Как!? Откуда!?

— Открывай, тебе говорю! Кому Сергей, а кому и государь Российский!

— Даже так!?? Я сейчас!

Шевеление за воротами, нам наконец-то открыли. Внутри человек десять вооружённых мужиков и Самуил во главе.

— Ну здорова, чернявый! Доставай бухгалтерию, налоговая пришла! — я расплылся в улыбке, и тронул коня…

— …и вот тут и сел. — закончил рассказ хазарин.

— Нда, укатали сивку крутые горки, — я рассматривал старого знакомого.

Самуил повзрослел. Именно что повзрослел, стал более жилистым, крепким, шрам на лбу, проплешина в чёрных кудрях. История его достаточно занимательная, может, Держислав когда и пьесу напишет по ней. Драматическую. После событий с данами, бизнес у хазарина рухнул. Команда поредела, лодку-то ему вернули, но оборотных средств нет. А вот мысль с регатой, на которую мы их тогда отправили, Самуилу запала в душу. Продал лодку купеческую, купил поменьше, начал гонять туда-сюда по Волхову, вызывать на «гребную дуэль» народ. И дело пошло! Деньга завелась, команду «профессиональных спортсменов» удалось сколотить, семью он с Днепра привёз на север, в район

Ладоги. Потом, правда, не до азарта всем стало. Мор, затем разборки в Новгороде, а там и команда под снижение дохода ополовинилась. Кто к Рюрику ушёл в дружину, кто к купцам подался. Самуил хотел было опять торговлей заняться, но связи утеряны, восстанавливать — долго, результат же не гарантирован. А тут жена с детишками под боком, не до приключений. Решил осесть, перекупкой заниматься, лавку открыть. Основал магазинчик, но дело не пошло, тут надо за товаром самому плыть, тогда прибыль хорошая. Пошёл один раз на запад, за янтарём, вернулся еле живым. Прижучили его какие-то гоповарвары на Варяжском море, только «спортивная» подготовка команды и спасла. След на лбу, шрам — это от стрелы на излёте, с тех пор шлем и не снимает почти на людях. Рана мерзкая такая получилась, чуть не на половину головы.

Вернулся Самуил, подсчитал прибыли и убытки, прослезился, и стал думать. Землёй жить — руки не из того места растут, торговать — опять проблема отсутствия оборотного капитала. А тут мимо Ладоги народ начал гонять, дружины проходят пешим порядком да пассажирами на судах, уходят на север, возвращаются на добрых лодках. Смекнул хазарин, раз люди есть, значит и деньги будут. Сходил в Гребцы, слухов собрал разных. И про боярина того, что мы упокоили, и про новое государство, и про дорогу в Москву. Пасьянс в голове сложился у Самуила, люди идут, значит, нужно где-то им харчеваться и коней обихаживать. Предложил оставшейся команде сесть постоялым двором на дороге, как раз на половине пути от Гребцов. Команда согласилась быстро, тоже мужики семьями обросли уже. Двинулись всем кагалом на Свирь, оттуда — рывок до вот этого места, с собой прихватили пару семей земледельцев, ещё с Ладоги, долги их выкупили. Отстроились достаточно быстро, леса много ещё со времён рубки просеки тут осталось, закупили сена и продуктов, подготовили лес к выжиганию. Приняли несколько экипажей от Рюрика, потом все затихло, до осени. Там ещё три команды прошли, потом — Вольга с друзьями, собственно, пока и всё. Так и живут тут, честным трудом, почитай, да делом полезным.

— Ну что, будем тебя оформлять за незаконное предпринимательство, по «уголовке», — я посмотрел с улыбкой на Самуила, тот не понял и половины, но суть ухватил верно, потух, — да ладно, шучу я. Я тебе человека оставлю, он всё расскажет, как мы тут живём. Да сам потом решение примешь, под руку мою и Законы идти или дальше куда отправиться…

— Куда же идти-то, только сели, только хозяйство подняли, а вон и отсюда гонят, — запричитала жена Самуила, с красивым и

непривычным в этих местах, но вполне себе знакомым мне именем Сара.

— Цыть! Иди вон, за детьми смотри, пока мужики делами занимаются! — прикрикнул Самуил, и брюнетка под причитания удалилась, — А если в двух словах, как тут что у вас? Велик ли урок? Дань? Мыто?

— О-о-о, тут в двух словах не расскажешь. Неси отвар, если пива нет, долго говорить будем!

— А чего ж пива нет! Есть, как не быть, — засуетился хозяин.

— И почём пиво-то? — поинтересовался я.

— Для дорогих гостей — бесплатно! — продекламировал Самуил.

— Ты это дело бросай, на халяву встречных-поперечных поить, даже если это хозяин земли местной, — я в шутку погрозил Самуилу кулаком, — вот тебе первое правило нашей жизни — все надо считать! Тащи пиво, я тебе рублями московскими заплачу, привыкай. Чувствую я, ты тут надолго…

— Один момент, — заулыбался Самуил и выскочил в сени…

Проговорили до полуночи, всё-таки старые знакомые, хоть и встретились при интересных, скажем так, обстоятельствах. Самуил откровенно устал, видно по нему, жизнь не пожалела мужика, хоть ему и лет меньше, чем мне. Поэтому рассказ про Законы, что для всех одни, про цены и школу, про обязательства государства перед ним и Самуила с людьми перед казной, воспринял он даже с некоторым облегчением. Так и сказал, мол, устал как белка в колесе, хочу стабильности, чтобы дети росли, жена радовалась, не хочу скакать под стрелами на лодке шатающейся. Ну, под такое дело мы много ему что можем предложить. Даже оформление как подданных его не смутило, в долг пойдёт вырубка опять же незаконная, да предпринимательство. И дети, что в заложники пойдут, не испугали хазарина и его людей. Особенно когда Федя младший с ними поговорил, как человек, что прошёл уже наше Суворовское училище. Самуил был не дурак, пользу учёбы вполне себе представлял, потому и сам быстро согласился, и своих соратников уговорил. Процесс уже привычный — мы ему устроиться поможем, в долги загоним. А он нам дань да кредит выплачивать станет. Через год детишек поменяем — и всё по кругу. Схема, отработанная на корелах, вполне себе пригодилась и тут, уж очень удачно получается.

Утром собрали уже всё население, объявили о их новом статусе, если, конечно все согласятся. Отказавшихся не было. По местным меркам налоговое бремя, да при таких условиях кажется вполне подъёмным. Ну разве что вопрос с государственными

расценками немного смутил, да совместное предприятие, которое образуется на месте постоялого двора. Да, вот так вот, половиной этого двора теперь владеет казна, правда, с совершенно другими целями, не связанными с извлечением прибыли… Цели те лежат в области госбезопасности, в основном, да развитии торговых путей. Вдруг ещё где постоялый двор понадобится? На востоке, например? Что же, опять ждать, пока сам «заведётся», как блохи на собаке? Нет, это не наш метод, некое планирование всё-таки нужно. А тут народ и опыта уже наберётся, и ошибки видны будут, и недоделки. Ну и со школой, связью, медициной все решить надо, всё-таки наши граждане, хоть и подданные. Написал охранную грамоту, переходный период теперь у Самуила. К лету проведём модернизацию, решим проблемы накопившиеся, да и перестройку двора сделаем. Пока это лицо России с юга, пусть все сразу видят, какая у нас страна.

Расстались добрыми друзьями, пусть ждут теперь гонцов — присматриваться к объёму работ. Детишек Самуила также чуть позже заберём, когда вещи зимние привезут. Ну а там и поможем чем сможем, в долг. А мы двинулись обратно на восток, в первую новую деревеньку. Шли знакомым маршрутом, чуть быстрее получилось. Основная задержка — возле самой деревни, меня, хохочущего, вынули из сугроба возле таблички с названием села, быстро наши охранники подсуетились. Я прочитал надпись на деревянной доске, упал с коня, смеялся и не мог остановиться. Ворон мой верный только что копытом не крутит у виска, остальные тоже не понимают, в чем дело. А я пальцем тыкаю на табличку, и слово вымолвить не могу. Там красуется надпись: «Деревня Адъ. Староста Вергилий. Население 64 человека. Россия». Ну как ту не заржать?

В деревне суета, пришёл трактор малый, «Ослик», небольшая рабочая команда, стройматериалы и продовольствие. Уже привычно делали дома, на манер наших старых, с двойными стёклами. Печи клали, дорожки трактором утрамбовывали, некое подобие забора ставили. За этим всем с охреневшим взглядом наблюдали из своих полуземлянок жители Ада… Им там уже лекцию читают, про правильное земледелие, а они все глаза на улицу косят, боятся паровой машины. При нас заселили первую семью, дома у нас быстро ставить научились, даже зимой. Новосёлы жмутся друг к другу, не верят своему счастью, думают, подвох где-то есть. Это само собой — они просто сумму долга пока не осознали. Однако процента нет, выплатят по мере сил. Пошли по дороге из Ада к заводу, я опять развеселился не в меру, народ только плечами пожимает, не понимают юмора.

От завода путь завершили на БТР, чтобы на 23 февраля

успеть. А то подзадержались мы в дороге, больше времени ушло на поездку ушло, чем планировал. Аккурат к параду и примчались, ни свет ни заря. Еле успел принарядиться, хорошо хоть речь накидал в блокнот по дороге. Парад у нас за пределами крепости, на поле специальном за отсутствием площади нормальной. Там трибуна, гарнизон стоит, ждёт сигнала.

— Товарищи! Сограждане! — начал я вещать, — Не более чем за месяц наша страна приросла гражданами более чем на пару сотен человек подданных. Причём, я теперь боюсь оставлять вас даже на день! Только взгляд отвёл — бац! деревня, а поспать лягу, что, город встанет втихаря в лесу!?

Народ смеётся, слухи уже разошлись по Москве о нашей поездке.

— Но это хорошо, друзья мои! Чем больше нас — тем мы сильнее, и независимо от роду-племени, все, кто наш образ жизни принял, все нам братья. Все русские! И корелы, и чудь белоглазая, и словене и мурманы с хазарами! И каждый, я надеюсь, готов с оружием в руках защищать наш образ жизни! С Днём Защитника Отечества вас, граждане великой страны! Ура! Торир! Командуй!

Мне ответили громогласным ура. Торир занял моё место на трибуне, громко начал командовать. Мимо меня шёл Кушка, на конях, с тремя помощниками своими, с государственным флагом. На базе него разработали штандарты для остальных родов войск. Я эскизы набросал ещё когда от корелов вернулись, и отправил их в город. Народ к празднику успел — все шли под новыми знамёнами. У преподавателей да инструкторов — лавровый венок герб опоясывают. У ГБ — он на фоне щита и меча, стремительные кони с копьями на перевес у конницы под звёздочкой с серпом и молотом, трактора — у механизированных войск из двух БТРов, якоря у морячков, винтовки у пехоты. Суворовцы и Смольный тоже с флагами. У обоих книга раскрытая под гербом на штандарте, только у пацанов сверху ещё и шлем, а у барышень — кокошник. Хорошо получилось, красиво.

Из гостей у нас папа Жуляны Ратибор, отец Ярило Добролюб, да Вольга со своими дружинниками. Им тоже наше воинство понравилось, вон какие лица удивлённые. Ну то потом ещё будет время поговорить, пока что праздник, с семьёй пообщаться надо. Вон, Вовка мой ко мне бежит, с маленьким красным флажком, а Зоряна — за ним. Решено. Сегодня день проведу с родными и близкими, а завтра уже приступим к делам…

— Таким образом, на нашей территории появилось два населённых пункта. Один на дороге в Гребцы, другой — на юг от металлургического завода. Плюс корельские деревни теперь практически наши, без всяких оговорок. Их вождь в дела тех трёх

сел не суётся, дань не берет, суд не вершит. Остальные тоже думают под руку Москвы уйти. Нарисовались соседи с востока, с Онежского озера, хотят торговать. Ну, более подробно вы все в отчёте уже читали, — вечер пятницы двадцать четвёртого февраля мы проводили за обсуждением результатов поездки, до обеда делал отчёт для всех, теперь вот его анализировали, — какие мысли у кого есть по этому поводу?

— Да вроде все по-старому, что тут ещё придумаешь? — пожал плечами Святослав.

— Ну разве что торговля с востоком потребует дополнительных данных, товаров, договоров, — добавил Лис.

— У других есть ещё предложения? — я обвёл глазами соратников.

— Надо дорогу сделать в Адъ, — сказал Кукша, немало меня повеселив.

— Ну то дело наживное, дома им построим, повяжем долгами и путь организуем, — я все ещё улыбался от словосочетания «дорога в Адъ», местным несильно понятно, а мне смешно, — Федор, у тебя есть мысли?

Корела молодого обучали в том числе путём погружения, он участвовал в наших несекретных совещаниях. Федя помотал головой, конспектирует, но своих идей пока нет.

— Тогда я вам скажу по крайней мере три вещи. Первая, это миграционные потоки. Когда люди куда-то переезжают — это называется миграцией. Вот на пути таких странников мы, по факту, и оказались. Деревня новая, да и Самуил со своим «отелем» на дороге — это их следствия. А в наших планах их просто не было, не учли. Как орех нас сжали сейчас те потоки с трёх сторон.

— Так люди всегда идут, — запротестовал Лис, — теперь-то почему к нам попадают?

— А я тебе отвечу, — вступил Святослав, — мор был? Земля освободилась? Освободилась. Народ плодиться начал, теперь её опять не хватает. Вот и идут на свободные земли.

— Ты прав, Святослав, и это тоже. Плюс демографическое давление, перенаселение. До мора уже народ сюда шёл, просто не достиг этих мест. Потом из-за болезни движение это поутихло, и вот возобновилось. Ну и фактор викингов не стоит забывать. Как грабежи на Ладоге и в окрестностях прекратились, в том числе с нашей помощью, Новгород порядок навёл на своих землях, народ опять двинулся с насиженных мест. А теперь все на минутку прикрыли глаза, и представили себе. Идут люди, в наши земли, садятся на них, строят землянки и дома, жгут лес… И так пару лет… Что получиться?

— Бардак получится, — резюмировал Буревой, — кто попало, куда попало, где захотят, там и сядут.

— Верно, и я считаю что это неправильно. Что толку строить планы, если через три-пять лет переселенцев будет больше чем нас, причём жить будут там, где сами захотят? Какие к лешему дороги и каналы? Какое там развитие и планирование? Получим тот же Новгород, только меньше размером.

— Надо не пускать?… — предположил Федя.

— Хм, смотри, суворовец. Всему на свете есть причина, каждая из них приводит к следствию своему. С причинами мы разобрались, следствие — поток переселенцев. Можем мы остановить процесс этот? Граница у нас достаточно большая, охранять её — так народу только на охрану несколько тысяч уйдёт. Значит, не можем. И тут, на будущее, запомни, если ты остановить процесс не можешь, надо его возглавить. Стоит сделать так, что любое движение тебе на пользу шло. Вот идут наши переселенцы, что они видят вокруг себя? Лес и лес, как везде. И только потом, как на землю сядут, узнают, что на Российских землях оказались. Это не дело, надо их заранее предупреждать да готовить к жизни в новом государстве…

— Мы же уже про это говор… — начал было Кукша, про «Плесень» вспомнил, я ему погрозил кулаком, не все тут подписку давали.

— Так вот, наши планы остаются в силе, я надеюсь, все поняли о чем я? А про текущие потоки в них не было ничего. Значит, надо как-то упорядочить их, расселять людей там, где нам удобно, в таком виде, как нам надо. Где дороги пройдут, где минералы полезные, где почвы хорошие, где с точки зрения обороны хорошо бы встать. Адъ наш, — я опять улыбнулся, — стоит в достаточно удобном месте, защищать его фактически не от кого, не пролезут туда войском. Самуил со своей деревней тоже неплохо устроился, нам все равно нужен был опорный пункт на юге. А вот остальных переселенцев надо сажать там, где мы скажем. Готовьте обоснование, места ищите, и процесс продумаем, как их ловить да направлять на поселение.

— Ясно, перехватывать и селить по нужным местам, — записал себе Святослав.

— Теперь второе. По поводу чуди. Я тут прикидывал на карте, получается интересное дело. Если путь наш продолжить, который до завода идёт, то упрёмся мы аккурат вот в это место. А там, я вам скажу точно, — я посмотрел на всех, давая глазами понять, откуда я это знаю, Федю рано посвящать в такое, — много железа, руды. И тут же живёт чудь, что товаром интересовалась. А теперь смотрите. Вот Ладожское озеро, а вот — Онежское. Тут

Белозерские земли, тут Новгородские, на север — куча мелких племён и Бьярмия та. Вот пути торговые. Мы давно с вами продумывали маршруты купеческие, помните? Только мы на Свирь опирались, а если мы дорогу протянем от Ладоги до Онеги, то что получиться?

— Ну торговлю можем на себя забрать, северную, — пожал плечами Лис, — нам-то что с того? разве что жир…

— Не туда смотрите. Мужики чудские куда за зверем ходят?

— В море, знамо дело, — Кнут вступил в разговор.

— И что будет означать путь к Онежскому озеру для нас? — я посмотрел, мысль пока моя не понятна, придётся разъяснять, — ладно, с другой стороны пойдём. С западной. По Ладоге, потом по Неве, куда мы попадём? Правильно, в Варяжское, Балтийкое море. Ну и далее на запад.

— Только там викинги, — начал что-то соображать Кукша.

— Да и других полно, — добавил Торир, — много народу.

— Вот! И значит путь морской на запад сложный, много интересов придётся учесть, найдутся те, кто против будет, если мы там шастать начнём…

— А тут независимый путь в моря северные… — Лис задумчиво дорисовывал на моей схеме значки, — И если вот тут вот правильно нарисовано, то обогнув полуостров, что ты Скандинавским зовёшь, мы получим путь на запад. А неплохо… Хотя нет — здорово! Северный жир, с Белозера южные товары, из Персии, от Новгорода мы перестанем зависеть, и Рюрик нам не указ! Не сможет он торговлю перекрыть, и викинги не смогут!

— Дальше смотри, помнишь, я тебе про Северные моря рассказывал? Про Ледовитый океан? Вот в тот океан или впадают, или выпадают из него, я не знаю, реки большие, — я очень схематически на карте, плюс-минус тысяча-другая километров, дорисовывал водные артерии, — Вот тут вроде Обь, а тут Двина Северная, тут Печора, тут Енисей, Лена…

— А дальше новая, неоткрытая земля, — прервал меня Лис.

— И значит, мы, теоретически, можем спускаться по тем рекам, и куда мы попадём? Правильно, в Сибирь и на Урал, в Азию дальнюю, в Китай и в Монголию… Ты чего, Федя?

У паренька глаза из орбит, мы тут тысячами километров туда-сюда спокойно кидаемся, причём про те земли говорим, о которых тут вообще единицы слышали хотя бы краем уха.

— А откуда… Вы вот это… — начал было корел, не успел договорить.

— На тебе бумагу, изучи внимательно, — я сунул Феде подписку о неразглашении, — и подумай, насколько мы тебе доверяем, если такое при тебе обсуждаем. Оправдай, не болтай по

сторонам, хорошо?

— Да я!.. — вскочил пацан.

— Сиди уже, подписывай давай, — я его вернул на место.

— Если мы до конца льдами пройдём, — рассуждал дальше Лис, — то попадём в новые земли. И на юг сможем пойти, в океан вот этот здоровый.

— Его Тихим зовут, ошибочно, кстати. Ну то ладно, потом расскажу…

— …Спускаться по рекам, упираться в Степь, — Кукша водил по карте обратной стороной карандаша, — продвигаться на юг.

Пасынок посмотрел на меня серьёзным взглядом:

— Потянем или нет? Лёд тот, холодно, реки какие там неясно…

— Ну, нё все сразу. С другой стороны смотри тоже. Вот море Белое, где чудь зверя бьёт, вот тут коллеги Торира живут. Речек там полно, озер, если по ним идти, население на свою сторону привлекать, то со временем выйдем мы вот сюда, — я ткнул в загиб Скандинавского полуострова, — причём по суше.

Если на карту посмотреть, то будущая Швеция и Финляндия разделены грандиозным заливом. Вот в крайнюю северную точку того залива я и ткнул.

— И получим мы новый выход к морю, — закончил мою мысль Лис, — ещё лучше. Только там расстояния большие, долго это будет…

— Ну мы-то никуда не торопимся, лет сто у нас на это уйдёт — и ладно! — я улыбнулся, глядя на Федю, который окончательно ошалел от наших масштабов, на этот раз временных, — ты, суворовец, думай всегда на перспективу. Не тебе, так детям твоим, а то и внукам такое на пользу пойдёт. Так вот, собственно, к чему я это говорю. Надо подминать под себя чудь. Хоть как, хоть тушкой, хоть чучелом, но они должны стать нашими гражданами.

— Воевать их пойдём? Или так уговорим? — Торир, как главный военный, уже собирался в поход.

— Нет, сделаем проще. Привяжем экономически. Что мы про чудь знаем? Есть данные, что у них да как там, на Онеге? Нет?

— Нет, о таком пока не в курсе, — посмотрев на всех сказал Лис.

— Ну значит сведения собрать надо, да там и решать, — народ согласно закивал, — вот что, Федя, ты иди теперь, пиши отчёт о совещании. Дальше будет о том говорить, о чем тебе рано ещё слушать. Не из-за возраста, а потому что секретно. И это не просто так — опасно тебе знать то, о чём говорить будем.

— Понял. Отчёт как писать? — встал корельский суворовец.

— Как хочешь. Мне сейчас надо посмотреть, что ты вынес из совещания и твои мысли обо всём. Завтра проверю, обсудим.

— Завтра суббота, — предупредил Святослав.

— Ну и что? Вроде ж день самостоятельной работы постановили, что тут такого?

— Увидишь, — улыбнулся Лис, — сам на всё посмотришь. Сюрприз будет.

Федя ушёл, мы заперли за ним дверь. Из личного сейфа я достал документы по «Плесени».

— Третье, что я вам сказать хотел, касается непосредственно Феди. Мы в своём плане очень недооценили степень восприятия нашего образа жизни, особенно среди детей и молодёжи. Бумаги мои все читали? Так вот, мы в «Плесени» закладывали по пять лет на переход от колонистов, с которыми только торговля, до подданных, потом ещё столько же — до крепостных. А исходя из того что увидел я, срок надо раза в два снижать. Это с одной стороны. С другой, если такая степень восприятия нового у других тоже будет, то проблем мы огребём по самое не балуйся…

— Почему? Наоборот, хорошо получается, быстрее под нас пойдут, — Буревой высказал всеобщее мнение, судя по реакции моих друзей.

— А если и степень сопротивления будет тоже раза в два больше? Мы-то рассчитывали на работу с мелкими коллективами деревенскими. А потом, через пять лет, когда они поймут, что под рукой Москвы жить проще и богаче, уже по нашей «Плесени» и сопротивляться некому станет, все согласны будут. А ежели срок меньше положить на такое? А если все быстрее поймут, что происходит? Против нас объединяться начнут? Да и местная власть может в стороне не остаться. Вон, только нашим авторитетом в Заболотном отбиться смогли от наследника деда-маразматика. А теперь представьте, если мы план наш начнём, а мы по весне первый рейс наметили, колонистов искать собирались, а нас через полгода уже дружины князей местных будут ждать на месте колоний? Что делать? В ноль их вырезать? Так другие на их место придут, и всё по новой. Думать надо, как такому вот противостоять, да сроки плана сжимать раза в полтора-два. И готовиться серьёзнее. Все, надеюсь, согласны? Ну раз все, тогда на сегодня мы всё закончили, оформим решения в другой раз. Спать хочу — не могу!

Выспаться не удалось. Сначала дома был микро-скандал. Причём, наверно, первый серьёзный конфликт с супругой. Зоряна мне заявила, что не дело это. Родная кровинка, Вовка наш, играется, учится, как все, а он Государя сын! А тот, Государь в смысле, вместо того, чтобы его, Вовку, на совещания брать,

какого-то корела Федьку с собой таскает! Пилила мозг половину ночи, пообещал ей по утру дать ответ. Моя любимая чуть успокоилась. А рано утром разбудила уже другая пила, паровая.

Проснулся я от шума. Хорошего такого городского и промышленного шума. Все галдят, что-то трещит, что-то пилит, что-то свистит — ужас! Куда я попал! Форточка чуть приоткрыта, а в спальне такое ощущение что Шнитке концерт устроил! Пошёл разбираться…

В городе натуральный производственный бум! Причём народ специально в субботу встал пораньше, и работает так, что только пар стоит. В гаражах, ворота у многих открыты, народ строгает, пилит, крутит, сверлит, красит… Заглянул в один — мебель резную делают, поздоровались, и опять работать, не отвлекаются. В другом камень красивый на плитку режут, в третьем — какие-то доски хитрые, для внутренней отделки, я так понял. Все заняты, один я слоняюсь как неприкаянный.

— Видал! — нагнал меня Лис, — Здорова! Вот такое теперь каждую субботу. Пашут до темна, получше чем на наших стройках.

— Ну так для себя, немудрено, — я разглядывал семью, которая на цемент приклеивала декоративные плитки камня поверх стены, — а красиво, себе надо так сделать. Где материал брали?

— Трактор мужикам в аренду выдали, налог за пользование природными ресурсами взяли, они и принесли, — поведал мне Лис.

— Хм, молодцы. Тут как, меняются хоть друг с другом?

— Держи карман шире! — захохотал Лис, — Подожди, себя обеспечат — начнут через лавку нашу за комиссию друг другу продавать.

— Надо такое вот, — я ткнул в плитку, красивая, зараза, — в каталог включать. Может, в Новгороде или ещё где понадобиться. Всё хлеб.

— Да мы уже о том подумали, только каталог отдельный будет, и расценки, — сказал Лис.

— Ты-то, кстати, чего не в гараже? Или не придумал, чего делать?

— Да какой там, — замахал на меня Лис, — там у меня занавески шьют, твоя, кстати, супруга тоже. Меня и выгнали.

— Ну пойдём тогда по цехам, посмотрим, как дела продвигаются.

Двинулись в сторону судостроительного. Там на стапеле стоит «Варяг», модернизация у него, а рядом — копия посольского судна, по весне спускать будем. Оно деревянное, без

отделки корпуса. Внутренности чуть другие — нам десант высаживать конный не придётся. Через трап всё спустим. Сели прямо на судне обсуждать будущий поход торговый по озеру. В него я тоже пойду — посмотреть своими глазами на всё, Златобора правильно наставить, он уже полностью в наш коллектив вписался и гражданство получает. Рюрик освободил его от должности мытника, вот и старается теперь бывший Инспектор познать таинства письма и счёта московского, чтобы экзамен сдать. Проговорили долго, состав товаров обсуждали, процесса обмена, картографию. Потом пошли к дому Лиса. Мне надо с супругой вопрос с Вовкой решить, с его участием в наших совещаниях.

Нашёл Зоряну у Лиса в гараже, там кружок кройки и шитья. Забрал жену, повёл за пределы крепости. Вывел на нужное мне место, поставил.

— Озеро видишь? Ага, подмёрзло… А место это помнишь? Нет? Костёр тут здоровый недавно был…

— Когда боярских людей сжигали, точно! Вспомнила! Ты к чему это?

— А помнишь, любовь моя, почему мы их тут сжигали? Сынка его, избалованного, что род свой ставил поверх всего и родовитостью своей бахвалился? Помнишь?

— Ну, помню, — пожала плечами Зоряна, — мерзкая семейка…

— Ну а чего мёрзкая-то? Нормальная. Дед боярин был, почитай, отец — тоже, вот и сын боярин, родовитый значит..

— Ну так человек то плохой! — сердито топнула супруга, — Какая разница, кто у… него… отец…

Закончила жена почти шёпотом.

— Думаешь, и Вовка может таким стать, плохим? — после долгой паузы промолвила тихо Зоряна.

— Я этого не говорил. Станет таким, как мы его воспитаем. Не больше и не меньше. Только вот никто не знает, что из это выйдет. Отец того сынка-мажора тоже, наверно, старался для сына, к боярству готовил, ни в чем не отказывал да при себе держал, учил да с самыми благими намерениями воспитывал. Ну вот и развеяли мы его прямо тут. А сынок в кандалах к Рюрику отправился, на суд. И тут, кстати, не только в Вовке дело. У него дети будут, их тоже выделять станем? Больше давать, чем остальным? За что? За то, что Игнатьевы? Задерут нос, станут прав себе требовать, почувствуют себя лучше чем другие просто потому, что род у них знатный. Найдётся ещё один, такой как я, и упокоит потомков наших, за чванство да гордость непомерную. Или хуже того, в дружки-приятели набиваться народ станет,

лебезить перед ними, возносить на пьедестал, безгрешными считать и правыми во всем, тогда вообще пиши пропало, такие чудовища получатся.

— И что ж теперь, в чёрном теле его держать?

— Ну это-то другая крайность, нет в этом смысла. Помнишь, я вам про выборы рассказывал?

— Помню. Блажь это…

— Нет, не блажь. Это предохранитель, как на паровой машине, чтобы идиоты да родовитые, что кичатся предками своими, а у самих ума ноль, не лезли в главные! В Государи да министры! Сейчас ты попросишь Вовку таскать на совещания, потом другие подтянуться со своими детьми, из наших, из Игнатьевых. Получиться такой себе кружок для избранных, куда другим хода нет…

— Ну и что тут плохого? — не понимает Зоряна.

— А то, что потом ты его на должность управляющую поставить попросишь, родную-то кровиночку, чтобы топором не махал, а в тепле и уюте сидел. Потом — вместо себя оставить попросишь, да и другие так сделают. Поколение пройдёт — Игнатьевы тут всем продолжат заведовать да своих детей в тому же готовить. Ещё одно — и будет у нас, как в Европе, король, наш с тобой потомок, да знать — его родственники. Только вот сможешь ты мне гарантировать, что при таком раскладе достойные люди попадут в государи да министры? В военачальники? Может, внук мой захочет себя науке посвятить, а его силком на трон потащат, по роду ему положено будет. И государь хреновый выйдет, и сам внук — несчастным. И остальные озираться будут, недоброе думать. Мол, написано в Законе, что все равны. А тут получается, что некоторые ровнее, и как человеку умному да умелому подняться? Зачем тогда всё это? — я обвёл рукой московские стены, — Пойдут таки дальше счастья искать, государство ослабеет, а то и заговор создадут, да сами на трон сядут, наших с тобой внуков порешив. Чтобы такого не было придётся народ гнобить, оружие да военное дело только избранным, остальных — под шконку. Да озираться по сторонам постоянно, нет ли заговора? Потом всё дальше пойдёт, крепостное право и право первой ночи, показательные казни для бунтовщиков да революции. Ты бы так жить хотела?

— Нет… — тихо промолвила жена, потом вскинулась, спорить стала, — А вдруг по-другому будет, хорошо?

— Неа, не будет. Встанем на путь передачи власти по родству — конец будет один. Я тебе примеров кучу приведу. Был в своё время государь, Николай Второй звали. Может, и человек хороший, да вот правитель отвратительный из него получился.

Тоже по родству на самую вершину влез, а его потом со всей семьёй убили, да кислотой залили, чтобы памяти даже о них не осталось. Другой был, Иван Грозный звали, тот потомство после себя не оставил, и вся страна друг дружку резала, царя все искали себе. Это другая грань потомственной передачи власти. Третий был, Петр Великий, тот у сына заговор нашёл, сына прибил, в итоге дочка того Петра на трон влезла. Во Франции, у франков, там король сказал «Государство — это я», и после его смерти страна рухнула, и сына его бунтовщики порешили. Итог один — чтобы удержаться нужны репрессии, гайки закручивают, народ волнуется, потом бунт и смерть. Других примеров я не помню, разве что иногда из государя куклу делают послушную, что власти не имеет, а сидит, навроде зверюшки домашней на троне, для красоты. Только вот ресурсы на такое тратить — бестолково.

— А что, выборы твои эти жизнь у всех лучше делали? — супруга не унимается.

— Да нет, и они тоже плохо. У нас на несколько лет выбирали главу государства, так были и такие, что нахапают побольше, и бежать после очередных выборов. Тоже факт.

— Надо соратников просто хороших выбирать, они государю помогут и дурака на трон не пустят, — выдала решение мне Зоряна.

— Ага, вот тебе другой пример. Другой был у нас Государь, Сталин звали. Тот и правил вроде достаточно мудро, хоть и жестоко, и среди соратников его людей достойных было немало. А после его смерти его же сподвижники имя того Сталина в грязь втоптали, кровожадным животным обозвали, да всё хорошее, что им было сделано, по миру пустили. Сорок лет не прошло, а страна развалилась и много людей от того погибло.

— Как-то всё мрачно у тебя получается. Куда ни кинься — везде только кровь да смерть, — супруга пнула кусочек льда, — и что же теперь делать? Ты как сам думаешь?

— Я думаю, что надо так жизнь построить, чтобы каждый — я подчёркиваю! — каждый мог сказать «Государство — это я»! И соратники нужны, и выборы, нужна система сдержек и противовесов. Плюс так надо все организовать, чтобы власть не давала красивой жизни, а была тяжким бременем, трудным и сложным. Установить такие правила, чтобы каждый знал, что может он при наличии ума и знаний, ответственности и других качеств подняться в государстве. Я пока не говорил никому, но сам не очень пока понимаю, как нам тут дальше власть устраивать. Мне видится Государственный Совет родовой, из Игнатьевых и к ним примкнувших, основателей страны. Не из-за родства, а из-за того, что самые образованные они. И много нас,

если с Ториром и Лисом да Святославом посчитать, да потомков в это число включить. Тогда не будет самодуров на троне или правителей слабых, из своей среды пусть достойного выбирают, да приглядывают строго. И главное — порядок определят, кого в совет политический этот включать. А то, может, не захотят внуки наши политикой заниматься, по стезе инженерной или какой другой пойдут. Что же, насиловать их теперь, заставлять делу, от которого воротит, всю жизнь посвятить? И ещё, думаю, один Совет нужен, Профессиональный. Тот будет по научной да хозяйственной части, чтобы решения политического Совета не приводили к упадку страны. В нём самых умных да авторитетных в науке и технологиях, в экономике и строительстве собирать станем. Ну и третий, им в противовес — Земский. Пусть люди, что под нами живут, представителей в нём собирают своих, и на жизнь свою жалуются, идеи продвигают, будет обратная связь. Если всё правильно устроить, то может устойчивая конструкция получиться. А Правительство пусть решения тех Советов в жизнь проводит. Ну и Государь, что по мере надобности выдвигается из числа людей достойных, лишь для решения быстрого вопросов нужен станет.

— И выходит, не хочешь ты власть Вовке оставить?

— Нет, не хочу. Захочет да ума хватит — сам возьмёт, шанс такой будет. А так пусть тем занимается, к чему душа лежит. Наукой, строительством, исследованиями, морем, сельским хозяйством, медициной — ему везде пути открыты. Нам пришлось с тобой взвалить на себя ношу тяжкую, государство строить, под давлением внешних обстоятельств. Пусть хоть дети наши живут так, как хотят, а не как отцы им диктуют да родословная указывает.

— И то верно, — супруга взяла меня за руку, — ты прости. Не подумала я сразу, хотелось самое лучшее сыну оставит. Кукша при деле, Влас и Смеяна тоже, а Вовка школьником бегает простым…

— А пусть бегает! — я погладил руку жены, — Тоже полезно. Помни просто всегда, что с такого вот «кровиночке породственному надо бы должность выхлопотать» начинается развал всего. А идею с Федей… Ну, мы её просто продолжим. Подумай, как на наш Госсовет с мужиками детей водить, пусть тоже слушают. Не только снизу знают, на практике учебной в учёте помогая, но и смотрят, как решения принимаются, польза тоже будет. Да и взрослым бы не мешало…

— Подумаю, — Зоряна взяла меня под руку, — пойдём, что ли. Холодно тут…

Воскресенье было спокойным. Никто меня пилой не

разбудил, посвятил время Вовке и жене. Та все выпытывала примеры из несостоявшегося будущего, прикидывала, как избежать проблем у нас. А Вовка просто рад был, что папка дома.

Денёк отдохнул, и снова в бой. Народ по работам разъехался-разошёлся. Партия рабочих поехала в Адъ, там ещё доделать надо многое новым подопечным. Ещё одна команда отправилась к Самуилу, надо хазарина в Москву привезти, документы оформлять да договора подписывать. Плюс гостей из земель Новгородских отправили. По стройке вопросы решали, там в основном по расширению Суворовского училища и Смольного, под большее число людей планировать надо. Потом Обеслав с Кнутом, про лодку новую говорить пришли. Кукша взял меня в оборот, о вооружении экипажа думали и связи на корабле. Потом Буревой посоветоваться пришёл, он всё селитры выход повысить пытается. Потом Торир… Тысяча, если не миллион дел, рабочих моментов, вопросов и задач. А мне, кстати, нравиться.

К вечеру привезли Самуила с детьми его. Хазарин убедился, что ребят нормально поселят, стал живо интересоваться окружающим пейзажем. Отвёл его на стену. С этого ракурса город впечатлял. Аккуратные линии домов, завод, будущие улицы и проспекты. Все это я показывал и рассказывал Самуилу, который от удивления не закрывал рот, челюсть отвисла. Разве что отделочные работы москвичей портили вид — уж очень разные цветом дома выходят. А хазарин наоборот, говорит, красиво, разноцветно. Потом по плану «ошарашивания гостя» у нас завод, потом, как вишенка на торте — Перуново поле с микро-синагогой. И если по заводу и складам хазарин носился, как очумелый, орал, хватал все руками, отпуска и хватал следующее, в глазах доллары, тьфу, серебро крутиться, то после Перунова поля стал более серьёзный и смотрел скорее с уважением, а не с жаждой наживы. Там, в синагоге, девчушка из его земляков, Смольного воспитанница. Причём одна-одинёшенька. И для неё мы сделали дом молельный. Вот за это хазарин нас сильно зауважал, за заботу даже о самой незначительной части населения в такой достаточно скользкой области, как религия. Ну а нам чего? Мы люди мирные, у нас тут все уживаются. Вон, христиане, их две семьи оказалось и воспитанница одна, субботы свои потратили, на украшательства небольшой часовенки, что тут же, на Перуновом поле стояла. А потом, по просьбе той самой девчушки-иудейки, и ей помогли кое с чем. И главное, проблем с этим никаких никто не видит. Ну свои боги у человека, что же о теперь, не москвич, что ли? Понятное дело, и я, и родичи мои, и Влас с его талантом слухи распускать, тут руку очень даже приложили — неохота делить людей не на умных или умелых, а

на тех, кто правильной веры, а кто — еретик.

Потом рисовали будущий гостевой двор Самуила. Там хазарин окончательно впал в экстаз. Сидели, прикидывали на бумаге, которая тоже удивила хазарина Самуила, будущий промежуточный пункт от Гребцов до Москвы. Функционально он должен стать не только гостиницей, но и местом базирования дорожников, что путь обслуживали, погрангородком, складом. Причём почти на самообеспечении — сельхозземли тоже нужны, нечего за мешком картошки в Москву гонять. Вот и думали. Надо с одно стороны поразить гостя, с другой — обиходить, с конем вместе, с третьей — послушать внимательно, что пришлые между собой говорят. Мне, например, очень любопытно, о чём там Олег с тем же Добролюбом говорит, когда меня рядом нет. Урону чести тут никакого я не вижу, и подслушивать не считаю зазорным или неправильным — на мне ответственность за людей, и чтобы им урону не было, я на многое согласен, если ни на всё. Ну а стена защитная с сигнальным воздушным шаром — это как само собой разумеющееся пошло.

Самуил прозрел из-за основательности подхода. Не просто дом гостевой, а посёлок, на две части разделённый и защищённый. В первой — жители, пограничники, склады, во второй — гости. И стена между ними, чтобы не мешали друг другу. Ну и для пулемёта место чтобы было. Двойные стены в гостинице, чтобы человек проходил, это для подслушивания, поэтому Самуил нам клятву давал в синагоге да подписку в актовом зале. Сама крепость получалась где-то триста на триста метров — много места для конюшен отводить пришлось. Комнаты в двухэтажной гостинице на втором этаже, четырёхместные, чтобы семьями могли жить. На первом этаже — столовая, администрация, хозяйственная часть, и тоже комнаты.

Про администрацию отеля, как мы за глаза проект называли, отдельный сказ. Надо учить народ письму и счёту. Тут, кстати, порадовал хазарин, первый вызвался в вечернюю школу ходить. Пока снабдим его «Азбукой», а там дальше двинемся, может, он у нас первым заочников в этом мире станет. Под этим соусом зацепили вопрос посещения детей в Суворовском и Смольном. Да, будут такие часы по воскресеньям, но только так, чтобы другим детям не обидно было. Потому и гостинцы если тащить — то на всех, и барахла подарочного лучше не дарить, некуда складывать его, а то и сопрут из зависти. Оно нам надо, провоцировать такие вещи?

Начали копать котлован для гавани и сооружать защитную стенку, чтобы вода с озера его не заливала. Землеройная машина Обеслава вышла на маршрут и показала отличный результат.

Если так и дальше пойдёт, да ещё пяток подобных сделаем — мы середине лета как раз земляные работы закончим. Исследования при помощи бура показали, что скал немного на месте потенциальной гавани, надеюсь, справимся быстро. Когда же болота растаяли, пришла делегация от корел с Игорем во главе.

Вопрос один — как можно улучшить своё положение относительно Москвы. А то три села богатеют, и остальные тоже так хотят. Федя их конечно уже проинформировал об условиях, но люди подтверждения их из моих уст слышать желают. Ещё раз описал условия перехода в состояние подданных. Отвёл в интернаты наши, показал, чем да как дети занимаются, про дань просветил. Практически все согласны. Только Игорь мнётся, не хочет терять толику той власти, что у него осталась. С другой стороны, если все под нашу руку пойдут — над кем он правителем будет? Над своей «недокрепостью»? Вид каменных стен Москвы ошарашил дядьку, как и трактора, и дома, и стройки. Намекнул ему, что если договоримся, то может и его крепость такой со временем станет. Делегация ушла домой думать. Время у них — до зимы, как раз за новой порцией воспитанников придём к корелам.

Вывели на озеро новую лодку. Она получилась надёжнее и удобнее, чем «Варяг». Опыт был, внесли необходимые изменения, вот и получили достойное торгово-военное судно. Оборонительные возможности его усилили ещё одной башенкой с пулемётами. Из-за сокращения трюма появилась такая возможность. А делали это мы из тех соображений, что слишком уж сообразительный народ вокруг живёт, можем и не успеть мы осуществить до конца коварный план «Плесень», быстрее нас атакуют.

От Гребцов тянутся караваны со скотиной, Добролюб исправно поставляет нам животину. Затем появилась лодка и от самого Новгорода. Пришёл Лок за товаром и с почтой от Рюрика. Встретили традиционно — пулемётами да штыками, чтоб не расслаблялись. Потом уже, когда всё прояснилось, мужиков с лодки отправили на отдых, а Лок уединился со мной и Вольгой. Да ещё один мужик подошёл, огромная такая детина, с не менее здоровым мешком.

— Передаёт тебе князь пожелания здоровья, благодарность свою за понимание, — хмыкнул Лок, это он про конфликт посольский, — да серебро на новый товар. И ещё просьба у него есть… Чужие тут не ходят?

— Это ж мой дом, — возразил я, у меня внизу сидели, — какие тут чужие?

— Ну тогда вот… — и по сигналу Лока здоровый молчаливый

мужик вывалил из мешка серебряный лом, килограмм так пятьдесят-семьдесят.

— Э-э-э-э… Это что? На зеркала!?

— Не только. Просьба есть у князя. Хочет он монеток, как ты делал по осени…

— Ну-ка давай теперь поподробнее, — я уставился на Лока, — почему так? Говори как есть, сам понимаешь, лучше от тебя узнаю, чем от чужих людей.

— Ну… Монетки те сильно понравились… — начал было Лок, — Всем понравились…

* * *

Опустив все словеса, которыми он прятал суть, я понял, что случилось в Новгороде. А случился там натуральный валютный кризис. Привёз Лок Рюрику мешок по осени, тот в казне месяц пролежал почти, пока не понадобился. Размен давать надо было за зеркала, вот и вскрыли. Развязали мешок и малость попутали — красивые такие монетки, документы с указанием меры и веса, качества серебра, способов проверки! Последнее — самое главное. Документы-то Лок показывал князю, но тот отмахнулся, не стал обращать внимание. А тут вник. И вот ведь как интересно получилось! Пошли монетки в ход бойко, хорошо. И вернулись опять к князю, ибо почитав да обсудив с Локом наш подход к формированию наличности, признали они московский монетный двор продвинутым. Начали и сами думать, какое где серебро и как его оценивать. А чего тут думать? Мы ему монетки дали почти на 80 % серебряные, остальное медь. Причём ещё и приборы мы выдали Локу для измерения объёма и массы драгоценного металла — весы аптекарские с набором гирек и мензурку проградуированную. И вот князь с Локом и сидели, казну перемеряли по нашей инструкции. Пригнали дядьку, что самым главным книжником у князя был, он нашу «Азбуку» уже вдоль и поперёк изучил, стали проводить опыты. Суют монетки в мензурку, измеряют вес, потом считают плотность. И по таблице специальной определяют приблизительный состав гривен да монет. Под такое дело Лок, ударными темпами осваивая нашу математику и язык, пересчитал казну княжескую. Рюрик малость ошарашен — она прохудилась чуть не на пятую часть. Никто, правда, о том не знает, но всё равно неприятно. Много примесей в гривнах да обрезках монет оказалось.

И Рюрик не придумал ничего лучше, чем процесс этот поставить на поток, и брать за наши товары по удельной доле серебра! Вот ведь жук! Хотя, если подумать, молодец. Я бы тоже так сделал. Но народ Новгородский не оценил этого, как есть не оценил. Воют, протестуют, допытываются, что же произошло. Через папу Жуляны Лок донёс суть нововведений — качество казны теперь имеет значение! Народ ещё жалом поводил, начал уже сам интересоваться, чего им «впаривают» по всему свету вместо серебра да золота. Ну, золото как оценивать, Лок не знал, а вот с серебром получилось следующее. Открыл Рюрик «контору», в ней Лок на общественных началах перемеривал слитки. Ну не прямо на халяву — информация ведь тоже денег

стоит. Вот и собирал её Лок таким вот образом, у кого мошна тугая, а у кого там мышь повесилась. Народ практически в состоянии бунта, но странное дело — не против князя! Рюрик-то вроде как им глаза раскрыл на обман со стороны «партнеров», вот народ и беситься. Пострадали малость приезжие купцы, кто по осени домой не попал — парочке нос расквасили. Те тоже к князю, мошну пересчитывать. Померили и влились в группу пролетарского, тьфу, торгового гнева. Их тоже вводят в заблуждение, так сказать, вместо серебра хлам подсовывают. Финал истории тоже забавный — пришла делегация с обращением от народа. Просят князя разобраться с этим бардаком!

Рюрик такого не ожидал, отмахивался трусами, ну или что у него там вместо, нательное, как мог. Потом сдался, вынул монетки нашего изготовления. Народ подивился, народ подумал, народ толкнул идею сделать в Новгородских землях хождение исключительно такой вот монеты! Только поменьше и побольше номиналы добавить. Рюрик затосковал, опять к Москве обращаться. Но народ неприклонен — надо, князь, надо! И вот и привезли мне на пробу мешок серебра из казны, чтобы, значит, мы помогли с валютой. Ну, долю малую нам отписали, не без того. Но и работа-то серьёзная предстоит!

Позвал Лиса да Святослава с дедом, сели думать. В красках расписали Локу нашу систему финансов и денежного обращения. Тот до такого креатива, как бумажные деньги да стальные монетки без обеспечения, явно не дорос, смотрел на нас, как на идиотов. Ладно, предложили другую схему. Проблема-то на самом деле достаточно значительная. Налоговая система здесь, на севере, держится на потоке серебра от купцов и меха от всех остальных, та самая «белка с дыма». И попробуй, например, теми шкурками меховыми сколь-нибудь значимую сумму выплатить? Корабль меха отвеешь, и то не хватит. Поэтому есть некий курс серебра относительно меха. В зависимости от качества первого и второго, курс этот плавает так, что держись! Какой-нибудь охотник может за удачного горностая себя на пять лет вперёд обеспечить, а другой живности набьёт пару тонн, и все равно в долгах останется. В идеале, мыто брать надо со всех в одном номинале, не занимаясь пересчётом. Но тут проблема — как брать, если для того, чтобы у крестьянина из дальней деревни завелось серебро, надо чтобы он чем-то менялся за эту самую валюту? А ему порой месяца два только до Новгорода добираться, или другого торгового места. Плюс проблема ограниченного количества серебра…

Есть некий поток драгоценного металла, который попадает в

Новгород, большая часть его появляется при торговле да грабежах. Своих рудников нет, а значит, любой перекос в импорте или экспорте ведёт к изменению товарного курса серебра. Натурально, этим летом за гривну можно три коровы сторговать, а следующим — дай Перун, овцу паршивую получить. И такое постоянно! Как осуществлять планирование да другую деятельность? Как войско содержать, когда сегодня твои вояки на гривну весь год пируют, ни в чем себе не отказывая, а на следующий — полуголодными ходят? Мех как раз и призван эту проблему решить, наполнить экономику оборотными средствами, сглаживать всплески курса. Но у него другая проблема — сохранность. В отличии от благородных металлов, мех портиться, и значит, сохранить капитал финансовый на долгий срок в нём практически нереально. Вроде банковского депозита с отрицательной ставкой получается, чем больше держишь такую валюту, тем меньше она стоит. Ужас.

И выход пока находят только один в этом всем бардаке — добавляют в налоговый обмен натуральное хозяйство. Только тут, столкнувшись с такого рода проблемами, я понял некоторую гениальность феодализма и крепостного права. Не нашего, в защищённой крепости, а того, о котором так нелицеприятно в наших учебниках истории рассказывали. Если свести все проблемы денежного обращения, расстояния, неравномерность серебряно-мехового потока, и роль, которую тут имеют налоги, то есть содержания войска и защиту, то получиться следующее. Белка с дыма — это не только мех, это ещё и его эквивалент в продуктах натурального хозяйства. Правда, везти его за пару сотен километров не рационально, тупо испортится, как и дружину туда-сюда гонять смысла нет. Поэтому берёшь группу военных и отправляешь её на кормление в некое село. Они берут себе прокорм с окрестных деревень натурпродуктом, отплачивают охраной подмандатной местности. Сейчас это развито не так сильно, но подвижки уже есть — появляются назначенные Рюриком бояре, что кормятся с земли окрестной. Последних он с моей подачи так назвал, кстати, прижилось слово Плюс некие центры, не до конца выделенные, куда свозят налоги в натуральном выражении крестьяне. Плюс серебро. Плюс мех. Золото тут гость редкий достаточно, его почти не используют.

Если до логического конца систему довести, то получиться самый натуральный феодализм. И наступит он ровно тогда, когда крестьян начнут закреплять за боярами, ибо именно на них базируется местное хозяйство. Бояре кормятся с крестьян, те получают защиту. Ну и Юрьев день какой придумать, чтобы не разбегались земледельцы внепланово, а то рубежи без защиты

останутся. Потом бояре станут дворянами, потом — Юрьев день отменят, держава усилится, не надо будет столько военных, на службу не всех привлекать станут, а там и до Салтычихи недалеко.

Получается, что основная проблема всех этих налоговых экзерсисов — транспортная доступность и наличие достаточного количества серебра. Если либо то, либо другое будет — не понадобиться крестьян закреплять. Если внутренняя торговля, обусловленная именно транспортной доступностью, будет развита, серебра будет вдоволь, на руках у земледельцев всегда оставаться наличность станет, и не надо налоги брать репкой да курицами. Как, впрочем, и дружины кормить — купят все сами при условии наличия развитой системы рынков да базаров.

Все это мы не рассказывали Локу, а больше упирали на сам Новгород и его окрестности. Да, ввести в обращение единую валюту вполне себе здравая мысль, но ограничения на её хождения будут. Первые — территориальные, исходя из скорости перемещения товаров и грузов. Вторые — торговые, при неразвитой коммерции продолжит народ натуральный обмен и единую валюту использовать не будет. Попросили Лока оценить объем внутренней торговли — завис, попросили указать количество серебра, которое необходимо для её осуществления — впал с филофское настроение и окончательно ушёл в себя. Толкнули мысль про обеспечение серебром медных, например, монет. Тут посланник Рюрика ожил, прям фонтанировать идеями начал. Мол, если медь в оборот запустить, то всем хватит. Но налоги только серебром брать! То есть, этот товарищ прям сразу придумал «медный бунт», что при папе Петра Первого случился. На этот счёт ему сразу все рассказали — впускать в оборот медь, а налоги брать серебром, приведёт к натуральной резне или вообще государство развалится, оно тут ещё не такое сильно у Рюрика. Надо сделать так, чтобы медь могла спокойно, без проблем меняться на серебро. То есть, если принять эквивалент серебро-медь сто к одному — один серебряный рубль равен ста медным — и менять безусловно в казне, то система может и заработать. Ну да, с ограничениями территориальными, с транспортной доступностью связанными, но морочиться с серебряными монетами весом в десятую часть грамма не придётся. Налички станет сильно больше, за счёт мелких номиналов, и вся она будет стандартизированна. Тут ведь за гривну и впрямь можно лодку купить, или стадо. А вот курицу — замаешься отрезать от неё нужное количество.

Лок обещал подумать, ибо такой подход требует совершенно другого уровня учёта и контроля. Когда монета не имеет

самоценности по весу, не драгоценная она, а только подкреплена словом государства о её стоимости, всё становиться сильно сложнее. Выпуск денег, возможность их подделки, и прочее — все требует сурового министерства финансов, которое способно организовать такой процесс. У нас это получается, торговля только в пределах города идёт и через единую лавку, по сути, а вот там, в Новгороде, может и не выйти.

Пока судили да рядили, из лома серебряного сделали монеток для Рюрика. Ну и медных наштамповали, для примера. Отгрузили зеркал новых гостям торговым, свои запасы импортом пополнили, и отправили новгородцев восвояси.

Первым делом все товары издалека идут в дедову лабораторию — он там пытается их анализировать. Иногда получается что-то дельное — мы так соду нашли, например. В другой раз ничего не выходит, а порой и прорывы бывают. В этот раз нам перепал мешок хлопка, и Буревой порадовал нас новым, «хлопковым» порохом. Он сильнее и мощнее нашего, из дерева. Однако стоит эта субстанция довольно много, и в промышленных масштабах нам новая взрывчатка пока не доступна. Зато оружейное производство делает успехи. Наконец-то получился капсюль, что даёт осечку только одну на десять выстрелов, а не как раньше, через раз. Обеслав под такое дело соорудил новые револьверы. Здраво рассудив, что меткий выстрел, порой, важнее любой экономии, он просто воткнул два капсюля в патрон, и переделал оружие. Калибр за сантиметр, шесть патронов в барабане, длинный ствол — с ним я себя почувствовал ковбоем. С таким оружием торговать пойдём, придерживаясь старого принципа дона Карлеоне. Того, где успех достигается и добрым словом, и револьвером. Правда, есть проблема боеприпасов — их мало, и существенного увеличения их количества ждать не приходится из-за низкого выхода селитры. Зато одной пулей можно кабана завалить, если руку отдачей не сломает. Потому мы ещё и кобуру деревянную, выступающую в роли приклада пристёгивающегося, как у Маузера, сделали. Ну и ускоритель заряжания, подсумки на ремне, сбрую.

Половину зарядов пустили на подготовку будущего экипажа торговой лодки, я тоже настрелялся вдоволь. Практика показала, что такого рода оружие избавляет нас от необходимости таскать с собой винтовки. Да, пока поделки Обеслава максимум под пятьдесят выстрелов делают до выхода из строя, тяжелы без меры, и доставляют некоторые трудности. Но с этим всем можно мириться, а вот удобство ношения и применения, да на корабле, покрывают все недостатки. Потому решение было единогласным — пороховое оружие делать и развивать, внимательно подмечая

все проблемы с целью их исправления. Первыми пунктами занялся Обеслав. Задача — повысить надёжность существующих поделок и приступать к винтовкам. Кукша с Ториром же выступали в роли заказчиков сего действа, вырабатывали требования и тактику использования.

Почему так быстро с оружием огнестрельным получилось? А опять всё в кучу смешалось. Стволы мы для винтовок уже делали, со сплавами лаборатории помогли, а там и до сверления в прокате литом дошли. Сталь получается при продувке чугуна кислородом, что добываем на наших холодильных установках. Про форму пули и патрона, капсюль и нарезы — я подсказал. Эксперименты Буревоя с кислотами да толика знаний моих о селитре позволили не издеваться над собой в части выделки чёрного пороха. Ну а опыт в создании механизмов был у нас такой, что описанный мной Наган с боевой пружиной первый раз соорудили вообще за пару дней, ещё когда посольство готовили. Всё это вместе если сложить — получается следующее. Мы проскакали мимо кучу стадий развития огнестрельного оружия. Первые-то поделки такого рода совсем скоро по историческим меркам появятся, только вот будут они довольно убогими. К Ивану Грозному только фитильные ружья в обиход войдут, а к веку восемнадцатому — кремниевые. Нарезы, унитарный патрон и казнозарядные винтовки — ещё сто лет развития. И вот это всё мы просто пропустили, заранее зная в каком виде нам нужен револьвер. Такие дела.

К маю настала пора отправлять Федю-младшего домой, и так задержали парня. Для этого устроили ему экзамен, всё остаточно серьёзно и официально оформили. Скатерть, вопросы, приёмная комиссия. Корел нервничал, сбивался постоянно. Приходилось его направлять да подсказывать. Потом паренёк чуть освоился, и вполне себе бойко отвечал на вопросы об устройстве государства Российского. Так было ровно до момента, когда он начал об административно-территориальном делении говорить. Повесил карту, ткнул куда-то на юго-восток от Москвы, и пафосно произнёс:

— В России — Адъ и Израиль!

От этого заявления я натурально упал со стула на пол, только ноги и остались торчать над столом. Федя смущён, а его даже успокоить не могу от смеха. И вроде ведь всё верно сказал, Самуил своё село именно Израилем обозвал. Когда же наконец пришёл в себя я, успокоил Федю словами:

— Знаешь, Фёдор, а ведь ты прав. Во все времена в России всегда наблюдался Адъ и Израиль…

Это заявление вызвало удивление уже у моих соратников.

После того как отправили Федю к суворовцам, попрощаться, попытался как мог объяснить шутку из Интернета. Мало поняли, ну да ладно. Экзамен, кстати, Феде засчитали.

Вот на таком фоне я и отправился в первый торговый выход на Ладогу. Новую Лодку окрестили «Меркурием», в честь истории с пистолетом Казарского. Мои мужикам она очень понравилась. Ещё бы! Чуть не в десять раз его турки превосходили — но вышел моряк из боя с победой. АТориру особенно та часть понравилась, где Казарский хотел себя взорвать вместе с врагами, коли бой пойдёт не так. В один из майских дней, время выбирали специально, чтобы наши потенциальные торговые партнёры были заняты подготовкой к посевной и сидели по деревням, мы и отправились в поход.

В утренней дымке пропали стены Москвы, я постоял ещё пару минут, и пошёл в микроскопическую каюту брига «Меркурий». Теперь наш путь лежит на север. В этот раз прощание было деловым, скромным. Дома Зоряну даже будить не стал, ей ещё на работу с утра, меня Буревой провожал. Ему из-за возраста не спалось уже, старенький он всё-таки. Мы двинулись на север, реализовывать новый этап «Плесени». Первым, успешным, посчитали налаженную торговлю с Новгородом через князя. Ведь именно так и хотели, чтобы купцов отвадить, а Рюрика наоборот, привязать к Москве.

В каюте пристроился к Златобору, что уже сладко посапывал, и тоже вздремнул. Место тут мало, спим чуть не в обнимку, но и делать в принципе нечего — сейчас мы идём вдоль уже известного места, до впадения Рудного болота в озеро. Дальше уже начнётся хоть какое-то развлечение. Чтобы не ехать впустую, буду картографировать побережье вместе с Златобором. Потом сравним наши записи, да и нанесём северное, относительно Москвы, побережье Ладоги на карту.

Для картографирования нам места на башнях пулемётных организовали, оснащённые приборами с успокоителями качки. Лодка на волнах вверх-вниз ходит, но чугунные шарики и хитрая система балансиров удерживают транспортиры и зрительные трубки в относительно горизонтальном положении. Это у Златобора. А у меня так вообще — дальномер практически. Две подзорные трубы на винтах, наводишь на ориентир, сводишь их, пока не перестанет двоиться изображение, смотришь на компас и записываешь расстояние. Поделка экспериментальная, ошибка — большая, но попробуем.

Шли мы медленно, чтобы не пропустить деревеньки. Надо очень внимательно смотреть, а то они могут быть спрятаны в заводях, по ручьям да речушкам. До края болота дошли под

парусами, а дальше на паровой ход перешли — так медленнее получается, но удобнее. Погода нормальная, Златобор пыхтит на кормовой башне, я — на носовой. К вечеру только обнаружили место, где потенциально может быть населённый пункт. Небольшая заводь, вроде той что была раньше около Москвы… Э-х-х-х, как же давно это было!

Сразу возникли проблемы — слишком большая осадка у «Меркурия», не подойдёшь к берегу. Пришлось спускать две лодки водомётных, они плоские, на такой случай брали. Высадились на берег, ту даже пирса нет, хотя лодки стоят рыбацкие. Домов штук семь, сараи, и ни души…

Хотели было пойти сами, но откровенно боязно — а ну как стрелой приголубят или копьецом из-за угла. Поэтому встали на берегу, разожгли костёр, и выставили торговый флаг — красное полотнище с гербом, и горстка монет под ним. Расчёт при создании флага был на психологию, монетки-то, чай, все узнают, сообразят, что к чему. Да и серп с молотом уже не такая уж загадка, многие и над Москвой его видели, и в Новгороде.

Чуть не в сумерках из леса показались люди, мужики. Вооружённые, не без того, идут очень медленно и осторожно. Мы не рыпались, показывали свои торговые намерения. Час ждали, пока они вокруг нас кружили, картошку на палочках жарили да беседовали. Наконец, самый смелый подошёл к нам. Корелы.

Я уже в языках тут разбираюсь, а по меркам моего времени — так вообще полиглот. Разговаривать чуть не на пяти могу. А чего нет, если словарный запас основной — это не более тысячи слов, причём половина языков похожа друг на друга как русский с польским в моё время! Мужик подсел, мы ему сунули в руки печённую картошку с маслом и солью, показали, как её есть. Всё это молча.

Дядька обжёгся, но съел, рожа довольная, понравилась, видать картошечка. Поблагодарил он нас, кликнул своих — те принесли какую-то рыбу, её тоже в костёр определили. Ну а в процессе уже совместной трапезы пошли разговоры. Кто такие? С чем пожаловали? Чего такой большой и вооружённой толпой?

Я, в принципе, мало отличаюсь по внешнему виду от моих спутников, разве что звёздочки на погонах практически генеральские, но они зелёно-коричневые, камуфляжные, поэтому вперёд не лезу. Для этого у нас Златобор. Мытник заливается соловьём, мол, торговать пришли, расписывает все преимущества, чуть не танцам зажигательными народ уговаривает. Хозяева, в целом, на торг согласны, удивились только, что мы сами пришли. Они-то уже ходили в нашу сторону, в Москву, интересовались базаром. А мы их постоянно спроваживали. Тут же сами

припёрлись. Ну а сейчас какой торг? Ночь считай на дворе — давайте утром. Мы только плечами пожали, собрались, и под охреневшими взглядами местных, без вёсел и парусов, под тихий гул паровика, пошли на ночёвку на озеро. Утром так утром, нам торопиться пока некуда.

На рассвете встретились в том же месте. Народу уже тут куча, повыползали из леса. Там же, на берегу, устроили торг. Местные припёрли традиционный товар — рыбу, мех, что зимой набили, горшки такие прикольные, глиняные, игрушки всякие. Кузнеца у них нет, на Ладожском торге да на Свири металлом разживаются. Нам это на пользу — вывалили наш инструмент. Я тут же достал блокнот, записал очередное наше упущение — надо прилавок с собой возить, что ли, неудобно ведь…

Местные инструмент оценили и сразу загрустили. Слишком дорогой по их меркам. Опять Златобор с зажигательными танцами, мол, под будущие поставки можем вам оставить его в аренду. Местные так оживились, прям весёлые сидят. Мне это что-то не нравиться. Может, слинять собрались, или ещё что-нибудь задумали, неприятное. Уточнили — за инструмент будем брать у них только то, что мы скажем, а не то, что у вас есть. Стали выяснять корелы у нас количество и содержание платы за московский товар. У нас уже и список готов — топор за дрова, под три года поставок, коса — за сено, с тем же расчётом. Сначала «партнёры» приуныли, но потом что-то своё обсудили шёпотом, и опять развеселились. Хм, кажется, нас попытаются кинуть:

— А как там насчёт клятву богам дать? — подал я предложение, — Условия опишем, договоримся, перед богами и предками?

О! Подействовало чуть! Сразу серьёзнее стали, улыбки пропали. Златобор лишь беспомощно руками разводит, его недоработка. Но и дальше торг не пошёл. Не соглашаются, да и говорят о том, что богам и предкам по такому пустяку клятву никто давать не будет. Опять пытаются давить на жалось и «впарить» нам мех в обмен на топоры. Ну мы-то тоже не пальцем деланные. Достал револьвер, поднял над головой и выстрелил. Грохот! А потом — тишина…

— С нами по-другому нельзя, только так, под клятву кровную мы ведём дела. Или под печать хитрую. У вас такая есть? Нет? Значит, пальцы себе резать станете. Будет торг? Нет? Ладно, народ, собираемся, дальше поедем…

Нас остановили. Один дядька решился-таки заключить сделку. Пришлось писать договор на русском, потом перевод — на словенском написали, ибо он тут в ходу чуть-чуть, и мужик

есть грамотный, что резы да черты понимает. Потом прогулялись в некую чащу, к идолу. Там традиционные вопли о том, что все сделаю, век воли не видать, и предки с богами в том свидетели. Договорились на дрова — топор с нас. Дядька обязался поставлять нам топливо из расчёта по четыре кубометра в месяц в течение трёх лет. На том и порешили.

Опять лодка, дорога на север, и снова к вечеру нашли заводь. Заводь не такая вдающаяся в берег, но больше, сильно больше. Да и село, что стоит на ней не сравнить с предыдущим — домов тридцать, почитай! Но пристани опять нет, лодки на берегу. Коней гнать не стали, ушли за горизонт, там переночуем.

С рассветом встали напротив села, стали ждать реакции. Местные на берегу уже соорудили некую баррикаду, ждут атаки. И мы ждём — чего на рогатины кидаться? День прождали, местные не уходят. Мы лодку водомётную малую спустили, ближе подошли. Мы думали, так говорить станут — чуть не огребли стрелой. Наконечник железный, но дрянной, остался торчать в борте нашего плавсредства. Мы обиделись и ушли за горизонт.

Но мы терпеливые — утром опять встали напротив села. Задача-то не просто «толкнуть» товар, а ещё и разведку провести, хоть и малую. А тут село агрессивное, как его стороной обойдёшь? Простояли часа три. Уже у местных нервы не выдержали — сами на лодках малых подошли. Обстреляли их из ракетницы — испугался народ, умчался к берегу. Одна лодка только стоять осталась, та, что ближе всего к нам была — побоялась идти в сторону полёта огненного шарика. Мы им про торг и сказали. Мол, какого хрена в честных торговцев стрелы мечете? А то ведь и по башке за такое прилететь может! Не стали долго разглагольствовать — опять выстрелили в воздух из револьвера. В лодке народ репу почесал, подумал, и махнул нам рукой, мол, давайте, подходите к берегу. А куда нам к пляжу соваться? Опять нас осадка подвела! Пришлось спускать лодки, садиться в них, переться в село. На берегу толпа вооружённая, мы тоже на чеку. Я пальнул в воздух.

Реакция разная — половина убежала, за углами прячутся. Вторая крепче копья взяла. Пустил Златобора вперёд. Опять пляски с бубном, торг, товар, обмен. Народ интересуется, откуда мы такие дерзкие выползли. Мы им про Москву, нас обозвали некими «хияйнами». Это вроде как молчуны, не идущие на контакт. Эти, как оказалось, тоже к нам уже пару раз сунулись, и им тоже отказали. Ну да ладно, дело житейское. Из толпы, когда после выстрела всё улеглось, выделился дядька, одетый чуть лучше остальных — местная власть.

С ним, кстати, дело иметь не в пример удобнее было,

сообразительный товарищ. Про торг описали, про договор — тот кивает, мол, правильно, так и надо. После объявления наших условий местные пошли думать, а мы опять на «Меркурий», снова до утра куковать. Неспешно тут дела делаются.

Утром переговоры продолжились — три семьи подписались на наши условия. С них — дрова да сено, с нас — топоры да коса. Причём это село большое да богатое по местным меркам. Поэтому вписались те, у кого инструмента не было своего, бедняки, так сказать. Ну и опять нам суют шкурки эти, рыбу… и железяку какую-то!

— Кузнец есть? — я обрадовался наличию промышленной интеллигенции.

— Ага, вон там, здоровый такой, — мне староста местный, глава села, ткнул пальцем в широченного детину.

Я оценил железку, судя по всему, это наконечник для копья. Ну а что он нам предложит, если мы сами инструмент продавать пришли? А копий у нас не видно, подумал он, наверно, помочь нам, горемычным, вооружиться. Качество так себе, утилитарная такая поделка. Но для ремесленников у нас отдельная программа торговли, потому я пошёл налаживать контакт, держа в руках небольшой сундучок.

Широченный дядька смотрит непонимающе — товар его отложили, но зачем-то идут говорить. Я, собственно, хотел получить от дядьки сырьё и минералы. Мне нужны образцы руды, известняка, другие материалы. Если наши химики и металлурги выявят что-то полезное в них, то будем работать с кузнецом в части поставок материалов. Достаточно ожидаемо было то, что местный ремесленник отказался от предложения. Мол, место с рудой — это секрет мой, и никому его не раскрою. Ежели чего надо из металла — заказывайте, через месяц-два смастерю. А про известняк он вообще ничего не понял. Особенно его роль в металлургии. Ладно, пряник предложили, достанем кнут. Я раскрыл принесённый мной сундучок.

Там хитрая коробка, с кучей раскрывающихся ящиков. В них кузнечные инструменты. Сверху мелочь, ниже — более крупные изделия, включая набор из шести молотков с ручками. Раскрыл ларец, дядька смотрит с мордой перекошенной на всё это богатство. Предложил ему посмотреть на качество наших изделий. После недолгого осмотра, кузнец загрустил. Причины для этого было, собственно, две. Первая — свои поделки мы обменяем только на поставки полезных минералов в товарных количествах. Вторая — с такими московскими товарами скоро кузнец в этих местах разорится. Если другие жители не поняли до конца, чем наша сталь отличается от местного железа, то этот

металлург средневековый быстро достаточно оценил свои шансы на выигрыш в конкурентной борьбе с Москвой. Все эти мысли столь явно читались у него на лице, что даже говорить особо ничего не пришлось. Разъяснил ремесленнику нашу позицию относительно торговли — до поры до времени мы конкурировать с ним не станем, разве что в части некоторого сельхозинвентаря да топоров. Но потом и другие ниши покроем, низкая цена и высокое качество наших товаров позволят просто вымести с рынка местных деревенских ремесленников. Потому у него есть выход — или сейчас начать сотрудничать, или ждать, пока мы ему бизнес порушим. Отдельно сказал, что не обязательно руду железную таскать нам, можно и другие камни да минералы. А там, глядишь, может и расторгуемся. Оставили дядьку дозревать, думать о принятии решения.

Отдельно с местной властью поговорили. Главе посёлка топором махать не очень хочется, а другим товаром мы оплату не берём. Предложили альтернативу — пусть он проявит организаторские способности, народ привлечёт к строительству пристани. Топор не дадим, понятное дело, но на нож добрый он тем заработает. Да и дальнейшая торговля веселее пойдёт — скидки, расширение ассортимента московских товаров, приём в качестве части оплаты мехов и серебра. Переход на новый уровень сотрудничества, одним словом. Голова обещал подумать.

Зафиксировали все договоры традиционно, кровью, в какой-то чаще у специального дерева, оно тут вместо идола. С кузнецом и головой пока ничего не решено, в следующий раз придём — станем думать дальше. Мы забрали наши договора с кровавыми отметками корелов, и отправились на плоскодонках на восток по мелкой речке, что проходила вдоль села.

По ней поднялись выше по течению, там ещё два села нашли. Тут, правда, чуть веселее прошло и быстрее — нас узнали! Оказалось, жили в этих деревеньках те корелы, которых когда-то давно Лис с Ториром ловили на озере для получения разведывательной информации. Народ, уже чуть имевший опыт работы с москвичами и получивший на этом неплохой доход в своё время, легко согласился на наши условия. Итог — в лизинг, аренду с последующим выкупом посредством дров и сена, мы отдали три косы и два топора. За день управились и ушли под покровом ночи на «Меркурий». Я принял волевое решение — пора домой. Поэкспериментировали, и будет, надо результаты торга воплотить в железе и дереве.

— Знаешь, Златобор, — сказал я мытнику, когда мы на всех парусах летели к Москве, — я понял, почему тут выездная торговля так неразвита. Если мы возле каждого села на три дома

такие пляски выделывать начнём, как раз к зиме закончим.

— И то правда, — согласился Инспектор, — мы-то больше с отцом по крупным городкам торговали. Может, и мы так будем? Они все равно туда всё везут…

— Не, пока придерживаемся плана. Крупных тут много селищ?

— Нет, они на юге да на море Варяжском, мы там ходили.

— Ну, значит, пока тут плескаться будем.

Пришли домой вечером. Какая-то командировка получилась, а не суровый торговый поход. По утру вывалил мужикам результаты.

— Слезы… — заявил Лис.

— Мало… — заявил Буревой.

— Работы теперь зато!.. — добавил Обеслав.

И впрямь, ему теперь срочно-обморочно делать складной трап, вроде понтона, чтобы можно было с борта метров на десять-двадцать его кидать. Плюс раскладные палатки торговые. Плюс ещё куча мелочей, что всплыла в процессе похода. Ну и я, как идеолог, под руками кручусь, все выдумываю, чтобы ещё улучшить.

Отплыли в следующий раз по графику. С учётом обстоятельств, и общей неспешности местной жизни, я опять пошёл с «Меркурием». Про понтон-то, например, Златобор и не подумал. Тут если надо ближе к берегу, или в рывке днищем лодка заходит на него, или по пояс в воде народ щеголяет. А нам это зачем? Только простуды плодить… Вот и получилось у нас некое изделие, из кучи коробов, выдерживающее пару человек с грузом. Борт откидываешь, точнее, его ограждение, и выталкиваешь посекционно всю эту конструкцию, скрепляя по дороге. Провели даже испытание — минут за пять выкинули двадцать метров понтона. По бокам секций — короба открытые, высокие достаточно, чтобы вода не заливалась и сложить можно было как пластиковые стаканчики, один в один. Между теми коробами — решётки приделаны крест накрест да доски прибиты, пока так.

В этот раз шли быстрее — знали, где закончили. Шли мимо большого села — а там уже народ развил кипучую деятельность, делает пирс. Молодцы, ответственные ребята! Погудели им паром, помахали руками — нас узнали! Тоже машут! Даже приятно стало на душе! В таком благодушном настроении и дошли до точки, где какой-то мыс начинался. Пошли опять медленно.

Благодушие улетучилось в следующем селе, что у основания мыса было. Крепость, вроде той, корельской, где дед-маразматик

жил, и нас из неё натуральным образом послали по известному маршруту. И что делать? Штурмом брать? Нет, мы-то возьмём, только вот зачем? Не хотят люди, мы не будем настаивать, путь так и живут без московских товаров, сами себе злобные Буратины. А разведку нашими малыми силами в таком селе организовывать — не с руки. Пошли вдоль мыса — оказались зажаты между двумя берегами, материком и островом. Сунулись дальше — наткнулись на лодки рыбацкие, что в спринтерском темпе гнали к берегу. Вот где Самуилу гребцов брать надо было! Ишь, как наворачивают! Догнали «спортсменов», поддав пару.

Дядьки в шоке, две лодки, в каждой по паре человек. Мы между ними, орём, чтобы останавливались. Не хотят, на весла нажимают. Пришлось показать силу — пустили очередь из пулемёта перед ними, трассирующими пулями. Те чуть в воду со страху не свалились, за амулеты хватаются, кричат что-то. Потом — ещё хуже, спустили наши плоскодонки и устроили абордаж. Ну как абордаж — приткнулись к ним, угрожая оружием, и велели весла прятать внутрь лодки. Потом верёвками подтянули их к «Меркурию», ну и подняли крановой балкой, прям с рыбаками. Сколько воплей было!

Пока «гости» орали, рассматривал местное плавсредство. На вид сделано из одного ствола дерева, да какими-то корнями борта приделаны, я нечто похожее на Ладоге видел. Наконец, после пары оплеух, рыбаки смирились с тем, что их чудище озёрное вытянуло под самые небеса, молчат и поскуливают. Ну у нас порядок простой — накормили, просушили на неостывшем паровике плоскодонки одежду, даже выпить налили. Ну вроде как извинились за то, что напугали. Те отошли, получилось опросить, мужики грустят — сети побросали в озере, пока от нас бегали. Ну мы не звери — вернулись за снастями, тем самым завоевав доверия местных рыбопромышленников. Так что в новое село заходили спокойно, обговорив половину вопросов в дороге. Народ тут живёт с рыбы. Её предлагают очень много, по их меркам, а нам она вроде как и не нужна. Договорились по двум позициям — дрова и рыбные ошмётки на клей. С нашей стороны — рыбацкие принадлежности виде багров и сетей, последние Агна с девчёнками очень хорошо делать научились, да топоры. Заодно нас просветили по местности дальше, проще стало искать новые деревеньки.

Встреченное нами село — это форпост достаточно крупного, по местным меркам, племенного союза, который в себя включает остров и гавань напротив него. Она в виде буквы «С», повёрнутой отверстием на запад, и внутри тоже сёла стоят. Место удобное, защищать несложно и шторма не мешают. Попросили одного из

выловленных нами рыбаков прогуляться с нами, с последующим возвратом его домой. Так проще договариваться будет.

Мужичек согласился, бойкий такой морячок. Всю дорогу нас заваливал вопросами, про «Меркурий», про Москву, он туда тоже сунулся разок как-то раз, про лодки наши хитрые, плоскодонные. С этим дядькой нам повезло — за два дня все шесть сёл, что тут были, мы «обработали». Опять дрова да сено, рыбьи ошмётки — традиционный наш товар. В копилку нормальной торговли опять пошло то, что парочка из местных уже контактировала с нами, продавая соль и информацию о происходящем на Ладожском торгеТориру и Лису. Местную власть озаботили строительством пирсов, а то после наших «десантов» при помощи понтона, народ чуть по лесам не разбежался от страха. Кстати, надо Кукше взять такое на заметку, может, чёрные береты у нас свои появятся.

Расстались тепло, как хорошие знакомые. Да и с крепостью, что нас послала, всё стало ясно, местные просветили. Тут сыграла свою роль наша дурная уже слава. Оказалось, что агрессивно настроенное село принадлежит торговому партнёру наших корелов, которых мы в подданство оформляем или уже приняли. Раньше бизнес у ребят был неплох, они собирали от сёл, расположенных далеко от озера, меха, а в ответ везли им ремесленные товары с торга. Прибыль была грандиозная на таких спекуляциях, и вся она улетучилась с переориентированием Феди и его соплеменников на торговлю с Москвой. Ну а голова местный собрал сведения, узнал, кто ему тут спекуляции порушил, и обиделся на нас. Потому и не хочет взаимодействовать. Военной угрозы от него ждать не приходится, там пара-тройка десятков воинов средней руки только, потому мы аккуратно переписали все данные и двинулись дальше.

Обошли северный мыс, я прям загляделся на эти места. Вот если бы тут вышел к людям, как хорошо бы Москва вписалась в эту естественную гавань! Ну да что сделано, то сделано, мне мой город и так нравиться. Гавань соорудим, это у нас на лето запланировано, и будет даже лучше, чем тут. Обогнули мыс, нашли ещё село…

К берегу подошли под вечер, деревня пустынная. Но не пустая, домов десять с сараями стоят, дымок из под крыши идёт. А народу на улице нет. Высадились опять на плоскодонках, развели костёр. Местные не выходят. Шастают между домами, но не к нам не идут. Пошли сами, к крайнему дому. Постучались, все чин-чином, нам открыли дверь. Внутри затхлый запах болезни… Гной, кровь, моча — все в нём. Мои не подвели — живо нацепили на себя противогазы, да так быстро, что я последним оказался. Это — санитарные и карантинные мероприятия — у нас особо

оговорено было. А в доме пяток детей, баба, да мужик на каких-то тряпках мучается, от него запах противный идёт. Причём остальные больше по мужику плачут, а на нас внимания мало. Двинулись вперёд — дядька весь в крови, лоскутами замотан, стонет.

— Это кто его так? — я снял противогаз, и обратился в заплаканной женщине.

Та наконец посмотрела на нас внимательно, вытерла слезы, и промолвила:

— Хозяин…

Быстро провернул сложившуюся обстановку в голове. Торговли тут не получится, это факт, не до того сейчас людям. Потому решили работать на перспективу.

— Ладно, слушай меня, женщина. Сейчас мужу твоему поможем, попробуем.

— Знахари? — недоверчиво спросила тётка.

— Не без того.

— Делайте, — обессиленно махнула рукой жена пострадавшего, — хуже не будет.

Организовал медицинскую помощь, достали аптечку, бинты, отмыли мужика тёплой кипячённой водой. У него жар, бред уже начинается, напоили бессознательного ивовым отваром. Раскрыли раны — там уже гной и покраснение неприятное. Достал бутылочку — в ней наш не то яд, не то лекарство, типа антибиотика. Это Смеяна нас таким снабдила, но вот с дозировкой проблемы — не знаем сколько и как лить! Пришлось идти на риск, по чуть-чуть капать по самым гнойным местам. Тётка чуть выпала из ступора, рассматривает нас, дети её тоже из угла глазёнками сверкают.

— Много ещё народу Хозяин поранил?

— Да почитай половину мужиков, сильно. Остальные так… — тетка махнула рукой, вроде как царапины, — Они на него с дрекольём ходили, жизни не даёт косолапый…

Расспросили поподробнее. Медведь тут чуть не две недели терроризировал село. Лошадку задрал, корову последнюю. И самое страшное — ночами начал в деревне появляться, постройки рушит да в дома ломится. Чего он так взъелся на жителей — не понятно. Может, не выспался, а то и просто дурной какой попался. Этой ночью опять ждут зверя, уже три дня он не даёт спать нормально людям. Мы пошли дальше по селу, оказывать гуманитарную помощь. Всю ночь бинтовали и лечили местное население. На ногах по сути два человека мужского пола — паренёк да дядька взрослый. Сначала с опаской на нас смотрели, потом даже помогать пытались. Для нас, если честно, такое

непривычно. Опасность от зверей уже давно не считается серьёзной, разве что Кукша периодически в процессе патрулирования отстреливает волков да медведей с кабанами, превентивно, так сказать. Да и мало их стало — наша хозяйственная деятельность изрядно распугала живность. А тут народу не так много, дикие звери не считают нужным согласовывать свою деятельность с человеком и периодически наведываются в деревни. Собрал своих бойцов, толкнул речь:

— Так, мужики. Понимаю, что вроде и люди не наши, и не договаривались мы о том. Но Мишку надо к ногтю, — сказал я своей охране, — вы как?

— Да как скажешь, государь, — сказал мой старшина охраны, — так-то по-человечески правильно, сам хотел предложить. Сами не справятся — бедно у них…

— Это да… — сказал я, осматривая неказистые избы.

Я уже давно такого не видел. Вот с тех пор как сюда попал не выдалось мне побывать у местных сельчан в гостях. А тут бедность зашкаливает, очаги у половины вместо печек, сами впроголодь, дети худые, крыши дранкой крыты… Ужас. Мы-то в селах в дома не заходили, снаружи торг вели. А тут окунулись в местную деревенскую жизнь, и так тоскливо стало на душе. И людей жалко. А мы же их в своей «Плесени» как фигурки в игре, тысяча туда, две сюда считали. А тут живые люди, дети, бабы…

— Кстати, а их старейшина, или кто там у них за защиту отвечает, он где?

— Местные говорят, послали на лодке мальчишку, да пока соберутся, пока придут, ещё минимум дня два-три пройдёт… — охранник махнул рукой, — Могут и не дождаться.

— Ну да, у нас такой проблемы нет — мы зверье в лесу распугали своими тракторами, — согласно кивнул я, — теперь надо засаду устраивать…

Распределились по селу, заняли потенциальные пути прихода медведя. Собрали револьверы и кобуры в подобие винтовок, стали ждать. К полуночи послышался тихий звук, потом ещё один — в деревне показалась здоровая тёмная тень. С повадками спецназовца, едва слышно, медведь двинулся вдоль домов, внимательно обнюхивая воздух. Долго ждать не стали — подожгли фонари, лучи света упёрлись зверю в бок. Медведь серый, изрядно потрёпанный, худой. Видать, постарел сильно, и добывать пропитание привычным способом не может, молодые, наверно, его отогнали от ягод да речек с рыбой. Вот и кормится возле деревни «пенсионер». Ну да ладно, прости нас, Потапыч, если что, ты сам нарвался. Загремели выстрелы. Десяток пуль упокоили Хозяина. Ну а Обеславу надо сделать внушение —

синяк на плече грандиозный у меня, и рука изрядно побаливает после каждого выстрела, надо снижать отдачу. Хотя в этом случае нам изрядная мощность как раз помогла — здоровый зверь даже не успел толком приготовиться к атаке, его чуть не растерзали наши пули железные…

Я не шучу. Именно так — пули у нас из железа и стали, со свинцовым, выдавливаемым изнутри пороховыми газами, пояском. Цветной металл дорог, его не так много, а этого добра — завались. Вот и приходится делать боеприпасы из того, что под рукой. Точность падает, останавливающее действие — тоже, зато проникающая сила и дальность сильно возрастают. Хорошо это, или плохо, пока не ясно. Боевой щит из этой «берданки», что скромно зовётся револьвером, пробить можно спокойно, но вот какой ущерб нанесёт пуля после прохождения досок дубовых — неясно. И лишь реальный, серьёзный бой покажет правильность или ошибочность такого решения. Вот с медведем, например, как вышло. И тушу чуть не насквозь прострелили, и шкуру сильно попортили, зато быстро убили зверя. Но это толпой, а если один раз выстрелить? Да сквозь щит? Да ещё и с расстояния метров в двадцать? Да по кожаной или железной броне? Конечно, испытания Обеслав проводит, но пока до понимания их результатов слишком мал опыт эксплуатации.

В этом месте остались ещё на пару дней. Местные после ночных выстрелов чуть в лес не разбежались. Мы, правда, успокоили народ, да и раненых с собой в чащу не потянешь. Медведя мои бойцы разделали, мясо выкинули — глистов много. А вот шкуру себе забрали, пригодиться. Лекарство, что Смеяна дала, антибиотик наш, творило если не чудеса, то что-то около того. Даже мужик, что в бреду уже метался, встал на ноги. К третьему дню нас практически стали любить уже, да за каких-то не то волхвов, не то богов почитать. Чувствовали себя Тимуром и его командой — пришли, нанесли добро, причинили пользу, и по домам.

Не успели мы отправиться дальше, появились лодки. Пять штук, больше рыбацкой, но меньше ладьи, без парусов. Там бригада головорезов, больше трёх десятков рыл. Зазвонил колокол на «Меркурии», две лодки на него пошли, остальные к берегу. Пришлось и пулемёт расчехлять, и на берегу строй делать. Без щитов, без копий, я и Златобор вообще с ракетницами. Перед лодками, что кинулись на «Меркурий» пустили «трассира», те отошли. Оставшиеся три рывком вынеслись на берег, оттуда посыпались вояки, потрясая щитами и топорами. Пустили пару ракет, сделали несколько выстрелов в воздух — воинственный пыл поубавился, встали в в строй бойцы пришлые. Потом две

другие лодки, по широкой дуге обошли наш корабль, чуть поодаль вышли к берегу, и их экипажи тоже встали в линию. Стоим напротив друг друга, ждём. Подбежал кто-то из деревни, крикнул, что это помощь пришла. И впрямь, вон у них пацан мелкий тоже в строю стоит, они его прячут, это, наверно, посыльный, что люди к своему главе отправляли.

— Кто здесь главный? — крикнул я.

— Ну я, — раздался несмелый голос.

— Выходи, поговорим, что ли…

Молчит. Постреляли в воздух, строй зашевелился, оттуда показался неплохо одетый мужик, прикрывающийся щитом. Дал знак «Меркурию», очередь «трассиров» чуть не пятки обожгла воякам, стоящим в строю, на такую дальность они не рассчитывали. Разговаривать как-то сразу стало легче.

Это местный князь-старейшина, с дружиной. Пришёл на выручку своим людям, бить медведя. Кстати, на пару дней раньше успел, чем мы ждали. Местные на него бросились, не то бьют, не то уговаривают, что, мол, нормальные мы люди. Даже раненые, некоторые из которых уже и на ноги поднялись, из жилищ своих появились. Минут за двадцать подопечные старшины все рассказали про нас.

— Чего надо? — с наездом произнёс представитель местной власти.

— Да ничего, собственно, — пожал я плечами, — мы из Москвы шли. Торговать хотели. Тут людям помощь нужна была, ну мы и того, не оставили в беде.

— А за это что хотите? — подозрительно произнёс князь.

— Да чего тут с вас возьмёшь!. Мы же по купеческой части шли, а тут с кем торговать? Вот оклемаются раненые, тогда ещё появимся, мены устраивать станем. А сейчас домой, вроде, уже собирались.

Местный князёк завис натурально. Вон, даже затылок чешет яростно, правда, шлем мешает. Снял его, и опять волосы теребит.

— Э-э-э, как так? Пришли вот просто, помогли, и домой? — недоумевает местная власть, — Даже шкурки не взяли?

Местные кивают, так и есть. Тот ещё яростнее репу чешет. Непривычная ситуация, странная и непонятная. Тут так просто, по доброте душевной, народ лишний раз не рискует. А мы приехали, подлечили людей, на ноги народ поставили, медведя прибили и домой отправляемся. Нет, ну не бардак ли!

— Так вроде как не по… людски это получается, — выдал мне местный князь, — то мои корелы, вы им помогли, и за это ничего?

— Хм, — тут уже я задумался, — а чего предложить можешь?

Не в благодарность, на мену?

Набор товара стандартный — рыба да мех, нам это не надо. Устроили консилиум, возле костра расположились, жарим мясо да общаемся. Этот князь живёт севернее, там его основные села и крепость. Под это дело уже Златобор дельное предложение выдвинул. Мол, мы ещё придём, насчёт торговли, может, знак какой дашь, чтобы претензий к нам не было да народ по лесу не разбегался?

— Ну, это можно, — князь пояс отцепил, у него все равно три, — вот это покажите да торгуйте. А чего сами пришли, а не на торг? А где ваша Москва та? А что за лодка?..

Посыпались вопросы… Ответили кратко, без подробных разъяснений. Мы сами пришли — так то наше дело, торга своего пока нет. Москва на юге, крепость такая здоровая, каменная. Лодка торговая, «Меркурий» зовётся. Тот опять репу почесал, спросил:

— А то не вы…, - последовало непонятное корельское имя, — на восходе до смерти примучали пару лет назад?

— Это деда того, что недалеко от болота жил? — я так понял, про корела-маразматика вопрос, — Нет, не мы. Мы только пришли под стены, он сам дуба врезал.

— Небось, за добро своё испугался? — ехидно так поинтересовался князёк.

— Ну да, потаскун старый, — не стал спорить я.

— Хе-хе, потаскун. И впрямь, всё под себя таскал. Дурной мужик был.

— И то верно…

Диалог сворачивал на дружеские рельсы. Оказывается, у нас тут авторитет некий уже есть! На очередной сходке местного племенного союза народ с большим интересом слушал про новую силу, что походя даже не то что взяла, а заставила крепость сдать дань! Это ни в какие ворота по местным меркам, так тут не делают. Решили понаблюдать, на следующей сходке рассказали уже диковинные вещи про банду малолеток, про то, как три села отвалились из под власти крепости, как народ под Москву лёг. Ну и прочие вещи удивительные. Дальше сила та неизвестная не пошла, люди чуть успокоились. Ну а тут мы с «Меркурием» нарисовались, и думает теперь князь, не отвалится ли у него что-нибудь от владений?

— Не, не переживай. Там другая история была, — я кратко поведал мужику о неудачной охоте на БТР, без особых подробностей, — ты ж кидаться не будешь на нас? И люди твои не будут. Значит, сможем жить спокойно, да торговать.

— И то верно. Торговать лучше чем воевать, — философски

произнёс мужик, поглядывая на револьвер…

Село покинули уже по утру. Местные не в обиде на князя, он даже раньше успел, чем они рассчитывали, нас так вообще обожают. Решили подбросить князя домой и заняться торговлей уже там. Чтобы время не терять, зацепили лодки Митькины друг за дружку и к нашему «Меркурию» привязали. Погудели, чтобы мыслей дурных не было, ну и поддали пару. Как они кричали! Как они надрывались! Чуть лодку не перевернули последнюю, её больше всего мотало. Пять часов в дороге, даже без картографирования, и прибыли к крепости. Она копия уже виденных мною раньше, только чуть пошире. Там процесс стандартный, разве что более благожелательный, что ли. Князь местный всем рассказал о нашем приходе в пострадавшее село, убийстве медведя, помощи раненым, о торговле. Народ подивился необычным условиям мены, предложенными нами, но активно интересовался. Здесь мы шесть контрактов заключили на традиционные косы да топоры в обмен на дрова и сено. Князь, кстати, тоже включился в процесс — взял парочку инструментов. Ну и живо так насчёт оружия интересовался и другого товара. Намекнул ему, что расширение сотрудничества возможно, но при выполнении ряда условий. Пирс у Митьки есть, но вот небольшой склад или лавка для нас бы в этом месте не помешала. Князь в принципе согласен, особенно с учётом того, что ему за это парочка неплохих длинных ножей перепадёт, чем-то мачете напоминающих. Решили с этим — перешли к местной ремесленной интеллигенцией, представленной горшечником и большим семейством ковалей. Последних человек пять в кузне трудится, главный у них — дед седой уже, остальные — его сыновья и их дети.

Традиционно, они нас стали свой товар предлагать. Гончар поделки из глины, от каких-то свистулек до горшков, кузнецы — гвозди да другие скобяные изделия. Мы в свою очередь продемонстрировали наши возможности — керамическую посуду, покрытой эмалью, и набор «Мечта металлурга». Ремесленники загрустили — не конкуренты они нам. Златобор, которого я вперёд выставляю как главного торговца, начал склонять их в сторону сбора сырья. Для начала — образцов, потом посмотрим. Дед-кузнец подумал чуть, и послал младшего сына в крепость. Тот принёс меч…

— А вот кладенец — сколько за него дадите? — поинтересовался дед, убрав тряпку с изделия.

Открывшееся под тканью стальное лезвие голубовато блестело. Меч был идеальный — тут я таких ещё не видел. Великолепная сталь!

— А почему кладенец? — поинтересовался я, жадно рассматривая оружие.

Кузнецы мнутся, молчат — секрет фирмы, кому попало не расскажут. А вот Златобор, как оказалось, был чуть в курсе происхождения названия. Начал мне шептать на ухо, мол, при изготовлении такого меча его кладут в землю специальную, на много лет. А потом проковывают хитро, с обрядами разными. Вот и выходит сталь хорошая — чуть не лучше булатной.

— Хм, а вот это интересно… — я крикнул матросу, чтобы тот принёс с корабля наш меч, который у всего экипажа был.

Моряк принёс мне ножны, я изъял из них наше оружие. Народ ахнул — качество оружия тут чуть не на глаз определяли. Но кузнецы спокойно смотрят, мол, да, поделка хорошая, цены не малой, но и наш меч хорош. Я приказал остальным матросам обнажить парадное оружие — мы в основном на револьверы и пневматические винтовки ориентировались, конечно, но и к оснащению холодным оружием подошли серьёзно. Экипаж и охрана достали мечи — вот тут кузнецы и изобразили «эффект Златобора». Мало того, что все они из нашей «псевдо-булатной» стали, так ещё и одинаковые! В мире, где каждая ремесленная поделка уникальна, это очень дорогого стоит. Митька Северный тоже малость в панике — иметь таких соседей это, конечно, круто, торговать можно, однако и опасность от них серьёзная. А ну как кому ещё продадут справу? И те покупатели на него кидаться начнут? После довольно долгой немой сцены дед-кузнец первым пришёл в себя, попросил дать ему пару мечей «на подержать». Мы дали — всё равно он под прицелом стоит, на судне скрыто снайпер нас прикрывает. Старый кузнец взял наши мечи, чуть привык к весу, и как давай ими махать направо и на лево! Вот не шучу — блестящее колесо вместо двух мечей. Правда, недолго дед хвастался, устал вскоре и успокоился. Собрал своих родичей, что-то им вещал вполголоса, а потом и к нам обратился. Предложил взаимный обмен — Москва ему способ производства такого оружия да в таком количестве — они нам руду и свои технологии, в том числе касающиеся производства мечей-кладенцов. Начали торговаться.

Да, руда тут, скорее всего, хорошая, это факт. Однако и мы из наше болотной так навострились делать нужную нам сталь, что его кладенец хоть и крут до неимоверности, по местным меркам, но по московским… У нас такое на рессоры идёт, и на другие важные элементы, отработанная технология. А с учётом того, что металлурги наши уже малость навострились иметь дело с продувкой расплава воздухом с повышенным содержанием кислорода при помощи установки для сжижения газа, то вскоре и

на прочие вещи сталь хорошая пойдёт. Да и основного свойства такого рода легендарного меча — его устойчивость на морозе, на которую так напирал дед — мы уже получили. Натурально десятки опытов провели, замораживая максимально в холодильнике различные сплавы, и добились отсутствия низкотемпературной хрупкости. Собственно, это я кузнецам и рассказал.

Опять все грустные сидят, думают. Однако дед-кузнец, выдал мне новый вариант, от которого я, честно говоря, сам потерял дар речи. Он предложил мне обучить его среднего сына технологии в обмен на этот самый меч-кладенец! Стоимость этого оружия, конечно, баснословна, как сказал мне дед, однако и цену знаний он знал, и прекрасно себе представлял перспективы. Выступил с встречным предложением — руду пусть тоже для образцов мне подгонит, а я в ответ ещё и набор кузнечных инструментов отдам. Через месяц мы вернёмся за дровами и сеном, время подумать пока есть. На том и порешили.

С гончаром чуть проще было. Глину да другие образцы он будет поставлять за покрытие его поделок эмалью. Уж больно у дядьки красивые горшки да тарелки выходили, грех было не предложить. И будет у нас такая себе «челночная торговля» — забираем его поделки расписные, покрываем специальным стеклянным составом и возвращаем ему. А гончар нам — образцы глины да поставки её, коли уж хороша попадётся. Всей толпой двинули опять в лес — клятвы давать да руки резать. Мы, правда, традиционно печатью обошлись на бумажном контракте со своей стороны.

Расстались практически друзьями. Мы пошли домой, Митька Северный, как я прозвал князька, на манер бандитов моего времени, с товарищами отправился в свою крепость. Уж больно рожа у него криминальная, вот и получился он на манер Никиты Питерского, или там Васьки Тамбовского. Негативного оттенка это прозвище не несло, Митька из-за имени похожего, Северный — потому что его владения это северный край корельского племенного союза. Дальше уже не корелы, а саамы идут.

Дорогу обратно построили чуть по-другому. Мы решили обогнуть остров с рыбаками, закрывающий вход в естественную гавань. Обогнули успешно, но наткнулись на ещё один мелкий островок. Потом ещё, западнее, и ещё. Пока, наконец, в лучах заката не показался огромный остров. В темноте почти его попытались обойти, там скалы высокие, на них — лес густой. Переночевали, чтобы попусту не рисковать, и продолжили с утра осматривать новый географический объект.

Если честно, он завораживал. Мощь, то слово которое

приходило на ум при осмотре грандиозных гранитных валунов и скал, на которых стоял вековой лес. С западной стороны он изрезан какими-то не то речками, не то ручьями, не то протоками озера. Я опять пожалел, что изначально не в этом месте появился. Может, с природными ресурсами тут не густо, но с точки зрения обороны — место идеальное. Надо фотоаппарат взять и экспедицию высадить, осмотреть вдумчиво остров. А то следов деятельности человеческой нет, даже странно.

Вернулись домой под вечер. Нас встречали Влас с Лисом. Я половину ночи в красках рассказывал, активно жестикулируя, про наши приключения, про остров тот, про охоту на медведя, про Митьку Северного и его кузнецов. Ну и список переделок для «Меркурия» выдал, не без того. По всему выходило, что этот проект судна не подходит под наши нужды. Надо сделать лодку с более мелкой осадкой, шире, с нормальной десантной аппарелью, чтобы понтоны не сооружать каждый раз. В идеале — подошёл к берегу, открыл трюм, выдвинул мостки да и начал торговать. Ну и для прохода по речкам мелким что-то особое надо, слишком мелкие наши лодки плоскодонные, водомётные. Над этим новым судном пусть Обеслав да Кнут думают, тем более что сооружать их станем не раньше осени. А всё из-за рытья гавани.

Город, увиденный мною по утру, радовал аккуратными домиками, и не радовал грандиозным котлованом по бокам от канала, по которому шли до судостроительного. Это последняя наша ходка по этому каналу. Ибо дальше надо или его укреплять дополнительно и очень серьёзно, или срывать к лешему — мешает он будущей гавани. Совместно с моими товарищами выбрали второй вариант. Рабочие как раз заканчивали грандиозную деревянную перегородку, что должна отделять будущую гавань от озера, и когда мы выйдем на торговлю в следующий раз, возвращаться придётся не на судостроительный завод, а на временные стапели на пляже возле Москвы.

Утрясли производственные планы, обсудили вопрос с обучением кузнеца из Митькиной крепости. На самом деле, ситуация двоякая. С одной стороны, пополнение населением мы приветствовали. С другой, а ну как обратно умчится после обучения? На кой леший нам конкуренты, да ещё и в непосредственной близости от Москвы? Решили сильно растянуть срок обучения — лет на десять. Коли уж после этого срока кузнец не вольётся в дружные ряд москвичей, и семью не перетянет, знать, придётся всё Митькино село себе под руку брать. Военным ли путём, экономическим, или с помощью богов — там видно будет, срок большой.

Потратили время на укомплектование судна новым

оборудованием. У нас теперь другая цель поездки — собрать, по сути, дань за топоры и косы. Но тащить всё на «Меркурии» — не вариант, потому и сооружал всё это время Обеслав с мужиками некие мобильные установки по выделке нужного нам сырья. Загрузились ими, фотоаппарат взяли, что бы остров осмотреть большой, что мне так приглянулся, припасы — и отправились в путь. «Меркурий» рано утром вышел из канала на озеро. За ним — рыбацкий баркас, буксир, «Варяг». Канал же стали готовить к осушению.

Перегородка, её основная часть в виде гигантских бревенчатых «прямоугольников», уже притоплена по всей потенциальной береговой линии. С нашим уходом закроют и створ канала, начнут срывать дамбы. Потом делать волноломы на входе в крепость, оснащать их неким подобием маяков, вешек, и на этом гавань будет готова. Вынутый грунт распределяют по городу и за его пределами. Стройка вообще-то замедлилась — часть людей пришлось отправить на восток и юго-восток. Там они по картам, что заполняет Горшок, выбирают места для поселений и делают линию границы.

Нет, не пограничные столб и контрольно-следовая полоса, все проще. Мы границу на по карте прикинули, и теперь по внутри неё народ ищет места для поселений. К ним — пути определяет, и от Москвы, и из-за пределов нашего государства. Часть дорог да троп удобных заваливают буреломом, делают непроходимыми. Другие — наоборот, расчищают, и ставят некие знаки верстовые. Там стрелки, и если по ним двигаться, то попадаешь к металлургическому комбинату, или Самуилу, или к Москве. Соответственно, на этих путях пограничники встанут, их теперь чуть не десяток придётся оформлять, да конным транспортом обеспечивать — сюрпризы нам не нужны. Ну и патрулей добавиться, чтобы сопровождать переселенцев потенциальных. По плану, коли уж к нам кто на поселение придёт, пограничник вызывает патруль, конники доносят до потенциальных жителей наши условия. Они достаточно просты — детей в интернат, место для размещения мы определяем, далее помощь в обустройстве и дань в дальнейшем указанным нами способом. Обучатся, притрутся, может, и город где поставим, в крепостные перепишем новичков. Ну а не согласятся люди — скатертью дорога, но только не в направлении Москвы.

Если всё пройдёт гладко — это мой последний рейс в части торговли. Златобор уже вроде натаскался, понимает, как на наших условиях коммерцию вести. Если что сам решить не сможет — тут уже, в Москве ему ценные указания дадим. Я же хочу весь цикл «контракт-инструмент-сырьё-товар» один раз сам

провернуть, посмотреть, какие ещё подводные камни будут. Ну а потом бывшего мытника на торговлю поставлю, а сам более наживными важными делами займусь — накопилось их много, и в части управления, и в части законодательства, в части международной политики, ну и хозяйство с изобретательством забывать не стоит. С этими мыслями мы и отправились по маршруту. Наступала вторая часть торгового плана под условным названием «Сбор урожая».

Пришли в первое, самое ближнее село. Там — натуральные горы дров и сена! Выгрузились, начали интересоваться, что тут вообще происходит. К нам вышла толпа народу и стала слёзно просить включить их в программу обмена! Причём людей явно больше, чем было в этом селе в первый раз. Развели костёр, начали слушать всех. Мужики наперебой рассказывают, я и вся команда немного в шоке от их напора. Постепенно ситуация прояснилась. Начало всему положило качество нашего инструмента.

Я, да и другие москвичи, уже отвыкли от местных поделок. Узкие топоры, что точить надо чуть не пять раз, пока дерево свалишь, серпы да ножи, тут для сбора сена такие — остались в прошлом. А местные, получив инструмент, принялись работать. И эффективность труда при помощи новой справы была такая, что наш заказ на месяц первый наш «покупатель» умудрился чуть не за три дня сделать! Потом себе нарубил чуть не до зимы топлива и стройматериалов, а потом и другим в аренду сдавать топор начал. И односельчане его тоже ворвались! Итог — груда дров, сена, а толпа народу из соседних деревень с одним вопросом — как им получить топоры да косы! Причём народ уже авансы заготовил, кучи сырья, что лежали возле пирса — это оно и есть. Ну и заказ первого покупателя, только вот на три месяца вперёд он его сделал! Жуть! Развернулась приёмка товара да торговые переговоры.

Моя команда перегоняет, под изумлённые взгляды местных, сено да дрова на сырьё. Первое в качестве топлива для пиролизной установки мобильной идёт, параллельно давая золу. Из поленьев льётся жидкое топливо, скипидар да дёготь. Уголь древесный в ящики пакуется, тоже штука полезная. Ну а Златобор под моим присмотром торгует. Местных, что на озере живут, подводит под контракты, клятву берёт. А вот с пришлыми, что из глубины материка подтянулись — другая проблема. Мы-то ещё и разведывательную функцию, и картографическую выполнять собирались, а как это сделать, если на лодке до некоторых сёл не добраться? Да и так, отдашь топор — где потом искать мужика, которому «лизинг» такой на инструмент оформили? Рассказали

потенциальным партнёрам о нашем затруднении. Народ загрустил, стали вместе искать выход.

Чуть не до ночи ругались, но какое-то решение выработали. Местного старосту назначили ответственным за его реализацию. Нам нужны пирс и дороги для саней и телег, нормальные, насколько это возможно, в удалённые от берега сёла. За это — скидка на инструмент всем причастным. Сбор сена да дров ложиться на прибрежное село, с них и спрос будет в случае недодачи. Но зато откроется первому покупателю, которого мы считаем теперь нашим доверенным представителем, ларец с новыми товарами — иголки, ножички небольшие, скобяные изделия, гвозди да прочая полезная мелочь. И вот этот товар он сможет продавать дальше, по своему усмотрению. Когда дороги готовы будут, мы в сёла дальние придём, и там лавку откроем, под началом уже новых представителей. Мужики чуть не подрались, одни не хотят на себя ответственности брать, другие — товар терять. К утру они сами ушли к своим святым местам, клятвы друг другу давать, торговлю на наших условиях организовывать.

В этом селе задержались дольше чем планировали — уж слишком много сырья перерабатывать пришлось. И в следующем — такая же ситуация! И пирс внушительный вполне готов уже! Опять гости из других сёл, куча сена и дров, переговоры чуть не до драк, решение вопросов ответственности и торговли. Оставили обсуждать наше предложение, поднялись выше по мелкой речке, к ещё двум сёлам. Опять горы всего на берегу. Ну да что ты будешь делать! Мы-то на лодках и не вывезем всё! И опять народ местный и не очень живо интересуется условиями нашей программы «Инструмент в обмен на сено с дровами». И тут задержались, правда, условия наши люди приняли, и договорились не в пример быстрее — тут в основном родичи собрались, хоть и дальние. Ну а за скидку новую, снижение месячной нормы дров да сена, они согласились всё барахло оттащить к озеру. Вернулись уже целым караваном судов, в большом селе возня закончилась, все согласны заключать контракты. Постановили им, помимо прочего создать большой склад в излучине речки. Туда пусть всё сваливают, под ответственность и счёт местных старост и представителей речных сёл.

Кузнец местный тоже подошёл. Ему с одной стороны и самому охота топор да косу, да комплект для металлообработки, с другой — весь его бизнес рушится прямо на глазах. Ведь чуть не все здесь присутствующие раньше железную справу у него брали, а теперь он вроде как и не у дел останется. Мужик тоже оценил качество наших инструментов, понял, что даже услугами по

правке да ремонту его он не выйдет на прежние заработки. Смирился дядька, принёс нам большую корзину руды с того места, где он её брал. И жалобно так интересуется, мол, как? Возьмёте? А то может я её в крицу перегоню, и так обмен устроим? Мы горячку пороть не стали — отнесли образцы на судно. Там — наша, с позволения сказать, лаборатория оценки качестве минералов. Плотность, реакция на некоторые реагенты, хрупкость да прочие физические параметры. По ним хотя бы прикинуть можно качества продукта. Опыты проводил я. Если честно, делал всё строго по инструкции Буревоя и Растимира, они мне в химии и металлургии уже хорошую фору дадут. Вылез из трюма, пошёл к кузнецу:

— Ты на болоте руду брал? На глубине в сажень где-то? — спросил мужика.

— Да, — с интересом поглядывая на меня, ответил тот, — сам кузнец будешь?

— Не, тем у меня другие занимаются. По руде скажу так. Грязная она, чистить долго придётся. Но коли поставки постоянные обеспечишь — будет тебе инструмент. Сколько взять сможешь? Вот если такими корзинами измерять?

Углубились в расчёты. Да, оптовых поставок ждать не приходиться. Вот такую корзину он чуть не неделю-другую собирает. Да и качество хромает, Растимир может такую и не принять в производство.

— Обжигать её пробовал? Ну, чтобы глина да грязь ушла? — спросил я, кузнец кивает, — Тогда смотри, вот в таких пропорциях уголь и руду жги вместе. Окатыши, ну, камешки обожжённые, что получатся, когда прогорит всё, будем брать. Угля нет? А-а-а, долго выделывать… Тогда по другому — я тебе дам угля, с тебя — руда обожжённая. Мужики! Ящики с древесным топливом волоките, под новый контракт…

Подписались с дядькой под поставки, выдали ему лопату, кирку, топор и косу. Дрова, сено, руда обожжённая — теперь и кузнец подписан в программу обмена с Москвой. Остальные получили тоже инструменты, контракты и обязательства. Тут проторчали долго — переваривали нашими невеликими установками привезённые объёмы сырья.

Отправились дальше — к агрессивной крепости. Там ситуация поменялась в худшую сторону — на нас захотели напасть! Группа лодок двинулась из засады к «Меркурию», намереваясь, судя по всему, взять его штурмом. И нет бы просто лететь на нас — стрелы пулять стали! Мы ушли чуть дальше в глубь озера, пустили пару очередей из пулемётов, покружили с этими абордажниками в некоем вальсе, в результате которого

оказались между лодками и крепостью. Ну и достаточно быстро двинулись к берегу. Надо сказать, наша имитация атаки удалась — мужики на вёслах, парусов на атакующих судёнышках не было, стали так быстро грести к берегу, что к моменту, когда мы сблизились с их жилищем, они просто тупо выдохлись. Вот ещё пару минут назад шли ходко, а теперь еле движутся. Ну а мы действовали по плану снижения угрозы, который ещё в Москве оговорили. Огнемётом спалили им к лешему пристань и всё, до чего дотянулись вокруг неё. Уходя далее в море, на фоне довольно сильного пожара, прокричал в рупор в сторону лодок:

— Если в следующий раз кинетесь — и вас тоже огню предадим! — ответом мне были только яростные крики.

Они неслись как с преследующих нас судёнышек, так и из крепости — рыбацких лодок мы тоже пожгли с лихвой. А нечего было в мирный торговый баркас стрелять! У нас вон аж три стрелы на палубе валяется! А так, может, в другой раз сговорчивее будут. Сделали крюк и ушли на ночёвку за горизонт, не забыв выставить часового. Утром двинулись дальше.

В гавани приметной, да и на островке, что вход в неё закрывал, нас ждали не в пример более радостно. Снасти да инструмент народ опробовал и возжелал ещё. Опять толпы стоят, контракты заключать хотят. Обошли все деревеньки, собрали дрова, сено, рыбьи ошмётки. Последних немного вышло, как раз месячная норма. В отличии от дров да сена, в рыбной ловле ещё и удача немалая нужна. В этой заводи действовали чуть по-другому. Назначили три села вроде как главными, а остальные пусть туда свозят товар. Опять же про склад-факторию договорились, про дороги, да и про атаковавших нас людей выведали.

Глава той крепости после нашего прошлого прихода приезжал к местным рыбакам, пытался их поднять на войну с агрессором, то есть — с Москвой. Ему резонно заметили, что люди с торговлей приходили, чего их бить? Тем более, что мены устраивали вполне себе выгодные, а вот силу воинскую показали — не в пример остальным. Но без крови. Ну и послали бывшего спекулянта куда подальше, мол, тебе надо — ты и рискуй головой. Тот, не будь дурак, поспрашивал о нашей команде, о количестве людей на «Меркурии», и уехал, недобро скалясь. Думал, наверно, что парой десятков человек он легко справится. Ну вот и остался без пристани и лодок. Да и с торговлей теперь у него полный швах — он-то не только «моих» корелов окучивал, ещё и этим рыбакам многие ремесленные изделия с торга Ладожского вёз. А теперь Москва тупо рынок под себя подмяла, топор за связку шкур уже не толкнёшь, просели прибыли. Ну

ничего, такими темпами агрессора-спекулянта местные же, из его же крепости, прижучат, и тоже торговать начнут. А мы и не торопимся — время пока есть. Пообщались с рыбаками, продали чуть товара из другого списка — иглы да ножики в дело пошли. Причём — за рыбу да продовольствие. Из-за задержек постоянный малость выбились из норм потребления взятых с собой запасов, вот и пополнили провиант таким образом. А вот топлива да золы у нас уже — завались просто, на такой «улов» мы не рассчитывали. Очень тут народ сообразительный, особенно когда собственную выгоду видит.

Двинулись дальше — к пострадавшему от медведя селу и к Митьке. В первое вошли под вечер. Нас тут узнали! Бывшие раненые гурьбой высыпали встречать «Меркурий». Радуются, руками машут, веселятся. Все, кроме одной незнакомой тётки. Или бабки — сложно в этих лохмотьях понять. После недолгих разговор, поняли, кто это такая. Оказалось, Митька послал свою подшефную травницу за пострадавшими приглядеть. Молодец, кстати, князёк, уважаю, бережёт людей. Бабка приехала сюда под увещевания Митьки о том, что зверь многих людей покалечил. Травница сунулась в село — и малость потерялась. Народ вместо того, чтобы страдать от ране, нагло занимается хозяйством. Осмотрела Веда раны и обомлела — по всем признакам у людей оневица была, воспаление то есть. А они выздоровели! Двух недель не прошло, а уже на ногах! Бабка после долгих опросов пострадавших выяснила, кто их лечил, как, поудивлялась немало, решила собрать консилиум. Отправила мальцов к Митьке, чтобы тот собрал ей группу местных докторов-знахарей. Ибо профессия эта тёмная, с силами мистическими часто сталкиваться приходиться, вот и держаться вместе они, независимо от расстояния между деревнями, в которых живут. Консилиум, кстати, должен прибыть буквально со дня на день — мы их чуть только опередили. Правда, я бы к такому доктору не пошёл — уж очень жалостливо бабуся выглядит.

— Веда, — представилась стоящая буквой «Г» тётка.

— Сергей. Вы, бабушка, ту за лекаря?

— Какая я тебе бабушка! — обиженно завопила тётка, и из под головного убора показалось лицо женщины лет сорока, максимум.

— Ну ты не обижайся, мне тут сверху не видно просто. А чего стоишь согнувшись? Спина болит?

— А ты пособирай травки, да глазом каждую посмотри, да так чуть не весь год, я на тебя посмотрю, — опять зло огрызнулась знахарка, обидел я её всё-таки серьёзно.

— Да мы вроде тоже собираем, и даже растим. В теплице, под

стёклами, — мне неудобно, ни за что ни про что женщину обидел.

— Да ты милок сам-то в лесу не ходишь, я по рукам вижу. Твои-то травницы не лучше меня небось!

— В лесу не хожу, правда, но мои лекарки спиной не мучаются.

— Ещё скажи что глазами сильны!

— А то как же? Конечно, я им в полутьме работать запрещаю вообще, нечего зрение портить!

— Сказки сказываешь, — сердитый голос раздался из-под тряпок на голове, — волховство твоё сильно, да, но и мы на всякое способны!

— Да не волховство, — попытался я соскочить с неудобной темы, не очень хотелось вступать в споры о богах и духах, — так, знания по крупицам собираем и используем.

— Без волховств тут никак! — запричитала Веда, — С огневицей только заговор сильный справляется!

— Ага, я так Смеяне и скажу, что, мол, зря она там в лаборатории всю молодость проводит, надо просто пошептать красиво, и всё пройдёт! — уже я начал злиться.

Мои стоят, откровенно веселятся, правда, не в голос. Картина и впрямь забавная, я стою, а мне в пояс макушка тётки смотрит, да ещё и спорит знахарка та с Государем. Вот народ и потешается. Местные больше с опаской глядят. А Веда меж тем продолжает:

— И сколько лет знахарке твоей?

— Семнадцать уже, — гордо сказал я.

По моим меркам и впрямь есть повод для того, чтобы задрать нос. В столь юном возрасте Смеяна достаточно хорошим фельдшером стала, да и Роза от неё не отстаёт. А вот местные что-то наоборот, не прониклись. Точнее — одна Веда. Как давай меня поносить:

— …молодуху в травницы! Она ни сил не знает, ни хворей, только погубит народ!

— Ты бы это, на Смеяну не наезжала бы, её трудами тут народ на ноги встал! — я был готов защищать падчерицу до последнего.

— А то что?

— А то… — а и впрямь, чего я ей сделаю, — А то спину твою обратно выгну! Вот!

Мои ржут, местные «на измене», тётка возмущается, что, мол, быдло необразованное у честных знахарей работу отбирает. А у меня пока только одна мысль — как тётку ту «выгнуть» да не потерять доброе имя. Осмотрел деревню… Эх-х-х-х, была не была! Попробую, лишь бы окончательно не загубить. Ибо я узрел нашу

баню. В прошлый раз тут почти на неделю задержались, мои мужики, приученные суровой рукой Смеяны к чистоте, сварганили парилку. В ней и местных мыли, и сами парились. Небольшой такой сруб вышел, на скорую руку из леса сырого делали. Вот и подумалось мне, а что? Затянем туда Веду, может, полегчает тётке? Не то чтобы я политику «Тимура и его команды» продолжал, нет. Просто с такими вот не то волхвами, не то знахарями, не то служителями культов лучше дружить. В силу мистическую народ тут верит, и испорченные отношения с этим «контингентом» могут в итоге встать в копеечку. Скажут, мол, топоры московские от лукавого — и как дальше «Плесень» продвигать? Так что, придётся попотеть. Причём — во всех смыслах слова. И дай Перун, чтобы получилось. Местные-то не привыкли к нашим водным процедурам.

Пока гоняли по озеру, да с корелами общались, понял я, что бани тут в привычном мне понимании нет. Есть некие мойни, с очагом, да по-чёрному. Берёшь тазик деревянный, ставишь рядом с костром, в котором камни греются, и поливаешься сам водой, и камни те. Или наоборот, раскалённые камни в воду кидаешь. Растираешься, и опять. Веники тоже в зачаточном состоянии, скорее, веточные оттирки, кожу скоблить. Ровно так и я мылся, когда попал сюда много лет назад, у Буревоя такая землянка была. Потом мы перешли на привычную мне баню, и москвичей к ней приучили. Придётся и тут прогресс санитарный сдвинуть в нужную сторону.

— …только хвастаешь! — из моих мыслей меня вывел голос тётки.

— ОК. Посмотрим, — я повернулся к местным, что с лёгким испугом наблюдали за нашим диалогом, — мыльню нашу не трогали? Нет? Хорошо… Так, ребята, — это уже моей охране, — тащите простыни да мыло. Да веников нарубите!

Мои разбежались по делам, посмеиваясь. Местных раненых мы только мыли горячей водой, что в бане на очаге в котелках походных кипятили, они парилку на себе не испытывали. Но на наши радостные вопли, когда из мыльни пар столбом стоит, и люди красные, как раки, из неё выбегали да в воду озера прыгали — корелы тутошние насмотрелись. Причём со смесью любопытства и страха пялились в прошлый раз. Вот охрана и развеселилась — представила себе первую реакцию Веды на баню с вениками.

К ночи всё было готово к священнодействию, светильник в парилку поставили с «Меркурия», даже масло какое-то для парилки притянули, льняное, вроде. Начали искать добровольцев среди местного женского населения — ну не мне же с мужиками

знахарку парить. Волонтёров не нашлось.

— Ну, раз никто не хочет, придётся нам самим, — я тяжело вздохнул, предвидя сей процесс, повернулся к охране, — Ты! Ты и ты! Ржали больше всех — пойдёте со мной.

Разделись до нательного, простыни принесли с корабля. Тётка малость оробела, сей религиозный обряд ей не понятен. А вот когда мы на неё двинулись, эта скрюченная чуть не бегом в лес помчалась, насилу выловили. Местные по домам прячутся, бояться разборок в части знахарства и волховства, которые разворачивались перед их глазами. Тем более, тётка нам явно нахамила, может, мы вред ей причинять мистическим образом будем?

Сам же процесс, начавшийся после отлова Веды, был… Ну вот вы кота купали в ванной? Очень похоже! Вырывается травница, её гогочущие мужики раздевают в предбаннике, заматывают в простыню да в парилку тянут. Дверь открывается, там я, в нательном, с вениками на перевес, весь в клубах дыма — чистый демон!

— Держи её за ноги! Ай! Кусается, зараза! По пяткам сначала надо! Давай подменю, а ты руки держи — разносились мужские вопли из бани на всю деревню.

— Охальники! Вы что творите! — разносился уже женский крик, чуть не на всё озеро, — Прокляну!

— Отпускай! — наконец, окончательно вымотавшись, сказал я, и мои мужики, схватив тётку под руки, отправили её прямиком в озеро.

Бултых! Веда опять бежать, аки Христос по воде помчалась. Правда, не долго, ибо выгнулась процентов на двадцать. Прям так в простыне и застыла последи холодного озера. Стоит, думает. Вместо буквы «Г» — поза другая, градусов под семьдесят.

— Ну что, травница, ещё заход, или погодим? — мужики продолжают веселиться.

— Уж я вас! — грозится с озера тётка, но уже не так злобно.

— Давай, чуть остынь, и ещё пару раз, — это я уже включился в разговор, — ну и всё на сегодня. Одёжка вон запасная, а то твоя вся промокла…

Пара заходов помогли не так явно, как первый. Но к утру Веда могла стоять наклонившись, а не скрючившись. Мы на «Меркурии» ночевали, когда прибыли — всё село нас встречало. В первых рядах — Веда, выгнувшаяся больше чем наполовину. Её не столько скрутило, сколько больно разгибаться было, вот и помогла банька-то хорошо. Теперь вот лицо даже видно.

— А чего, симпатичная, кстати, — сказал Златобор, — а то я ночью и не разглядел.

— Ага, ты вы смотрите никому особо не рассказывай в Москве, — добавил я, — я вас знаю. Домой придём, начнётся «А мы с государем и симпатичной травницей в бане парились!». Ещё и мне Зоряна навешает…

Засмеялись теперь уже все. Не успели выйти на берег — показались лодки. Думал, опять Митька с бригадой. Нет, это консилиум прибыл. Знахарей прибыло трое. Два мужика, старик и другой, чуть моложе, и барышня. Последняя была заметная — в татуировках и шрамах чуть не по глаза, с амулетах, и одежда вся в узорах. Причём девушка молодая, двадцать лет на вид. Местные врачи степенно вышли из лодок, мы тоже подтянулись. Мистическая часть населения удалилась на совещание, под громкие рассказы Веды, ну а мы с оставшимися приступили к торговле. Договорились быстро, помог наш авторитет приобретённый. Чуть не всё село подписалось на косы и топоры, до обеда контракты подписывали да клятвы давали. А после полудня к нам вышли знахари.

У тех, собственно, дело весьма важное — их Веда вызвала, чтобы понять, как от огневицы так быстро и без потерь люди отошли. Тётка просто магию тайную заподозрила, вот и послала за помощью. Ну а теперь ещё один вопрос добавился — как быть с баней. И вот странное дело — Веда ровно шла уже! Половина дня прошла, а спина ровнёхонька. Вся процессия пришла к нам допытываться истины. Мы тоже не лыком шиты — вопросом на вопрос отвечаем, мол, куда изгиб пикантный делся у травницы? Неужто баня помогла? Оказалось, нет, та самая молодая барышня. Она наговор читала да мази накладывала, вот и выпрямили Веду. Тут уж я удивился — неужто сама тётка не могла столь чудодейственное снадобье применить? Меня обсмеяли натурально! Мол, сама? Лечить? Себя? Вот умора! Я закусил удила — мы пустились в полемику…

Через час прояснили разницу в подходах к врачеванию. Тут у них травница при лечении считает, что свои силы жизненные тратит на преодоление хвори. А лекарства только как проводник её усилий получаются, ну как дорога для мистической энергии. И получается, что если самого себя лечить, то вроде как эффекта не будет, свои же больные силы на себя же и наложишь. Но и лекарства тоже силу имеют, не все, правда. Они её из земли берут, потому и собирать травки да животные компоненты надо особым ритуалом, не просто так. И посему встречный вопрос мне — как разогнули Веду?

Кружок теоретической физиологии, пока без нас совещался, придерживался трёх точек зрения. Первую высказал старый знахарь, мол, шаманство знатное — баня, из дерева живого

сложено да веники из растений зелёных, вот и передали силу лечебную в спину. Веда же придерживается того мнения, что место тайное мы открыли и на нём парилку соорудили. Вроде как прямо из земли мощь прёт, лечит людей. И огневица потому прошла у раненых. Знахарь помоложе заикнулся было про то, что может это мы такие сильные волхвы, и, знать, свою мощь-то и потратили на излечение. Нас осмотрели со скепсисом, и отмели эту точку зрения как абсолютно неверную. Татуированная барышня же молчала. Вступил в разговор я — втирал про отложения солей, мышцы, что позвоночник держат, артриты да остеохандрозы. Опять был осмеян! Хотя молодая барышня, кстати, прислушалась, хоть и не проронила ни слова. Не приняв пока мнения по поводу спины и бани, перешли к сложному — к огневице.

Вот тут совсем плохо диалог сложился. Я не могу толком объяснить, что мы сделали — знахари категорически отрицают концепцию микробов. Однако эффект-то налицо! Народ по селу бегает, раны заживают, умерших от воспаления нет. Окончательно зависли знахари. И тут самый старый из них выдал мне чуть не в приказном тоне поручение. Он отправляет татуированную барышню с нами, пусть та посмотрит, чем мы огневицу лечим да как врачуем, и потом своё мнение скажет. Я малость охренел от таких предложений, с чего вдруг нам такое счастье, с бабой таскаться? Мне в ответ вполне себе заявили, что дело знахарское — оно волховское. И нос воротить от обмена опыта с коллегами в такой ситуации вообще-то грех, за то силы волшебные покинут народ московский, и станут все животами мучиться да головной болью. Ибо держаться нам, лекарям, надо вместе, иначе обидятся духи и боги. Вот так!

Нет, приятно, конечно, что нас тут за докторов приняли, да и обмен опытом — тоже дело полезное. Однако вот так, нахрапом мне всучить ученицу — это хамство. Тем более на таких условиях! Полез спорить. Если уж меняться опытом, то только встречно, мы — вам, вы — нам, а потому подавайте мне кого опытнее девицы юнной! И на моих условиях! Меня Златобор за рукав дёргает, хнычет о чём-то, а я азартно торгуюсь. Предлагаю деда, старого знахаря, в Москву взять на пару лет — вот тогда дело пойдёт. Наконец, мытник умудрился вставить слово, склонился над ухом, и давай шипеть:

— Ты глянь, Государь, знаки на девице! Такими только самый сильных лекарей отмечают! Ты на возраст не смотри! Остальные ей в подмётки не годятся! — чуть не заплевав мне всё ухо, выдал Златобор.

— Дык а чего молчит она тогда? — прошипел я в ответ, —

Зовут-то хоть как её?

Последнее сказал громче, чем следовало. Услышали все, в том числе — барышня непонятная.

— А зовут меня Ханна, — вымолвила татуированная, и продолжила, — лекарям держаться вместе надо, ибо силы природные, что дают…

Через десяток фраз этой девицы я натурально впал в некое подобие транса. Голос девушки был такой… Непередаваемый, глубокий, волшебный — нужные эпитет просто не приходил в голову. Ещё через минуту я потряс головой, сбрасывая наваждение, и оглядел своих спутников. Не, ну теперь понятно, почему она тут считается самой сильной волхвой да лекаркой. Вон, мужики стоят чуть не в гипнотическом сне пошатываются. И молчание её понятно — коли уж она так всегда говорит, никакого диалога не получиться, все будут пялиться на девушку и стоять, глотая слюну. Я-то больше от неожиданности впал в транс, у меня-то опыт! Я ещё Кашпировксого в детстве по телевизору застал! А мои-то спутники к такому не привыкли, им силы божественные да мистические везде мерещатся. Вот и стоят, раззявив рты, на диво пялятся. А татуированная Ханна воркует дальше, на Златобора уставилась, на охрану мою, улыбается, довольна эффектом. На мне, правда, чуть сбилась — я уже тупо ухмылялся, глядя в её глаза, что вполне соответствовали голосу. Волшебница, фея, колдунья — кто разберёт, но сила психологического воздействия и впрямь у неё великая. В моё время хорошо бы зарабатывала гаданиями да приворотами, а то и на «Битву экстрасенсов» бы попала. Вспомнил о таком, представил, как ведущие бы на татуированную барышню с такими способностями бы отреагировали — сразу ухмылка на лице у меня появилась. А Ханна это увидела, и сбилась с ритма, прошла ворожба, мужики мои оклемались, по сторонам чуть сонно озираются.

— Сила в тебе есть, — уставилась Ханна на меня, — не каждый противиться мне может.

— Ой, я тебя умоляю! Какая там сила! — отмахнулся я, — Вот помню, цыгане как-то меня так на полтник развели. Тоже речетатив завели да давай мне про «дорогу дальнюю, чёрное на душе» петь. Я, помню, тоже тогда потерялся малость… Так о чём это я? На чём закончили?

Посмотрел на знахарей — те в небольшом шоке. То ли от словес моих, что за заклинание приняли, то ли от того, что не подействовала сила Ханны. Голос-то и в прямь — заслушаешься, взгляд — чище ножа режет, до затылка достаёт, проваливаешься в её глазах, как в омут. Но это местные — а мне такое по фильмам

да книгам знакомо, не получается нужного эффекта.

— Так вот, продолжим. Ладно, если уж хотите Ханну нам в обучение дать…

На этой фразе все знахари, включая девушку, сделали стойку.

— Ещё кому у кого учиться надо! — заявила мне Веда.

— Ну вот как огневицу лечить начнёте приворотами да наговорами, — парировал я, — так я к вам тоже лекаря своего пошлю. Договорились?

Крыть знахарям было нечем, даже Ханна чуть подумав, согласно кивнула.

— Знать, так и поступим. Я беру девушку в Москву, в интернат определю. Хотя нет, слишком взрослая. Лаборанткой пристрою, вот. Теперь давайте условия обговорим. Кто глава рода у Ханны? Веда!? А мужского пола есть кто, дед там, или отец? Хм, сирота, значит. А Веда вроде куратора по части лекарской, воспитывала её. Ладно, пусть так. Лет-то хоть сколько тебе, девица? Двадцать? Сразу говорю, за жизнь и здоровье её я ручаюсь, едой, жильём, одеждой — обеспечу. Но у вас, может, дополнительные какие требования есть? Ну то, что знахарской части касается. Есть? Хм, замуж ей категорически противопоказано, значит, чтобы силу не теряла. Жесть какая! Ладно, насилие у нас всё равно запрещено, а коли сама захочет, тут уж я неволить не стану. Нет, себя я точно в виду не имею — у меня жена и я с ней счастлив, не надо мне того. Но у нас мужиков куча, может, приглянётся ей кто. Чего мне тогда делать?

Меня заверили, что Ханна о замужестве не помышляет. Я про себя ухмыльнулся. Посмотрим, Москва людей сильно меняет. Составили контракт. По нему девушка поступает в качестве лаборантки к Смеяне, нашему главному лекарю. Москва с того имеет право перенимать опыт знахарский у Ханны, невозбранно. Попросил мужиков организовать каюту отдельную, мы на разнополый состав экипажа не рассчитывали. Отдельно всем пригрозил, что если кто, своими шаловливыми ручёнками под юбку лаборантке новой полезет — уши оборву. Мне в ответ заявили, потом, в более камерной обстановке, что пристраиваться к такой — себе дороже. Судя по татуировкам и, сила в бабе такая, что зыркнет неудачно, и помрёшь прямо там, где стоишь. Ну да ладно, хоть так. Утром в обновлённом составе отправились к Митьке Северному, дальше торговать. Знахарей же оставили в селе, снабдив подробными инструкциями по поводу бани — они там эксперименты лекарские ставить решили.

Ханна, такая вся загадочная и волшебная, от действия паровой машины чуть растеряла весь свой мистический ореол, её, бедную, даже трясло от страха вначале. Особенно, когда гудок

дали. Потом, правда, чуть привыкла в гулу и тряске небольшой, с стала живенько так интересоваться происходящим. Мол, что за сила там, в трюме трудится? Как корабль плывёт? Какое волховство применяем? От такой картины даже мои мужики из охраны чуть осмелели. Раз колдунью удивить смогли, знать, нам сам чёрт не брат. Пришлось пока успокоить девушку — там, в Москве, всё расскажем, потом. Судя по всему, меня Ханна воспринимала как коллегу-волхва, только старше и опытнее, потому успокоилась, и просто наслаждалась поездкой.

По дороге к местному князю решили заскочить в несколько сёл, что пропустили в прошлый раз. Торопились в крепость Митькину, вот и не удосужились поторговать, а потом — в Москву летели на остатках топлива. Правда, на картах сёла приметили, ну и с самого южного и начали обход. В нём нас ждал сюрприз. Заключался он в небольшом пирсе, и аккуратных поленницах дров и стогах сена. Сошли на берег — нас тут ждут! Подскочил какой-то мужичок, я так понял — староста местный, и давай с меня требовать контракт да топор с косой. Интересно, интересно… Пересчитал дома, оценил поленницы и стога. Получилось, на каждое жилище по одной нашей месячной норме того и другого. Подтянулись ещё люди, тоже договора оформлять. Пока Златобор возился в местными жителями, стал у старосты аккуратно выведывать о том, что собственно происходит. А тот дядька словоохотливый, весь расклад мне выдал прямо, без экивоков.

Некоторое время назад пришёл в их деревню Митька с работниками, толкнул речь о повышении благосостояния села, и напряг всех жителей рубить дрова и собирать сено. Народ, что пришёл с ним, активно в процесс заготовки включился. Сделали запасы новыми, очень хорошими инструментами, сложили их под небольшим навесом из дранки. Митька же наказал всем ждать хитрую лодку с двумя мачтами, и просить у экипажа того судна подписать некий «контракт». Мол, тогда вам и инструмент такой же качественный выдадут, правда, дрова да сено поставлять придётся несколько лет подряд, ежемесячно. Народ за время заготовки оценил широкие крепкие топоры и длинные косы на удобных ручках, потому слова князя воспринял правильно, согласились все жители деревни на такие условия. Ещё бы! Рубить лес новой справой получалось чуть не в три-четыре раза быстрее, а сено запасать — так вообще одно удовольствие, особенно по сравнению с серпами и короткими местными косами. Да ещё и князь намекает на то, что ежели все всё сделают как он сказал, то и новые инструменты можно будет попросить у людей тех торговых, да и Митька навстречу пойдёт — дань за год

работой, а не мехом брать станет. Вот народ и согласился, даже наблюдателя выставил, чтобы московскую лодку не пропустить.

* * *

Мне этот корельский аристократ нравился, чисто по-человечески, всё больше и больше. Вон какую бурную деятельность развёл! Причём, зараза, умный — понял, что производственные силы, возросшие при использовании новых инструментов, с лихвой окупят все затрат если не сегодня, так завтра. Ведь по сути, если резюмировать всё то, что мне поведал староста, Митька сам дошёл примерно до тех же выводов, что и я в своё время — прочность, долговечность и мощность определяют развитие хозяйства. Первые два пункта местный князь решил закрыть нашим инструментом, подобно тому, как я выкрутился ресурсами «плато» в те годы. Ну а третий пункт Митька решил по-своему — нашей лодкой! Так и заявил старосте, мол, если время терять не будем на походы торговые на Ладожский торг, то и на себя больше сил останется, на поля да сбор лесных даров. Чего напрягаться-то, если торговцы сами с приличным товаром ходят, да на таких шикарных, по местным меркам, условиях его предлагают? Да ещё и о людях заботится князь — вон, знахарей прислал и село пострадавшее от дани освободил. Очень нестандартный, умный и активный товарищ попался, не похож он на других, встреченных здесь мною ранее.

Перевёл потихоньку разговор на эту тему. Кто он вообще «по жизни», этот Митька? Староста мне и об этом охотно рассказал. Здесь, вдоль северного побережья Ладожского озера, раньше был достаточно крупный племенной союз, границы которого, против часовой стрелки если брать, были от нашего Рудного болота и чуть не до Невы. Со временем их потеснили другие племена, саамы, «отжав» себе почти всё северное побережье — государственное образование корелов оказалось разорванным, только западный и восточный берег остались. Битвы с саамами с переменным успехом длились несколько десятилетий, пока, наконец, новая конфигурация сёл да деревень не устоялась. Те места, где даны в своё время корелов моих, Юрку с товарищами, захватили, отдалились сёл в восточной части озера. Ну и классика жанра — глава местного союза погиб в очередной стычке, пытаясь расширить владения союза на север, и наследников не оставил.

Собрались тогда остатки корел, и стали нового князя себе выбирать. Не получилось — властвовать хотели многие, а трон

был один. Теперь уже и гражданская война началась, локальная, правда, без особого размаха. Десять лет назад всё закончилось закономерно — вместо единого союза появился набор мелких уделов. Дед-маразматик, агрессивная крепость, рыбаки в естественной гавани, прикрытой островом — осколки того самого образования. В результате войн местная аристократия малость поубавилась числом, из-за чего властителем северо-восточной части корельских поселений, граничащих с саамами, внезапно оказался простой дружинник — тот самый Митька. Понятно дело, не все такому были рады. И новые конфликты пошли, и саамы прощупывали на прочность нового князя. Тот, к чести его, труселями от всех отмахался, атаки отбил, сам пару деревенек отжал, и крепко сел на троне. Союз же стал номинальным, лишь какие-то самые общие, не очень серьёзные вопросы, решались на редких сходках в какой-то священной роще в глубине материка.

Только вот есть у Митька проблема — аристократизма не хватает. Если остальные осколки союза возглавляли достаточно крепкие семьи, с хорошей, длинной родословной, даже Игорь, сын деда-маразматика, к ним относился, то местный глава был пришлым, наёмником, по сути. Да, взял в жены пару баб из авторитетных местных семей, войско крепкое сколотил, крепость в порядке держал и нападения грабителей отбивал вполне успешно — но голоса о том, что негоже под рукой такого «выскочки» ходить, звучали в поселениях с завидным постоянством. Да и другие князьки не особо уважали случайного властителя. Митька, видя такое дело, решил сделать ставку на массы — вот тебе и первый революционер. Он чуть ослабил режим сбора дани и усилил программы «социальной помощи», если так можно выразиться — зерно при голоде подкидывал регулярно да на пожелания и нужды крестьян реагировал оперативно. Потому и имел, собственно, неплохой авторитет. Но устойчивым положение Митьки назвать было нельзя — на чуть разбогатевшие при такой политике сёла многие глаз положили, и разговоры о том, что негоже такому безродному на троне сидеть, пусть и таком невеликом, провоцировали. Это мне староста и поведал.

Дальше я уже сам додумал. В нашей торговле увидел Митька шанс приподняться экономически и заручиться поддержкой сильного соседа. Да, в моё время это бы назвали каким-нибудь «привлечением интервентов» и «вмешательством во внутренние дела». Но тут, слава Перуну, до таких вещей ещё не додумались, спокойно оценивали выгоды и потенциальные убытки от объединения с другими племенами, на основании этого баланса и принимали решения. И вот Митька и решил — чем чёрт не

шутит? Подружусь с Москвой, а там и она мне поможет на троне усидеть. Вон как удачно от деда-маразматика избавились эти новые люди — просто приходи кума любоваться! Да и корелы на болоте, Федя со товарищи, тоже переориентировались с внутренней торговли с бывшими осколками союза на взаимодействие с Москвой, и не жалуются, а только богатеют. Потому и развёл князь кипучую деятельность, и, как по мне, в абсолютно правильном направлении. Поднимет хозяйство с нашей помощью, людей больше станет, сильнее княжество будет. А коли уж до военного соглашения с Москвой дело дойдёт — так и того больше, прекратятся нападки бывших коллег по корельскому союзу да и местное недовольство поутихнет. Правильно всё он делает, я бы так же поступил. Только вот на руку это мне и Москве, или нет — ещё не ясно. Придётся выводить Митьку на откровенный разговор.

Закончили в этом селе, пошли в следующее. Там картина аналогичная — дрова да сено, люди ждут контрактов и инструмента. И таким — ещё три села мы «обработали», пока, наконец, до крепости Митьки не дошли. В постройках тут наблюдаются изменения — пирс стал больше, шире, прочнее. Крепость — выше, и продолжает активно расстраиваться. А вот здоровый амбар на берегу меня порадовал — это для наших товаров князь соорудил. Хм, классный дядька, и про хозяйство подумал, и об обороне не забывает.

— Погуди как-нибудь приветственно, — попросил я машиниста.

Три коротких и три длинных звука оповестили местных о нашем прибытии. На стенах крепости началось движение, забегали люди. Мы причалили к обновлённому пирсу, сошли на берег. Из ворот показалась процессия из доброго десятка людей во главе с Митькой Северным. Хотя, судя по тому, как серьёзно он к делу подходит, уже всё-таки Дмитрий.

— Здорова, князь! — протянул я ему руку.

— И тебе здравствовать, Государь, — уважительно пожал он мне её.

— Я смотрю, стройку затеял, и деревеньки свои на торговлю с нами уговорил.

— Есть такое, добрые топоры да косы, хвалили мои кузнецы.

— А это кто с тобой? — я указал глазами на спутников Митьки, что держались чуть поодаль.

— А это тоже насчёт торговли прибыли, — ответил он, — саамы.

Группа людей была одета в традиционные для этих мест кожано-металлические доспехи, и вообще держалась достаточно

гордо и независимо. Наверно, местная власть. А судя по лицам — самая натуральная стая товарищей, уж очень вид у дядек бандитский. Стали знакомиться. В крепость не пошли, уселись в новом амбаре. У того, правда, две стены только, чтобы с дровами да сеном возиться удобнее было. Но погода была летняя, хорошая, а мы не бухать приехали, а по делу, потому и устроили переговоры в рабочем порядке. Саамы оказались представителями нескольких деревенек с северного берега озера, Митькины соседи. Конфликт основной между ними и корелами давно улажен, потому основное взаимодействие сейчас идёт по части торговли. Вот и интересуются мужики условиями, выгодой, товаром, менами. Подробно и максимально популярно рассказали о нашем подходе к этому. Да, немного удивили саамов, те вопросами нас засыпали. Пока рядились с ними, мои перерабатывали сырьё. Тут ситуация такая же, как в предыдущих сёлах — опять куча авансов лежит аккуратными стогами и поленницами. Но интересно то, что перевыполнять план тут никто не стал — ровно месячную норму наши первые покупатели выдали. Когда саамы разъехались по своим деревням, спросил у Митьки, почему так. Тот лукавить не стал — прямо мне выдал, что, мол, производственный ресурс, в виде мужиков с нашими топорами да косами, он пустил на выработку авансов для остального населения и модернизацию крепости. Да и других планов у князя громадьё, потому рассчитывать на более быструю оплату «лизинга» мне не стоит. От таких слов князь ещё больше поднялся в моих глазах — молодец, правильно всё просчитал, инвестировал в развитие.

К вечеру наш разговор перетёк в ужин, прямо там, в амбаре. Я выставил своё угощение, Митьке из крепости мёда принесли да мяса свежего. Постепенно с дел торговых да ничего не значащих фраз перешли на более серьёзные темы. Под пару рюмок настойки да братину с мёдом языки развязались, и Митька таки выдал мне историю своего воцарения в этой крепости. Она дополнила рассказ старосты, но не противоречила ему. По его словам, замятни в союзе достали всех довольно быстро, однако местная аристократия не хотела уступать друг другу, всё вели дружинников и мужиков на убой. В конце концов, после очередного «раунда переговоров» с маханием оружием и сопутствующими этому потерями, и Митьку всё это достало. Он, со словами «Как они за...ли людей класть почём зря!», подговорил дружину, и устроил натуральный переворот.

Ночью с группой единомышленников и примкнувшими к ним в значительном количестве местных жителей, взял штурмом усадьбу князя местного и… От дальнейшего меня чуть

передёрнуло, но время сейчас такое, жестокое. Одним словом, дом властителя стал нежилым, никого не осталось — ни мужиков, ни баб, ни детей. Звери, конечно, и гуманизма никакого не наблюдается. Но и местных понять можно. Сначала в конфликтах с саамами они потерпели убыток как в торговле, так и в людях. Потом — в местной усобице пострадали сильно, а князь всё тянул и тянул мужиков на войну, меха драл да серебро на оружие. После пары историй о том, как вдовами да сиротами наполнилась земля корельская, я был согласен признать их переворот самым натуральным инстинктом самосохранения. Да, убили всех, под корень вывели семью князя, но это позволило прекратить участие в замятне, чуть вздохнуть свободнее, накопиться сил. А то такими темпами тут бы вообще пустыня осталась.

Силы понадобились, когда также ослабленные во взаимной вражде соседи стали прощупывать почву на счёт потрепать новоявленное образование. Сначала, после переворота, на трон хотели поставить местного авторитетного достаточно дядьку. Но тот натурально ушёл от ответственности, не захотел возглавить мятежный осколок союза. И дружинники предложили Митьку поставить на царство. Временно, пока не найдут более родовитого товарища. Митька же особо на власть не рассчитывал, думал, свергнуть князя, закончить междоусобицу, и спокойно дальше гонять за мытом да отбивать атаки простым дружинником. Но под давлением общественности ношу на себя взял. Сам он, как и говорил староста его деревни, не местный. Он из Прибалтики, насколько я понял. Там тоже история не сильно удивительная для этих мест была. Он чем-то Юрку нашего своей судьбой напоминал.

Жил лет до двадцати спокойно, рыбачил да мыл янтарь. Потом напали скандинавы, деревню вырезали, включая семью Митьки, а он с небольшой группой успел уйти в леса. Викинга стали по суше продвигаться, а будущий князь устроил им натуральную партизанскую войну. Потом ушёл на восток, прибился к дружине кривичей. С теми уже сам гнобил скандинавов, ходил в походы, устраивал набеги да грабёж. Постепенно стал профессиональным воином, хоть и славы серьёзной не сыскал, и своей бригады не завёл, чурался малость власти. Их дружину разбили — прибился к новой. Опять бои, набеги, победы и поражения. Так и оказался он наёмников в здешних местах. Ну а потом переворот, назначение князем.

Несмотря на свой временный статус, немало хлебнувший лиха Митька, серьёзно взялся за дело. Целый год он крутился между посёлками, решал проблемы, пресекал вылазки саамов да

соседей, вырезал волков и других зверей, перетасовывал продовольствие, помогал нуждающимся и вершил суд справедливо и бескровно. Поэтому, новоявленный князь за год настолько хорошо показал себя в роли руководителя, что когда появился некий претендент на трон, из отдалённой крепости, родовитый и авторитетный, уже все корелы воспротивились такому развитию событий. Со свойственным в здешних местах простодушием, его соперник начал избирательную компанию — взял крепость в осаду. Митька осаду снял, претендента упокоил, его дружину частично к себе принял, не обидел. Силы его выросли, и, чтобы не допустить новых нападений, князь устроил пару набегов сам, превентивно. Так под ним оказалась, кстати, и та самая пострадавшая деревенька. После таких событий остальные, скрепя зубами, согласились с тем, что Митька по праву занимает место, по праву силы. Но камень за пазухой коллеги-князья его, что правили осколками корельского союза, держали всегда — то в торговле обидят, то слух пустят недобрый, то лодку с солью перехватят. Но и князь новый оказался не лыком шит!

Митька действовал ровно так же, как мы в «Плесени» планировали! Он дружил и торговал с рыбаками да крестьянами, гонял на Ладогу и налаживал контакт с новгородцами, умудрился решить пограничные конфликты с саамами и даже заиметь у них некоторый авторитет. Понятное дело, навешать кой-кому «люлей» при этом пришлось, но всё в рамках местной морали и традиций. Поэтому, после пары сожжённых деревень, причём с минимумом человеческих жертв среди крестьян да рыбаков, уже саамские князьки пришли договариваться. Митька сильно не ерепенился, своё отстоял да чужого брать не стал, за что получил практически реальную, насколько это возможно в нынешних условиях, дружбу с соседями. Но положение его оставалось шатким. Браки с местными помогли не очень, корелы за пределами Митькиного микроскопического княжества до сих пор не считали его легитимным властителем. И тут пришла Москва…

Сначала история с Федей поставила всех на уши, потом — смерть деда-маразматика. Старая корельская аристократия возмущалась таким поведением неизвестных соседей. А Митька, в пику ей, задумался над тем, что раз новая сила на Ладоге появилась, надо бы её поддержкой заручиться. Ну или хотя бы уровень угрозы оценить. Он даже пару раз приплывал к нам, на разведку да торговлю, но его неизменно отсылали обратно. Решил Митька ждать да внимательно прислушиваться к разговорам вокруг. А слухи да молва меж тем разносили по северу странное. И про битву с боярином Болеславом донесли, и

про Олега на Ладожском торге, что каких-то друзей нашёл для Новгорода на севере, и про конфликт Рюрика с олигархией, и про товары невиданные… Но все они неизменно сопровождались рассказами о странных, непонятных людях, что принимали непосредственное участие в происходящих событиях. Ну а потом и «Меркурий» пришёл, и встреча меня и Митьки состоялась, и кидаться в атаку он не стал в том числе потому, что понял, что удивительное судно и невиданные воины связанны как раз с той самой новой силой, что появилась в здешних местах. Ну а дальше всё известно — топоры, косы, торговля, дрова, деревни…

Расстались сильно за полночь. Я ушёл на «Меркурий», Митька в крепость. Остаток ночи ворочался и не мог заснуть. По факту, этот местный князь чем-то очень похож на меня. Да, знаний из будущего нет, других примеров обустройства общества — тоже. Однако ориентированность его на развитие хозяйства, забота о людях, жизненные принципы и ценности — прямо копия. Даже обидно, что мы такого неплохого мужика отправили восвояси от стен Москвы в своё время. Может, толк бы был из сотрудничества. Больше всего меня зацепила последняя часть нашего диалога. Когда последняя чарка мёда пошла уже да костёр затухать стал, задал я Митьке простой, и в то же время очень сложный вопрос:

— Что дальше думаешь?

— С саамами коли торговать станешь, хотел тоже на твоей лодке сходить, — начал отвечать князь, — свой товар им сбывать, тебе долю да перевозку. Ещё в десяток деревенек своих также московские топоры да косы за дрова да сено дать — они в лесу у меня. Крепость дострою, лодки крепкие для дружины. А там, глядишь, и рыбаки из гавани той большой, соседи с полудня, под меня пойдут. К твоим корелам путь надо, чтобы зимой пройти можно было, минуя остальных…

Я прервал его:

— Да это понятно, торговлю да пути развивать вместе станем. Только вот дальше — что? В конце пути достичь чего хочешь?

— В конце? — задумался Митька, — Крепость сыну оставить, не сгубить людей, дружиной прирасти… За детей больше всего боюсь, их у меня семь, пять девчёнок. А ну как выйдет, как в тот раз? Ещё кто подговорит воинов, или люди на меня осерчают, позовут силу со стороны, да и вырежут всех. За тех, княжеских детей, до сих пор душа болит, не думал, что так выйдет. Да в пылу боя, да другие ещё, кто с нами был… Хотел я семью ту отдать на сторону, подальше, да не углядел за воями и мужиками. Пока сам во дворе бился — они в тереме всех порешили.

— Даже так? — чуть удивился я.

— Ну а как иначе. Достало просто всё тогда, надоело. Друзей в Ирий отправлять за три сажени земли для князя чуть не через день, в глаза бабам чужим да своим смотреть, когда мужей их потерял или порешил. Жить хочу. Просто жить. Вот.

— Да, дела… — сказал я, — Вот что, я тебя услышал, слово твоё понял. Сейчас спать давай, а там и придумаем чего.

На том и расстались мы ночью. И вот это «Жить хочу. Просто жить» из уст здорового мужика бандитской достаточно внешности и повадок, меня сильно зацепило. Выходит, те принципы, что мы в «Трактат» да Законы заложили не только мне импонируют. Есть, получается, запрос на такое в землях окрест. Корелы в замятне пострадавшие, словене да кривичи, что тоже из «разборок» годами не вылезают периодически, хазарин Самуил с семьёй, что покоя искал в новых землях, да тот же Торир! Ведь викинг — пробу ставить негде, а тоже под старость лет не стал в Вальхаллу лезть, внука увидеть захотел. Знать, не все тут обеспокоены грабежами да разборками властными, войнами да раздорами, многие примут московский уклад. С такой радушной мыслью и уснул…

Утром продолжили перерабатывать сырьё на «Меркурии», а Митька привёл сне делегацию местной технической интеллигенции — старого кузнеца, главу семьи металлургов, и гончара. Опять засели в амбаре, другую, более сложную торговлю обсуждать. Проще всего было с горшечником. Мы его товар, как и ранее договаривались, возьмём, попробуем покрыть эмалью стеклянной. За это он припёр нам образцы глины да песка, камней да минералов. Практически всё это пойдёт для оценки и анализа нашим химикам, металлургам, строителям. Разве что один минерал меня сильно заинтересовал, он блестел на сколе и чем-то стекло напоминал. Отблагодарил гончара пока устно — когда с тарелками да горшками его закончим, прибыль ремесленник сам извлечёт, тем же саамам по ценам хорошим продаст покрытую стеклом керамику. А вот с кузнецами было сложнее..

Первое. Никто не поедет в Москву заниматься наукой. Митька хочет другой способ сотрудничества организовать — поставками руды в ответ на железные заготовки для собственного производства. Под это он деда-металлурга и прогнул. Мол, давайте Москва будет руду брать, а нам железа половину с выплавки отдавать, да инструмент не забудем кузнечный, он обещан при таком раскладе был. В принципе, мы такое с Лисом тоже проговаривали, остался один вопрос — качество поставляемого сырья. И вот тут меня удивили — три корзины

образцов включали в себя не привычную мне болотную руду, больше напоминающую крепко спечённую и сдавленную глину, а камни. Минералы. Причём одна корзина была наполнена самыми натуральными магнитами! Да, грязными, непривычной формы, но все частички да осколки тупо сцепились в единый кусок, да так, что хрен отдерёшь! Вторая тара была заполнена камнями разного размера и цвета, а третья — песком с какими-то вкраплениями не то бобов, не то горошин. Но первая-то! Магниты! Да без раскрытия секрета электричества! У меня за секунды провернулись в голове сотни вариантов использования этого минерала, от обогащения этой самой руды до возврата магнитных челноков в ткацкие станки. Пытаясь не выдать своё волнение, поинтересовался запасами. Меня просветили. Если тот самый песок с горошинами в третьей корзине хоть и долог в добыче, но его много, то вот камни да магниты — достаточно редки. Начал пытать насчёт процесса и места добычи. Кузнецы мнутся, не выдают секрет, уже и Митька расстроился, видит, что торговля не задалась.

— Короче, народ. Я интересуюсь этим исключительно с одной целью — сколько вы поставить вот этих чёрных магнитов… Магнетита, так назовём руду эту! Вот её, сколько поставить сможете и чем вам в том помочь? Где вы берёте магнетит, меня мало интересует.

— В яме большой, под скалой тяжёлой, долго рыть надо, — сдался дед-кузнец, — И идти долго.

— Чем добываете? Кирки, лопаты нужны? Да? — я повернулся к своему кораблю, — Тащите с «Меркурия» инструмент! Так сколько сможете за тридцать дней поставить?

— То зависит от того, — назидательно поднял палец дед-кузнец, — как пойдёт руда та, куда дальше свернёт…

В этот момент принесли лопаты и кирки. Из стали. Кузнец завис, разглядывая инструмент, понял качество изделий, задумался.

— Пять корзин в месяц, — выдал он, наконец.

— По рукам! А это что за песок? — ткнул я в третью корзину.

— Тоже руда неплохая, — поведал дед.

— А чего грязная такая? Вы её не обогащаете? — я пересыпал песок с горошинами из руки в руку.

— Того слова нам не ведомо, — «закрылся» дед, юлит, зараза.

Я осмотрел три корзины, хмыкнул, отодрал с трудом куски магнетита и ткнул их в песок. Повозюкал недолго, и достал камешки с налипшими частицами. Ну и так — три раза. И горошины налипли, и пыль какая-то, и более крупные частицы.

— Откуда знаешь? — с детской обидой в голосе промолвил

дед, — Кузнечным делом промышляешь?

— И им — тоже. По первому, хотя нет, второму образованию, считай, кузнец, — ответил я, вспоминая свои мучения в Первушиной мастерской, — а этими камнями, из второй корзины, знать, качество улучшаете крицы. Хитро! И выход неплохой, наверно, будет.

Митька посмотрел на деда-кузнеца. В его глазах читалось: «Ещё раз увильнуть попытаетесь, торговлю мне порушить — в глаз дам!». В подтверждении этого князь исподтишка показал деду кулак. Тот вздохнул. И правильно. Мы, москвичи, такие, нам палец в рот не клади. И чего другого из частей тела — тоже.

— Ладно, с этим мои ремесленники поработают. А вот с вашей оплатой давайте подумаем. Инструмент пока для добычи пойдёт в уплату корзин этих. Остальное кузнечное барахло — когда поток наладите, поставки постоянные. Вам какого железа надо?

— Доброго, — хором ответили Митька и дед.

— Хм, ладно. Сейчас вернусь, — я побежал на «Меркурий».

Там у меня был некий набор образцов меди, железа, стали, чугуна, олова да свинца. И список свойств и ценности подобных материалов для Москвы в зависимости от качества. Это на тот случай мне Буревой с Растимиром сделали, если какой талантливый кузне попадётся, чтобы работы его оценить можно было. Коли ремесленник толковый будет, да добрый металл делать сам научился — таких стоило к себе тянуть, в Москву. Выложил перед кузнецом и Митькой набор из почти пятидесяти предметов — одинаковые полоски из стали, чугуна, железа.

— Дык какого железа хотите? — повторил я вопрос.

Мой голос пропал без толку — мужики пялились на образцы. Стали перебирать полоски, дед щупает, к уху прикладывает, Митька узором интересуется. Посыпалась масса вопросов. Долго отвечал, аж во рту пересохло. Но донёс простую достаточно мысль о том, что в зависимости от качества руды и заказанного железа будет разный курс обмена. Эти двое чуть не подрались. Причём, сказал бы мне кто, по какой причине — не поверил бы! Митька упирает на сталь для инструментов, а дед — на оружейное производство! Первый мотивирует развитием хозяйства, второй — выгодным курсом обмена мечей да копий на другие товары. Подлили масла в огонь:

— Вы им сейчас оружия понаделаете, а потом вас теми же мечами в пузо тыкать станут.

Митька смотрит победоносно на деда, тот чуть задумался, и развёл руками — всё так.

— Вот потому, Пекка, ты и не князь, — уже Митька

назидательно поднял палец, — о хозяйстве думать надо в первую голову!

— Я потому и отказался — не моё это, — парировал дед, Пекка это его имя.

В ответ на мой удивлённый взгляд, мужики прояснили. Оказалось, что именно Пекка был первым кандидатом на трон после переворота. Но он отказался от власти из-за того, что в кузнице ему милее. Да и безопаснее, скажем прямо.

— Ладно. Тогда вот эту марку стали, вот такое железо, предлагаю вам брать, — я ткнул в один сплав, — его и ковать проще, и обрабатывать. Ну а твёрдость потом закалкой дашь. Не наша, конечно, сталь получиться, но тоже годный образец, технологичный… Говорю, удобное железо, да и чистое.

На том и порешили. Загрузили корзины с образцами, стали собираться в Москву. Из-за ажиотажа вокруг топоров да кос со стороны корелов, идти к саамам у нас было не с чем. Пока мои мужики грузили товар, я перекинулся парой слов с Митькой.

— Остров у вас здоровый есть, меж закатом и полднем если идти. Там что, никто не живёт?

— Ваалаамм? — спросил Митька.

— Валаам? Хм, слышал о таком… раньше. Не знал только, что он тут.

— То место святое, — предостерёг меня князь, — и саамы, и корелы туда только с богами говорить ходят.

— Тогда ладно. А если так, посмотреть только? Можно?

— А чего нет? — пожал плечами Митька, — Тут их боги сильные, требу в чаще положишь да броди, может, подскажут чего.

Мы подошли к «Меркурию».

— Ладно, князь. Давай прощаться. Меня в другой раз не будет на лодке, от меня человек придёт…

— Жаль, хорошо вчера посидели, — огорчился Митька.

— Да дел по горло, а то бы я приехал. Ну да ничего, может, и сам когда сподобишься. Приглашаю в Москву! Да и так… Ты вообще с грамотой как? Письмо словенское знаешь?

Князь кивнул, и вопросительно на меня уставился.

— Боцман! Достаньте «Азбуку» да «Трактат»! — мне после недолгой суеты передали две книги, — На, возьми. Коли читать умеешь — разберёшься. Там про жизнь нашу малость написано, да и о том, что после будет — тоже. Точнее, чего мы хотим после видеть. А там и подумай…

— Цены не малой подарок твой, — промолвил Митька, бережно заворачивая в тряпицы два увесистых тома, — отдарок нужен.

— Хочешь ответить — дороги широкие выруби к сёлам своим дальним, торговля веселее пойдет, — ответил я, — Ну, давай прощаться!

Обнялись, нормальный мужик этот Митька, все бы такие были. А не лезли почём зря в меня железом тыкать. Прощальный гудок ознаменовал наше отплытие, с пирса нам махали Митька и Пекка.

— Зачем ты книги ему дал? — спросил меня Златобор.

— А чтобы он сам о будущем подумал. Почитает, если сможет, сравнит со своими устремлениями да целями, а там может и союз какой заключим. Или под нашу руку пойдёт — как сложиться.

— А там волховство в книгах? — подошла к нам Ханна, — Я такие видела раньше, с юга их везли.

— Да не то чтобы волховство, — задумался я, — однако любое знание писанное так жизнь облегчить или усложнить может, что и не поймёшь — шаманство это или так, черты на пергаменте.

— А на остров зачем идёшь? Не боишься? — спросил Златобор.

— Вот не поверишь — просто красотой полюбоваться. Мощное место, сильное, на знаю даже как передать.

— Правда то, — проворковала Ханна, — была я там, и в роще той. Давно.

— Ну вот и мы сподобимся. Ты как, Ханна, знаешь, что местным богам по вкусу? Чем требы класть?..

Мы втроём углубились в обсуждение пристрастий сил мистических. По сути, никаких особых запретов или конкретного списка для подношений нет. Кому чего не жалко, и насколько помощь нужна, тот так и кладёт. Мы, вроде, просить ни о чём не собирались, но уважить местные традиции — почему нет. Потому, когда мы подплыли к западной стороне острова, где был вход в узкую гавань, продуктов собрали для местных сил уже много — пусть порадуются. Тем более, что половина пантеона почитаемых богов да духов у нас, в Москве, и тут имеют если не полностью одинаковых представителей, то хотя бы вполне себе их аналоги. Ну а нам какая разница, как звать Перуна — Юмала, на местный манер, или Одином, на скандинавский. Чай, если есть кто там, на небе, то и им тоже до звезды на такие бюрократические заморочки. Перун — он и в Африке Перун, как не назови. Лишь бы уважали да не забывали.

«Меркурий» только чуть в гавань углубился, дальше идти в потёмках не стали — вечер на дворе. Собрали припасов, и пешим ходом двинулись с половиной команды в рощу святую. Ханна нас

провела козьими тропами — застали на поляне несколько группок людей. Саамы да корелы те же, о чём-то своём просить пришли. Ну мы требы положили, и обратно, на судно, ушли — с утра продолжим осматриваться. Другие гости нам не мешали, чай, тоже не пиво пить в такую даль забрались, по делу. Ну и мы их трогать не стали.

Три дня провели на Валааме. Остров был большой, красивый, мощный, и очень многогранный. Гранитные скалы, уходящие в небо, сидя на которых так и подмывало броситься в воды холодного Ладожского озера. Вековые чащобы, где ступать хотелось на цыпочках и дышать через раз, чтобы не потревожить лишний раз ни одну ветку, ни один кустик, хранящие мудрость поколений. Поляны, попав на которые хотелось бегать и кричать даже мне, взрослому семейному человеку. Грандиозные открытые рощи, наполненные светом и чистейшим воздухом.

Мы использовали все пластинки для фотоаппарата и просто изучали остров. Редкие люди, что приезжали сюда, не мешали нам. Встретили пару знакомцев, из саамов, что были у Митьки, и из рыбаков. Первые сказали мне, что очень ждут мен, так расписанных корельским князем. Вторые пришли об улове с богами поговорить. Вечерами с ними и сидели на берегу, не решаясь портить красоту острова кострови щами и последствиями пребывания людей. Про себя я твёрдо решил: как разгребусь с делами — привезу сюда Зоряну и Вовку, пусть тоже проникнутся. Да и признание этих мест святыми окрестным населением стало понятно, как и монастырь, возведённый в моё время на Валааме. Очень мощное место, даже покидать его не хотелось.

В спокойном, отличном настроении отправились в Москву. Шли по западному краю озера, но к берегу не подходили, издалека изучали и картографировали. Потом, вечером, на расчётной широте Москвы, свернули на восток — на этом моя роль в торговле пока завершена, мы идём к дому. Дальше взаимодействовать с корелами да саамами будет Златобор, а я переключусь на технику и развитие.

Благодушие от посещения Валаама и общей удачной поездки улетучилось по утру. Когда до Москвы по моим подсчётам оставалось несколько часов ходу, меня разбудил встревоженный Златобор.

— Государь! Сергей! Не так что-то!

— Где? С машиной?

— Нет, с городом…

Сон как рукой сняло, я вскочил на ноги, начал одеваться. Быстро выбрался на палубу, понял, что смущало Златобора. В рассветном воздухе витал едва заметный запах гари. А над

горизонтом по направлению нашего движения виднелась чуть заметная дымка. У меня бешено заколотилось сердце. Вся команда, поднятая по тревоге, начала суетиться, озабоченно глядя в сторону города, где остались их семьи и сограждане. Ханна подошла:

— Что случилось?

— Не знаю, — резко ответил я.

— Дым! Дым над городом! — заорал что есть мочи наш вперёдсмотрящий.

Я сжал ограждение палубы. Попытки самоуспокоиться тем, что есть тысяча причин такому, не увенчалась успехом. Душа была не на месте. Зоряна, Вовка, Буревой, Кукша… Ну чего же так медленно мы идём! Перила под моим напором хрустнули…

Шли уже на всех парах. Я что есть мочи вглядывался в подзорную трубу. Спустя час передо мной открылась страшная картина. Над городом поднимался густой дым. По всему озеру перед стеной — перегородкой будущей гавани — были лодки. Другие, в не меньшем количестве, были вытащены на берег чуть не у самых стен Москвы. Лодки были хищные, узкие, военные… Их было несметное количество. Город был атакован превосходящими силами неведомого противника…

— Государь… — чуть не шёпотом позвал меня Златобор.

— Что, бл…ть!??? — повернулся я.

Внутри кипела ярость и злость. В основном — на себя. Дебил! Дурак! Идиот! До…б! Кретин! Имбецил! Планы на века строил! «Торговлей будем под себя подминать Новгород и окрестности» — передразнивал мой внутренний голос меня. О будущем глубоком думал, с. ка, «Плесень» писал, мать её так! О судьбах России беспокоился! Всё за трамвай в Москве переживал, хватит ли места на дорогах! «От соседей с севера отобьёмся — Новгород нас с юга прикроет!», — продолжал дразниться внутренний голос, — «Рюрика под себя подомнём, и по землям словенский пойдём с торговлей, до естественных границ! Клятвами да договорами будем удерживать бандитов, богами их пугать! А оружие создавать не время — по остаточному принципу обойдёмся. Корабли нам тоже не к спеху. И зачем на пушки на лодках? Лучше ведь пневматикой перестрелять экипаж драккаров да захватить добычу!». Жаба задушила, собака! Всё переживал за прогресс, врагов бить боялся до смерти! Войн вести не хотел, чтобы кровной мести не было! Вместо пушек — масло. Животиной с Новгорода возьмём при торге, хозяйство подымем! Бл. ь! Су…а! П…ц! Вот то масло со зверьём сейчас и доедают захватчики! Семья, друзья, дети, граждане — всех подвёл. Умничал о политике международной, о психологии да

экономических интересах. Силу почувствовал, в расклады местные вступать начал. А вон она та политика, в виде пяти лодок ходких к нам идёт, явно не в город сопроводить с торжественным салютом!

— Государь, — прервал моё самобичевание Златобор, — лодка сигнал шлёт, наша.

— Где? — я резко обернулся.

На самом горизонте мигал огонёк. Короткий-длинный-длинный-короткий… Семафорами сигнальными, подобными тем, что на воздушных шарах в башнях стояли, мы оснастили все наши плавсредства. Судя по ритму огонька, как раз из него нам и маякуют.

— Туда идём. Сигнальщик! Что семафорят?

Молодой парень, юнга, фактически, перепуганный такими событиями, лихорадочно записал что-то в блокноте, закончил, задёргал шторки, послав в ответ «Принял», и бросился ко мне.

«БАРКАС ВЫЗЫВАЕТ МЕРКУРИЙ МОСКВА АТАКОВАНА ТОПЛИВА НЕТ ЮРА».

— Капитан! — из кабины выглянул молодой корабел, ученик Кнута, — Идём к баркасу.

— С этими что делать? — крикнул мне вперёдсмотрящий, указывая на подходящие лодки.

— Оружие к бою! Башни — расчехлить! Не отстанут — гасите на поражение! Златобор! Сколько топлива да дров есть в запасе?

— Мы взяли у корелов двадцать кубометров дерева да десять бочек жидкого получилось, здоровых, — порывшись в записях, выдал мне мытник, руки его тряслись.

Пых! Пых! Пых! Трассера из пулемётов кормовой башни метнулись в сторону преследователей, отгоняя их выстрелами на пределе эффективной дальности оружия. Такие вреда не причинят, но прыти хоть поубавят. Запыхтели и оставшиеся две установки. Лодки отстали, и начали поворот к городу. Моему городу! Суки! Ненавижу!

К обеду мы встретились с баркасом. Тот безвольно стоял, слегка качаясь на волнах. К нам на палубу перепрыгнул взволнованный Юрка.

— Серега! Мы два дня назад вечером с трёхдневного лова шли, далеко пришлось заходить. Подойти не успели — лодки, куча, все вокруг Москвы. А там… Лада…А как же… — заикаясь начал речь Юрка.

— Не мямлить! Стоять! Смирно! Успокойся! Что было, что видел — докладывай, — злоба на самого себя обращалась против моих же людей.

— Ночью дело было. Топлива — на десять километров.

Увидели лодки — отошли за горизонт. Топливо кончилось. Встали, бросили якорь. Увидели утром «Меркурий», — резко ответил мне Юрка, челюсть его ходила ходуном.

— Сколько их? Кто такие?

— Не могу знать! Топлива — х. й, еле уплыли!.. — зло ответил мне парнишка.

— Лодка! С юга! — заорал что есть мочи вперёдсмотрящий, прервав наш диалог.

— Су. а! А мы топлива перегрузить не успели на баркас! Экипаж! К бою! Сколько их? — крикнул я нашему наблюдателю, доставая револьвер.

— Одна! Наша! Из тех, что Рюрику делали.

— Ну суки, если и вы, новгородцы, там, под Москвой сидите, я вас, падлы, сгною! — сквозь зубы пробормотал я, — Химией залью! Поносом кровавым харкать станете! В Аду вам гореть!

— Идёт прямо на нас! — отрапортовал вперёдсмотрящий.

— Капитан! «Меркурия» бортом к лодке ставь, прикроем баркас! — скомандовал я, после поворота продолжил, — Башни! Сколько до линии огня?

— Минута! Две! Одна! Скоро! — послышалось в разнобой от расчётов пулемётов.

— Этих п. ов — живыми брать! Посмотрим, что они запоют! — я взял револьвер в руки, упёр приклад-кобуру в плечо, — По моей команде! Поверх голов и в борт!

Я выжидал момент. Лодка быстро увеличивалась в размерах и действительно была одна. Ещё секунда — и мушка револьвера закрыла полностью носовую фигуру лодьи…

— Огонь!!!

Интерлюдия

Священник стоял на лодке, ветер трепал его длинные волосы и бороду.

— Аргха-а-ха, аргха-а-ха, — то и дело раздавались команды гребцам.

Священник, отец Иоанн, уже не обращал на них внимания, а лишь с удовольствием подставлял летнему солнышку и брызгам лицо.

— Может тоже веслом помашешь, тёмнорясник? — послышался весёлый голос.

— Устал, добрый молодец? — участливо, с лёгкой иронией, поинтересовался отец Иоанн, — Так я за тебя сейчас помолюсь — силы-то и прибавиться.

— Мои-то боги меня силушкой-то не обделили, — со смехом промолвил одетый в кольчугу воин, проворачивая тяжёлое весло, — а твой ещё неизвестно. Может, бормотать по вашему начну да поклоны бить — не до весла будет после твоей молитвы.

— Ну так я тебе докажу, что вера истинная делает. Двигай зад, воин, да крепче держись, чтобы по лбу не отскочило, — священник пристроился на лавку радом с «шутником», и взялся за весло.

Смешки прошли по гребцам, но они были беззлобные. Отца Иоанна здесь, на севере, уважали. В основном, за силу. Верования и проповеди Иоанна мало интересовали северных людей, а вот его боевые навыки да умения вызывали достаточно почтительное отношение. Ибо грек, проживший на свете уже более сорока лет, не родился в рясе, как думали некоторые, а выбрал дорогу служения Вере уже в зрелом достаточно возрасте. И было это далеко на полдень от здешних мест. Ну а прошлое, что привело его в эти края с крестом и проповедями, жизнь до служения… Прошлое. А у кого его нет?

К Богу каждый приходит своим путём, тернист он был у священника. Двадцать лет назад молодой, сильный и умелый воин был надёжной опорой Восточной Римской Империи, христианской вере, и грозой для её врагов. К двадцати годам жизненный путь его был уже практически определён — военная карьера, большой земельный надел, рост в должностях. Однако у Бога, судя по всему, были свои планы. В одной из стычек с арабами отряд будущего священника попал в засаду, и если бы не подоспевшая помощь в виде тяжёлой пехоты, скутатов, молодой катафрактарий так бы и сгинул на поле боя. В той битве уцелело только трое всадников, изрядно раненых и покалеченных. Их

разместили в доме у местного землевладельца. Иоанну в бою досталось больше всего — месяц он провёл на краю жизни и смерти, в тяжёлом бреду, плохо заживали раны.

И в тот момент, когда будущий священник уже прощался с этим светом, ему пришло видение. Богоматерь в ярком свете Солнца пришла в раненому всаднику, яркая, светлая и нежная. Она ласково гладила его по лицу, бормоча что-то доброе на непонятном языке, перевязывала его раны… Именно в этот момент грозный воин уверовал по настоящему. Потом прошёл жар, бред, и образ Богоматери превратился в красивую светловолосую девушку, разговаривающую на странном наречии. Затем прибыли родственники катарфрактия, была дорога к дому, долгие дни восстановления после тяжёлой болезни. Лишь светлый образ девушки, что не могла связать в разговоре с раненым и двух слов, ни на мгновение не покидал воина.

Прибыв через несколько месяцев в дом того землевладельца, он начал искать свою спасительницу. Та оказалась невольницей, и будущий священник собирался выкупить её у хозяина. Иоанн узнал трагическую весть — девушка умерла от болезни. Её сожгли, как было принято по обычаю её племени, ибо она была не крещённой. Тьма окутала сознание воина, ноги сами привели его в храм. Как так, святой образ, который являла его спасительница, был упокоен без отпущения грехов, без упокоения души? Священник в храме, старый и седой, умудрённый опытом, внимательно выслушал Иоанна, и начал говорить. Девушка та была с севера, язычница. Веру свою сохранила в неволе, креста не приняла. Конечно, Бог милостив, не даст погибнуть душе юнной, и Иоанну о том печалиться не след. Постепенно старый священник увёл разговор в нужную ему сторону. И сквозь тьму в сознании своём, Иоанн услышал, что много ещё таких душ невинных, без веры истинной в варварстве погибает, и цель всех добрых христиан — привести души те в лоно истинной церкви.

Когда катарфрактий встал с колен, решение уже было принято — посвятить себя служению. Дальше был монастырь, книги, общение с иерархами. Для молодого, горячего и амбициозного воина появилась цель — привести в лоно церкви хотя бы сородичей той светловолосой девушки. Язык, нравы тех племён, их обычаи стали теперь для священника основой подготовки. Было это давно. Теперь, с высоты прожитых лет, Иоанн понимал, что святые отцы просто направили его боль в нужное русло, вовремя разгадали тонкие струны его души, и использовали их на благо Церкви. Ничего дурного в таком священник не видел, ибо цель его осталась неизменна — спасти как можно больше душ родных той невольницы, приведя их в

истинной Вере, отплатить за доброту и ласку девушки, что выходила Иоанна. Ну а то, что Церковь воспользовалась таким его стремлением себе на пользу… Ну а кто не без греха? На том свете пусть решат, насколько верно было решение иерархов, по делам их осудят.

Через два моря, по рекам, добрался Иоанн до тех мест, откуда привезли светловолосую невольницу. Ходил по лесам и степям, проповедовал, приводил людей в лоно христианской церкви. Местные жители относились по-разному, кто-то гнал с порога, другие — прислушивались. Годы, проведённые среди этих людей, позволили найти ключик в сердцам и умам северян. Миссионер не гнушался, если надо, браться и за соху, чтобы помочь при вспашке, и за копьё, чтобы отбиться от нападающих на деревню, которая его приютила, переломить кусок хлеба с голодным и пировать у местной знати, находить общий язык с волхвами и иудеями. Постепенно он стал тут «своим», отца Иоанна уважали за силу и ум, его спокойное отношение к местным языческим верованиям и нежелание пугать еретиков карами небесными. Ибо твёрдо решил Иоанн ещё там, в Империи, что будет путь его подобен тому, как его самого вытащила с того света — добротой да лаской хотел священник приводить людей северных в лоно Церкви истинной.

Да, много гораздо более активных посланников христианства шло в эти земли. Пламенными речами, яркими образами, угрозами Гиены Огненной приводили они городки да деревни к кресту. Люди к таким тянулись, много разных племён да народов вошло в лоно Церкви их трудами, гордо шествовали они из посёлка в посёлок, неся знамя Христа над собой… И погибали в расцвете сил под мечами дружинников и князей, таких сжигали науськанные местными волхвами варвары, топили в реках да озёрах в качестве жертв местным идолам — несмотря на полное отсутствие цивилизации, по меркам Империи, властителям местным хватало ума понять, что несёт им истинная Вера, как выбивает она одну из опор под их тронами, лишает влияния. Многих ярких, талантливых и умных проповедников, с которыми встречался Иоанн, уже нет в живых. Подобно свече, что горит ярко, но мало, сгорали быстро и они, неся истинную Веру варварам. А Иоанн — остался, и дожил до преклонных, по местным меркам, лет.

В веру истинную, правда, переходили от его проповедей люди реже. Воспринимали Иоана скорее как ещё одного волхва очередного бога, коих тут было много. Но священник не торопился, и дело своё не бросал, снова и снова отправляясь в уже известные ему города и села, или новыми путями, по рекам с

торговцами и воинами, по степям с кочевниками и купеческими караванами, да и ногами вдоволь походить пришлось. Каждого же, кого он лично крестил, Иоанн помнил, ибо словно ювелир обтачивает камень, являя на свет невиданную красоту, столь же долго и упорно священник направлял на путь истинный каждого. Небольшие общины христиан в крупных городах и деревнях были для него связью с домом и ниточкой к Матери-Церкви. Но жизнь священника при храме не привлекала Иоанна, и он, проведя какое-то время среди своих единоверцев, опять уходил проповедовать. Церковные отцы его в том поддерживали — мало, слишком мало ещё людей в этих местах, которые пришли в лоно истинной Веры, и каждый новый христианин на севере был на вес золота.

Под монотонные взмахи весёл, в голове у священника пронеслись события давно минувших лет. Постепенно, тело привыкала к тяжёлой работе, и мысли переключились на более близкие времена. На этой лодке Иоанн очутился практически случайно. Уже который месяц обхаживал он нового князя Новгорода с целью получить место в городе для возведения храма и разрешение на это. Местная христианская община была мала, и молилась в основном дома, и в принципе, этого хватало. Но Иоанн готов был и дальше мозолить глаза властителю Новгородскому, раз за разом пытаясь уговорить того на постройку. Зная какой эффект оказывают величественные каменные соборы на неокрепшие души варваров там, в Новом Риме, что иногда называли Константинополем, Иоанн надеялся расширить паству на севере, привлекая людей красотой монументального храма. Получалось это плохо — Рюрик разрешения не давал и на встречу не шёл. В конце концов, во время очередного посещения князя, Иоанн нарвался на откровенное раздражение. Мол, надо тебе храм христианский — езжай в Москву, там уже стоит, а больше от дел не отвлекай.

Услышав такое, проповедник стал собирать сведения. Много вещей удивительный рассказали ему о Москве. И про посольство, что упокоило местного знатного и уважаемого торговца, а потом малой силой умудрилось отбиться от его дружины. И про лодки странные, на которых ходят по озеру жители того города, будто бы без вёсел они, но быстрые, как птицы. И про зеркала удивительные поведали проповеднику. Иоанн закусил удила — коли уж появилась сила новая среди язычников северных, надо разобраться, от Бога ли она, или от Лукавого. К чему идут люди те? Каким богам требы кладут? Чем дышат и кому молятся?

Постепенно картина начала чуть проясняться. Да, живут на севере люди мастеровитые, рукастые, что железом пашут да

лодки двигают. Боги у них местные, но на свой лад, в Новгороде по-другому молятся. Чужих волхвов к себе не зовут, и своих не посылают. И да, христиане есть там, о том Добролюб, купец со Свири, сказывал. Как, впрочем, и о том, что молятся люди те идолам железным, и о том, что синагога иудейская аккурат рядом с храмом стоит. Сам с купцом тем Иоанн не встречался, от других услышал. Однако, вскоре проповедника нашёл другой купец, дочь которого жила в той самой Москве. И попросил он, ни много ни мало, Библию! Книги рукописные, цены немалой, готова была Москва купить. Или взять на время за плату, чтобы переписать. Это стало последней каплей — Иоанн захотел воочию увидеть новый город и его жителей, понять, к истинной ли вере идут те люди или Дьяволу поклоняются.

Проповедник начал живо интересоваться поездкой в Москву. Мотивировать своё желание он хотел необходимостью доставки нужной книги. Ну а кому, как не священнику её вести? Библию удалось взять у местной христианской общины, и с ней уже Иоанн направился к купцу, что попросил найти книги, Ратибору. Тот брать священника с собой не хотел. И тут внезапно у Иоанна нашёлся союзник — местный языческий жрец. Как оказалось, волхвы тоже активно искали выход на новый город, собирали данные, и деятельность Иоанна не прошла незаметно. А местный жрец был дружен с христианским священником, ибо часто они устраивали споры на темы Веры, оттачивали ораторские навыки. Несмотря на то, что два служителя относились к враждующим, по сути, церквям, личные отношения у них установились ровные, добрые — Иоанн не позволял себе поносил волхва и его идолов, тот спокойно воспринимал попытки проповедника крестить новгородцев. Взаимное уважение было основой такого взаимодействия, оба старых, по местным меркам, служителя, были мудры, и понимали, что вскорости смогут лично убедиться в правоте или ошибочности своих воззрений. Волхв — на погребальном костре, Иоанн — в сырой земле.

Уже вдвоём они пошли к Ратибору. Под совместным давлением купец сдался, и повёл двух абсолютно разных по вере, но чем-то неуловимо похожих людей, в дом. Уже в тереме купец сумел добавить в копилку странностей, касающихся Москвы, свою лепту. Он открыл здоровенную книгу с надписью на обложке, сделанной на языке, что начертаниями напоминал греческий. Иоанн смог разобрать только буквы «А…УКА», что не складывались в какое-то значимое слово. Волхв же совсем не обратил внимание на книгу, ибо весь был поглощён созерцанием картины на стене. Под дорогим прозрачным стеклом стояла на диво чётко и детально изображённая в черно-белом цвете семья

— девица с ребёнком на руках и воин. Пока гости ждали хозяина, тот успел завершить свои дела. Ратибор передал Иоанну письмо, написанное всё тем же странным языком, причём на каком-то хитром пергаменте. Оказалось, местные торговцы уже давно периодически используют вместо бересты такой материал, и возят его опять же — из Москвы.

Вот с письмом Ратибора, книгами и представителем волхва — сам волхв идти не стал — Иоанн и отправился в Москву. Шли водой, вёл лодку Хельг, дружинник Рюрика. Само судно опять удивило проповедника. Хоть и напоминало оно здешние, но при более внимательном осмотре, была заметна разница. Ещё две лодки, присоединившиеся к их судну, озадачили Иоанна окончательно, все они были одинаковыми. Не просто похожими, а именно одинаковыми. Разве что носовая фигура на каждой была своя. Так делали в Империи, но тут, на севере? Священник не постеснялся спросить Хельга, где он взял суда. И опять всплыло название нового города. Кто же там поселился, думал проповедник? Неужто и сюда Римская империя добралась? Две лодки, что присоединились позднее, остались на Ладожском торге, а судно Хельга уносило обуреваемого думами священника на север.

Из таких мыслей обратно в реальность его вернул разговор Хельга с дружинником. Эти двое негромко совещались на носу:

— В Москву придём — надо будет про новые лодки говорить. Ещё две дружины с захода пришли, к нам хотят, — говорил дружинник.

— С торговлей московской сложно. Сергея надо спросить о том, как платить станем. Животину Добролюб уже чуть не всю поставил, хорошо заработал на разнице. А что дальше — непонятно, — отвечал ему Хельг, — О! Гляди! Лодка! Две мачты — это московская, они на такой по озеру торгуют. Правь туда! Да поднажмите там! А то упустим, они быстрые…

Последняя фраза относилась к рулевому, тот чуть поменял курс судна.

— А нам туда зачем? — поинтересовался дружинник, — Может, в город сразу.

— Государь их торгует сейчас, он там, скорее всего. Вот вместе и пойдём. Непонятно только, что они тут забыли, — ответил Хельг.

— Да и тихо как-то тут. Обычно корелы снуют, а в этот раз от Волхова, почитай, никого и не встретили, — добавил дружинник.

— Точно, — более обеспокоенным голосом сказал Хельг, — На вёслах! Давай изо всех сил! У Государя узнаем, что происходит…

Государь? Сергей? Иоанн уже окончательно смирился с тем, что с Москвой ничего не ясно. Слова-то греческие да латинские, а откуда им тут быть? Или может Папские христиане добрались? Мысль об этом вызвала в душе священника противоречивые чувства. Однако долго переживать Иоанну не пришлось. За кормой раздалось зычное:

— Огонь!!! — и над головой полетели маленькие язычки пламени.

— Вёсла втянуть! Кто жить хочет — пусть оружие бросает да ложится! — повторил голос, и новая порция светлячков, на этот раз сопровождаемая грохотом и ударами по корпусу, полетела над головами.

Хельг, не создававший впечатления труса, отреагировал странно:

— Всем вёсла втянуть! Оружие на дно! Лечь! Лечь, я сказал! — раздался его крайне обеспокоенный голос.

Команда подчинилась непривычному требованию командира, а тот начал истошно орать:

— Новгород идёт! Олег! К Государю московскому и российскому!

— Олег? — вновь разнёсся над водой незнакомый раздражённый голос, — Сидите тихо, не шевелитесь! В случае чего — стреляю на поражение!

— Замрите! Все — замрите! — скомандовал Хельг и дружинники, а с ними и Иоанн, буквально перестали дышать, уж больно напуганным был грозный голова Ладожского торга.

Через некоторое время Иоанн понял, почему. С левого борта показалась высокая лодка с двумя мачтами. На борту её в чувствовавшемся даже издалека напряжении замерли непривычно одетые люди с какими-то непонятными не то копьями, не то луками в руках.

— Олег! Какого х. а тут происходит!? Живо! Отвечай! Кто на Москву напал!? — опять спросил голос, — Новгород тут каким боком!? Чего молчишь!? Сейчас всех положу — сам знаешь!

— Сергей!? Ты!? — завопил Хельг, — Что с городом? Мы серебро везли, монеты делать. Про нападение не знаем!

— Так! — через некоторое время продолжил голос, — Всем воинам лежать смирно! Олег! Ко мне!

Иоанн встрепенулся — он-то не дружинник, может, его команда не касалась, удастся с Государем тем потолковать. Всё происходящее проповеднику активно не нравилось. Так можно и цели своей не достичь. А ну как убьют всех? В подтверждение этих мыслей раздался грохот, и что-то с большой силой вонзилось в мачту.

— Я! Сказал! Всем! Лежать! Что это за хрен там шевелиться! — крикнул голос.

— То священник! Из Ромейских земель! С книгой! — выдал Хельг.

— Встань! — скомандовал голос, — Да-да, ты, в рясе который! К тебе обращаюсь! Книга где? Бери её и ко мне с Олегом!

Иоанн быстро поднялся на ноги и схватил сундук с драгоценным писанием. С большой лодки, прямо на их палубу, сбросили деревянную дорожку, по которой он с Хельгом пошёл под внимательными взглядами встреченных бойцов. Спрыгнули на двухмачтовое судно — их тут же окружили люди со незнакомыми поделками в руках. То, что это оружие, Иоанн уже догадался, чутьё не подвело. Да и Хельг, которого голос называл Олегом, тоже озабоченно пялился на стальные трубки. Не так себе представлял поездку проповедник, совсем нет так…

— Государь!.. — начал было Хельг.

— Заткнись, — грозным голосом приказал здоровым, высокий мужик с тёмными достаточно волосами, затронутыми сединой, — Кто напал на Москву? Кто город жжёт!? Как они мимо вас прошли!!?

— Неведомо том, хоть убей, — опустил руки Хельг, — сами княжеской волей сюда пришли.

— У города моего лодки. Сотни! Горит Москва, — с болью в голосе произнёс мужик, — Если узнаю, что Новгород в том замешан — утоплю к чертям собачим!

— Нет тут вины Рюрика, Сергей, то моё слово. Хочешь — на крови поклянусь, — вскинулся Хельг.

Тот, кого он назвал Государем опустил оружие.

— Кто тогда пришёл? Кого мне в землю прикапывать?

— Посмотреть на лодки пришлые надо, — сказал Хельг.

— Да они все у вас тут на одно лицо! — в сердцах махнул рукой его собеседник.

— Нет, — с упорством произнёс Хельг, — я отличу.

— Тогда оружие соберите с вашей лодки, на баркас его определим. И пару людей дай — дрова перебросить надо. Ежели чего недоброе замыслите, ты нас знаешь, ни один не уйдёт.

Хельг кивнул, и начал отдавать команды. Иоанна всё также охраняла пара человек. Дружинников новгородских разоружили, мечи да копья свалили на палубу другого судна, что было рядом с напавшей на Хельга лодкой. Оно было шире, больше, длиннее, и не имело ни вёсел, ни паруса.

— Ты! — из созерцания этой картины священника вывел толчок в плечо, он обернулся.

Человек, которого Хельг называл государем и Сергеем, смотрел проповеднику прямо в глаза. На лице у него была написана ярость и боль.

— Чего привёз? Почему через наших купцов не прислал? Доверенных?

— Книга тут, Библия, как ты просил. И от Ратибора свиток, — протянул священник сундучок.

Государь раскрыл его, поглядел внутрь, и закрыл со словами:

— Время такое, не до тебя сейчас. Иди обратно в Новгород.

— Я тут останусь, — упрямо повторил Иоанн, не собираясь упускать возможность разведать больше данных о новом городе и странных людях.

— Убьют — то твоё дело. Сам рыпнешься — на голову укорочу. Иди вон туда, там стоять станешь, некогда мне разбираться. Хельг! Готово?

— Да!

— Капитан! Давай к городу! Посмотрим, чего наш Олег скажет.

После этой команды что-то загудело под палубой, и лодка двинулась. Сначала тихо, но потом всё быстрее и быстрее. Иоанну стало страшно. Дым, выходящий из трубы, вызывал ассоциации с преисподней. Вскоре скрылись из виду оставленные лодку, в воздухе запахло гарью.

— Вон, глянь, что с городом, с. ки, сделали! — сорвавшимся голосом произнёс государь, и ткнул пальцем на восход.

Там был берег, стена деревянная на нём, каменные башни по бокам и куча лодок. Они стояли на земле или плавали по озеру. Над всем этим поднимался дым.

— У вас для зрения острого есть трубка такая, дай мне, — попросил Сергея Олег.

Тот молча протянул ему длинный цилиндр. Хельг стал в него смотреть, описывая увиденное:

— Вон те, возле башен, это викинги, мурманы. На правом берегу разные, и даны есть. Ещё от полуденного берега моря Варяжского пришли. Свеи есть. Много. Вон те мелкие, наверно, здешние, от корелов или саамов.

— Ваших нет, говоришь? — промолвил Сергей, — Как такая толпа через Неву да владения Новгородские прошла?

— Если ночью мимо Волхова проскочили, то мы могли и не заметить. Из Гребцов, кстати, тоже людей давно не было. Когда напали?

— Дней пять назад, по прикидкам.

— Знать, сначала чуть на полночь собрались после Невы, и сюда рванули, напрямик или вдоль берега. Если шли, себя не

жалея, то могли быстро добраться. Но это всё — с захода люди, не наши.

— Б..ть! Ну что за хрень! — Государь со всей силы ударил по ограждению, — Что им, уродам, не сиделось спокой…

— Сигнал! Из Москвы! — истошно заорал человек, что сидел на верхушке мачты, к нему бросился молодой паренёк.

— Длинный, короткий, короткий, длинный… — сигнальщик стал выдавать какую-то непонятную не то молитву, не то приговорку.

Паренёк достал книгу (!), и начал быстро в неё записывать что-то. Потом чуть просветлел лицом, и бросился к Государю. Тот прочёл текст, чуть улыбнулся, глаза здорового мужика чуть повлажнели.

— Семафор на мачту крепите! Да поживее! — крикнул он своим людям, и повернулся в сторону дымящегося города, посмотрел с надеждой, и обратил, наконец-то внимание на Иоанна, — Как зовут?

— Иоанн.

— Отца как звали?

— Василий, — напрягся проповедник.

— Придётся тебе, чувствую я, Иван Васильевич, менять профессию, — сказал непонятное Государь, и ушёл к своим людям.

А Иоанн набрался смелости, и, бочком-бочком, приблизился к парню, что писал в книге. На листке, что так поменял настроение государя, была надпись на том же, похожем на греческий, языке. Долго всматривался в текст Иоанн. Наконец, где-то в глубине разума, буквы греческие удивительным образом сложились в слова словенские:

«ГОСУДАРЮ МОСКВА В ОСАДЕ ОТБИВАЕМСЯ»

Конец третьей книги